

МарГТУ

Марийский государственный технический университет

Министерство образования и науки Российской Федерации
Марийский государственный технический университет
Научно-культурный центр – Дом учёных г. Йошкар-Олы
Институт философии Российской академии наук
Институт социологии Российской академии наук
Российская социологическая ассоциация (РОСА)
Факультет социальных технологий МарГТУ

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Йошкар-Ола
МарГТУ
2011

УДК 316.42

ББК 60.56

Р 76

Составитель и научный редактор

доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий Марийского государственного технического университета, председатель Научно-культурного центра – Дома ученых г. Йошкар-Олы, заслуженный деятель науки Республики Марий Эл **В.П. Шалаев**

Редакционная коллегия

доктор философских наук, проф. В.И. Аршинов (ИФ РАН, Москва)
доктор философских наук, профессор Е.И. Степанов (ИС РАН, Москва)
доктор философских наук, профессор В.П. Шалаев (МарГТУ, Йошкар-Ола)

Печатается по решению

Оргкомитета Вавиловских чтений,
секции философских проблем междисциплинарных исследований
Института философии Российской академии наук,
Центра конфликтологии Института социологии Российской академии наук

Россия в глобальном мире: вызовы и перспективы развития:
Р 76 **синергетический аспект:** сборник научных трудов / под общей редакцией доктора философских наук, профессора В.П. Шалаева. – Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет, 2011. – 400 с.
ISBN 978-5-8158-0874-4

В статьях сборника научных трудов рассмотрены синергетические и общенаучные аспекты актуальных проблем развития современной социально-гуманитарной научной теории и практики в пространстве глобализации и глобалистики. Главное внимание уделено проблеме метаморфоз, потенциалов и перспектив России в глобальном мире.

Сборник рекомендуется преподавателям, аспирантам и студентам, исследователям широкого круга проблем современного общества, в призме актуального научного знания и практики.

УДК 316.42

ББК 60.56

ISBN 978-5-8158-0874-4

© Марийский государственный
технический университет, 2011

© Научно-культурный центр -
Дом ученых г. Йошкар-Олы, 2011

*Ministry of education and science of the Russian Federation
Mari state technical university
Scientific-cultural center – House of scientists of Yoshkar-Ola
Institute of philosophy at the Russian Academy of sciences
Institute of sociology at the Russian Academy of sciences
Russian sociological association (ROSA)
Faculty of social technologies MarSTU*

SOCIAL SYNERGETICS AND MODERN SCIENCE

GLOBALIZATION. GLOBALISTICS. POTENTIALS AND PERSPECTIVES OF RUSSIA IN A GLOBAL WORLD

Collection of scientific articles

Yoshkar-Ola
Mari state technical university
2011

Author and scientific editor

Doctor of philosophy, professor, dean of the faculty of social technologies of Mari state technical university, president SCC – House of scientists of Yoshkar-Ola, honoured science worker of Mari El Republic V.P. Shalaev..

Editorial board:

Doctor of philosophy, professor V.I. Arshinov (IF RAS, Moscow)

Doctor of philosophy, professor E.I. Stepanov (IS RAS, Moscow)

Doctor of philosophy, professor V.P. Shalaev (MarSTU, Yoshkar-Ola)

Published in by decision of

Organizing committee of Vavilov readings,
section of interdisciplinary issues of scientific knowledge at Institute of philosophy RAS, Center of conflictology at the Institute of sociology of RAS.

Social synergetics and modern science: Globalization. Globalistics. Potentials and perspectives of Russia in a global world: Collection of scientific articles / edited by professor V.P. Shalaev. – Yoshkar-Ola: Mari state technical university, 2011. – 400 p.
ISBN 978-5-8158-0874-4

In the collection of scientific articles the following issues are viewed: synergetical and all-science aspects of urgent problems of a development of the modern social-humanitarian scientific theory and practice in the field of globalization and globalistics. Main attention is given to the issues of metamorphoses, potentials and perspectives of Russia in a global world. Authors of the articles are the well-known scientists of Yoshkar-Ola, Moscow, Nizhny Novgorod, Saint-Petersburg, Kazan, Nizhnevartovsk as well as the USA. The collection is a result of the Ninth specialized synergetical seminar took place in Yoshkar-Ola on November 28-29th 2011 as a part of Thirteenth Vavilov's readings and on the basis of the best reports presented at the readings.

Collection is recommended to the lecturers, teachers, post-graduate students, students, researchers of different issues of a modern society in the light of the modern scientific knowledge and practice.

ISBN 978-5-8158-0874-4

© Mari state technical university, 2011

© Scientific-cultural center –

House of scientists of Yoshkar-Ola, 2011

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ «РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ» (по итогам Четырнадцатых Вавиловских Чтений)

2-4 декабря 2010 г. состоялись Четырнадцатые Вавиловские чтения, Всероссийская междисциплинарная научная конференция с международным участием. Чтения прошли по теме «Россия в глобальном мире: вызовы и перспективы развития». О своем участии в чтениях заявили более 600 ученых, исследователей и практиков. Четырнадцатые Вавиловские чтения состоялись на базе Марийского государственного технического университета, по инициативе и при основном организационном участии факультета социальных технологий МарГТУ. Основные доклады и сообщения состоялись в рамках 18 научных секций, проблемного круглого стола «Вызовы современности и национальная безопасность России в глобальном мире». В рамках чтений состоялся традиционный Всероссийский научный семинар по социальной синергетике, также посвященный исследованию проблем национальной безопасности России в условиях глобального мира. Семинар по социальной синергетике состоялся по теме *«Россия в глобальном мире: вызовы и перспективы развития: синергетический аспект»*.

Чтения приветствовали Председатель Государственного собрания Республики Марий Эл, профессор Ю.А. Минаков, от ректората МарГТУ – проректор по научной и инновационной деятельности МарГТУ, профессор В.А. Иванов.

Сейчас можно констатировать, что все основные содержательные элементы чтений выдержаны полностью. Состоялось 18 научных секций и пленарное заседание, на котором выступили известные ученые России. Пленарная часть чтений была представлена следующими докладами:

1. Шалаев В.П., профессор, доктор философских наук, декан факультета социальных технологий, председатель Дома ученых г. Йошкар-Олы, научный руководитель чтений. **Университеты как геополитический фактор мировых общественных процессов в эпоху глобализации.**

2. Наводнов В.Г., доктор технических наук, профессор, зав. каф. прикладной математики МарГТУ (Йошкар-Ола). **Новое в технологии оценки качества образования в России и мире.**

3. Дахин А.В., доктор философских наук, профессор, председатель философского общества Нижегородской области (Нижний Новгород). **Организационные поля и межличностные сети в системе российской власти: концепты и проекция в пост-2012 период.**

4. Грунин Ю.Б., доктор химических наук, профессор, зав. каф. физики МарГТУ (Йошкар-Ола). **Современные проблемы фундаментального образования и науки.**

5. Курашов В.А., доктор философских наук, профессор, зав. каф. философии КГТУ (Казань). **Философия и наука в контексте новейшей истории человечества.**

6. Полищук Р.Ф., доктор физико-математических наук, профессор ФИАН (Москва). **Принцип экстремума действия в российской и мировой истории.**

7. Старыгина Н.Н., доктор филологических наук, профессор, МарГТУ (Йошкар-Ола). **Богатырская симфония русских писателей.**

8. Ильин В.И., доктор социологических наук, профессор СПбГУ (Санкт-Петербург). **Противоречия рациональности в обществе потребления.**

9. Бурнашев К.Э., кандидат философских наук, доцент каф. СНИТ МарГТУ (Йошкар-Ола). **Феномен стандартизации человека в проблемном поле социально-философского знания.**

Весьма показательна статистика чтений, характеризующая их как широкую Всероссийскую научную конференцию с международным участием.

Общая статистика участников:

1. Участниками чтений, кроме России, стали представители 12 зарубежных стран - Германии, Великобритании, Турции, Словакии, Египта, Болгарии, Индии, США, Саудовской Аравии, Беларуси, Казахстана, Таджикистана.

2. Участниками чтений стали представители 52 городов. Наиболее крупными оказались делегации из Йошкар-Олы, Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Н.Новгорода, Самары, Твери и др. городов России.

3. Всего участниками чтений стали представители 44 отечественных и зарубежных университетов и научных центров.

4. Участниками чтений стали 287 преподавателей, исследователей, 318 студентов и магистров, 58 аспирантов и др.

Статистика участников по секциям:

- Современное философское знание – 52.
- Социология: социальные институты и управление – 54.
- Социальное планирование и социальная работа – 31.
- Социальная педагогика и социально-педагогическая реабилитация – 30.
- Социальная психология – 26.
- Актуальные вопросы образования – 23.
- Лингвистика и филология – 9.
- Территория права в современной России и мире – 43.
- Туризм и гостеприимство в современной России и мире – 25.
- Реклама и PR в современном мире – 9.
- Исторические и культурные процессы в современном российском обществе и мире – 12.
- Финансы и анализ – 42.
- Экономическая теория и управление – 43.

- Биология, лесное хозяйство и экология – 4.
- Строительное дело в современном обществе – 34.
- Механика и инженерное дело – 39.
- Радиотехника и IT – 22.
- У.М.Н.И.К.:
 машиностроение, электроника, приборостроение – 50
 биотехнология – 20
 информационные технологии – 6
 химия, новые материалы, химические технологии – 9

Вавиловские чтения вновь продемонстрировали свою востребованность как широкая междисциплинарная научная конференция с международным участием, ориентированная на реализацию миссии широкого междисциплинарного диалога и общения представителей различных отраслей и направлений научного знания региональной и центральной науки по наиболее актуальным проблемам жизнедеятельности российского общества в современном мире.

Подтвердила свою актуальность и значимость проводимая в структуре конференции Всероссийская молодежная конференция. Диалог зрелых исследователей с подрастающим научно и творчески ориентированным поколением подтвердил свою жизнеспособность и привлекательность для обеих сторон. По ее итогам лучшие студенческие доклады были награждены дипломами трех степеней.

В структуре конференции третий год подряд работала секция УМНИК. В рамках чтений лучшие студенческие доклады и представленные материалы были поощрены дипломами. Всего на чтениях по результатам работы секций, участниками которых стали студенты и аспиранты, было вручено более 60 поощрительных дипломов. С подробной программой Вавиловских чтений и их статистикой можно познакомиться на официальном сайте МарГТУ.

Весьма заметным явлением чтений, уже традиционным, стали мастер-классы профессора В.И. Ильина (СПбГУ, Санкт-Петербург) и профессора Р.Ф.Полищука (ФИАН, Москва).

В целом чтения стали хорошей возможностью провести обмен мнениями и научными идеями в области проблем и перспектив развития России в глобальном мире. Состоялись позитивные диалоги развивающего характера между представителями различных отраслей и направлений и, что самое главное, различных поколений современного научного знания и практики.

Участники Вавиловских чтений констатировали, что чтения являются одной из самых популярных и долгоживущих всероссийских междисциплинарных научных конференций, с международным участием, в региональной части России, ставшей своеобразным научным лицом Республики Марий Эл и России, проходящей с неизменным успехом и

качеством организации обмена идеями и обсуждения значимых проблем и путей устойчивого развития российского общества.

Главная идея чтений – исследование актуальных проблем общественного развития России в условиях вызовов современности. С этим связано также приглашение видных ученых и исследователей России и зарубежа в Республику Марий Эл, в ходе которых осуществляется «сверка часов» развития науки, взаимное обогащение и через него – выход на общественно значимые исследования и их внедрение в практику. Широкий спектр важнейших проблем, поднимаемых чтениями для осмысления научной общественностью. Это, прежде всего, проблемы глобализации, национальной безопасности, мировоззрения, потенциалов России, национальных проектов, глобальных вызовов современности, судеб России в глобальном мире и др. Все это характеризует их в качестве своеобразного постоянно действующего российского интеллектуального центра осмысления значимых проблем актуального состояния, перспектив и путей развития современного российского общества. На этом стоим.

От лица оргкомитета чтений слова благодарности хотелось бы высказать в адрес всех их участников, а также инициативной группы чтений, представленной преподавателями и студентами факультета социальных технологий МарГТУ, а еще в адрес ректората МарГТУ, Государственного собрания Республики Марий Эл, чья помощь стали основой успешной реализации поставленных целей и задач всероссийского научного форума.

В ноябре – декабре 2011 года соберут свой широкий интеллектуальный круг юбилейные, Пятнадцатые Вавиловские чтения. Генерально тема, выстраданная историей чтений, останется прежней и будет связана с судьбами, проблемами и перспективами развития России в глобальном мире, прежде всего с точки зрения ее инновационных потенциалов. Планируется, что Пятнадцатые Вавиловские чтения пройдут в международном формате. В добрый путь, российский форум!

Научный руководитель чтений,
доктор философских наук, профессор,
декан факультета социальных технологий
Марийского государственного технического университета,
Заслуженный деятель науки Республики Марий Эл
В.П. Шалаев

Тел. оргкомитета (8-8362)-686035, 686800
E-mail: Snit@marstu.net

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОБРАНИЯ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ ПРОФЕССОРА Ю. А. МИНАКОВА

Уважаемые организаторы, участники и гости XIV Всероссийских Вавиловских чтений!

Государственное Собрание Республики Марий Эл поздравляет Вас с открытием Четырнадцатых Вавиловских чтений в столице нашей республики – городе Йошкар-Оле, на древней гостеприимной марийской земле.

Научные чтения связаны с именем знаменитого отечественного ученого физика Сергея Ивановича Вавилова, президента Академии наук СССР, руководителя Государственного оптического института, располагавшегося в годы Великой Отечественной войны в Марийской АССР, в здании Марийского государственного технического университета, тогда Поволжской лесотехнической школы.

Чрезвычайно актуальна тема XIV Вавиловских чтений: «Россия в глобальном мире: вызовы и перспективы развития», которая предполагает интересные дискуссии, обмен научным и практическим опытом, взаимную открытость, позволяющую интенсифицировать развитие научной мысли. Все это, в свою очередь, будет способствовать дальнейшему всестороннему развитию гражданского общества, укреплению научно-технической и экономической мощи России.

Представительная научная конференция в очередной раз собрала увлеченный междисциплинарный круг ученых России и зарубежных стран в Марийском государственном техническом университете – одним из крупнейших учебно-научных центров Поволжья, известном своей инновационной деятельностью, внедрением интенсивных технологий, а также техническими и гуманитарными традициями.

Приятно отметить, что география участников Вавиловских чтений с каждым годом расширяется, и сегодня гостями нашей республики стали свыше 400 ученых, исследователей, студентов, представляющих такие государства, как США, Великобритания, Турция, Египет, Словакия, крупные научные центры России Москву и Санкт-Петербург, Чебоксары и Нижний Новгород, Казань и Саранск, Уфу и Саратов, Тверь и Ижевск, а также многие другие города нашей необъятной страны.

Государственное Собрание Республики Марий Эл приветствует Вас, уважаемые участники и гости Вавиловских чтений, выражает Вам искреннюю признательность и благодарность за активную научную деятельность, научную новизну исследовательской работы, постоянный творческий поиск, разработку и внедрение достижений науки, имеющих практическую значимость в России и за рубежом, создание интенсивных надежных технологий, желает плодотворной работы на этих престижных Вавиловских чтениях.

Крепкого Вам здоровья, счастья, дальнейших успехов и удачи в науке и производственной деятельности!

С искренним уважением,
Председатель Государственного Собрания Республики Марий Эл,
доктор технических наук, профессор **Ю. А. Минаков**

г. Йошкар-Ола, 2 декабря 2010 года

ЧАСТЬ 1. АКТУАЛЬНАЯ СИНЕРГЕТИКА

*Бабосов Е.М.,
БАН, Минск*

СОЗДАНИЕ НОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ МИРОУСТРОЙСТВА НА ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*Babosov E.M.,
The Belarus academy of sciences, Minsk*

CREATION OF NEW ARCHITECTURE OF A PEACE ARRANGEMENT ON WAYS OF OVERCOMING OF GLOBAL CRISIS

Abstract. In article the problem of metamorphoses and ways of the further development of the world community after a world economic crisis of the beginning of 21 centuries is investigated. The author proves necessity of creation of the concept of radical transformation of world economic and political systems, investigates possibility of creation of new architecture of a peace arrangement which would create possibilities of the global integration which is not accompanied by destructive global crises. Necessity of working out of essentially new theoretical model global sinergeticheskoy integration, with many centres of development is proved. In this model the attention is focused not on vertical or centripetal, and on diverse horizontal interrelations between the countries and continents.

Завершающее свой стремительный бег первое десятилетие XXI века внесло в мировое социально-экономическое и политическое развитие, предопределяемое глобализацией, несколько новых тенденций. Самая примечательная из них состоит в нарастающей нелинейности, многовариантности и непредсказуемости глобальных, региональных и страновых процессов. Эта тенденция резко интенсифицировалась, стала более масштабной и разрушительной под воздействием мирового финансово-экономического кризиса, начавшегося в августе 2008 года и превратившегося к настоящему времени в глобальный системный кризис, охватывающий фактически все стороны жизнедеятельности в большинстве стран мирового сообщества. Скажите, пожалуйста, кто мог два года назад предсказать, что во второй половине 2008 года лопнут ведущие банки ведущей экономики мира – США, что гигантские и могуществен-

ные автомобильные корпорации этой страны – Дженерал моторс, Форд, Крайслер окажутся на грани банкротства, что в 2010 году резко возрастут масштабы безработицы в странах Западной Европы, Греция скатится в пучину глубочайшего кризиса, а в Испании, в частности, в тисках безработицы окажется 20 % экономически активного населения, практически каждый пятый из стремящихся работать испанцев.

Такие казавшиеся невероятными и невозможными события стали не только возможными, но и неизбежными, повернув в новую плоскость вековую философскую проблему соотношения необходимости, причинности и случайности. Это – в сфере глубинных философско-теоретических экспликаций. А в сфере социально-экономических и политических реалий названная тенденция имеет два чрезвычайно важных, амбивалентных, а для развития суверенных государств – судьбоносных проявления.

Первое из них заключается в том, вступление мирового сообщества государств во второе десятилетие XXI века, судя по проявившимся в процессе развертывания глобального кризиса планетарным тенденциям, будет сопровождаться угасанием и завершением господствующей в современном мире эпохи разобщенности. Окончание холодной войны и развал Советского Союза не привели, как рассчитывали многие аналитики и политические лидеры, к консолидации и интеграции соперничающих акторов мировой экономической и политической системы. В последние годы мировая разобщенность несколько ослабла, но не перестала существовать, свидетельством чему стали проходящие в конце XX – начале XXI веков многообразные войны – дипломатические, торговые, энергетические, продовольственные, психологические, информационные, региональные, локальные... В вооруженных конфликтах, происходящих на протяжении 90-х годов XX века в различных регионах земного шара, погибло около девяти миллионов человек. Конечно, не все войны оборачиваются гибелью людей, но все без исключения губят человеческую солидарность, обостряют и углубляют межличностную, межгрупповую, межстрановую разобщенность. Поэтому вполне обоснованным представляется утверждение ведущего американского социолога, создателя теории постиндустриального общества Даниела Белла о том, что «в наши дни все кажется раздробленным и разобщенным». Поэтому он и называет «наше время «эпохой разобщенности» [3, 20, 215].

В соответствии с господствующим в умах многих западных интеллектуалов и политиков представлением о разобщенности современного мира разработана и реализуется утвержденная в сентябре 2002 года Стратегия национальной безопасности США. В этом документе подчеркивается

существенно важная роль «могущества вооруженных сил Соединенных Штатов, которому нет равных» [6, 35] отмечается необходимость присутствия американских сил за рубежом – для чего потребуются базы и места дислокации в Западной Европе и Северо-Восточной Азии и за их пределами, равно как и договоренности о временном доступе для развертывания американских сил в районах, расположенных на большом удалении от США. Эти силы должны быть в постоянной готовности для нанесения высоко точных ударов по целям, находящимся на большом удалении, применения трансформированных высоко маневренных подразделений и экспедиционных сил. Этот обширный арсенал военных ресурсов должен также включать способность вести информационно-пропагандистские операции, обеспечивать доступ США к отдалённым театрам военных действий, а также защищать важнейшие объекты инфраструктуры, американские военные средства в космическом пространстве [6, 35, 36]. В связи с этим отмечается необходимость использования «новых методов применения вооруженных сил, современной технологии, включая разработку эффективной системы противоракетной обороны, и уделять более пристальное внимание сбору и анализу разведывательных данных» [6, 14]. Как видим, в этом важнейшем политико-стратегическом документе сохраняются претензии США на мировое лидерство, опирающееся на военное могущество, в разобленном и однополярном мире.

И хотя на высшем государственном уровне США с приходом к власти администрации Барака Обамы сказано немало слов о «перезагрузке» отношений с Россией, все-таки у многих должностных лиц там сохраняется тенденция не воспринимать Россию в качестве равноправного партнера. Сказывается приверженность к тому, как подчеркивает известный американский сторонник антиглобализма Ноам Хомский в своей книге «Гегемония или борьба за выживание: стремление США к мировому господству», чтобы Америка продолжала «активно проводить в жизнь свою грандиозную имперскую стратегию во всем мире» [8, 19].

Второе проявление новейшей планетарной тенденции во взаимодействиях мировых геополитических центров заключается в том, что в ближайшее время, как предсказывают серьезные аналитики во многих странах, в том числе и американские (в частности, Иммануил Валлерстайн и Геральд Селенте) рухнет экономическая и политическая американская мировая гегемония, а США утратят статус сверхдержавы, стремящейся подчинить себе весь мир. Следовательно, на исходе первого десятилетия XXI века американоцентричный мир будущего не является единственным возможным сценарием. В связи с этим безвозвратно уходит в прошлое почти 20 лет господствовавшая в геополитике системная

модель социально-экономической, политической и социокультурной социодинамики глобализирующегося мира. Это – неолиберальная модель, построенная по принципу вертикального осуществления и столь же вертикального управления глобализационными процессами, держируемыми из одного центра, ядром которого являются США. Наглядная картина этой модели изображена на суперобложке широко известного бестселлера Збигнева Бжезинского «Большая шахматная доска», где наезжает на читателя земной шар в виде глобуса, на вершине которого реет звездно-полосатый американский флаг. Теоретическое геополитическое обоснование неолиберальной модели мироустройства содержится во множестве публикаций З. Бжезинского, Ф. Фукуямы, Ж. Аттали, являющихся экспертами американской администрации. При всех оттенках и вариациях в аргументации пропагандируемая ими модель глобальной интеграции сводится к шести узловым постулатам.

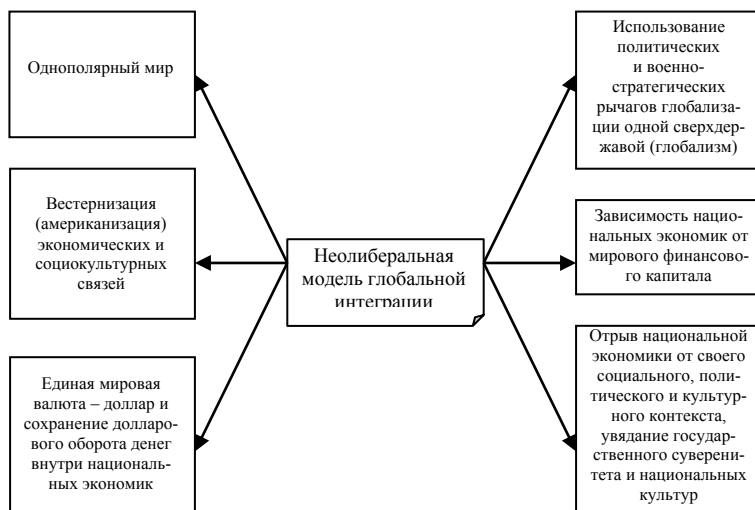

Схема 1. Неолиберальная модель глобальной интеграции

Многообразные варианты практического применения охарактеризо-ванной модели глобальной интеграции хорошо известны. Это и угроза применения Соединенными Штатами и их союзниками экономических санкций против различных государств, включая и Беларусь. Это и вар-варские бомбардировки бывшей Югославии. Это и военная оккупация Ирака и вооруженное вторжение в Афганистан. Это и организация, ди-рижирование и поддержка «цветных революций» в Грузии и Украине.

Это и инициирование осуществленной режимом Саакашвили военной провокации в отношении Южной Осетии и Абхазии. Это и систематически осуществляемое через Интернет и национальные телевизионные каналы вторжение американизированных вариантов так называемой «электронной культуры» в информационное пространство многих государств.

Одной из последних гримас практического использования охарактеризованной модели глобальной интеграции явился разрабатываемый новый план США по размещению обновленной архитектуры противоракетной обороны (ПРО) в Европе, о чем сообщил недавно директор отдела разработки политики в области ПРО в Пентагоне Пипинно Дебиасо. Из сделанного им сообщения вытекает, что Румыния готова разместить у себя системы слежения и ракеты SM-3. Кроме того, Дебиасо заявил: «Мы обсуждаем с турецкими партнерами вопросы ПРО, как и со всеми другими членами НАТО», уклонившись от ответа на вопрос, собираются ли США дислоцировать SM-3 и в Турции. Необходимо также иметь в виду, что ранее заявила о готовности разместить у себя мобильные противоракеты SM-3 – Польша. Недавно премьер-министр Болгарии заявил, что его правительство ведет переговоры о размещении американских систем ПРО в Болгарии. К тому же обновленная архитектура американизированного варианта глобальной безопасности предполагает, что как минимум три корабля ВМС США с противоракетами на борту будут осуществлять патрулирование в Средиземном и Северном морях, как бы замыкая тем самым кольцо окружения России и ее союзников (а их-то остался только один – Беларусь) с западного направления. Следует также иметь в виду, что в мае 2010 года американские ракеты «Пэтриот» были размещены в северо-восточной части Польши, всего в 60 километрах от российской границы.

Естественно, в такой ситуации Россия не может оставаться безучастным свидетелем происходящего. Напомним, что в феврале 2010 г. Президентом А.Д. Медведевым утверждена новая Военная доктрина России, в которой, в отличие от доктрины, принятой 10 лет назад, где содержалось в туманных выражениях утверждение от угрозе терроризма, четко и недвусмысленно утверждается, что в настоящее время главную военную угрозу России представляет блок НАТО и его продвижение на Восток, что в соответствии с этим Россия примет меры более мощного ответного характера, чем возникающие угрозы, и усовершенствует мобилизационную военную подготовку. И под таким заявлением имеются убедительные основания. Напомним, в частности, что в ответ на проведенные США вместе с Грузией военно-морские боеучения в восточной части Черного моря, Россия вместе с Венесуэлой провела боевые учения отряда кораблей Военно-морского флота в Карибском бассейне – под

брюхом США. Напомним также, что в России в знаменитом Курчатовском институте недавно изобретено не имеющее аналогов в мире сверхмощное оружие с использованием нанотехнологий, которое знающие специалисты называют «папой» или «мамой всех бомб». В виду стратегической важности исследований и разработок, проводимых в этом институте, рассматривается проект передачи его из системы РАН в прямое подчинение Президенту или Правительству России. Напомню также, что на протяжении небольшого периода времени премьер В.В. Путин провел встречи с руководством предприятий военно-промышленного комплекса, занимающихся созданием ракетно-артиллерийских вооружений, космической, бронетанковой техники, судостроения (в частности, подводных лодок), систем боевого управления. В марте 2010 г. Он встретился с руководством корпорации «Сухой», где завершились работы по созданию и испытанию истребителя пятого поколения Т-50, а в июне 2010 г. присутствовал в г. Жуковском на демонстрации полета этого истребителя – принципиально новой боевой машины, обладающей рядом уникальных особенностей – сверхманевренностью, малозаметностью, большой огневой мощностью, принципиально новой цифровой системой управления. А в июне 2010 года Президент России Д.А. Медведев присутствовал при спуске на воду не имеющего аналогов в мире по своей маневренности и огневой мощи атомного подводного крейсера четвертого поколения «Северодвинск», оснащенного стратегическими крылатыми ракетами повышенной дальности (до 5000 км), противокорабельными крылатыми ракетами, торпедами, минами и другим новейшим вооружением. Кроме того, российский оборонно-промышленный комплекс приступает к разработке нового стратегического ракетоносца. Все это подтолкнуло американскую администрацию к ускоренному завершению и согласованию текста нового договора с Россией об ограничении объемов стратегических наступательных вооружений, который был подписан в апреле текущего года.

В этом контексте представляются перспективными достигнутые в марте 2010 г. договоренности о создании новой европейской архитектуры безопасности в переговорах в Париже, а затем в июне с. г. в Санкт-Петербурге между Президентами России и Франции, к которым судя по всему, готова присоединиться и Германия. Очень важно, что в этих договоренностях (а из – целых десять штук!) при всей важности обеспечения европейской безопасности сделан акцент не наращивании военных потенциалов, а на необходимости промышленной кооперации двух стран, на разработке и осуществлении совместных проектов в энергетике, авиастроении, автомобилестроении, железнодорожном транспорте. Достаточно сказать, что бизнес-связи двух стран должны принести Рос-

сии 10 млрд. долларов накопленных инвестиций, вкладываемых, кстати сказать, не в сырьевую экономику, а в перерабатывающие предприятия.

В этом же ключе шло обсуждение проблем экономической интеграции на состоявшемся в апреле в Москве экономическом саммите стран СНГ. Там была подчеркнута важность таможенного союза России, Беларуси и Казахстана и высказана очень конструктивная идея о необходимости превращения таможенного союза в общее экономическое пространство, не имеющее границ для перемещения между странами идей, финансов, рабочей силы и товаров, а затем – и возможной экономической интеграции стран СНГ со странами Евросоюза. Таким образом будет осуществляться экономическая интеграция на огромном пространстве от Атлантического до Тихого океана.

Именно такого рода совместные межстрановые договоренности и вытекающие из них конкретные мероприятия в области макроэкономического развития (а их количество и масштабы, несомненно, будут с течением времени возрастать) создают предпосылки и возможности преодоления финансово-экономического кризиса, который стал ускорителем и детонатором неизбежного ухода с мировой геополитической и экономической сцены господствовавшей на протяжении почти двух десятилетий неолиберальной, американизированной в своей сущности, модели глобальной и региональной интеграции.

Подчеркнем в связи с этим, что кризисные процессы в современном мире, начавшиеся в сфере финансов, захватили не только экономику, но все стороны жизнедеятельности большинства народов мира, кризис стал системным. Поэтому в выступлениях Президента России и Председателя КНР в последнее время выдвинута и обоснована концепция *радикального трансформирования мировой экономической и политической систем*. Речь фактически ведется о создании новой архитектуры мироустройства, которая создавала бы возможности глобальной интеграции, не сопровождающейся разрушительными глобальными кризисами. Следовательно о том, чтобы не допускать новых волн глобального кризиса. В своем выступлении на Петербургском международном экономическом форуме 18 июня 2010 года Президент России Д.А. Медведев подчеркнул, что в современной планетарной системе «меняются экономические модели, финансовая архитектура, технологии, социальные институты, гибкость и адаптивность... стали гораздо популярнее понятий стабильности и предсказуемости! В этом потоке изменений «можно утверждать абсолютно точно: мы уже не вернемся назад, к прежнему порядку и к прежним моделям развития». А это предопределяет необходимость разработки принципиально новой теоретической модели гло-

бальной интеграции – *синергетической (полицентрической)*. В этой модели внимание сфокусировано не на вертикальных или центристских, а на многообразных *горизонтальных* связях между странами и континентами – экономических, политических, научных, информационных, социокультурных при акценте на сохранении самобытности различных народов, их национальных культур и суверенных государств. Основные компоненты этой модели состоят в следующем:

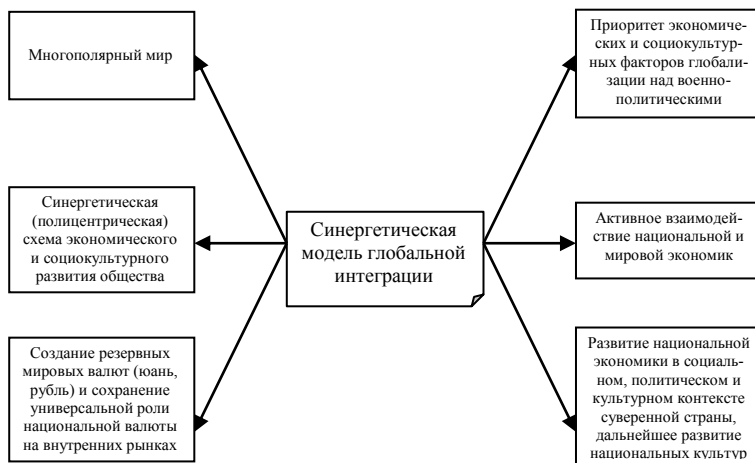

Схема 2. Синергетическая модель глобальной интеграции

Какие аргументы можно привести для обоснования необходимости конструирования новой архитектуры мироустройства и соответствующей ее сущности и содержанию теоретической модели глобальной интеграции?

Первое. Оставаясь на протяжении ближайших нескольких лет самой могущественной в экономическом и военно-политическом отношении уникальной сверхдержавой и глобальным лидером, США неуклонно начинают утрачивать (и чем дальше во времени, тем быстрее), позиции единственного центра мировой макроэкономической и цивилизационно-культурной социодинамики. Неизбежность такого сценария предопределяется тем, что непомерным грузом для успешного социально-экономического развития этой страны становится «черная дыра» постоянно растущего государственного долга, достигшего фантастической цифры в 5 триллионов долларов.

Второе. Неизбежность такого сценария обусловлена и тем, что реальная обеспеченность доллара гораздо меньше его официального номинала, а за пределами США «зеленых» находится в обращении как минимум в 5 раз больше, чем внутри страны. В обмен на эти нарисованные цифры США пока еще получают реальные ценности на триллионы долларов: сырье, энергию, произведения искусства из разных стран. В результате, имея 5 % населения планеты, США потребляют 40 % мировых ресурсов. Даже школьник усомнится, что столь огромная диспропорция объясняется большой трудоспособностью американцев, около 40 % которых в трудоспособном возрасте нигде не работают. Не нужно быть большим пророком, чтобы предсказать радикальной изменение в ближайшей перспективе такой ситуации не в пользу США.

Третье. Неизбежность предлагаемого сценария детерминирована и тем, что страны БРИК – Бразилия, Россия, Индия и Китай, по оценкам очень серьезных аналитиков, в том числе и американских, демонстрируют более высокие темпы экономического развития, чем США, а Китай, ВВП которого ежегодно возрастает на 10-12 %, на протяжении второго десятилетия XXI века сравняется в экономическом могуществе с США (разумеется, в объемах ВВП, а не в расчете на душу населения), а может быть и превзойдет их.

Четвертое. Еще один аргумент в пользу предлагаемого варианта конструирования новой модели глобальной интеграции и создания новой архитектуры мироустройства заключается в следующем. Недавние договоренности между президентами и премьер-министрами России и Франции, президентами Беларуси, Венесуэлы и Бразилии убедительно свидетельствуют о том, что наиболее перспективный путь сохранения и упрочения мировой цивилизации и культуры – это не бряцание оружием, не запугивание друг друга сверхбомбами, новейшими модификациями подводных лодок и сверхманевренных истребителей, а усиление стратегического партнерства России и Беларуси со странами Европы, с Китаем и США, о вовлечении в такое партнерство всех регионов и государств земного шара. Всяческие же рассуждения о возможности применения ядерного оружия, об установлении мирового господства и «нового мирового порядка» могут привести только в тупик или, еще хуже, к мировой термоядерной катастрофе. Новый мировой порядок уже пытались установить. У всех в памяти «новый порядок», сооружаемый А. Гитлером. Чем это закончилось, хорошо известно. И как бы ни стремились поборники глобализации по-американски установить во всем мире единомыслие и экономическое господство одной державы, повторения не будет, и в этом благо для человечества. В связи со сказанным еще раз

вернемся к рассуждениям Д. Белла. «Сам вопрос о мировом порядке – говорит он, – возникает потому, что мы привыкли к прежнему доминированию имперских сил, а сегодня в мире нет единого гегемона». Поэтому «мировое правительство не будет создано – по крайней мере в ближайшие несколько веков» [3, 215, 224].

Наконец, следует сказать еще об одной важной, даже судьбоносной тенденции. Отживающая свой век однополярная американизированная модель мироустройства стремилась подмять под себя государственные суверенитеты, национальные языки и культуры, навязать всем унифицированные стандарты пресловутой масскультуры. Ее основная максима: чем больше разрушено национальных и культурных корней, тем больше общество становится массой эгоистичных и циничных потребителей, у которых утрачиваются личностные качества и нравственные ценности и которые вследствие этого достаточно легко поддаются манипулированию. В условиях глобальной интеграции стабильность и сила общества в решающей степени зависит от пропорции «массы» и «народа». Чем больше общество – масса унифицированных потребителей, тем оно слабее. Чем больше общество – народ, в котором объединены личности на основе общего менталитета, национальной культуры и традиций, тем оно сильнее. Поэтому двумя важнейшими компонентами новой архитектуры глобальной интеграции должны стать: а) активное взаимодействие национальной и мировой экономики, взаимовыгодное для всех участвующих в таком взаимодействии стран; б) неразрывно связанное с этим развитие национальной экономики в социальном, политическом и культурном контексте суверенной страны, дальнейшее развитие национальных культур.

В связи со сказанным следует напомнить интересные высказывания двух влиятельных американских социологов. Широко известный – профессор Гарвардского университета Самуэль Хантингтон в своей нашумевшей книге «Столкновение цивилизаций», изданной на русском языке в 2003 году, утверждает, что активно навязываемая всему миру американская гегемония «приводит к возрождению незападных культур во всем мире» [7, 130]. А Джон Нейсбит в своей не менее известной книге «Мегатренды», изданной на русском языке в том же году, пишет о том, что «глобализация экономики будет сопровождаться ренессансом в языковом и культурном самоутверждении». В результате этого «шведы станут более шведскими, китайцы – более китайскими, а французы... – более французами» [4, 114]. Соглашаясь с этими утверждениями, мы должны добиваться, чтобы русские в условиях глобальной интеграции стали «более русскими», чтобы на благодатном поле великой русской

культуры в полной мере возродилось и упрочилось, говоря словами выдающегося русского философа Ивана Ильина, «чудеснейшее, целостное и победное цветение русскости» [5, 31]. Речь идет фактически об усилении духовно-нравственной значимости русского варианта охарактеризованного Н.Я. Данилевским славянского культурно-исторического типа, ключевыми компонентами которого являются христианская вера, великорусская культура, базирующаяся на русском языке, своеобразный тип русского искусства. Речь идет также о возрождении всего богатства духовно-нравственных ценностей великой России, составляющих основу национальной идеи и повседневного бытия русского человека.

Такая постановка проблемы не исключает, а, напротив, предполагает возрождение и расцвет национальных культур всех народов, живущих ныне в Российской Федерации. Именно в национальной культуре, а не в меняющихся политических конфигурациях, воплощается и реализуется в созидательных действиях накопленная за долгие века народная энергия. Всемирная поддержка со стороны государства этой великой созидательной энергии, что выразилось в недавнем присуждении Государственных премий выдающимся деятелям науки и культуры, создает благоприятные условия для того, чтобы Россия внесла огромный, ничем незаменимый вклад в создание новой архитектуры мироустройства в условиях углубляющейся глобализации современного мира.

Литература

1. Бабосов Е.М. Идеологические ответы современной России на вызовы глобализации // Бабосов Е.М. Идеология белорусского государства: теоретические и практические аспекты. – Минск, 2008. – С. 397-419.
2. Бабосов Е.М. Основные тренды развития национальных культур в условиях глобализации // Человек, культура и общество в контексте глобализации современного мира. – М., 2005. – С. 9-19.
3. Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенности. – М., 2007.
4. Нейсбит Дж. Мегатренды. М. 2003.
5. Сегень А.Ю. Злу сопротивляющийся // Русский дом. – 2009. – № 12.
6. Стратегия национальной безопасности США. Вашингтон, 2002.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003.
8. Хомский Н. Гегемония, или борьба за выживание: стремление США к мировому господству. – М., 2007.

*Бранский В.П., Пожарский С.Д.,
СПбГУ, Санкт-Петербург*

РОЛЬ САМООРГАНИЗАЦИИ СОЦИУМА И ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

*Bransky V.P., Pozharskii S.D.,
St. Petersburg State University, St. Petersburg*

ROLE SAMOORGANIZATION SOCIETY AND THE PROBLEM OF GLOBALIZATION

Abstract. This article discusses issues related to the phenomenon of self-organization and globalization. Self-organization is regarded as a fundamental property of the world, and globalization as an objective of the process of global integration. Attempt synergistic meaningful window-leniya globalization.

В начале XXI в. общепризнано, что глобализация является «самым важным процессом современности»¹. Описанию этого нового и необычного явления посвящена обширная литература². В большинстве источников под «глобализацией» обычно подразумевается экономическая интеграция. Более глубокий анализ этого явления, однако, показывает, что хотя глобализация, несомненно, является *интеграцией* (объединением, унификацией и т.п.), но это интеграция *особого рода*, какой до последней четверти XX в. не знала история. Однако эти процессы или вообще не были связаны друг с другом или были слабо связаны, протече-

¹ Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2002. С.12.

² См., например: Robertson R. Globalization. Social Theory and Global Culture. London. 1996;

Friedman T.L. Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree. N.Y., 2000;

Шишков Ю.В. Глобализация экономики – закономерный продукт индустриализации и информатизации социума // Труды Клуба ученых «Глобальный мир». В.8. М., 2002;

Ульрих Бек. Что такое глобализация? М., 2001;

Многоликая глобализация / под ред. Л.Бергера и С.Хантингтена. М., 2004 и др.;

Глобализация: синергетический подход./Под ред.В.К.Егорова. М., 2002;

Глобализация и моделирование социальной динамики. М., 2001;

Проблемы глобализации и антиглобализм в современном мире. М., 2003;

Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2003;

Задохин А.Г. Глобализация и глобальные проблемы человечества. М., 2003;

Глобализация и философия / под ред. Делокарова К.В. М., 2001;

Лопес-Кларос. Взаимозависимость, взаимосвязь и возникновение глобальных институтов. М., 2003 и др.

кали независимо друг от друга, не вовлекали в свой поток все слои населения и не распространялись на весь земной шар (т.е. не имели планетарного характера).

В отличие от интеграционных процессов в прошлом глобализация есть такой интеграционный процесс, который в полном объеме протекает, так сказать, по следующим основным номинациям и характеризуется следующими основными признаками. Что касается номинаций, то здесь надо различать интеграцию социальных *институтов* (учреждений, организаций); *деятельности* этих институтов; *знаний*, необходимых для такой деятельности; *идеалов* (ценностных ориентиров), определяющих мотивы этой деятельности; *норм* поведения, диктуемых идеалами; и *ценностей*, создаваемых этой деятельностью в результате реализации соответствующих идеалов (ценностных ориентиров, идеологических установок). Что касается основных признаков той специфической интеграции, которая получила название глобализации, то здесь надо указать следующее:

1) *всесторонность* (многоаспектность) – имеется в виду тенденция к интеграции по *всем* трем ведущим сферам (каналам) социальной жизни – сочетание экономической, политической и социокультурной интеграции;

2) *массовость* («демократичность»), т.е. вовлечение в интеграционный процесс и тенденция к активному участию в этом процессе *всех* социальных слоев;

3) *планетарность* («глобальность» в собственном смысле) – тенденция к распространению указанных интеграционных процессов на *весь* земной шар («интеграция без границ»);

4) *спонтанность* (самопроизвольность, самоорганизация) – отсутствие у интеграционных процессов внешнего источника в виде специального организатора;

5) *хаотичность* – неупорядоченность интеграционных процессов, наличие в интеграционном процессе случайных флуктуаций.

Другими словами, всесторонность, массовость и планетарность информационного обмена создают благоприятные условия для всесторонности, массовости и планетарности процесса интегрирования социальных структур. Следовательно, глобализация – это *интеграция*, связанная с четвертой информационной революцией, ибо только такая информационная революция позволяет последовательно осуществить на практике принцип либерально-регламентационного баланса

Чисто экономический, политологический, социологический или культурологический подходы здесь явно недостаточны. Тут требуется

подлинно «глобальный», т.е. синтетический (а не просто «комплексный») подход. Последний предполагает связь всех экономических, политологических, социологических и культурологических исследований с целостной концепцией *философии истории*.

Требуется существенно новая научная методология. Поскольку глобализация всегда ассоциируется с *социальной самоорганизацией*, а общая теория социальной самоорганизации тесно связана с существенно новой («синергетической») философией истории, то для квалифицированного ответа на весь комплекс поставленных выше вопросов необходим анализ сущности глобализации с точки зрения не какой угодно, а именно синергетической философии истории, или, что то же, с точки зрения концепции *синергетического историзма*.

Концепция синергетического историзма дает объяснение такому животрепещущему феномену на рубеже XX – XXI вв. как глобализация. В результате намечились контуры *синергетической теории глобализации*, которая, если она претендует на роль настоящей теории, должна обладать как объяснительной, так и предсказательной функцией. В предельно общем виде можно обозначить основные проблемы и перспективы этой теории:

1. С синергетической точки зрения, глобализация как явление есть не что иное, как *планетарная иерархизация диссипативных структур*. Каждый раз, когда одни диссипативные структуры объединяются с помощью некоторой новой диссипативной же структуры, образующей своеобразную надстройку над базисными структурами, между этими базисными структурами возникает тесная связь, которой раньше не было. Причем эта связь выражается в возникновении нового обмена веществом, энергией и информацией. Затем происходит объединение этих более сложных структур в еще более сложные и мы получаем иерархию надстроечных структур («сетевизация»). В конечном счете имеется тенденция к формированию планетарной иерархии *гетерогенных* диссипативных структур.

Следствием этого процесса является противоречивая ситуация, названная парадоксом Пригожина. С одной стороны, постоянно увеличивается зависимость каждого живущего на Земле индивидуума от планетарного (глобального) социума (окружающей социальной среды, каждого другого индивидуума), а с другой стороны, возрастает зависимость глобального социума (и судьбы каждого составляющего его индивидуума) от своеволия данного индивидуума. Первая тенденция проявляется в *тяге к тоталитаризму* (рост порядка и запрограммированности всех человеческих действий); вторая – в *тяге к анархизму* (рост хаоса и вседозволенности человеческих действий). Параллельное проте-

вание обеих тенденций образует то, что мы назвали парадоксом Пригожина. С ним связаны два стрессовых состояния, присущих современному человечеству. С одной стороны, массовый страх перед нарастающим неконтролируемым социальным единством, создающим угрозу для индивидуальной свободы (кризис индивидуализма – футурошок I рода), а с другой стороны, столь же массовый страх перед нарастающим как шквал неконтролируемым социальным разнообразием, ставящим под угрозу коллективную общность и солидарность, а следовательно, и справедливость (кризис коллективизма – футурошок II рода).

2. Тенденция иерархизации диссипативных структур и, следовательно, к глобализации имеет **универсальный** характер. Это значит, что глобализация не может ограничиться только экономической средой, но обязательно должна охватить рано или поздно (быть может с тем или иным разрывом во времени, т.е. временным лагом) также политическую и социокультурную сферу. Взаимная зависимость всех трех типов глобализации является следствием селективного детерминизма. Такой детерминизм (в отличие от лапласовского) проявляется, в частности, в том, что экономический, политический и социокультурный отбор сочетают взаимозависимость со значительной автономией относительно друг друга.

Но универсальный характер глобализации проявляется не только в охвате ею всех трех сфер социальной жизни. Он проявляется также в том, что в каждой из этих сфер глобализация осуществляется на онтологическом (сфера экономических, политических и социокультурных институтов), гносеологическом (сфера экономических, политических и социокультурных знаний) и аксиологическом (сфера экономических, политических и социокультурных идеалов). Универсальный характер глобализации проявляется в том, что экономическая, политическая и социокультурная глобализация на онтологическом, гносеологическом и аксиологическом уровне приобретает, в конце концов, планетарный характер, т.е. распространяется шаг за шагом на все регионы земного шара.

3. Тенденция к иерархизации диссипативных структур имеет **противоречивый** характер. Это значит, что глобализация не может быть непрерывной: достигнув некоторого предельного состояния (простой аттрактор), она должна смениться деглобализацией (деиерархизацией глобальной диссипативной структуры, сформировавшейся в процессе глобализации). Но деглобализация тоже имеет свои временные рамки: достигнув своего предельного состояния (странный аттрактор), она сменяется новой глобализацией. Следовательно, с точки зрения синергетического исто-
ризма глобализация является, вообще говоря, **относительной**.

Но это так только в краткосрочной перспективе. Если же мы будем рассматривать этот вопрос в долгосрочной перспективе, то нам придется констатировать следующее. С точки зрения синергетического историзма переходы между социальным порядком и социальным хаосом оказываются **неустойчивыми в силу обратной связи между результатами социального отбора и факторами этого отбора**. Следствием такой неустойчивости является стремление социума к **синтезу** социального порядка и социального хаоса, ибо только подобный синтез делает систему (социум) устойчивой. Глобализация действует не непрерывно, а **методом последовательных приближений**, благодаря чему относительная глобализация должна, в конечном счете, завершиться **абсолютной** глобализацией – достижением глобального аттрактора, или суператтрактора. В этом аттракторе осуществляется полный синтез социального порядка и социального хаоса, а это устраняет парадокс Пригожина, поскольку в таком состоянии возникает полная гармония (для всех членов общества) свободы и справедливости, прав и обязанностей. В суператтракторе какая бы то ни было деглобализация становится невозможной. При этом выясняется, что именно в суператтракторе (и только в нем) разрешаются все те фундаментальные социальные противоречия, которые так беспокоили прошлые поколения – между свободой и справедливостью, устойчивостью и изменчивостью, единством и многообразием, конечностью и бесконечностью³.

4. Тенденция к иерархизации диссипативных структур, помимо всего прочего, имеет еще и **экстравагантный** характер. Многие ее аспекты резко расходятся не только с обывательским здравым смыслом («не хочу быть глобальным – хочу быть локальным!»), но и с мировоззренческими установками многих философов, социологов, экономистов, политологов, культурологов и других представителей интеллектуальной элиты. Экстравагантность глобализации проявляется, в частности, в таких процессах: а) перемешивание (переплетение, «диффузия») экономических, политических и социокультурных структур (формирование **гетерогенных** бифуркационных структур); б) связь экономического роста с финансированием **суперменеза**; в) формирование **постутилитарного** общества, т.е. неутилитарного общества сверхиндустриальной эпохи⁴. Как уже от-

³ Здесь особенно наглядно видно, что синергетика (как теория самоорганизации) не только не исключает, а напротив, содержит в себе очень богатую диалектику (как теорию взаимоотношения противоположностей).

⁴ Этому понятию соответствует «постиндустриальное» общество Белла, «информационное» и «сетевое» Кастельса, «сверхиндустриальное» Тоффлера и другие не очень удобные термины. Не более удобны и термины «традиционное» для обозначения неутилитарных обществ доиндустриальной эпохи и «технотронное» или «техногенное» для обозначения утилитарных обществ индустриальной эпохи.

мечалось, такое общество парадоксально⁵, ибо оно (в отличие от типичных для индустриальной эпохи утилитарных обществ) сочетает высочайшее развитие индустриализации, информатизации и сетевизации с приоритетом духовных идеалов и определяемых ими духовных ценностей. Сверхиндустриализм – это индустриализация на базе развитой информатизации и сетевизации. Отметим также, что анализ глобализации позволяет раскрыть сущность и предсказать ряд новых явлений, которые раньше могли показаться весьма экзотическими и которым поэтому не уделялось должного внимания (например, феномен идеологического оборота, тоталитарной свободы, целевой инверсии). В условиях глобализации эти явления могут приобретать массовый и даже планетарный характер и поэтому требуют учета и весьма тщательного анализа.

5. Замечательной чертой синергетической теории глобализации является то, что эта теория помогает раскрыть объективную «логику» XX века (печально известный цикл из трех мировых войн) и объяснить смысл этой «логики». Как известно, первая мировая война охватила период с 1914 по 1918 г.; вторая – с 1939 по 1945; третья – с 1946 по 1991.⁶ Особенность третьей мировой войны состоит в том, что благодаря изобретению атомного оружия и зловещему опыту его применения во второй мировой войне человечество извлекло из истории важный урок об угрозе самоуничтожения в случае глобального применения этого оружия⁷. Именно по этой причине третья мировая война (в отличие от первых двух) стала «холодной» войной с серией опасных политических кризисов (1ый берлинский, венгерский, 1ый суэцкий, 2ой берлинский, карибский, 2ой суэцкий, чехословацкий, 3^й суэцкий, польский и др.) и «горячих» локальных войн (корейская, вьетнамская, конголезская, ангольская, афганская, центральноамериканская и др.).

⁵ Парадоксальность неутилитарного общества индустриальной эпохи состоит в следующем. Доиндустриальная эпоха знала неутилитарные и утилитарные общества. Первые придавали приоритет духовным идеалам (и ценностям); вторые – утилитарным. Большинство доиндустриальных обществ принадлежало к первому типу. Примером вторых являются торговые государства древности (средних веков) Финикия, Венецианская и Генуэзская республики и др. После промышленной революции все общества стали утилитарными.

⁶ В отличие от первой и второй мировых войн начало и окончание третьей мировой войны могут быть датированы несколько условно (приблизительно). Началом этой войны обычно считают знаменитую речь Черчилля в Фултоне (1946), а окончанием – провал ГКЧП в Москве (1991). Поэтому глубоко ошибочно думать, что «третьей мировой войны удалось избежать».

⁷ В этом, между прочим, состоит всемирно историческое значение изобретения атомного оружия: именно оно помогло спасти человечество от разрушительных последствий третьей мировой войны, если бы она велась с помощью обычного оружия.

Как известно, 1ая мировая война велась за *передел* поделенного к началу XX в. мира. В условиях высокоиндустриализированного общества стало ясно, насколько такие переделы опасны и как далеко они могут завести человечество, если источник переделов не будет устранен. Как известно, не кто иной как «вождь мирового пролетариата», еще не ставший «хирургом истории» (как это произошло в 1917 г.) привлек внимание к этой стороне дела в своей знаменитой работе «Империализм как высшая стадия капитализма». Так возникла идея мировой пролетарской революции как наиболее эффективного способа предотвращения радикальных переделов мира в эпоху высокоразвитого индустриализма.

Таким образом, 1ая мировая война явилась колыбелью идеи глобализации человечества. Такая глобализация мыслилась как процесс, с одной стороны, вначале исключительно политический (установление «диктатуры пролетариата» во всемирном масштабе – реализация идеала коммунистического мирового господства), а с другой – планируемый, направляемый и контролируемый союзом политических партий нового типа (Коминтерном), который, в свою очередь, находился под контролем Коммунистической партии СССР. Следовательно, с точки зрения синергетической теории глобализации речь шла о *политической* и *организуемой* (не самоорганизующейся!) иерархизации социальных структур (формирование мировой коммунистической системы). Причем этот процесс казался вполне реальным, начиная с 1920 г. Но в переходный период между 1ой и 2ой мировыми войнами возникла идея об ином способе политической глобализации, альтернативном коммунистическому и даже призванном предотвратить коммунистическую глобализацию. Этот способ тоже апеллировал к необходимости исключить дальнейшие переделы мира в условиях высокоразвитого индустриализма и призывал для этого установить на земном шаре «новый порядок» (мировая корпоративная система, основанная уже не на принципах классового, а расового социализма – реализация идеала нацистского мирового господства). Так возник т.н. национал-социалистический («нацистский») способ глобализации. Опять-таки глобализация рассматривалась как политическая интеграция разных стран, осуществляемая насильственным путем союзом держав оси Рим-Берлин-Токио под руководством союза партий нового типа, в котором решающую роль играла Германская национал-социалистическая рабочая партия.

Таким образом, если 1ая мировая война *поставила* проблему глобализации, то 2ая явилась первой попыткой *решить* эту проблему. В результате столкновения трех глобальных политических сил, вдохновлявшихся тремя социальными идеалами (коммунистическим, нацист-

ским и либеральным) сложилось такое взаимоотношение этих сил, при котором два идеала выступили совместно против третьего. Это позволило исключить из битвы за тот или иной способ глобализации силы, руководствовавшиеся нацистским идеалом. После этого ситуация существенно упростилась. Однако проблема глобализации не была решена, хотя были созданы более благоприятные условия для ее решения.

Именно по этой причине оказалась необходимой 3^я мировая война. В ходе этой войны в схватке коммунистического и либерального идеалов победу одержал либеральный идеал. В результате оба тоталитарных подхода к глобализации были исключены.

Важно отметить следующее. Если бы сложилось иное соотношение взаимодействующих глобальных сил и победу во 2^й и 3^{ей} мировых войнах одержал один из тоталитарных идеалов⁸, проблема глобализации в полной мере все равно не была бы решена, ибо тоталитарные идеалы могут обеспечить только *одностороннюю* (так сказать, «одномерную», или одностороннюю) и *организуемую* (инспируемую и контролируемую, а не самоорганизующуюся) глобализацию, тогда как последовательная глобализация может быть только *всесторонней* («многомерной») и *самоорганизующейся*. Тоталитарная концепция глобализации в принципе не может быть последовательной.

Таким образом, вторая и третья мировые войны способствовали проникновению в действительную сущность глобализации. Политическая глобализация может быть устойчивой (стабильной, прочной) только при условии, что под нее подводится прочный экономический фундамент в виде *экономической* глобализации. Такой фундамент может быть создан лишь на основе *рыночной экономики с государственным регулированием не административными, а экономическими (опять-таки, рыночными) методами*. А для обоснования такой экономической политики требуется всеобщее распространение идеи синтеза экономического порядка и *экономического хаоса*, которая, в свою очередь, опирается на идею синтеза социального порядка и *социального хаоса* в самом общем смысле. Следовательно, последовательная глобализация возможна только на основе *либерального* идеала, пронизывающего все стороны жизни, все слои населения и все регионы земного шара.

⁸ Следует учесть, что в канун 2ой мировой войны возникла следующая политическая трифуркация: 1) возможный нацистский альянс; 2) возможный либерально-коммунистический альянс; 3) возможный нацистско-коммунистический альянс. Если бы Сталин отказался от своих восточно-европейских притязаний и принял сделанное ему в ноябре 1940 г. предложение Гитлера о расширении оси Рим-Берлин-Токио до оси Рим-Берлин-Токио-Москва, выбор истории мог пасть на третий сценарий со всеми вытекающими из него трагическими последствиями для дела свободы во всем мире.

Победа либерального идеала над коммунистическим в 3^{ей} мировой войне, по-видимому, окончательно определила, каким способом должна решаться проблема, возникшая в результате 1ой мировой войны. Следовательно, жертвы, принесенные человечеством во 2ой и 3^{ей} мировых войнах, не были напрасными: они позволили найти, по всей вероятности, наиболее эффективный метод последовательной глобализации человечества, без которой невозможен дальнейший социальный прогресс. Этот метод явился результатом отбора из множества разных возможных методов. Без жестокой борьбы противодействующих друг другу глобальных социальных сил, руководствующихся альтернативными социальными идеалами, подобный отбор был бы не осуществим.

Таким образом, с точки зрения синергетической теории глобализации, XX век – это век поиска **наиболее эффективного** пути **последовательной** глобализации человечества (эпоха постановки проблемы глобализации и поиска метода ее решения). Поскольку проблема оказалась слишком сложной и крупномасштабной, то за ее решение пришлось платить очень высокую цену.

Описанная интерпретация истории XX в. как закономерного и глубокого осмысленного цикла из трех мировых войн достаточно ясно демонстрирует **объяснительную** функцию синергетической теории глобализации. Не меньший интерес представляет, однако, ее **предсказательная** функция. Последняя кажется очень актуальной хотя бы потому, что существуют два альтернативных подхода к оценке перспектив глобализации. Согласно одному, поражение коммунистического идеала в борьбе с либеральным означает «конец истории» (Фукуяма); согласно другому, история не может закончиться ввиду неизбежной в будущем новой схватки идеалов и связанных с различными идеалами различных (в том числе, альтернативных) систем ценностей, а, как следствие этого, неизбежность нового «столкновения цивилизаций» (Хантингтон).

6. Тенденция к глобализации неоднозначна. Это предполагает, что процесс глобализации в недрах одного и того же социума может протекать, вообще говоря, по разным путям (допускает разные сценарии). Подобное утверждение является простым следствием того очевидного обстоятельства, что существует множество способов иерархизации одного и того же множества диссипативных структур. Другими словами, глобализация может претерпевать разного рода **бифуркации** (может потенциально разветвляться на несколько разных сценариев). Следовательно, неоднозначность глобализации проявляется в ее бифуркационном («нелинейном») характере. Возникает проблема выбора одного из

сценариев. Это равносильно постановке вопроса о *движущих силах глобализации*.

Роль движущей силы глобализации играет не какой-то внешний фактор и не какая-то загадочная внутренняя случайность, а в полном соответствии с концепцией синергетического историзма отбор из множества возможных сценариев одного в результате *взаимодействия* (сложного сочетания конкуренции и кооперации) *внутренних* социальных факторов («сил»). В роли таких факторов, как мы видели, выступают, в конечном счете, разные социальные институты, состоящие из людей, вещей и отношений между ними.

Разные «силы» имеют свою программу глобализации и хотят осуществить глобализацию в соответствии с этой программой. Но конкретный результат глобализации зависит от неконтролируемого общего взаимодействия всех программ (идеалов, планов, проектов и т.п.). Здесь работает в общем случае все та же «Невидимая рука» А.Смита. Поэтому борьба против глобализации равносильна борьбе против социальной самоорганизации, что с синергетической точки зрения является совершенно безнадежным и бессмысленным делом. Более глубокий анализ борьбы между сторонниками глобализации и ее кажущимися противниками, однако показывает, что эта борьба является отнюдь не борьбой «за» или «против» глобализации как таковой («глобализации вообще»), а борьбой за глобализацию на основе *своей программы* и против глобализации на основе чужой программы⁹. фактически в XXI в. за глобализацию в той или иной мере выступают все здравомыслящие люди, а спор идет лишь о ее путях (ее «конкретных сценариях»). Каждый хочет объединить человечество на основе *своей идеологии* (это приятно каждому) и не хочет, чтобы его объединили с другими на основе чуждой ему идеологии (это неприятно всем). Поскольку любовь к идеологически «ближнему» всегда сочетается, как минимум, с нелюбовью (а, как максимум, с ненавистью) к идеологически «дальному», то иной ситуации относительно путей и способов глобализации было бы странно ожидать.

Итак, роль детектора, выбирающего из множества возможных сценариев (способов) глобализации определенный сценарий, играет в общем случае не простое, а, как часто выражаются политики, *многополярное* взаимодействие. Последнее отмечается от однополярного действия тем, что отбор здесь производит не один синергетический фактор (например, одна нация), а несколько разнонаправленных факторов, от соотношения сил между которыми зависит конкретный сценарий глобализации.

⁹ См., например: Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2000. Часть II.

В соответствии с синергетической теорией социального отбора для полного объяснения глобализации мы должны выяснить, какой фактор играет в данном случае роль селектора. Как было показано ранее, если в простейшем случае роль детектора играет некоторый социальный институт (фирма, партия, армия, нация и т.п.), то в роли селектора здесь выступает та идеологическая установка, которой данный институт руководствуется в своей деятельности. Очевидно, что в общем случае, когда роль детектора играет *взаимодействие* разных институтов, в роли селектора будет выступать *взаимодействие* разных идеалов.

Именно потому, что селектором глобализационных сценариев в общем случае является не какой-то один идеал, а *взаимодействие разных идеалов*, глобализация не может совпасть ни с американизацией, ни с руссизацией, ни с китаезацией и т.п., а также с более сложной конфигурацией в расстановке социальных сил типа вестернизации, панславизации, исламизации и т.п. Хотя каждое государство и каждое региональное объединение государств будет стремиться придать глобализации желательное ему «региональное» («локальное») направление, тем не менее, в долгосрочной перспективе результат будет определяться, в конечном счете, все тем же многополярным взаимодействием, последствия которого могут быть очень далеки от первоначальных идеалов и программ всех участников этого взаимодействия.

Таким образом, глобализация является таким всемирно-историческим процессом, который стоит гораздо выше всяких «местнических» (локальных) интересов, как бы «парит» высоко в небесах над региональной (локальной) «суетой сует». Это вполне естественно, так как глобализация, как было показано ранее, есть не что иное как движение к глобальному аттрактору (суператтрактору).

Взглянем, однако, более внимательно на американский либеральный идеал, положенный в основание американской конституции и американской демократии еще в XVIII в. Именно творцы американской демократии Джефферсон, Гамильтон и Мэдисон, опираясь на идеи Локка и Монтескье, дали наиболее отчетливую формулировку *современного либерального идеала, имеющего общечеловеческое значение*¹⁰. Конечно, одно дело – либеральный идеал, а другое – идея приоритета утилитарных ценностей перед духовными. Когда говорят о либеральном идеале *с американской спецификой* (американской разновидности либерального идеала), обычно имеют в виду тесный союз того и другого.

¹⁰ См., в частности, Томас Джефферсон о демократии. СПб., 1992; Шелдон Г.У. Политическая философия Томаса Джефферсона. М., 1996.

Почему либеральный идеал имеет столь большое значение именно для процесса *глобализации*? Здесь существуют по крайней мере две причины. Во-первых, необходимость самого широкого снятия разного рода ограничений для экономической, политической и социокультурной деятельности самых широких слоев общества¹¹ и в то же время введение целого ряда новых ограничений (например, упоминавшиеся уже во «Введении» некоторые правила т.н. золотого корсета).

Во-вторых, именно совершенствование либеральных идеалов соответствует синергетическому критерию социального прогресса (росту степени синтеза порядка и хаоса, обусловленному стремлением социальной системы к максимальной устойчивости).

Итак, либеральный идеал с американской спецификой неоднороден: в нем есть аспект (сторона), имеющая общечеловеческое значение, и другой аспект (другая сторона) не имеющая такого значения, а имеющая только частночеловеческое значение. Поэтому действительная процедура формирования глобальных ценностей на основе локальных состоит в следующем: *поиск* во всех локальных ценностях таких аспектов (фрагментов и т.п.), которые могут иметь общечеловеческое значение, и *конструирование* из них целостного образа, представляющего собой глобальную ценность.

Итак глобализация может протекать по разным возможным сценариям (глобализационный тезаурус); и выбор действительного сценария в каждом конкретном случае осуществляется многополярным взаимодействием образующих данный социум институтов (глобализационный детектор) на основе взаимодействия, направляющих эти институты идеалов (глобализационный селектор). Если даже все эти идеалы либеральные, то это не исключает борьбы между ними: ведь либеральные идеалы могут иметь разную национальную специфику (либеральный идеал с американской, российской, французской, японской и пр. спецификой). Эта борьба может приобретать большую или меньшую остроту. Она может достичь особой остроты, когда возникнут разногласия относительно способов и масштабов финансирования суперменеза.

Либеральные идеалы наряду со сходными, могут иметь различные и даже противоположные нормативы. Если у двух либеральных идеалов имеются не просто различные, но противоположные нормативы, тогда реализация одного из них мешает реализации другого. В этом случае неизбежно *соревнование в жертвоприношениях* во имя реализации

¹¹ Ср. четыре «демократизации»: 1) демократизация технологии; 2) демократизация финансов; 3) демократизация информации; 4) демократизация управления.

конфронтирующих идеалов и тогда не избежать насильственных методов в разрешении соответствующих конфликтов.

Итак, выбор одного из сценариев глобализации во многих случаях **без применения насилия невозможен**. Поэтому глобализация не может не быть весьма драматическим процессом, гарантирующим нас во всяком случае от скуки. Глобализация – это не сентиментальная мелодрама. Словесный диалог возможен только в случае допустимости компромисса между конкурирующими идеалами. Если же такой компромисс невозможен, насилие неизбежно. Словесный диалог в этом случае рано или поздно заканчивается ружейным «диалогом»: «Народ может добиться осуществления идеалов **только посредством силы** (В.Б.), каким бы праведным ни было задуманное дело»¹². Однако взаимодействие либеральных идеалов (в отличие от взаимодействия экстремистских идеалов) делает более доступным смягчение противоречий и постольку минимизацию насилия. Так что и в эпоху глобализации реалистическое остается требование не отказа от насилия вообще, а требование **максимальной минимизации** насилия. Полностью насилие может исчезнуть только в суператтракторе, но движение к этому состоянию человечества бесконечно¹³. Поэтому применение насильственных методов в решении некоторых социальных проблем, связанных с потребностью того или иного жертвоприношения во имя реализации соответствующих идеалов, с точки зрения синергетической теории глобализации неустранимо.

Проблема поиска путей глобализации (особенно выбора оптимального пути) неизбежно приводит к **проблеме взаимоотношения глобализации и морали**. Именно по этому вопросу идет наиболее острая схватка между сторонниками и противниками глобализации.

Анализ проблемы «взаимоотношения» капитала и морали (проблемы «морального облика» капитала) с точки зрения синергетической теории социального отбора приводит к заключению, что она должна иметь аналогичное решение.

¹² Никсон Р. На арене. М., 1992. С.359.

¹³ Подобно тому как в эпоху глобализации существует концепция замены насилия в отношениях между людьми «диалогом», точно так же некоторые усматривают специфику глобализации в требовании перехода от «насилия над природой» (т.е. преобразования природы в человеческих интересах) к «диалогу с природой» (т.е. к отказу от преобразования природы). Эта красивая метафора столь же нереалистична, как и призыв в эпоху глобализации к отказу от насилия в отношениях между людьми. Как следует из концепции синергетического историзма, без преобразования природы социальная самоорганизация так же невозможна, как она невозможна без преобразования общества. Диссипативные структуры не могут существовать без обмена со средой веществом, энергией и информацией, а такой обмен невозможен без того или иного «преобразования природы».

Оказывается, на уровне простого отбора разных глобальных сценариев глобализация тоже действует с «безжалостной эффективностью» (резко улучшая жизнь одних и внезапно столь же резко ухудшая жизнь других)¹⁴. В этом случае, можно сказать, что мы имеем дело с «социально безответственной» глобализацией (так сказать, с глобализацией со «звериным оскалом»). Здесь она олицетворяет свой т.н. рыночный фундаментализм. Но когда мы начинаем учитывать обратную связь между результатами глобализации и ее факторами (глобальными тезаурусом, детектором и селектором), то ситуация меняется радикально. На смену социально безответственной глобализации («со звериным оскалом») приходит *социально ответственная глобализация, или глобализация «с человеческим лицом»*.

В этом случае мы рассматриваем глобализацию на уровне суперотбора. Здесь происходит сознательное обобщение опыта и извлекаются уроки из этого опыта. В роли глобального тезауруса выступает спектр возможных сценариев глобализации (возможных способов структурирования социума из тех элементов, на которые он распался); в роли глобального детектора в общем случае – взаимодействие новых социальных институтов; в роли глобального селектора (тоже в общем случае) – взаимодействие новых социальных идеалов. Периодическое чередование тенденций к глобализации и деглобализации социальных структур (их иерархизации и деиерархизации как во времени, так и в пространстве) – глобальная «игра в бисер» – означает поиск более совершенных глобализационных сценариев и выбор среди них таких, которые кратчайшим путем ведут к суператтрактору.

Таким образом, *обратная связь* между результатами глобализации и ее факторами (поиск новых глобальных тезаурусов, детекторов и селекторов) должна привести, в конечном счете, к обеспечению устойчивого экономического роста и его интенсификации во *всех* регионах (т.е. планетарном масштабе). Следствием такого роста должен стать *социокультурный сдвиг в капитализации глобальной прибыли тоже в планетарном масштабе* и создание благодаря этому условий для финансирования суперменеза тоже в планетарном масштабе. В качестве важнейшего результата подобного процесса следует ожидать планетар-

¹⁴ Быстрый экономический подъем страны в результате мощного притока иностранных инвестиций и столь же быстрый упадок (и даже коллапс) в результате внезапного ухода («бегства») этих инвестиций: «Наиболее настоятельная необходимость – приостановить отток капитала (т.е. бегство инвесторов – В.Б.)» (Сорос Д. Кризис мирового капитализма. М., 1999. С. 192).

ную экспансию постутилитарного¹⁵ общества (т.е. неутилитарного общества сверхиндустриальной эпохи), создающую все условия для движения к суператтрактору.

Мы обрисовали в общих чертах ту синергетическую теорию глобализации, к которой приводит при ее последовательном развитии концепция синергетического историзма. Эта теория дает аргументированные и при том нетривиальные ответы на многие старые вопросы философского, социологического, экономического, политологического и культурологического характера. Она с самого начала имеет явно выраженный междисциплинарный характер. В то же время эта теория не ограничивается только этим, а привлекает наше внимание к новым проблемам, анализ которых представляет несомненный интерес. Ее практическое значение состоит не в узко прикладном, а в обобщающем характере.

Общепризнано, что без обобщающей разрозненные факты теории не может быть стратегии. «А без стратегии возможен лишь дрейф в неизвестном направлении»¹⁶.

Литература

1. Глобализация и моделирование социальной динамики. – М., 2001.
2. Глобализация и философия / под ред. Делокарова К.В. – М., 2001.
3. Глобализация: синергетический подход / под ред. В.К.Егорова. – М., 2002.
4. Задохин А.Г. Глобализация и глобальные проблемы человечества. – М., 2003.
5. Лопес-Кларос. Взаимозависимость, взаимосвязь и возникновение глобальных институтов. – М., 2003.
6. Многоликая глобализация / под ред. Бергера Л. и Хантингтена С. – М., 2004.
7. Никсон Р. На арене. – М., 1992.
8. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – Ч. II. – М., 2000.
9. Проблемы глобализации и антиглобализм в современном мире. М., 2003 г.
10. Томас Джефферсон о демократии. – СПб., 1992.
11. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М., 2002.
12. Ульрих Бек. Что такое глобализация? – М., 2001.
13. Шелдон Г.У. Политическая философия Томаса Джефферсона. – М., 1996.
14. Шишков Ю.В. Глобализация экономики – закономерный продукт индустриализации и информатизации социума // Труды Клуба ученых «Глобальный мир». – М., 2002.
15. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. – В. 8. – М., 2003.
16. Friedman T.L. Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree. N.Y. 2000.
17. Robertson R. Globalization. Social Theory and Global Culture. – London, 1996.

¹⁵ Напомним, что общество основано на приоритете духовных ценностей и потому предполагает воспитание «нового человека», лишенного гипертрофированных потребительских наклонностей (к чему, как мы видели, призывал в свое время Печчеи).

¹⁶ Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2002. С. 5.

*Бурак П.М.,
БГТУ, Минск*

НООСФЕРНОЕ ОЖИДАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

*Burak P.M.,
BSTU, Minsk*

NOOSPHERIC WAITING IDEOLOGICAL SECURITY POSTINDUSTRIAL SOCIETY

Abstract. The article substantiates the necessity of providing outlook safety of postindustrial society formation. The content and perspective importance of outlook safety are revealed on the basis of analyzing the works by D. Bell, U.Beck, G.Bekhmann, S.N. Nekrasov, V.I. Vernadsky, N. N. Moiseyev with the account of modern scientific and philosophic knowledge on the nature of man as an active participant of universal (global) evolution.

Нарастание интенсивности и многообразия внешних и внутренних рисков и угроз стабильности современного общества во всех важнейших сферах его жизни вынуждает разрабатывать как специальные концепции безопасности (продовольственной, информационной, демографической, энергетической, социально-экономической, экологической и др.), так и в целом принимать и реализовывать стратегию национальной безопасности, обеспечивающую защиту основных достижений, приоритетов и ценностей общества и государства, их устойчивое развитие. Например, «под национальной безопасностью РФ понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» [1].

В новой редакции Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной в 2010 году, национальная безопасность характеризуется в близком по смыслу значении – как состояние защищенности национальных интересов Беларуси от внутренних и внешних угроз. Данные интересы характеризуются как общие для личности, общества и государства. Поэтому все граждане должны понимать, что национальная безопасность зависит от каждого из них. Вместе с тем, необходимость периодического уточнения задач стратегии националь-

ной безопасности и совершенствования содержания соответствующих концепций в связи с изменением экономических, социальных, международных и других условий обязывает осуществлять опережающую разработку теоретико-методологических и мировоззренческих вопросов обеспечения безопасного развития общества и государства. Актуальность таких исследований обусловлена, в особенности, потребностью в формировании мировоззренческих ориентиров и целей постиндустриального общества в становлении которого сохраняются потребительская направленность и акцентирование на самодостаточности социальных механизмов стабильного развития. Эти факторы являются важнейшими причинами кризиса современной цивилизации, социальной и социоприродной нестабильности, появления новых рисков.

Поэтому в статье рассматриваются тенденции включения общества в более широкий контекст системных связей социоприродного характера, которые обуславливают ценностные ориентации, детерминирующие стабильность и безопасность существования человека и воспроизводства общества. Содержание понятия и необходимость мировоззренческой безопасности раскрываются в связи с оценкой места и роли общества в глобальной эволюции, представления о которой составляют ядро современной научной картины мира и в контексте закономерного становления ноосферы.

В этой части текста рассматриваются важнейшие тенденции формирования условий обеспечения безопасности современного общества.

- Становится все более очевидной закономерность развития специфической деятельности в направлении от концептуального обеспечения безопасности отдельных сфер в жизни общества и отраслей производства к формированию целостной системы такой деятельности по отношению к государству, обществу и человеку. Эта тенденция выявляет необходимость разработки общей теории и методологии безопасности, а значит и соответствующей подготовки специалистов. Подобные шаги предпринимаются некоторыми российскими учеными и философами.

- Государственная политика по обновлению общества, выраженная в стратегии инновационного развития, делает ставку на приоритетность интеллекта человека, творческую активность граждан в их профессиональной деятельности, на создание новейших технологий. Инновационное развитие оценивается специалистами как органическая составная часть национальной безопасности в целом. Не только философия замечает, но и современная практика международных отношений, складывающаяся под влиянием процессов глобализации, все более убеждает, что именно развитие человека и общества в согласовании с новыми

знаниями о явлениях и законах природы выступают факторами обеспечения стабильности и безопасности той или иной страны в контексте противоречивых процессов обострения конкурентных отношений и формирования мирового сообщества.

• Современная история внутриобщественных, межнациональных, межцивилизационных, международных и прочих социальных отношений а также состояние взаимодействия общества с природными явлениями, включая стабильные и нестабильные их варианты, показывают, что национальная и, в более общем плане, социальная безопасность зависят от степени овладения человеком новыми теоретическими знаниями и практическими навыками регулирования своего взаимодействия с аperiодическими и периодическими, кратковременными и долговременными, медленно протекающими и взрывными процессами перехода от порядка к хаосу и последующего образования новых системных структур и отношений. Землетрясения и цунами, дестабилизировавшие жизнь на части северных территорий Японии ясно показали насколько важно создавать технологии, строить национальную культуру и систему организации жизни общества, управления им, руководствуясь опережающим знанием. С другой стороны, природные катаклизмы, равно как и повторяющиеся «приливы» социальной нестабильности в той или иной стране мира, регулярно напоминают о существующей независимо от желаний человека закономерности состоящей в том, что взаимодействие с природой и внутрисоциальные отношения складываются в определенной степени стихийно, изменяя прежние устойчивые состояния социума и обуславливая поиск новых вариантов обеспечения безопасности. Всякая стабильная система постоянно подвергается ударам различных по природе и масштабам хаосогенных процессов. Согласно существующим оценкам каждая система включает в себя элементы хаоса, которые являются фактором ее постоянного совершенствования в направлении поиска и создания новых ресурсов и механизмов стабильности. В радикальных же вариантах, при условии если система не «утруждает» себя такими поисками, происходит накопление энергии и увеличение масштабов хаотических изменений, ведущих к саморазрушению системы. Онтологическая сущность данной проблемы заключается в том, что человек является плотью от плоти природных и социальных систем и он не может иными способами организовывать свою жизнь как только черпая энергию для создания из природных и социальных структур, что сопровождается их определенной дестабилизацией и переходом в новые более адекватные интересам различных групп людей состояния. Поэтому в центр разработки проблем безопасности необходимо поставить вопрос об онтологи-

ческих закономерностях деятельности человека в его связях с природой и обществом. По современным представлениям природа человека выражает в сжатом виде характеристики основных этапов развития Вселенной, жизни в ней и поэтому он рассматривается как космобиопсихосоциальное существо.

- Опираясь на идею В. И. Вернадского о том, что сфера устойчивости жизни шире чем область биосферы можно, рассуждая по аналогии, утверждать, что национальная безопасность и стабильность зависят от поддержания безопасности и стабильности в обществе механизмами которых являются моральные устои, культурное творчество народов, его традиционные ценности, идеалы, жизненные ориентации, убеждения и межнациональные отношения, а также прочие факторы, которые законодательно не регламентируются и полностью государством не регулируются. В этом отношении воспроизводственный потенциал общества, по сравнению с ресурсами самоорганизации государства, является более подвижным и универсальным, выступая историческим контекстом формирования той или иной государственной системы.

Историческая практика государственного строительства и социальный прогресс зависят друг от друга. Безопасность и стабильность государства могут обеспечиваться, если оно выражает интересы общества, стимулирует свободу проявления позитивной активности и поддерживается им. Безопасность и стабильность общества обеспечивается государством, если оно доверяет этому государству, делегирует ему свою волю по установлению одобряемых им законодательных правил общежития, формирует его как свою органическую часть и сохраняет государство в моральной чистоте, приоритетном социальном статусе, признавая его в качестве авторитетного арбитра, незаформализованного судьи, помощника, официального инициатора и искусного организатора, деятельность которого направляется во благо народа.

- Учитывая, что всякая живая, открытая система (в том числе государство и общество) может существовать только лишь за счет притока энергии, вещества и информации извне, следует отметить соответствующие природные основания национальной безопасности и устойчивого развития общества и государства без которых социальная стабильность является недостижимой. Многие из природных источников (солнечная энергия, движение воздушных масс, образование пресных вод, энергия приливов, географические условия и другие факторы) находятся за пределами юрисдикции государства и никогда полностью не регулируется обществом.

Поэтому, если даже в том или ином обществе и реализуется проект построения отношений социальной справедливости, но он основан на формировании лишь социоцентристски ориентированных культуры, идеологии производства, инновационных технологий и формировании экономики потребления, имеющей целью благо всех, то такое общество будет неизбежно замыкаться на собственном воспроизводстве, вступая во все более масштабные и опасные конфликты с природой (биосферой).

Более общей, стратегической целью исторического развития человека, интегративным результатом преобразований природы является, как это показано В. И. Вернадским формирование ноосферы. Ноосфера представляет собой преобразуемую человеком биосферу, формируемую разумом и трудом новую системную основу жизни человека, его социоприродный дом, опирающийся на фундамент направляемой коэволюции процессов и явлений неживой, живой природы и общества. Определяющую роль в стабильности ноосферы играет объединенный человеческий разум или коллективный разум человечества. В этой связи стратегия национальной безопасности, безусловно сохраняя свое конкретное предназначение, с необходимостью должна согласовываться с требованиями безопасности более широкого системного целого – становлением ноосферной организации жизни социума, которая должна обретать статус общего механизма и цели всего человечества и каждого народа. Уже упоминаемая катастрофа в Японии наглядно демонстрирует, что средств обеспечения национальной безопасности для предотвращения и устранения негативных последствий природной стихии недостаточно даже в высокоразвитой стране. По некоторым данным помощь Японии вызвалась оказать 91 страна мира. Это и есть пример кооперативного действия различных стран и культур по преодолению хаоса, целенаправленной стабилизации ситуации в обществе. Общество является частью природы и его внутренняя безопасность находится в зависимости от характера взаимодействия с природой как более общей открытой системой. Любое национальное общество, так или иначе, включено в процесс становления ноосферы, что требует сверки ценностных и мировоззренческих оснований национальной безопасности с закономерностями становления ноосферы, ее ценностными ориентациями, включая согласование путей и условий воспроизводства общества с законами природы в целом.

- Современные условия развития, стабилизации и безопасности общества обусловлены действием различных по природе переходных состояний, обуславливающих неопределенность, нестабильность и различного рода риски. Объектом изучения постнеклассической науки

являются человеко-природные, человеко-технические и другие подобные системы, что значительно увеличивает роль производства переходного, связующего знания с целью обеспечения эффективности практической деятельности. Формируется целое научное направление по производству междисциплинарного и трансдисциплинарного знания необходимого для решения комплексных проблем социального развития. Реализация стратегии инновационного, устойчивого развития требует усилий по созданию стабильно функционирующей системы «наука – образование – производство – общество – природа – ноосфера» являющейся своеобразной матрицей организации ноосферной деятельности по производству инновационного продукта представляющего собой результат регуляции и управления переходами между частями данной системы.

- Становление ноосферы на основе коэволюционной стратегии, как наиболее вероятный путь безопасного развития общества, должно опираться на систему знаний о закономерностях перехода биосферы в ноосферу и обратно, о прямых и обратных связях между ними. Однако, такая система знаний в достаточной мере еще не сложилась.

- Анализ возможностей построения постиндустриального общества связан с необходимостью выявления специфики переходных социальных изменений. Один из теоретиков постиндустриального общества Д. Белл отмечал: «Я использую термин «постиндустриальный» по двум причинам. Во-первых, чтобы подчеркнуть промежуточный или переходной характер происходящих в обществе изменений. И, во-вторых, чтобы выделить осевую, определяющий их направление фактор – интеллектуальную технологию. Но это отнюдь не означает, что технология является движущей силой всех иных общественных перемен. Никакая концептуальная схема никогда не исчерпает социальную реальность» [2].

Согласно Д. Беллу, постиндустриальное общество порождает ряд имманентных факторов нестабильности и риска к которым относятся следующие: исключение из процессов труда и повседневной практики природы и искусственно созданных предметов; новые дефициты – дефициты информации и времени; утрата системной целостности общества, расхождение между технико-экономическим строем, государственным устройством и культурой, принципы функционирования, которых нередко находятся в противоречии с принципами других; рост благосостояния поощрение гедонистического образа жизни и отсутствие высшей идеи, ощущения цели и смысла человеческого существования; усиление инструментальной власти, власти над природой и, в какой-то степени, над человеком [3].

Немецкий социолог У. Бек, анализируя кризисные явления в современных западных обществах, также развивает идею, заключающуюся в том, что модернизация классического индустриального общества не ликвидирует угрозы нестабильности, порожденные потребительской стратегией индустриализма, а напротив, «размывает контуры» данного общества и, отделяясь от него, приобретают новые очертания – очертания индустриального «общества риска» [4].

Известный немецкий ученый Г. Бехманн в своих исследованиях проблем становления информационного общества предпринял попытку показать, что неопределенность, риски, нестабильность и неуверенность обусловлены в значительной степени имманентными особенностями развития научного знания, которое становится все более определяющим в организации жизни общества, субъективными причинами, отношениями между людьми, социальными запросами и условиями приспособления знания для удовлетворения разнообразных социальных потребностей.

Любое научное (истинное) знание не является полностью завершенным по отношению к изучаемому объекту. Оно включает в себя черты относительности, признаки неопределенности и как бы неполную готовность для целей практического использования. «Наука, – констатирует Г. Бехманн, – не в состоянии гарантировать когнитивную определенность. Иначе говоря, научный дискурс депрагматизируется. Он не может предложить окончательные или просто истинные утверждения (в смысле подтвержденной причинной цепочки) для практических нужд, но только более или менее пластичные и часто дооспариваемые допущения, сценарии и вероятностные предположения. Вместо того, чтобы быть источником достоверного знания, наука становится источником неуверенности» [5].

В силу отмеченных особенностей научного познания «... любое приращение знания выявляет еще больший масштаб незнания. Чем больше общество полагается на знание, тем более трудным становится понимание, описание, предсказание и контроль ... социальных изменений – просто в силу недостатка знания» [6].

В современной литературе, посвященной проблемам безопасности социально-экономического развития, анализируются новые тенденции кризисного состояния постиндустриализма и процессы, обуславливающие возможности саморазрушения информационного общества. Одной из таких тенденций является отделение финансов от сектора реального производства товаров, увеличение выпуска пустой денежной массы, что ведет к снижению стабильности и безопасности, угрожающих основам

жизни общества. Как отмечает С. Н. Некрасов «вопрос сегодня стоит так: безопасность экономики постиндустриальной глобализованной цивилизации «третьей волны» находится под смертельной угрозой распада индустриальной инфраструктуры, а потому безопасность общества и национальных государств возможна только при условии создания работоспособной экономики неоиндустриального типа. Эта экономика станет экономикой обеспечения социальной безопасности ...», что будет означать избавление от «разрушительного курса постиндустриализма» [7]. Действительной задачей должно стать «соединение информационных технологий с индустриальным производством и машинным парком в целях образования передовой промышленной системы...» [8]. Неоиндустриализм должен опираться на взаимосвязанные процессы инновационного развития науки, образования и промышленности. С. Н. Некрасов считает, что в России, учитывая конкретные условия, нужно разрабатывать концепцию формирования неоиндустриальной системы.

Доминирование узкого практицизма в регуляции внутрисоциальных отношений постиндустриального или неоиндустриального обществ ограничивает использование современного мировоззренческого знания о множественно проявляющейся природе человека, обусловленной его органической включенностью в биосферу, процессы ее трансформации в ноосферу, ноосферогенез, глобальный эволюционный процесс. Это означает, что человек выполняет свои онтогенетические, гносеологические, аксиологические, праксиологические и другие функции в контексте более общей, в сравнении с обществом, системной организации жизни, природы в целом. Его положение в мире многофункционально и противоречиво. По оценке В. И. Вернадского, человек, как живое существо и его сознание есть функции биосферы [9]. Подобным же образом человек связан с историческим процессом перехода биосферы в ноосферу, с механизмами воспроизводства ноосферы, общества. Он также является субъектом и объектом собственной жизни. Кроме того, он выступает объектом и субъектом глобальной эволюции [10]. В современной науке все чаще обсуждается идея, что человек по своей природе является космобиопсихосоциальным [11] существом и его многофункциональный статус не должен характеризоваться только лишь стремлением к росту благосостояния. Соответственно, решение проблем безопасности общества и человека, как и характер рисков, связанных с формированием коэволюционных механизмов согласования развития общества с закономерностями биосферы, ее переходом в ноосферу, функционированием ноосферы и глобальной эволюцией.

Под мировоззренческой безопасностью понимается состояние духовной жизни общества, выражающейся в формировании и функционировании системы знаний, убеждений, ценностных ориентаций, идеалов на основе механизмов внутрисоциальной и социоприродной коэволюции, организации ноосферной системы взаимодействия общества с живой и неживой природой.

Важнейшими причинами нестабильности и рисков в становлении постиндустриального общества являются: практическая акцентировка на самодостаточность социальных механизмов устойчивого развития общества, доминирование потребительской культуры, рост релятивности научного знания в связи с ростом его производства и расширяющимся практическим использованием; недооценка воздействия самоорганизации природы как системы, формирующейся в процессе глобальной эволюции, включая и этап социального развития материи. Поэтому стабильность и безопасность общества обусловлены его «участием» в едином мировом процессе системогенеза, в том числе, в обеспечении перехода биосферы в ноосферу. Благополучие, как внутренняя цель общества, оказывается зависимым от более общей задачи – построения ноосферной организации жизни людей при помощи регулируемой коэволюции явлений и процессов живой, неживой природы и самого общества.

Литература

1. Фомин, М.В. Россия. Матрица социальной (не) стабильности / М. В. Фомин // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 8. – С. 56–57.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. CXLVI.
3. Там же. – С. С LI, CLIV, CLVI, CLVIII, CLIX, CLXII– CLXIII.
4. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. – М.: Прогресс. – Традиция, 2000. – С. 8, 11 – 12, 14. 16.
5. Бехманн, Г. Общество знания – краткий обзор теоретических поисков / Г. Бехманн // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 124.
6. Там же. – С. 125.
7. Некрасов, С. Н. Как гарантировать безопасность России в глобальном мире / С. Н. Некрасов. – Екатеринбург: изд-во УрГСХА. – 2008. – С. 6.
8. Там же. – С. 8.
9. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1989. – С. 197, 229.
10. Моисеев, Н. Н. Алгоритмы развития / Н. Н. Моисеев. – М.: Наука, 1987. – С. 143; Лебедев, С. А. Ноосферная картина мира / С. А. Лебедев, А. И. Панченко // Человек. – 2010. – № 5. – С. 5 – 18.
11. Волков, Ю. Г. Человек: Энциклопедический словарь / Ю. Г. Волков, В. С. Поликарпов. – М.: ГАРДАРИКИ, 1999. – С. 41.

*Бурнашев К.Э.,
МарГТУ, Йошкар-Ола*

СИНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

*Burnashev K.E.,
MarSTU, Yoshkar-Ola*

SYNERGETIC READING SOCIAL TECHNOLOGIES

Abstract. In the present paper we attempt to synergistic meaningful window-leniya social technologies as a phenomenon of modern social-humanitarian knowledge and practice. The author analyzes the synergistic potential of social technology called their nature and essence. Examines the prospects technologizing social space based on the Siner-energy representations

Синергетический подход к объектам социально-гуманитарных наук все чаще представляет собой новую исследовательскую оптику позволяющую увидеть то, что ускользает от классических подходов «это – ракурс эволюционности, когерентности, спонтанности, нелинейности поведения человека и развития социума. С позиции синергетики возможен свежий взгляд на уже давно известные, но нуждающиеся в переосмыслении феномены человеческой культуры» [10; 8].

В фокусе нашего внимания социальные технологии. Перспективность рассмотрения социальных технологий как феномена современной социальной инноватики с помощью синергетического подхода фиксируется рядом авторов. Так эвристичными подобные попытки считают весьма известные исследователи в этой области В.Н. Иванов и В.И. Патрушев [4; 37-41]. Осуществляет попытку социолого-синергетического анализа социальных технологий Г.А. Котельников. По мнению ученого для разработки социальных технологий необходимо состыковать воедино методологические принципы синергетики и социологии в рамках разрабатываемого исследователем социолого-синергетического подхода [8].

Исходя из сложившихся исследовательских точек зрения, можно констатировать, что синергетический подход к проблеме социальных технологий представлен: во-первых, как методологическая основа конструирования социальных технологий и здесь он очевидно вплетается в ткань социологии, культурологии, психологии, методологии; во-вторых, как мировидение; и здесь он идет рука об руку с социальной философи-

ей и выступает как рефлексия, философское осмысление социальных технологий как феномена современной науки и практики.

Учитывая тот факт, что социальные технологии рассматриваются, как правило, в рамках системы социального управления, как «инновационная система методов выявления и использования скрытых потенциалов социальных систем, получения общественно полезного результата при наименьших затратах» [3; 5] целесообразно в первую очередь обратить внимание на синергетическое прочтение сути управленческого процесса.

С позиций синергетического подхода понимание системы управления во многом отличается от классических представлений. «Классический, традиционный подход к управлению сложными системами основывался на линейном представлении об их функционировании. Согласно этому представлению, результат внешнего управляющего воздействия есть однозначное и линейное, предсказуемое следствие приложенных усилий, что соответствует схеме: управляющее воздействие — > желаемый результат. Чем больше вкладываешь энергии, тем больше будто бы и отдача. Однако оказывается, что многие усилия бывают тщетными, “уходят в песок” или даже приносят вред, если они противостоят собственным тенденциям саморазвития сложноорганизованных систем. Можно резонансно возбуждать правильные структуры в нелинейной среде, которые почти идеальны, близки к аттракторам эволюции. Причем резонанс — это не привычное нам взаимное усиление, параллельных воздействий, движений, колебаний, а эффективность малых, но топологически правильных; воздействий» [5; 44]. Синергетические принципы управления еще называют мягким управлением — «это управление посредством “умных” и надлежащих воздействий. Слабые, но соответствующие, так называемые резонансные, влияния чрезвычайно эффективны. Они должны соответствовать внутренним тенденциям развития сложной системы» [6; 159]. Таким образом, управление приобретает характер самоуправления или соуправления в котором далеко не все дозволено. Границы управляющего воздействия задаются природой самой системы. Нарушение этих границ или же простое их игнорирование приведет к тому, что цели управления скорее всего достигнуты не будут, а результат может быть во многом противоположный запланированному. История знает массу подобных примеров. На макроуровне социальной системы это особенно губительно, так как последствия приобретают глобальный характер.

Синергетический подход к проблемам управления сложными системами позволяет по новому взглянуть на феномен социальных техноло-

гий, осмыслить их место и роль в синергетической картине социальной реальности, определить границы их возможного применения и перспективы развития в современном нелинейно развивающемся мире, включить новые методологические принципы в основу развития современных социальных технологий и т.д.

Синергетический подход позволяет определенным образом описать объект технологизации и выявить те границы за рамки которых технолог в принципе не может выйти. Так если речь идет о процессах самоорганизации, то синергетика в первую очередь выявляет ту основу на которой эта самоорганизация происходит. Без понимания оснований самоорганизации сложной социокультурной системы невозможно и конструктивное технологическое воздействие на нее. Синергетика показывает, какие качества сложной системы необходимо учитывать при конструировании социальных технологий, на что в первую очередь обращать внимание. Изучая сложные самоорганизующиеся системы синергетический подход тем самым предъявляет определенные требования к социальным технологиям, которые должны соответствовать этой сложности, то есть отвечать сложности современных социокультурных систем. Сложность современного мира во многом вызванная значительными достижениями человека во второй половине XX – начале XXI века в области информационных технологий фиксируют многие современные исследователи. Так говорят о «вызове сложности» на которую должен быть дан не менее сложный ответ. «Вызов сложностью может быть снят только аналогичной сложностью в управлении системой» [11; 133]. «В наши дни стало общепринятым говорить, что мы живем в эпоху технологической революции, эпицентром которой является “взрывной” рост информационных технологий» [1; 9].

Постоянное усложнение процессов современного мира ориентирует науку и практику на новые методологические принципы освоения становящейся социальной реальности. В качестве такого принципа синергетика выдвигает принцип сложности. «Принцип сложности ориентирует нас на синергично-коммуникативный эпистемологический подход, “идентифицируемый кодовым словом *сложность* (complexity)” (М. Кастельс). Этот подход нацелен на конструктивную интеграцию научного мышления (не только естественнонаучного, но и социогуманитарного) в контексте новой системной парадигме, фокусом которой являются процессы возникновения самоорганизующихся структур, эмерджентные, нелинейные динамические системы, а также такие исследовательские области как конвергирующие технологии (включая нанотехнологии), искусственная жизнь, клеточные автоматы,

фракталы, генетические алгоритмы, взаимопереходы “порядок-хаос” т.д». [1; 10-11].

В контексте синергетического принципа сложностности совершенно по новому понимается и сущность социальных технологий, которые становятся необходимым дополнительным звеном в продвижении технологических проектов современной цивилизации, причем звеном весьма важным, отвечающим за формирования нового типа мышления, способного адекватно воспринять технологические нововведения. «Развитие высоких технологий с необходимостью должно сопровождаться становлением конгруэнтных этим технологиям социогуманитарных технологий. Одна из их функций состоит в разработке методологий гуманитарной экспертизы тех серьезных рисков и неопределенностей, с которыми сопряжена грядущая “нанотехнологическая революция”» [1; 13]. Сложность означает условие, которое необходимо учитывать при создании современных инновационных социальных технологий, причем не просто сложность, а все возрастающую сложность, постоянное усложнение. Речь идет о том, что сложность – это не стабильное, конечное состояние социальной системы, а процесс усложнения, который находится в стадии протекания. Все это говорит о том, что социальные технологии должны быть достаточно гибкими и реагировать на возможные усложнения, а возможно и распредмечивать сложность, делать ее доступной для сознания человека.

Сложностность помогает и адекватно понять жизненную необходимость технологизации социального пространства дабы сохранить динамическое равновесие в неустойчивой ситуации усложнения современного мира. Весьма актуально, в данном контексте, звучит гипотеза технико-гуманитарного баланса сформулированная отечественным исследователем А.П. Назаретяном: «социальная система стабильна до тех пор пока сохраняется гомеостазис (динамическое равновесие) между технической и гуманитарной культурами, то есть разрушительный потенциал производственных и боевых технологий в достаточной мере компенсируется качеством культурно - психологических механизмов сдерживания» [9; 54]. Важным следствием из этой гипотезы является фиксирование того факта, что бурный рост технологий должен компенсироваться созданием инновационных социальных технологий, которые в свою очередь и призваны обеспечить равновесие между технической и гуманитарной культурами. К сожалению приходится признать, что нынешняя ситуация далека от идеальной и техническая культура вырвалась далеко вперед в своих достижениях в то время как сознание человека ориентированное на потребительские установки осталось на прежней ступени и явно не соответствуют адекватному восприятию новейших достижений науки и тех-

ники. В данном контексте социальные технологии – это возможность компенсировать разрыв между двумя типами культуры: технической и гуманитарной, сформировав человека с новыми личностными структурами и социальные институты адекватные этому человеку.

Социальная синергетика по новому оценивает место и роль самого человека в картине социальной реальности. Они весьма значительны. «Человек не столько отражает, сколько строит окружающий мир, оформляет и организует его в соответствии с конструктивистскими установками своего сознания и своими ценностями» [6; 10]. Таким образом, человек в синергетическом понимании существо активно конструирующее социальный мир и себя в этом мире как личность. Исходя из такой оценки человека и его активности в современном мире социальные технологии престаюот как инструменты социального конструирования, как универсальные посредники между человеком и социальной средой. Отношения человека и социума становятся настолько сложны, что во многом опосредуются социальными технологиями. Так для того, чтобы соответствовать например, институтам гражданского общества, публичного существования закона и т.п. необходимо войти в пространство этих институтов, быть им адекватным. Это становится возможным благодаря целому ряду социальных технологий в области образования, медиа, политики и пр. Социальные технологии позволяют связать изменения социальных институтов с конструированием соответствующего типа личности, которому эти институты адресованы.

Любые реформы в государстве также должны конструироваться не по наитию и своеволию сильных мира сего, а на базе данных социально-гуманитарных наук и с необходимостью быть доведены до уровня социальной технологии. В качестве примера подобного рода социальных технологий, по мнению отечественного исследователя В.П. Шалаева выступают национальные проекты современной России «С позиций синергетики национальный проект – это технология управления обществом точечным направленным образом...призванные “завести”, “социально возбудить” в направлении осмысленных государственных целей и задач точки роста страны, с тем чтобы сила индукции, творческого подражания, передалась во все основные социальные группы общества, сфокусировав его внимание на стратегически важных для судеб страны направлениях жизнедеятельности в новых условиях глобализирующегося и хаотизирующегося мира» [11; 129-130].

Весьма важным для осмысления и конструирования социальных технологий представляется синергетическая идея о конструктивной роли хаоса в развитии социальных систем. «Хаос обладает творческой силой рождать новый порядок» [2; 119]. В связи с таким пониманием роли хаоса

в развитии социальных систем иную оценку получают так называемые деструктивные социальные технологии, которые направлены на разрушение, разбалансирование социального пространства, нагнетание кризисности, разрушение личностных структур, структур культурно-исторической памяти, распространение страха и паники и пр. С точки зрения социальной синергетики такие, глубоко девиантные технологии (например международный терроризм) не просто разрушают, что очевидно, сложившийся социальный порядок и распространяют хаос, но и нацелены на создание нового порядка, который из будущего, как структура-аттрактор начинает тянуть в свое русло социальную систему.

Опасность деструктивных социальных технологий как раз и кроется в порождении подобного рода структур-аттракторов, способных притягивать в поле своего действия социальных субъектов.

Важную роль в судьбе сложной социальной системы с точки зрения социальносинергетического подхода играют так называемые малые воздействия – флуктуации, которые в состояниях далеких от равновесия способны привести к макро последствиям. Эффект разрастания малого необходимо учитывать при внедрении той или иной социальной технологии в жизнь, так как непонятно «от чего происходят самые головокружительные общественные сдвиги – от агрессивной рекламной и маркетинговой политики в духе Б. Гейтса, от микропроцессорных и программных разработок Силиконовой Долины, от организационных инноваций в области интернет-торговли, от генно-инженерных вакцин или от виртуальных “вбрасываний” и от PR-проектов политтехнологов» [7; 212].

Подводя краткий итог сказанному необходимо отметить, что социальносинергетический подход к развитию современных социальных технологий крайне конструктивен и эвристичен в силу методологических возможностей синергетики, которые позволяют учитывать в конструировании социальных технологий доселе слабо учитываемые или вовсе игнорируемые факторы самоорганизации сложных социальных систем. Подчеркивая свой прикладной характер синергетика имеет реальную возможность воплотиться в действенных инструментах социального конструирования – социальных технологиях.

Литература

1. Аршинов В.И. Принцип постнеклассической сложности в методологии конвергирующих технологий // Социальная синергетика и актуальная наука: Национальные проекты России как фактор ее безопасности и устойчивого развития в глобальном мире: сборник научных трудов. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2008.
2. Бранский В. П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современность. – 1999. – №6.

3. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. – М., 2001.
4. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Социальные технологии. – М., 1999.
5. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5.
6. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. – М., 2006.
7. Копылов Г.Г. Социокультурные технологии и НТР // Этюды по социальной инженерии: От утопии к организации / под ред. В.М. Розина. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.
8. Котельников Г.А. Теоретическая и прикладная синергетика. – Белгород, 2000.
9. Назаретян А. П. Технология и психология к концепции эволюционных кризисов // Общественные науки и современность. – 1993. – №3.
10. Николаева Е.М. Социализация личности как проблема социальной синергетики: дис... докт. философ. наук. – Казань, 2006.
11. Шалаев В.П. Национальные проекты России как технологии экстремального управления (синергетический аспект) // Социальная синергетика и актуальная наука: Национальные проекты России как фактор ее безопасности и устойчивого развития в глобальном мире: сборник научных трудов. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2008.

**Войцехович В.Э.,
ТГУ, Тверь**

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА: ПАРАДИГМЫ И ПРИНЦИПЫ

**Voytsekhovich V.E.,
TGU, Tver**

MODERN SCIENTIFIC PICTURE OF A WORLD: PARADIGMS AND PRINCIPLES

Abstract. The scientific picture of a world is a system of modern paradigms, theories, concepts and the illustrative models. It's evolving from the antic period to modern. Modern picture is the relative, quantum, fractal and subject paradigms. But main element of it is the anthropic principle. It's appearing in a cosmology. The author is spreading the application of the principle to a synergetics and virtualistics, to the modern postnonclassic science in whole. The principle connects fundamental physic constants with mathematic constants.

Современная наука представляет собой чрезвычайно сложную систему знаний, развивающихся на базе науки как социального института, состоящего из академий наук, отдельных учёных, а также университетов и институтов, составляющих высшее образование в стране и мире.

Охватить единым взором это многообразие уже не представляется возможным одному человеку, даже гению. Лишь в эпоху Возрождения и в Новое время (17 – 18 столетия) это было ещё возможно. Однако если не науку в целом, то её сущность, главные методы, понятия, принципы, теории и парадигмы ещё можно понять человеку 21-го века. Даже не гению.

Такую возможность предоставляет философия как мировоззрение, как наиболее общий взгляд на бытие в целом. Для философии наука – лишь один из частных способов познания того, что существует (здесь мы не уточняем, что значит «существует», и какими методами наука исследует свои объекты).

Встав на «вершину горы познания», посмотрев на реальность с философской, обобщённой точки зрения, человек увидит в науке прежде всего научную картину мира (НКМ). А затем, взглядевшись в неё, заметит парадигмы, теории, понятия, принципы, методы. Отсюда вопросы: что такое современная НКМ, какие парадигмы, принципы составляют её?

Научная картина мира. Современную научную картину мира (НКМ) составляют такие конструкторы, принципы, теории, парадигмы, которые, во-первых, определяют развитие науки в наше время – в начале 21-го столетия (эти парадигмы выражают мнение ведущей группы учёных – как получивших новые выдающиеся результаты, так и являющихся организаторами науки – руководителями ведущих научных школ, институтов, академий), и, во-вторых, эти теории представлены в наглядной образной форме, воспринимаемой людьми, имеющими высшее образование и знакомыми с наукой, но не занимающимися ею профессионально.

Почему отличают науку и НКМ? – Потому что картине мира необходима наглядность, своеобразная «чувственность», «видимость» и даже простота. Наглядная сторона НКМ объясняет и упрощает весьма общие, сложные, абстрактные и тонкие понятия. Вместо теорий это фотографии звёзд, галактик, фильмы о запусках ракет, работе лазеров, ускорителей, а также рисунки и схемы элементарных частиц, чёрных дыр, фракталов, сложных химических соединений, наноструктур, схемы эволюции живых существ на Земле, виртуальных «миров» и т.п.

НКМ – это объединение (возможно, противоречивое) теории и зрительно-слуховых образов (рисунка, живописи, музыки, кино), т.е. теоретической, умозрительной и «практической», наглядной, «ощущаемой» сторон науки. Для учёных НКМ – это прежде всего теории, приборы, эксперименты. Для «непрофессионалов» НКМ – это фотографии и рисунки, стихи и песни о романтике научного поиска, торжественные сло-

ва о важности науки, это восторг, испытываемый астрономами при созерцании планет, галактик и туманностей и т.п.

Объединяясь вместе (теории и наглядный материал) и образуют научную картину мира. При этом под наукой в широком смысле понимают совокупность эмпирических наук и метанаук. Наука в узком смысле – это эмпирические науки. Метафорически выражаясь, они основаны на ощущениях и разуме, т.е. эмпирическое знание начинается с информации, поставляемой человеку его телом (5 органами чувств). Чувственная информация «оразумляется», т.е. обрабатывается доопытными формами познания, языком, логикой, математикой и превращается в факты, понятия, гипотезы, теории. Эмпирические науки – это естествознание, технико- и гуманитарное. Лидером в этой тройке является естествознание (физика, химия, биология, геология и т.п.). Технические науки (машиноведение, сельскохозяйственные науки, военные науки и т.п.) и социально-гуманитарные дисциплины (история, филология, юриспруденция, психология, педагогика и т.п.) хотя и развиваются специфическим образом, но на них до сих пор оказывают значительное влияние науки о природе. В то же время математика, логика, информатика, кибернетика не являются эмпирическими науками. Это метанауки, или знание, способное развиваться без ощущений, знание «чистого разума», т.е. в данной классификации метанауки идут «после» эмпирических.

Далее под наукой будем подразумевать только эмпирические науки - естественные, технические, гуманитарные. Важнейшую по значению и самую развитую часть НКМ составляет естественнонаучная картина мира (ЕКМ). Какие парадигмы входят в неё?

Современную ЕКМ образуют: 1) 3 парадигмы – *релятивистская, квантовая и новая – фрактальная*, созданная синергетикой, или теорией самоорганизации; 2) фундаментальные принципы, теории и концепции, возникшие относительно недавно, но уже получившие признание научного сообщества, – упомянутая синергетика, а также виртуалистика, теория сложности и «полуфилософская» концепция универсального эволюционизма. Вторая часть НКМ – техническая картина мира (ТКМ). Специфика данных наук осознана научно-философским сообществом относительно недавно (в конце 19-го столетия), и особые парадигмы здесь ещё не выделены. Ясно лишь, что техникосознание прямо связано с естествознанием и меньше с гуманитарными науками. Специфика техники в её внешнем, телесном (по отношению к человеку) характере, в конструктивности и функциональности. Техническое устройство соединяет человека с природой внешним образом, конструируется из неких

элементов и носит функциональный характер, необходима для выполнения функций, задаваемых потребностями человека и общества.

Третья часть НКМ – гуманитарная (социально-гуманитарная) картина мира (кратко ГKM). Сам термин «ГKM» не является общепринятым и остаётся до сих пор спорным, т.к. ведущую роль среди учёных играют естественники – главным образом физики. Для последних почти вся реальность – это неживая природа. А жизнь и тем более общество незначительны, играют ничтожную роль в природе. В то же время есть радикальная часть учёных, философов, футурологов, которые считают взгляды физиков пережитком механицизма 17-го столетия. На самом деле реальность почти вся живая и коммуницирующая – состоит из «существ-субъектов», общающихся между собой на самых различных языках. Отсюда эти учёные делают вывод: природа в сущности подобна обществу и человеку. А это уже напоминает самую древнюю – мифологическую картину мира. Поэтому в гуманитарии выделяют главную – *субъектную парадигму*, согласно которой сущность реальности (по крайней мере социально-гуманитарной) – субъект (человек, актор или даже общество как разумное антропоподобное существо).

Как сложилась современная НКМ? История НКМ. Картина окружающего мира у народов, образовавших западно-европейскую цивилизацию, прошла несколько этапов развития. Преднаучную картину природы у древних греков и римлян в период античности образовывали философские учения, образы и понятия, выросшие из мифологии. Боги как стихии земли, воды, воздуха, огня соединялись с учением о числе и гармонии Пифагора, с вечным огнём-движением Гераклита, с атомистикой Левкиппа и Демокрита, с гомеомериями (семенами вещей) и нусом (умом) Анаксагора, с учением о мировой душе Платона и даже Единым Платина. В античный период сложилась натурфилософская картина мира.

В средние века она преобразовалась в религиозную картину мира. Это представление, в которое были вкраплены редкие элементы философского и научного знания – такие как учение о форме и материи Аристотеля, об идеях и вещах Платона, географические знания, исторические и этнографические сведения о жизни народов, медицинские, астрономические и метеорологические наблюдения. В центре религиозной картины мира находился человек. Именно его создал Бог в последний день творения. Человек – хозяин природы. Но как только появляется индустриально-технологическое, буржуазное общество, картина мира радикально изменяется: из неё исчезает человек.

В 17-м столетии возникает классическая НКМ, основанная на механике и физике Г.Галилея, Р.Декарта, И.Ньютона. Природа, общество и

даже человек понимаются механистически – как своеобразные машины. Всё сводится к материальным («бездушным», мёртвым) корпускулам, движущимся и взаимодействующим по вечным законам физики. На 3 столетия человек как существо высшее, творящее, духовное исчезает из НКМ. Однако уже с 1900 года формируется неклассическая, квантово-релятивистская картина мира. В квантовой механике, специальной и общей теориях относительности изучаемые объекты становятся зависимыми от акта наблюдения и условий исследования. В принципе неопределённости, в редукции волнового пакета, в системе координат прямо или косвенно проявляется субъект. Аналогично физике в математике также происходит «субъективация» знания. В 1908 году Л.Э.Я Брауэр создаёт интуиционизм – новое направление в обосновании математики. О нём Брауэр пишет, что оно наиболее сильно проявит себя в гуманитарных науках – истории, социологии, психологии. В интуиционистской математике появляются такие странные понятия как «свободный выбор», «творец» и другие. В формалистской программе обоснования математики Д.Гильберт выдвигает понятие метатеории как теории, обосновывающей другую теорию. Метатеория играет роль своеобразного «субъекта», исследующего объектную теорию. Таким образом, в 20-м столетии человек вновь (как и в религиозной картине мира) становится частью картины реальности.

С 70-х годов 20-го столетия в науке проходит фундаментальная революция, в ходе которой возникает постнеклассическая НКМ, изменяются главные идеалы и цели, основания науки, стиль мышления учёных, их отношения с обществом, властью, религией. В чём состоят эти изменения? Основные методологические установки классической науки, сформулированные в 17-18-м столетиях, – это объективность, натурализм, локальность, аналитизм, кумулятивизм (Лебедев С.А.). Главное требование классической науки – объективность, бессубъектность знания. Необходимо максимально оградить познание реальности от влияния человека, его личного мнения, ошибок, индивидуальных особенностей и социально-культурных пристрастий.

Требование объективизма возникло в 16 – 17 столетиях, во-первых, вследствие борьбы против религиозного мировоззрения, преувеличивающего, по мнению учёных-механицистов, значение человека во вселенной, а во-вторых, вследствие изменения социальных идеалов, перехода внимания буржуазного общества от внутреннего, духовного познания к внешнему познанию, к исследованию природы. Но с начала 20-го века в знание проник субъект – как в форме системы координат, так в виде условий наблюдения. В результате идеал классической науки «объек-

тивная истина» подвергается критике и начинает пересматриваться. Аналогичной критике подверглись и другие установки.

Натурализм (представление о самодостаточности природы без человека) стал сомнительным, т.к. в фундаментальных законах физики проявляется субъект. Научное сообщество начинает пересматривать и требование локальности (представление о том, что все связи в природе сводятся к локальным причинно-следственным цепям). Раньше всего это проявилось в квантовой теории проявляется дальноедействие: в 30-е годы формулируют парадокс Эйнштейна-Подольского-Розена, в 60-е – неравенства Дж.Белла, в 80-е – несиловую связь частиц (эксперименты А.Аспекта, Гренгера И., Роджера Г.).

Устаревшим признан и аналитизм (якобы для выражения любых процессов в природе достаточно аналитических функций). В квантовой механике функции могут быть произвольными, используются функционалы, разрывные функции, применяются бесконечномерные пространства Гильберта. Сомнительным считается и кумулятивизм (представление о том, что в процессе развития науки последующие знания «наслаиваются» на предыдущие знания, не изменяя их). Принцип соответствия подорвал доверие к кумулятивизму ещё столетие назад, а философия науки Т. Куна показала логическую несовместимость научных парадигм.

Главной странностью квантово-релятивистской научной картины мира, возникшей в начале 20-го столетия, стало присутствие субъекта. Субъект (учёный, научное сообщество или даже «космический субъект») всегда присутствует в объектах теории. Это выражается в зависимости знаний от системы координат, от условий наблюдения, от средств умозрения и экспериментальных методов. В математике – от метатеории, играющей роль как бы субъекта, исследующего объектную теорию. В конце 20-го столетия объективная истина как идеал научного познания размывается и становится объект-субъектной истиной.

Бессубъектность была признана слишком грубой идеализацией, искажающей реальность. В современной науке (космологии, психологии, синергетике, виртуалистике, теории сложности) стали использоваться настолько тонкие понятия и принципы, что требование объективности (в смысле полного устранения человека из знания) стало извращающим знание и опасным при использовании науки. В частности, бессубъектность способствовала распространению заблуждения, будто учёные лишь открывают истинное знание, а применение его (для добра или для зла) – это не их дело. Мол, глобальные проблемы – ядерную опасность, экологическую катастрофу, генную угрозу – породила власть, а не наука. В отрицательных последствиях применения знания виноваты

якобы только безнравственные политики, военные, бизнесмены, а учёные ни при чём. Данное мнение является типично западным заблуждением, т.к. оно основано на грубой дифференциации – отделении причин от следствий. Ведь если бы учёные не открыли новые знания, не было бы и их применения.

Помимо проблем с объективностью в науке как социальном институте возник значительный разрыв между относительно новыми «авангардными» теориями и относительно «старыми», устоявшимися дисциплинами, не изменившимися принципиально за последнее столетие. Действительно математика, физика, биология, психология испытали значительные изменения за 20-й век. Но география, юриспруденция, историческая наука, педагогика и ряд других направлений познания мало изменились за столетие. Значительная часть представителей этих наук продолжают мыслить в механистически-линейном духе, который они восприняли от физики ещё в 17-м столетии. Именно по этой причине такие устаревшие идиомы как «механизм управления», «педагогические технологии», «локомотивы истории» продолжают активно использоваться в гуманитарии и в 21-м веке.

В результате образовался разрыв между «физиками и лириками». Взаимное непонимание между естественниками и гуманитариями остаётся значительным. Первые считают вторых второсортными учёными, а гуманитарии в ответ замыкаются и не желают слушать критику со стороны физиков, математиков и других «непрофессионалов» в области человека и общества.

Другой разрыв в современной научной картине мира образует противоречие между новым и старым, т.е. квантовой, релятивистской и фрактальной парадигмами 20-го столетия, с одной стороны, и «дряхлеющим» механицизмом, с другой. Механицистская парадигма остаётся влиятельной на периферии научного поиска. Она ещё широко используется в технических науках и некоторых гуманитарных. Из-за этого возникает непонимание со стороны физиков, компьютерщиков, философов и упреки в отсталости, несовременности таких дисциплин как история, филология, юриспруденция, а также машиноведение, сельскохозяйственная наука и другие.

Новые дисциплины – главное в современной НКМ. Ведущий кластер составляют относительно новые теории, принципы, парадигмы, появившиеся с 70-х годов 20-го столетия. Это антропный принцип, синергетика, виртуалистика, теория сложности, а также универсальный эволюционизм. Они образовали постнеклассическую науку – науку о сложных человекомерных системах (В.С. Стёпин). Антропный принцип

устанавливает связь фундаментальных физических констант, законов природы и возможность возникновения сложных живых систем и разума во вселенной¹⁷. Синергетика изучает переходные процессы, пытаясь увидеть за ними законы самоорганизации¹⁸.

Виртуалистика исследует виртуально-информационную или шире - виртуальную реальность¹⁹. Концепция сложности пытается сформулировать специфические особенности «сверх»-сложных систем²⁰. Концепция универсального эволюционизма представляет всю природу в виде единого процесса развития и ищет законы эволюции, общие для вселенной, биосферы, социума и человека²¹. Во всех этих концепциях и теориях налицо объекты, рассматриваемые как процессы, как «вечное движение», «как текущая вещь», эволюционирующая в каком-то направлении, к аттрактору. Примерами таких «объекто-процессов» являются переходы между фазовыми состояниями, динамический хаос, фракталы и т.п. Роль субъекта в новой науке ещё больше усилилась, т.к. сложные человекомерные системы стали основным предметом изучения.

Понятие объективной истины, сформулированное в классической науке, и даже объект-субъектная истина неклассической науки оказались недостаточны для понимания переходных процессов и хаоса. Идут поиски нового, постнеклассического понимания истины²². Объектом постнеклассической науки, по мнению В.С. Стёпина, стали сложные человекомерные системы. Отсюда интерес к роли человека во вселенной, в бытии. Ещё до формулировки Стёпиным понятия об объекте новой науки шли долгие дискуссии о её специфике – в чём она? В нелинейности или темпорологии, сложности или виртуальности? В дискуссиях конца 90-х годов с С.П. Курдюмовым и Е.Н. Князевой В.И. Аршинов первым предложил считать спецификой нового познания антропность. Действительно «проблески» антропного принципа возникли в науке ещё в начале 20-го века, а в кибернетике, самоорганизации, виртуалистике, сложности они стали ещё яснее. После многочисленных споров, с 2000-го года основная часть научного сообщества (по крайней

¹⁷ Хокинг С. От большого взрыва до чёрных дыр. М., 1990.

¹⁸ Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и образовании. М., 2007.

¹⁹ Грязнова Е.В. Виртуально-информационная реальность в системе «Человек - Универсум». Нижний Новгород, 2006. Павлова Е.Д. Сознание в информационном пространстве. М., 2007.

²⁰ Леонов А.М. Наука о сложности в эпоху постмодерна. Якутск, 2004.

²¹ Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы. М., 2007

²² Аршинов В.И., Войцехович В.Э. Синергетическое знание: между сетью и принципами // Синергетическая парадигма. М., 2000. С. 107 – 120.

мере в России) признала антропность спецификой постнеклассической науки, её ядром.

Рассмотрим, что же такое антропный принцип (АП) и как выглядят ведущие парадигмы с позиций антропики? Возникнув в космологии, АП стал распространяться на синергетику, затем виртуалистику, теорию сложности и науку в целом. Антропный принцип в космологии. В 50 – 60-е годы ряд учёных открыли, что возникновение жизни и разума во вселенной обусловлено фундаментальными физическими постоянными (ФФП) – такими как c (скорость света), e (заряд электрона), h (постоянная Планка), H (постоянная Хаббла), γ (гравитационная постоянная), $1/137$ (постоянная тонкой структуры) и другими. Изменение хотя бы на 1% любой из ФФП приводит к сдвигу и остальных постоянных. В результате такого мысленного эксперимента образуется вселенная, в которой достаточно сложные системы не возникают вообще. Например, после первичного взрыва образуются атомы водорода H и гелия He , но не образуются более тяжёлые атомы, необходимые для возникновения жизни и её последующего развития. Планеты падают на звезду или удаляются от неё как угодно далеко и т.п. Отсюда вывод: жизнь и разум как бы «запрограммированы» в законах природы и тех значениях ФФП, которые фиксированы в нашей Метагалактике.

Как возник антропный принцип? Вероятно, первым его сформулировал советский ученый Г.М. Идлис (в 1956 г.). Позже, через 5–10 лет о сходных идеях заявили немец О. Хекман, англичанин Ф. Хойл и другие. Термин “антропный принцип” распространился в научных кругах. Стал же широко известным он в 1973 г., когда английский физик Брендон Картер изложил следствия из него. По мнению Картера, физические константы должны располагаться в очень узком диапазоне, чтобы сделать возможным существование жизни. Измеренные величины этих констант действительно находятся в этом диапазоне. После Картера термин «антропный принцип» стал предметом обсуждений приверженцев концепции сверхъестественного сотворения мира, согласно которой вселенная и жизнь были созданы Творцом. Так, евангелический пастор и бывший астроном Хью Росс (его сочинения рассмотрены на сайте www.bigfoot.com/~perakh/bibl_science/) перечисляет многочисленные примеры физических констант, чьи величины представляются крайне точно “подобранными” для возможности существования жизни.

Также приводят аргументы в пользу сверхъестественной интерпретации антропного принципа Н. Авиезер, Ф. Хирен, П. Глинн, В. Бредли и многие другие. Появились различные версии принципа. Наибольшее распространение получила версия под названием слабый АП. Он озна-

чает: *вселенная такова, что жизнь и разум могут появиться в процессе её развития.*

Другая версия антропного принципа часто именуется сильным АП. Он означает: *вселенная такова, что жизнь и разум обязательно появляются в процессе её эволюции.* Ещё одна версия – это «частичный» АП. Согласно ему концепция антропного принципа была предложена под трудно переводимым на русский язык английским названием *Participatory Anthropic Principle*, смысл которого сводится к предположению, что наблюдение вселенной человеком само по себе в определённой мере предопределяет её свойства. Эта концепция проистекает из идей копенгагенской интерпретации квантовой механики (Н Бор). Сходное представление о природе высказал Будда. Главный тезис буддизма: каким вы хотите видеть мир, таким вы его и видите. Поэтому такое понимание принципа можно назвать также «буддийским антропным принципом».

Наконец, ещё одна версия антропного принципа, названная Окончательным Антропным Принципом, была предложена Барроу и Типлером в их книге «*The Anthropic Cosmological Principle*» (1986 г.). Согласно этой концепции само существование вселенной обязано её наблюдению разумными существами. В то время как скептицизм в отношении ряда мало обоснованных версий антропного принципа вполне понятен, сам факт удивительного соответствия величин физических констант требованиям возникновения жизни установлен вполне надёжно. Независимо от предпочитаемого истолкования антропного принципа, все его версии основаны на принятии указанного соответствия.

В контексте проблемы АП имеют смысл вопросы о множественности вселенных и соответствующих ФФП, об условиях возможности человека в той или иной вселенной, о связи фундаментальных констант (физических и даже математических) с человеком. Отсюда и вовсе «сумасшедший» вопрос: существует ли «константа человека», или, метафорически выражаясь, «число человека»²³? «Число» в том смысле, что множество всех возможных вселенных можно разбить на 2 класса: антропные и неантропные. В первых человек возможен, во вторых нет. Тогда и физические постоянные в них разные. В первых существует набор физических условий, благоприятных для человека, во вторых нет. Первые подчинены законам и ФФП, среди которых скрыта «константа человека», вторые нет.

²³ Войцехович В.Э. Антропный принцип как философско-математическая проблема: существует ли число человека? // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». № 3 (31). 2007. С. 23 – 32.

В антропных вселенных возможен человек на физическом плане, а в других нет. Вопрос обретает смысл, если мы вспомним, что даже на поверхности Земли существуют области, благоприятные для человека, где он возможен и живёт, а существуют и неблагоприятные, где он практически не бывает (пустыни с 50-градусной жарой или полюс холода в Антарктиде, где температура опускается до минус 90 Цельсия). Аналогично во вселенной с 1- и 2-мерным пространством невозможны сложные системы, такие как живые существа (в том числе и человек), а в 3-мерном возможны.

Вопрос о числе человека связан с проблем Гильберта: можно ли из математических констант вывести физические постоянные²⁴? Фундаментальные математические константы (ФМК) – это 1, π , e , i , постоянная Эйлера и другие. Все они связаны друг с другом и выводятся друг из друга, но связаны ли они с физическим миром? Общепризнанного ответа за столетие поисков не получено. Множество авторов брались за выведение из математических констант - физических постоянных, из ФМК - ФФП. На этом пути они руководствовались уверенностью ряда известных математиков и физиков-теоретиков в том, что «В математике все есть», т.е. все физические законы, постоянные, физическая структура мира в целом – все это потенциально содержится в уже открытых или пока не открытых, будущих математических структурах²⁵.

Вероятно, это утверждение поддержал бы не только основатель теоретической математики Пифагор, но и многие ученые последующих столетий, так или иначе соглашавшиеся с принципом «Все есть число». Именно поэтому до 17 века, до начала экспериментальной и эмпирической науки Нового времени не ставился (да и не мог ставиться) вопрос о том, почему математика применяется в естествознании, или вопрос о «Необъяснимой эффективности математики в естественных науках» (Е. Вигнер). До 17 столетия подобный вопрос был бы бессмысленным в силу веры многих ученых и философов в то, что в сущности мира лежит математика. То, что очевидно, не нужно ни объяснять, ни верифицировать. В то же время с появлением естествоиспытателей наука стала пониматься как попытка по отношению к пассивному объекту – природе. Но ведь попытка убивает, превращает живое в мертвое, поэтому целостность мира, всеобщая связь вещей исчезли в классической (механистической) науке и направлениях философии, внутренне связанных с нею, ориен-

²⁴ Гильберт Д. Основания физики // Альберт Эйнштейн и теория гравитации. М., 1979.

²⁵ Войцехович В.Э. Фундаментальные физические постоянные и математические константы // Методологический анализ математических теорий. М.: Центр. Совет филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР. 1987. С. 232-234.

тированных на нее (позитивизме, прагматизме, например). Современная, постнеклассическая наука²⁶ пытается восстановить целостность представления о мире, более того, понимает природу как синергийный организм, в котором совместно, в единстве, в коэволюции развиваются живая и неживая материя, человек и вселенная.

Среди различных определений математики для нас имеют значение те, которые сводятся к пониманию ее как совокупности возможных формальных структур (Д.Гильберт, Н.А. Колмогоров, С.Маклейн). С такой точки зрения наш физический мир «содержится» как весьма частный случай в математике. Причем математика содержит в себе не только известный нам физический мир, но и множество иных миров, не открытых пока даже теоретически, неизвестных науке даже на уровне гипотез.

Антропный принцип объясняет, почему не удавалось до сих пор из ФМК вывести ФФП. Дело в следующем. Предположим, верен сильный АП. Тогда ясно, что ФФП привязаны к разумному наблюдателю, присутствующему во вселенной (какой-то метagalактике). В то же время ФМК не привязаны к нему, т.к. математика потенциально содержит не только наш мир, но и множество иных вселенных, в том числе без жизни и даже неантропных - без человека. Чтобы сократить множество вселенных, описываемых ФМК, необходимо добавить ограничение – ещё одну константу (или константы), выражающую антропный принцип и законы, описывающие человека во всех метagalактиках, где может существовать человек (сюда входит и наша Метagalактика). Назовем эту константу А (по имени первочеловека Адама). При добавлении к ФМК новой константы А множество возможных миров сокращается до множества антропных вселенных, т.е. вселенных, в которых присутствует человек. Из (ФМК + А) выводятся ФФП. Такова основная гипотеза о решении проблемы Гильберта о возможности вывода из ФМК - ФФП.

Но откуда взять константу А? – Возможно, из тех областей наших знаний, которые описывают человека, например, из интуиционизма, из так называемой гуманитарной математики²⁷. Впервые идею о человекомерной математике высказал голландец Л.Э.Я. Брауэр в 1908 г. Он создал интуиционизм – направление в математике и ее основаниях, которое ориентировано на мышление, применимое в истории, психологии и других гуманитарных областях²⁸. Брауэр вводит, например, *свободно* становящиеся последовательности, *свободу* как метапонятие и вообще

²⁶ Стёпин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.

²⁷ Войцехович В.Э. Математика в предчувствии перемен // IX Всесоюзная конференция по логике, философии, методологии науки. Минск, 1989.

²⁸ Гейтинг А. Интуиционизм. М., 1965.

объекты, зависящие от решения людьми тех или иных проблем. Так, математики спорят о принятии или непринятии определённой аксиомы и тогда получаются разные теории. Брауэр задаёт вопрос: существует ли в разложении числа π сочетание 1234567890? Вопрос не простой, поскольку это число трансцендентно и «длина» разложения π бесконечна (в смысле актуальной бесконечности).

Сегодня мы имеем ответ. Доказано, что в разложении π присутствуют любые конечные последовательности чисел. Для философии это принципиально важно. Метафорически выражаясь, в отношении между кривым и прямым есть ВСЁ – всё возможное в математике. Об этом могли думать помимо Брауэра ещё Пифагор, Платон, Николай Кузанский, Г. Лейбниц, Г. Кантор и другие великие математики и философы. Если π уподобить, так сказать, математической вселенной, то в ней есть и антропные «подвселенные», и неантропные. Позже Брауэр вводит в математику понятие Творца как активного начала, созидającego ту или иную математическую теорию в зависимости от собственного свободного выбора. Сходные идеи о субъектном начале появляются также в основаниях математики у Э. Цермело (в аксиоме выбора), у Гильберта в метаматематике (метатеория играет роль как бы субъекта по отношению к изучаемой ею объектной теории).

В чем-то сходные идеи о *духовной математике* высказывали о. Павел Флоренский, А.Ф. Лосев, В.В. Налимов и другие. Конечно, в последнем случае под математикой понимают уже не науку о числах и фигурах и даже не науку о бесконечности (Г. Вейль), а скорее учение о свободной игре мыслеформами. Такой взгляд ближе к Г. Кантору, говорившему, что сущность математики в свободе, Д. Гильберту, писавшему об формально-игровой природе математики, и Э. Брауэру, писавшему о внутреннем единстве математики, искусства, жизни. Так, разрабатывая концепцию спонтанности бытия и познания как распаковки смысла, упакованного на семантическом континууме, Налимов обосновывает всеобщность геометрического (пангеометризм) и полагает, что не только жизнь, но даже сознание получают со временем «геометрическое» основание²⁹. Таким образом, антропный принцип ввёл человека (как субъекта) прямо в центр научного знания. Понимание природы к концу 20-го столетия стало человекомерным. Антропика – учение о связи человека и вселенной – из чисто мировоззренческой, философской концепции становится научной теорией. Естественным же основанием АП стала концепция универсального (глобального) эволюционизма, которую заложили немецкие философы

²⁹ Налимов В.В. Разбрасываю мысли. М., 1982.

И.Г. Фихте и Г.Гегель, затем русские космисты – Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьёв, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.И.Вернадский, а также французские космисты Э. Ле Руа, Тейяр де Шарден.

Антропный принцип в синергетике. Параллельно с развитием антропологии сходные идеи появились и в теории самоорганизации. Согласно С.П. Курдюмову и Е.Н. Князевой «АП оказывается принципом существования сложного в этом мире. Чтобы на макроуровне сегодня было возможно существование сложных систем, элементарные процессы на микроуровне изначально должны были протекать очень избирательно»³⁰. Восхождение систем по ступенькам эволюции означает реализацию всё менее вероятных событий и процессов. Таким образом, эти авторы связывают космологический АП с преодолением 2-го начала термодинамики во вселенной и эволюции в направлении усложнения форм.

Фактически как космологи, так и синергетики под антропосом (человеком) понимают сложное и рассуждают лишь об условиях возможности сложного во вселенной на языке фундаментальных физических постоянных и на языке синергетики. Слабый антропный принцип у С.П. Курдюмова и Е.Н. Князевой утверждает возможность (потенциальную осуществимость) сложного и всё более усложняющегося во вселенной. Сильный вариант принципа они не формулируют, но он также возможен: системы как угодно высокой сложности существуют во вселенной. Правда при этом необходимо значительно развить и точно сформулировать теорию сложности, или сложных систем. Явно здесь ощущается огромное богатство сложных образований, которые являются сначала живыми, а затем разумными и сверхразумными существами, существующими на многих планах бытия и использующими всё более быстрые взаимодействия и соответствующих переносчиков информации. В современной науке догадки об этом – это ЭПР-парадокс, неравенства Белла и их следствия. При этом под вселенной понимается наблюдаемая и научно мыслимая часть бытия (поле), выражаемая в виде совокупности фундаментальных физических постоянных и законов физики, трактуемых в синергетическом смысле, т.е. как законов самоорганизации и эволюции.

Антропный принцип в виртуалистике. Интересно, что вслед за антропикой и синергетикой, примерно с 80-х годов 20-го столетия, возникает виртуалистика. Исходная идея виртуальности проявляется уже в античности. Но самостоятельное философское значение термин «виртуальность» получает лишь в период средневековья. Главными смыслами этого понятия были: «возможность» (от аристотелевского «дьюнамис»); способ существования идеи (от платоновской «копия копии»); «внут-

³⁰ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. СПб, 2002. С. 62–63.

ренная сила», факторы, определяющие становление вещи, ее энергичность и другие свойства; реальность, выступающая в качестве посредника (от *virtus*). Существенную роль для понимания виртуальности играет с 17-го века понятие возможных миров Г. Лейбница³¹.

Однако эти идеи развивались очень медленно, подспудно. Лишь к концу 20-го столетия виртуалистика заявила о себе в полный голос. Видимо, развитие теории информации, информационных технологий, теории самоорганизации, исследований взаимодействия человека и техники, «воображаемых миров» – вообще ощущение нового научного подхода к миру, постнеклассической науки и актуализировало виртуалистику. Получив кибернетический и синергетический контекст, виртуалистика начала успешно развиваться. Метафизической основой виртуалистики является представление о полионтической парадигме. Последняя означает, что существует множество планов бытия (реальности), равноправных по статусу «бытийности». Одним из этих планов выступает виртуальная реальность. Человек же способен переходить с одного плана на другой и устанавливать связи между планами, в частности, между актуальным и потенциальным, константным и виртуальным и т.п.

Концептами виртуалистики (аналогами объектов) являются виртуальное, виртуальная реальность, виртуация, информационный виртуал, информация, информационная реальность, виртуально-информационная реальность. Субъекты (и квази-субъекты) же действуют в виртуально-информационной реальности.

Специфику виртуалистики можно объяснить следующим образом. Существует множество планов бытия, или реальности. В обыденном языке принято считать реальностью т.н. телесную реальность, т.е. множество ощущений, организованных в систему благодаря мировоззрению, философии, картине мира, принятой данным индивидом (обычно через воспитание и образование). Большинство людей и понимают под реальностью только её телесную часть. Все остальные планы бытия с подобной «телесной точки зрения» выглядят как вторичные, зависимые – «ненастоящие», порождённые: их называют виртуальной реальностью. Приблизительный список их названий: «возможные миры», «потенция», «энергия», «идеальное» и «идеальная реальность», «психическое» и «психическая реальность», в частности, сознание и «реальность сознания» (в том числе «сознание в норме» и «изменённые состояния сознания»), «субъективное» и «субъективная реальность», «социальное» и «социальная реальность» и т.п.

³¹ Грязнова Е.В. Виртуально-информационная реальность в системе «Человек – Универсум». Нижний Новгород, 2006.

Однако такое деление сомнительно. Если признавать многомерность реальности и не сводить человека к одному телу, а в той или иной мере признавать высочайшую сложность человека, тогда реальны и вещество, и идеи, и сны, и фантазии, а человек – это и тело, и душа, и дух и, возможно, что-то и ещё невыразимое и непознаваемое. В широком смысле реальность – это всё, что 1) существует хоть в каком-то смысле, что «упирается», обладает собственной инерцией, спецификой, или сущностью и качеством (по Гегелю), 2) что проявляется, т.е. обнаруживает себя через взаимодействие, через другое. Причём взаимодействие здесь понимается в самом широком смысле, т.е. не только физическое действие. Широкое понимание виртуальной реальности (как мира возможных форм) оправдывается историей научного познания. Как правило, познание происходило по пути расширения смысла объекта, превращения фиксированных, константных значений в нефиксированные, свободные, динамические. Например, такой математический объект как число за тысячи лет прошёл огромную эволюцию смысла: натуральное число, рациональное число, иррациональное число, действительное число и т.п. В физике понятие энергии в 17-м веке имело лишь положительное значение, в 20-м – уже отрицательное, а сейчас даже мнимое и комплексное значение.

Отсюда вывод: существует большой мир возможного (виртуального) и малый мир возможного. Большой мир – возможное в максимальном смысле (так сказать, для Бога), а малый мир – «реально» возможное (для человека). Отсюда антропный принцип в виртуалистике (кратко АПВ): 1) широкий, или слабый АПВ: *виртуальная реальность такова, что в ней возможно существование человека*, 2) узкий, или сильный АПВ: *виртуальная реальность такова, что в ней обязательно существует человек*.

При этом виртуальная реальность понимается как максимально возможное обобщение понятия «вселенная» (в смысле виртуалистики).

Обычно имеют ввиду и обсуждают только 2-й смысл виртуальности – наиболее очевидный, узнаваемый, привычный, человекомерный. Его ввёл ещё Протагор: «Человек есть мера всех вещей, существующих, поскольку они существуют и несуществующих, поскольку они не существуют». Но из философии и теологии следует, что должен существовать и 1-й, широкий смысл (от Бога, а не от человека). Конечно, есть множество оттенков в понимании терминов «человек», «Бог», «Творец», «Высшее». Это множество оттенков образует целый спектр различных смыслов: от ветхозаветного Бога-отца до Атмана-Брахмана (мирового духа у ариев) и «неназываемого, тёмного Дао» (у основателя даосизма Лао Цзы). История философии, религии, науки и искусства даёт нам огромное разнообразие этих смыслов. Конечно, все эти смыслы (и из прошлого, и из будущего) – только часть виртуальной реальности в слабом АПВ. С таким смыслом

скорее всего согласится кто угодно – и религиозный человек, и атеист, и человек с неформившимся мировоззрением.

В чём суть дела, в чём самый простой смысл АП и, в частности, АПВ? В Торе (Ветхом завете) некая Высшая сила зовёт Моисея взойти на Синайскую гору. Когда Моисей поднимается на гору и спрашивает призывающего: «Кто ты?», он получает ответ: «Я есмь сущий». Это можно понимать так: абсолютное существование имеет только Творец. Всё остальное – относительно. Любая вещь, существо, человек может существовать как в большей, так и в меньшей степени. Поэтому степень существования вещи зависит от степени близости к Творцу. Творец актуален, всё остальное потенциально, виртуально.

Сильный АПВ тривиален. Он означает, что виртуальная реальность полностью доступна человеку, открыта для него, поскольку создаётся им самим. Любая задача разрешима (хотя бы в принципе, например, как установление бессмысленности постановки задачи в данной системе аксиом). Слабый же АПВ содержит по крайней мере 3 важных идеи: 1) существует «вся возможная в принципе реальность», она же есть потенциальная реальность (универсум), 2) человеку доступна лишь её часть, по Канту, – «вещь-для-нас»; 3) вне этой человекомерной части существует непознаваемый мир “нечеловекомерной” части, которая человеку недоступна: это «вещь-в-себе». Познаваема ли «вещь-в-себе»? Есть 2 основных мнения: 1) «вещь-в-себе» познаваема (хотя бы в принципе, в возможности) и 2) непознаваема (даже в возможности). Первое мнение сближает слабый АПВ с сильным АПВ. Второе мнение соответствует слабому АПВ в «чистом» виде. Чтобы решить – какой из 2 принципов (сильный или слабый) более соответствует «подлинной реальности», необходимо искать контекст (теорию, концепцию, учение), включающий оба варианта АПВ как частные случаи. И такой контекст в истории познания известен: он заключён в даосизме, буддизме, исихазме, в философии молчания³². В этих учениях заключена мысль о наличии границ у любой идеи, понятия, тем более слова (термина), содержится идея ограниченности любого, самого универсального языка, языка вообще.

Известно выражение М.Хайдеггера «Язык – дом нашего бытия». Как это понимать? – Удобно жить в доме. Но ведь можно быть (жить) и вне дома. Неудобно, но возможно. Постоянное расширение границ языка-дома составляло основную цель западного познания, которое не мыслит себя вне логоса, вне формы. Но и самый потенциально гибкий язык, максимально универсальный язык имеет границы. Границы языка – это в сущности границы понятия. Вне этих границ – бытие вне языка, вне

³² Богданов К.А. Очерки по антропологии молчания. СПб, 1998.

понятий, на основе т.с. «молчания». Там есть что-то, но нет формы, следовательно, нет различия, следовательно, нет информации. Невозможен понятийный язык в принципе. Что бы об этом сказал Пифагор, который ввёл понятие «философ», или «любитель мудрости»? На наш взгляд, он согласился бы с ограниченностью любого языка, с мудростью за пределами Логоса. Естественно, при приближении человека к границам языка как всегда возникают парадоксы. Возможно и другое объяснение предлагаемого подхода к объединению 2 вариантов АПВ - объяснение, идущее от природы человека. Если следовать западной, христианской модели человека, то человек – это как бы «матрёшка»: внешняя часть – тело, внутри него психика (душа), внутри неё – дух (монада, вечная часть и т.п.). Первая и вторая оболочки конечны, лишь третья вечна (бесконечна). В арийской (брахманистской, ведийской) культуре выделяют не 3, а 7 «тел». Но различие между 3 и 7 в данном случае не важно. Важно, что во всей мировой культуре, у наиболее авторитетных мыслителей признаётся единство всего сущего, а следовательно, признаётся «мост» между вечным и конечным. Познание мира возможного и есть продвижение по этому мосту – постепенное открытие: 1) возможного для тела, 2) возможного для психики (души), 3) возможного для духа (монады). Описанные ступени 1, 2, 3 образуют множества 1, 2, 3. Множество 1 – часть множества 2, которое в свою очередь – часть множества 3. Однако является ли множество 3 (возможное для духа) максимально возможным – вопрос открытый, зависящий от мировоззрения субъекта, задающего вопрос. Если субъект придерживается АПВ в сильном смысле, то «да», множество 3 – максимально возможное. В этом случае человек (точнее его монада) в принципе способен слиться с Богом, стать им. Тогда множество 3 как максимальная актуализация потенциального равна универсуму. «Вещь-в-себе» в принципе познаваема.

Если же субъект придерживается АПВ в слабом смысле, то «нет». В этом случае монада человека не способна стать Богом, а множество 3 – не максимально возможное, оно строго меньше универсума. «Вещь-в-себе» непознаваема. Как обычно на границе нашего познания возникает серия антиномий. Парадоксы говорят о пределах мировоззренческого учения, о границе понятий «реальность», «потенциальное», «актуальное», «виртуальное», «информация» и т.п. За границей – бытие, но бытие без формы. Информации нет, языка нет. Бытие есть, познания нет. Интересно, что сходные идеи высказывались в ведийском мировоззрении, развивавшемся за пределами Логоса, в учении о «недвойственности» – Адвайте³³, в буддийской теологии и других направлениях. Веро-

³³ Нисаргадатта Махарадж. Я есть То. М., 2008

ятно, в будущем, при приближении к границам понятия «информация» человеку могут открыться новые планы бытия и соответственно, новое понимание, новый контекст, снимающий один или оба варианта АПВ как ограниченные.

Однако уже сегодня становится ясно, что АПВ в слабом (широком) смысле не только шире, но и глубже, чем АПВ в сильном (узком) смысле, поскольку несёт в себе большую свободу для человека и большие возможности для творчества, а следовательно, для расширения границ виртуального, возможного, потенциального. Свобода же и творчество признаны наиболее глубокими, неотъемлемыми свойствами (атрибутами) человека со времён эпохи Возрождения (Пико дела Мирандола) и особенно с 20-го столетия (Бердяев Н.А.). Таким образом, антропный принцип сформулирован в космологии, синергетике, виртуалистике. Будет он сформулирован и в концепции сложности. Естественно перейти к определению АП в постнеклассической науке в целом. Антропный принцип в постнеклассической науке. *Вселенная такова, что её существование и эволюция, усложнение форм, систем, структур происходят благодаря существованию человека (актуальному или потенциальному).* Под вселенной в данном случае мы понимаем часть бытия (всего, что существует), представление о которой получено на основе современных научных (прежде всего физических) теорий. Это представление включает в себя понятия и законы физики, фундаментальные физические постоянные, а также понятия и законы синергетики (теории самоорганизации), виртуалистики (теории виртуальной реальности), теории сложности.

При этом подразумевается, что человек – это система, существующая на духовном, психическом, полевом, вещественном уровнях. Свойства человека на духовном уровне: свобода, творчество, любовь, абсолютность, выражаемые в виде соответствующей духовной культуры (философии, теологии, искусстве). На психическом уровне: свойства человека – разум, познание, нравственность, искусство с соответствующими идеалами – истиной, добром, красотой. На вещественно-полевом уровне человек – существо, обладающее определённым геномом (25-30 тысяч генов), функционирующее на основе двух полов; существо, обладающее коллективным сознанием, создающее общество, материальную культуру и т.п. Соответственно при признании актуального существования человека мы имеем сильный АП в постнеклассической науке, при признании потенциального – слабый.

Как видим, современную НКМ образуют естественнонаучная (ЕКМ), техническая (ТКМ) и гуманитарная (ГКМ) картины мира. ЕКМ образуют 3 парадигмы – квантовая, релятивистская и фрактальная. Они опи-

сывают: 1) квантовые объекты, образованные из частиц - квантов полей и погруженные в пространственно-временной континуум, выступающий в роли «фона» для объектов, 2) пространство-время, т.е. континуум событий, неразрывно связанный с полями и энергией, 3) закон самоорганизации, всеобщая связь объектов и континуума, внешне проявляющаяся в виде подобия объектов друг другу (фрактальность), а внутренне – в виде гипотетического «генотипа» всех объектов; этот закон («вселенская матрица») создаёт общий порядок в наблюдаемой вселенной (метагалактике).

Помимо описанных 3 парадигм в современную НКМ входят понятия виртуалистики, теории сложности и других новых, развивающихся теорий. Ядро НКМ, структурообразующий элемент картины – это антропный принцип, связывающий человека и вселенную в единую реальность - бытие, в котором едины потенциальное и актуальное, наблюдатель и наблюдаемое, художник и зритель, Творец и творение. ТКМ в основном привязана к ЕКМ. Специфических парадигм в ней пока не выделено. ГКМ базируется на субъектной парадигме, описывающей разумного активно действующего субъекта (человека), созидающего вокруг себя человекомерный мир. Ясно, что эта парадигма прямо связана с антропным принципом, с фрактальной парадигмой. В меньшей степени эта связь проявлена с «полуфилософской» концепцией универсального эволюционизма.

Однако остаётся загадкой – что обеспечивает целостность реальности, конструируемой наукой? Ведь фундаментальные теории даже в узких границах одной лишь физики слабо связаны друг с другом. До сих пор не удалось создать теорию единого поля, которая объединила бы как частные случаи квантовую теорию и теорию относительности. Особняком стоит фрактальная (синергетическая) парадигма. Кроме того внутри естествознания известны давние противоречия между физическим и биологическим взглядами на мир («всё мёртвое» и «всё живое»). Возможно, синергетика на базе понятия «фрактал» поможет сблизить эти 2 подхода к реальности. Ещё большие противоречия традиционно существуют между ЕКМ и ГКМ, между «объектным» и «субъектным» подходами к пониманию реальности. Развитие постнеклассической (человекомерной) науки породило надежды на сближение «физиков и лириков». Такое сближение осуществляется через антропный принцип. Казалось бы, он, введя субъект в знание, приблизил естествознание к гуманитарному. Но пошли ли лирики навстречу физикам? Приблизилось ли социально-гуманитарное знание к наукам о природе? Пока открытий подобного рода за 20-й век не отмечено. Историки, социологи, филологи, и юристы по-прежнему, как в 17-м столетии живут в 3-мерном про-

странстве и оторванном от него 1-мерном времени, рассуждают механистически, разрывая целое на части. Историки отвергают альтернативные подходы к эволюции общества, предлагаемые естественниками и математиками. Лишь психологи пытаются освоить релятивность, квантовость, фрактальность, эволюционность, конструктивность. До сих пор во всех университетах есть факультеты прошлого (исторические), но нет факультетов будущего (лишь кое где кафедры футурологии). Хотя в точках зрения физики прошлое и будущее симметричны.

Почему гуманитарии продолжают мыслить в ньютоновской картине мира, как будто не было открытий Планка, Эйнштейна, Пригожина и Хакена? Даже антропный принцип, казалось бы, наиболее близкий к гуманитарному мышлению, остаётся в стороне от социологии, юриспруденции, экономической науки и не осмыслен ими. Почему лирики «довольны сами собой» и не идут навстречу физикам? Возможно, причиной тому особенности психики человека, т.е. в отношении «физики и лирики» проявляется глубоко спрятанное отношение Ян-Инь, мужское-женское, творящее-сохраняющее. Ведь за последние 4 столетия развивались главным образом науки о природе, а науки о человеке хотя и развивались, но в итоге не имеют столь внушительного списка фундаментальных открытий как естествознание. В ответ на критику физиков произошло замыкание гуманитария на само себя. Разрыв между науками о природе и о человеке продолжает углубляться. Отсюда неприятные вопросы, которые физики и философы ставят перед гуманитариями.

Где человек в социологии, юриспруденции и даже психологии? «Человек-иник», выражаясь по А.Зиновьеву, есть. А где любящее и любимое, духовное, творческое существо со своим тонким, интимно-неповторимым внутренним миром? Его нет. Что-то напоминающее бездушного робота, обладающего телом, памятью, интеллектом, эмоциями, комплексами, потребностями, есть. А человека нет. В чём человекомерность исторической и экономической наук? Последние традиционно описывают общество как пассивный объект, способный под действием субъекта управления изменяться линейно в ньютоновском пространстве и времени. При этом субъект предполагается существующим ВНЕ объекта управления, вне общества. А так ли это? Конечно, нет. Отсюда множество парадоксов в теории и ошибок в практике, а также лжи, воровства и сокрытия информации со стороны диктатора и окружающей его бюрократии как правящего класса. Исправление бесчеловечного общества должно начинаться с науки. Вопрос об этом (как вопрос об отчуждении) поставили ещё Г.Гегель, Л.Фейербах, К.Маркс.

Отсюда и наш вопрос: антропны ли науки о человеке? В какой мере антропны, а в какой нет? Необходимы развитие постнеклассической науки и в гуманитарии, т.е. «гуманитаризация гуманитарных наук». Тогда начнётся очеловечивание человека, искажённого индустриальной цивилизацией, и очеловечивание общества. С конца 20-го столетия (как и в любую переходную эпоху) в не только в науке, но и культуре в целом на первый план выходит человек как родовое, вселенское существо. Философия, религия, искусство, социальная жизнь и даже научное познание становятся «зеркалами», в которые смотрит человечество и пытается через искажённые отражения понять само себя. Вновь происходит антропный поворот в культуре³⁴. Как на любом мосту, на крутом повороте важно не потерять себя, остаться человеком, остаться верным самому себе.

*Горинова Е. В.,
МарГТУ, Йошкар-Ола*

**СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР
ПОДДЕРЖАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СТРАНЫ ПРИЕМА: СОЦИАЛЬНО- СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ
ПОДХОД**

*Gorinova E. V.,
MarSTU, Yoshkar-Ola*

**SOCIAL INTEGRATION OF MIGRANTS AS A FACTOR
MAINTENANCE OF NATIONAL SECURITY OF ADMISSION:
SOCIAL SYNERGETIC WAY**

Abstract. We will discuss issues related to the fairy-NOMEN migration in the modern world and aspects of national security states. As a methodological basis of this study, following acts of social and synergetic approach. Social Synergetics provides an opportunity to explore the issue of migration with the principles of a fundamentally new positions, using the idea of self-organizing social systems.

В современном мире существует огромное количество видов миграции населения и этот перечень постоянно пополняется. Одним из мощнейших катализаторов миграции населения и усложнения ее структуры

³⁴ Хоружий С.С. Очерки синергийной антропологии. М., 2005.

сегодня является процесс глобализации, «эффекты» которого способствуют пополнению эшелонов мигрантов по самым различным основаниям: глобализация рынков труда способствует формированию огромных «армий» трудовых мигрантов, в то время как возникающие в результате жесткой дифференциации государств на бедные и богатые военные и социальные конфликты влекут за собой потоки вынужденных мигрантов и беженцев.

Процесс миграции, в зависимости от ситуации, может интерпретироваться и как возможный аттрактор дальнейшей эволюции макро и микросистем, и как непредсказуемое по своей силе воздействие на систему, способное разрушить ее, поскольку миграция, как любой социальный процесс, несет в себе колоссальную энергетику *стохастичности* – нелинейности процессов развития, утверждающей принципиальную недетерминированность всех процессов развития [4]. Современные миграционные процессы и их резонансные воздействия на социальные системы различных уровней – лишь одна из тенденций к стремительно возрастающей сложности современных социальных и социоприродных отношений. Одним из способов организации процессов вхождения и взаимодействия мигрантов с принимающей средой и управления ими является социальная интеграция, как процесс всестороннего включения индивида в жизнь общества.

Социальная интеграция – понятие, пришедшее в социальные науки из математики, физики, биологии. Большой толковый словарь русского языка дает следующее определение интеграции: интеграция – объединение в одно целое каких-либо частей [1]. Энциклопедический словарь по социальной политике предлагает следующие значения: интеграция (от лат. *integratio* – «восстановление», «восполнение», от *integer* – «целый») – понятие, характеризующее такое состояние, при котором отдельные дифференцированные части и функции системы связаны между собой во что-то общее или целое, а также имеется в виду процесс, ведущий к подобному состоянию; процесс взаимосвязи наук, постоянно прогрессирующих [2].

От принадлежности принимающей социальной системы к тому или иному типу систем, зависят параметры социальной интеграции мигрантов: ее характер и ключевая стратегия. Так, выделяя два важнейших параметра функционирования общественной системы: меру сложности (через число функционирующих элементов) и величину социального давления (интенсивность управляющего воздействия на индивида), один из теоретиков синергетики И. Пригожин приходит к формулировке следующих двух принципиально различных типов социальных систем:

1) общества, в которых доминирует род над личностным началом, характеризующиеся наибольшей устойчивостью, в основе которой – естественный аттрактор, выстраданный тысячелетней эволюцией общества закрытого типа или регрессирующего типа (по А. А. Богданову);

2) сложные общества, с ярко выраженными личностной, индивидуальной и групповой активностью – системы открытого типа [5].

Центральным пунктом системно-синергетического восприятия мира является признание абсолютного господства в нем систем открытого типа, обменивающихся со средой энергией, веществом, информацией [5; 156]. Но в рамках синергетического направления были развиты представления и о других типах систем, в том числе имеющих непосредственно социальный смысл и социогуманитарные научные корни. Так, существенные возможности для осмысления социогуманитарных феноменов (в частности, феноменов миграции населения и интеграции мигрантов) дает теория дихотомии жестких и мягких социальных систем, непосредственно связанная с дихотомией закрытых и открытых, тоталитарных и демократических систем, разработанная в трудах И. П. Яковлева. Общество как жесткая система характеризуется высоким уровнем унитарности экономической, политической и духовной жизни. Для мягких (демократических) систем характерна значительная степень различий в ценностях, убеждениях, интересах людей [5] и (добавляем мы) открытость для представителей иных рас, национальностей, культур и конфессий. Единство вырабатывается в конкурентной борьбе, а также в процессе выработки компромиссных решений. Специфика жесткой системы заключается в том, что в ней достигается победа одних сил над другими, что приводит к унитарности [5].

В качестве центрального энтропийного параметра миграции, интегрирующего в себе многообразие факторов негативного воздействия миграции и угрожающего гомеостазису принимающей социальной системы, признается конфликтогенность миграции, проявляющаяся в целом комплексе противоречий между мигрантами и резидентами. В связи с этим, социальная интеграция мигрантов (не всегда «социальная» по своему содержанию) призвана минимизировать социальные «издержки» миграции в интересах субъекта социального управления – принимающей социальной системы, общности, государства.

По характеру социальной интеграция может быть естественной и принудительной. Естественная интеграция возникает на основе совпадения индивидуальных и групповых интересов (свойственна преимущественно системам открытого типа). Принудительная строится посредством запрета на различия, подчинения личных интересов заданным извне целям (свойственна преимущественно системам закрытого типа).

Крайней формой принудительной интеграции является тоталитаризм [6]. Со стороны общества приема можно выделить целый ряд стратегий интеграции (по Т. Н. Юдиной), каждая из которых может рассматриваться как некий индикатор «мягкости» или «жесткости» принимающих систем. Мы условно поделили их на три группы: свойственные системам «мягкого» типа, свойственные системам «жесткого» типа и промежуточные стратегии. Критерии дифференциации – степень «лояльности» системы по отношению к мигрантам, выраженная в поддержке/запрете культурного разнообразия, равном доступе/дискриминации в структурном измерении, характере адаптации мигрантов и аборигенов (односторонняя/взаимная). Данные стратегии – идеальные типы. Реальность – сложная комбинация перечисленных стратегий.

Итак, стратегии интеграции мигрантов, свойственные социальным системам «мягкого» типа:

1) стратегия *плюрализма*: требует взаимного признания при принятии и создании культурного разнообразия; 2) стратегия *включения*: процесс взаимного признания и двусторонней адаптации, результатом которого является общая культура с небольшим разнообразием; 3) стратегия *индивидуализма*: рассматривает мигранта или аборигена как индивидов, потенциально независимых от культурной группы.

Стратегии интеграции мигрантов, свойственные социальным системам «жесткого» типа:

1) *принудительная ассимиляция*: аборигены не признают право иммигрантов на какие-либо культурные отличия; 2) *апартеид*: разрешает большее культурное разнообразие, нежели принудительная ассимиляция, но ведет к большим лишениям в структурном измерении; 3) *этническая чистка*: наиболее сильное и радикальное непринятие аборигенами групп иммигрантов, вплоть до физической ликвидации; 4) *маргинализация*: более слабая, чем этническая чистка, политика в отношении иммигрантов, но лишаящая возможности многие группы иммигрантов формировать отличительную культурную группу, так как данная культура рассматривается как второстепенная.

Промежуточные стратегии интеграции:

1) *ассимиляция*: предполагает одностороннюю утрату мигрантами своей культуры и принятия норм и правил аборигенов. Часто используется обществом приема как инструмент социального закрытия, непрерывно изобретающего новые критерии, по которым иммигрантам необходимо ассимилироваться, чтобы маскировать основные намерения – не принимать иммигрантов как равных; 2) *сегрегация*: возникает тогда, когда нет никаких затруднений для создания культурно однородного общества, а группы иммигрантов смогли сохранить свою культуру, но в

то же время эта культура расценивается обществом приема как более низкая (свойственно системам преимущественно открытого типа).

В случае рассмотрения таких стратегий как сегрегация, маргинализация, принудительная ассимиляция, апартеид, этническая чистка, уместнее применять термин «дезинтеграция».

Очень важно отметить, что понятие интеграции должно пониматься в различных значениях. Речь идет не только о внутри личностном процессе, но и о структурных общественных вопросах. Для достижения внутреннего порядка принимающей социальной системы, сохранения ее стабильности и эволюционной динамики, следует учесть две стороны этого процесса, т.к. внутриличностные и общественные процессы приспособления касаются как местных жителей, так и мигрантов [6].

Синергетическое управление процессами интеграции индивида предполагает согласование между интеграционной стратегией принимающего общества и самого мигранта. Мигрантские интеграционные стратегии лежат в континууме «ассимиляция – шовинизм» и детерминируются множеством факторов социальной и психологической природы [6]. Степень согласованности взаимодействия между личностью и обществом определяется посредством механизмов обратной связи. Обратная связь может быть положительной, в случае, если это взаимовлияние оказывает положительное, организующее воздействие на динамическое развитие явления, и отрицательной, в случае, если это взаимовлияние ведет к статическому воспроизводству и сохранению явления [3].

В случае совпадения стратегии интеграции самого мигранта со стратегией интеграции, признанной доминирующей в социуме, мы имеем положительный характер обратной связи (согласованное взаимодействие). В случае несовпадения стратегий возникает отрицательная обратная связь – конфликтное взаимодействие между мигрантом и социумом. Положительная обратная связь влечет за собой динамику развития системы «личность мигранта», но только в коэволюции (взаимопроникновении, взаимодополнительности, интеграции) с системой «общество». Это условие является, с одной стороны, фактором, поддерживающим состояние стабильности внутренних параметров принимающей социальной системы, а с другой – залогом эволюции системы «личность мигранта» в структуре данной социальной системы.

Так, стратегия мигранта на включение (собственно интеграцию) с соответствующей линией поведения в условиях «жесткой» системы, ориентированной на ассимиляцию, сегрегацию, маргинализацию или апартеид мигрантов, вызовет отрицательную обратную связь среды, выраженную в жестоких конфликтах. Закрытая по отношению к мигрантам социальная среда не предполагает широкого поля возможных

путей их развития. Сценарии жестко детерминированы внешними условиями. Результат интеграции, адекватный для принимающей системы – маргинализация мигрантов. Относительно бесконфликтная стратегия интеграции для мигранта – ориентация на добровольную сегрегацию или маргинализацию. Механизмы управления процессом со стороны среды – сдерживание, жесткий контроль, геттоизация.

Напротив, проявление мигрантом интеграционной стратегии на добровольную сегрегацию, маргинализацию, выраженных в пассивной модели поведения в условиях среды, генеральной линией интеграции мигрантов в которой является включение или плюрализм, так же вызовет отрицательную обратную связь среды. Однако в этом случае управляющее воздействие будет носить позитивный, «воспитательный» характер с целевой установкой на развитие и укрепление механизмов саморазвития и саморегуляции системы «личность мигранта». Механизмы управления процессом со стороны среды разнообразны: сдерживание и контроль в направлении профилактики маргинализации, люмпенизации мигрантов, содействие в адаптации, создание условий для установления и поддержания контактов с аборигенами (посредством диффузного расселения) и др.

Так же важно заметить, что социальные системы, характеризуемые нами как закрытые или «жесткие» по подавляющему большинству признаков, на сегодняшний день не являются адекватными условиям современности, в частности, тенденциям глобализации. В контексте современности такие системы являются регрессирующими. Системы же, характеризуемые нами по подавляющему большинству признаков как открытые или «мягкие», являются адекватными требованиям времени и мировым тенденциям к всеобщей интеграции. Кроме того, интеграционные стратегии «мягкого» либо промежуточного типа являются базисом для развития социальных технологий и институтов управления процессами социальной интеграции мигрантов в сферы общественной жизни.

Таким образом, социальная интеграция выступает в качестве социальной технологии включения индивида в новый социум, в соответствии с ритмами и потребностями внутреннего развития этого социума и в подчинении его законам. В этом смысле, социальная интеграция мигрантов может рассматриваться не только как фактор сохранения гомеостазиса принимающей системы в условиях энтропии, но и как фактор национальной безопасности государства-реципиента.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с. ISBN 5-7711-0015-3.
2. Социальная политика: Энциклопедический словарь [Текст] / под общ. ред. д.э.н., проф. Н. А. Волгина; отв. ред. д.ф.н. Т. С. Сулимова. М.: Академический Проект; Трикста,

2005. – 688 с. – («Gaudeamus»). ISBN 5-8291-0587-X (Академический Проект) ISBN 5-902358-56-6 (Трикта).

3. Шалаев В. П. Синергетика социального управления [Текст]: учебное пособие / В. П. Шалаев. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2005. – 260 с. – Библиогр.: с. 208-217. – 100 экз. – ISBN 5-8158-0497-5.

4. Шалаев В. П. Синергетика человека, общества, природы: управленческий аспект [Текст]: Учебное пособие / В.П. Шалаев. – Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет, 2000. – 134 с. – Библиогр.: с. 127-132. – 200 экз. – ISBN 5-8158-0086-4.

5. Шалаев В. П. Социосинергетика: истоки, теория и практика в современном мире: Научное издание [Текст] / В. П. Шалаев. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 1999. – 272 с. – Библиогр.: с. 245-266. – 300 экз.

6. Юдина Т. Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления [Текст] / Т. Н. Юдина. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2004. – 399 с. – Библиогр.: с. 340-396. – 1000 экз. – ISBN 5-94798-457-1.

*Дахин А.В., Данилова О.С., Денисов В.Н., Гусева В.А.,
ВВАГС, Н. Новгород*

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ ИЗМЕНЕНИЯ СОСТОЯНИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА³⁵

*Dakhin A.V., Danilova O., Denisov V.N., Gusev V.A.,
VVAGS, N. Novgorod*

SYNERGETIC BASIS OF COGNITIVE MODEL OF THE REGIONAL DYNAMICS OF CHANGES OF SMALL AND MEDIUM BUSINESSES

Abstract. On the basis of synergistic concept of self-organization of small and medium business and with regarding to empirical data about the structure of the regional business space in Russia, the authors are analyzed “the State – business” system. In the article some key influences from a local power to a small and medium business is analyzed and key hypotheses are presented. It shows how to use the cognitive modeling method for creating of usable math pattern what reflects the basic sceneries of the local power influence on the small and medium business development.

³⁵ Статья подготовлена в рамках фундаментальной НИР «Социальная динамика, профессионализм и дисфункции управления в системе отношений «власть – бизнес» в региональном измерении», включённой в тематический план Министерства образования РФ.

На основе синергетического подхода к анализу самоорганизации малого и среднего бизнеса, а также на основе эмпирических данных о структуре его регионального делового пространства в России рассматривается система отношений «власть – бизнес». В статье анализируется характер влияний региональной и муниципальной власти на синергетику состояний малого и среднего бизнеса, формулируются гипотезы. Показано, как с использованием метода когнитивного моделирования может быть получена математическая модель, отражающая основные сценарии влияния институтов региональной государственной власти и муниципального самоуправления на синергетические эффекты в сфере активности регионального малого и среднего бизнеса.

Ключевые слова: социальная синергетика, региональная власть, региональный малый и средний бизнес, когнитивное моделирование, демократичность власти, авторитарность власти, динамика развития бизнеса.

1. Синергетический подход к построению модели.

Устойчивость функционирования малого и среднего бизнеса рассматривается как синергетический эффект от воздействия совокупности факторов внешней региональной среды на функционирование малого и среднего бизнеса (МСБ) – сферы регионального делового пространства МСБ [Дахин. 2010]. Научный потенциал социальной синергетики подробно был проанализирован в монографии В.П. Шалаева, где выделяются базовые концепты синергетики [Шалаев. 1999. С.150-157]. Для настоящего анализа необходимо перенести акцент на два ключевых аспекта самоорганизации, определение (опознание) которых необходимо для исследований систем локальной самоорганизации человеческих сообществ, и, в частности, систем самоорганизации в среде малого и среднего бизнеса. Это «*локальность*» и «*субъектность*».

Динамика социальной самоорганизация определяется качеством локальной самоорганизации активных агентов социальных взаимодействий, то есть их строением и структурой. В строении внутренних социальных пространств, с одной стороны, выделяются такие структурные элементы, как «центр» – это зона первостепенных, наиболее активных взаимодействий агента; «периферия» – это поле второстепенных взаимодействий агента, «граница» – это зона предельных (малых) значений внутреннего пространства агента. С другой стороны, каждое социальное взаимодействие агента – это взаимодействие с *ресурсными местами* – социальными институтами (юридические лица), индивидами (физические лица) или социальными сетями, которые открывают актору доступ к тем или иным необходимым для его сохранения или развития ресур-

сам. Поэтому локальное социальное пространство – это и совокупность ресурсных мест, которыми «обрастает» социальный актор и которые становятся частью его пространственной самоорганизации. Соответственно, наиболее значимые, часто востребованные ресурсные места образуют центр, ядро локального пространства самоорганизации социального актора. Второстепенные по значению ресурсные места образуют периферийную часть локального пространства самоорганизации социального актора.

«Субъектность» процессов социальной самоорганизации означает, что неперенным фактором их протекания является субъективная воля, мотивация, телесная архитектоника социального субъекта. Исходя из такого понимания природы социальной самоорганизации, мы подходим к определению социального пространства как к совокупности социальных взаимодействий, формируемых и воспринимаемых субъектом социального действия. При этом, учитывая актуальный контекст российского транзита, необходимо обратить внимание на то, что многие социальные субъекты находятся в стадии становления (в частности, кластер малого и среднего бизнеса, средний класс, региональные политические элиты и др.). Поэтому процесс социальной самоорганизации пространства актора одновременно является и процессом социальной самоорганизации самого актора. Точнее говоря, социальная самоорганизация нового актора проявляется как становление а) самого *актора*, его идентичности, статуса, структуры его социальной телесности, и б) *пространства* активности актора. Концептуально процесс социальной самоорганизации является бинарным, сдержит два взаимосвязанных аспекта. Один – это *субъектная самоорганизация* актора, то есть процесс формирования его строения (социальной телесности) и функций, самосознания, идентичности и статуса. Другой – это *пространственная самоорганизация* актора, то есть процесс формирования его локального социального пространства существования и развития.

Когнитивное моделирование³⁶ эффекта сохранения МСБ учитывает опору предпринимателей на ресурсы пространства своей деловой активности, - как на ресурсы публичных деловых отношений, так и на приватные деловые связи. При этом качество, культура бизнеса будет различной. В случае, когда бизнес строится на основе публичных деловых отношений, перспектива, миссия бизнеса включает, поддерживает и развивает функции, определяемые в терминах «социальной ответственности бизнеса»: бизнес восприимчив к широким формам социального

³⁶ Используемые нами подходы см.: [Дахин, Данилова. 2008]; [Надеев, Данилова, Савин. 2007].

партнёрства, к интересам территории своего пребывания, к вопросам развития региональной деловой инфраструктуры и пр. Формируется благоприятный деловой климат. В случае, если бизнес строится на базе частных деловых связей, его перспектива концентрируется вокруг задач личного обогащения предпринимателя, роста объемов личного потребления предпринимателя и его семьи, для неё более характерны спекулятивные, непрозрачные, теневые методы получения прибыли. Формируется неблагоприятный деловой климат.

Система, являющаяся предметом когнитивного моделирования, включает целевой фактор – малый и средний бизнес, – существующий в среде других факторов, представляющих собой элементы делового пространства бизнеса на уровне региона, в числе которых в качестве самостоятельных факторов рассматриваются институты региональной государственной власти и муниципального самоуправления. Поле факторов системы рассматривается состоящим из трёх базовых элементов: 1) группа «активных» источников влияния, – это институты региональной государственной власти (фактор *«региональная власть»*) и институты муниципального самоуправления (фактор *«муниципальная власть»*); 2) – группа «пассивных» источников влияния, – это актуальные другие ресурсные места, образующие поле деловой активности МСБ (*государственные услуги, муниципальные услуги, банки, судебные инстанции, услуги связи, общественное объединение предпринимателей, услуги за взятку, услуги по "обналичке", помощь друзей, помощь родственников, помощь криминала*); 3) – целевой фактор (МСБ).

Базовая схема влияний системы строится как поток влияний, идущий от группы «активных» факторов на группу «пассивных» факторов, от которых – на *целевой фактор*, на котором фокусируется синергетический эффект. С целевого фактора поток влияния возвращается в виде обратной связи на группу активных факторов. Для учёта характера делового пространства в когнитивную модель целесообразно ввести факторы, отражающие целостное состояние регионального делового климата: «благоприятный деловой климат» для ситуации, когда структура делового пространства в основном находится в поле публичных (институциональных) деловых отношений, и «неблагоприятный деловой климат», когда структура делового пространства существенно смещена в сторону частных деловых связей.

Пространственная самоорганизация малого и среднего бизнеса реализуется в процессе становления регионального делового пространства предпринимателей. Деловое пространство представляет предпринимателя как социального актора, действующего в окружении различных

ресурсных мест. Деловое пространство предпринимателя включает совокупность *ресурсных мест*, необходимых для ведения бизнеса. Изучая пространство деловых отношений предпринимателя, мы, тем самым, можем исследовать количественный и качественный состав ресурсных мест бизнеса, их социальные формы, их значимость, а также социальные дистанции между предпринимателем и ими.

Концептуально поле деловой активности представляет собой взаимосвязь сферы *публичных* и сферы *приватных* деловых отношений предпринимателей. Разделение поля делового поведения на публичную и приватную составляющие диктует необходимость выявления соотношения роли, значимости того и другого сегментов в текущих бизнес-практиках предпринимателей.

Не трудно показать, что перечень ресурсных мест у разных предпринимателей отличается, но содержит и общие, сходные характеристики. Например, почти все предприниматели пользуются услугами банков, но это могут быть разные банки; все пользуются услугами страховых компаний или пользуются услугами юридической консультации, но это могут быть разные страховые агентства и разные юридические организации и т.п. Обобщая, можно сказать, что в поле публичных деловых отношений предприниматели пользуются примерно одними и теми же видами ресурсных точек: банки, суды, институты региональной власти и муниципального самоуправления, страховые, консалтинговые и др. организации. Иначе дело обстоит с ресурсными местами, относящимися к полю приватных деловых отношений. Поскольку все отношения здесь персонализированы, постольку перечень ресурсных мест у разных предпринимателей различен: кто-то делает ставку на членов своей семьи, кто-то – на дальних родственников, кто-то на друзей детства или одноклассников и т.д. В каждом случае мы будем иметь специфический перечень и значимость ресурсных мест и, соответственно, специфическую конфигурацию этой части делового пространства.

Процесс пространственной самоорганизации связан, соответственно, с тем, какие ресурсные места предприниматель *включает* в поле своих деловых контактов, использует для сохранения или развития своего бизнеса, а какие он обходит стороной, *исключает* из поля своих деловых отношений. Если в пространстве деловой активности доминирует значение сферы персонально-личностных деловых отношений, то это свидетельствует о низком качестве регионального делового климата; если в пространстве деловой активности малого и среднего бизнеса доминирует значение институциональных отношений предпринимателей, то это может быть основанием для позитивной оценки состояния регио-

нального делового климата. Взаимосвязь между структурой делового пространства предпринимателя (публичной и приватной) и качеством регионального делового климата строится на признании того обстоятельства, что деловые отношения зависят от уровня социального доверия: деловые контакты развиваются активнее в той сфере социальных отношений, где выше уровень социального доверия между акторами, и, напротив, деловые отношения «не идут» в те сферы, где уровень социального доверия между акторами низкий. Ключевым для анализа структуры регионального делового пространства является набор *базовых видов деловых отношений предпринимателя*, – отношений, которые обеспечивают доступ предпринимателя к таким ресурсам бизнеса, как административные, финансовые, коммуникативные и к ресурсам справедливого разрешения спорных ситуаций. В качестве базовых мы рассматриваем следующие два блока отношений:

а) блок отношений публичной сферы: «Бизнес – муниципальные власти», «Бизнес – региональные власти», «Бизнес – услуги банков», «Бизнес – судебные инстанции», «Бизнес – услуги связи», «Бизнес – помощь общественного объединения предпринимателей»;

б) блок отношений приватной сферы: «Бизнес – услуги за взятку», «Бизнес – услуги по "обналичке"», «Бизнес – помощь друзей», «Бизнес – помощь родственников», «Бизнес – помощь криминала». Контрольными в этой системе видами деловых отношений являются отношения «бизнес – региональные власти», «бизнес – муниципальные власти» и «бизнес – общественное объединение предпринимателей».

Таким образом, группа «пассивных факторов» (ресурсные места) совместно с двумя названными выше интегральными факторами делового климата, образуют кластер из 11-ти факторов: «услуги банков», «услуги судебных инстанций», «услуги связи», «помощь общественного объединения предпринимателей»; «услуги за взятку», «услуги по "обналичке"», «помощь друзей», «помощь родственников», «помощь криминала», а также два фактора, отражающие состояние регионального делового климата – «благоприятный деловой климат» и «неблагоприятный деловой климат».

Группа активных факторов рассматривается как содержащая несколько дополнительных факторов, отражающих актуальные характеристики системы регионального государственного и муниципального самоуправления: а) авторитарность, б) демократичность, в) дисфункцию. Учёт в процессе моделирования всех трёх характеристик отражает ключевые аспекты функционирования региональных систем управления. С одной стороны, на этом уровне продолжает меняться баланс ка-

честв в аспекте «авторитарность – демократичность», с другой стороны – баланс качеств в аспекте «эффективность – дисфункция». Принимая, что факторы «авторитарность» и «демократичность» каждый по-своему представляют в системе качество «эффективности», соответственно, качество «дисфункция» целесообразно встроить в систему в качестве отдельного фактора. В результате группа активных факторов модели представляется состоящей из двух подгрупп, каждая из которых включает по три фактора.

В целом модель, взятая для когнитивного моделирования в качестве исходной, состоит из 22-х факторов. Структура отношений трёх групп факторов такова, что моделирование синергетического эффекта фокусируется на целевом факторе, отражающем состояние малого и среднего бизнеса. При этом вся структура представляет собой поток влияний, идущий от кластера властей (региональных и муниципальных) в сторону кластера деловой среды и замыкающийся на целевой фактор (МСБ). Эмпирическая основа системной модели регионального делового пространства была получена в рамках исследовательского проекта 2008-2009 гг.³⁷. Когнитивная модель построена на основе программы «Аналитик» (Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2010613755 от 09.06.2010 г.), разработанной в ВВАГС и которая использует исходные данные, которые пользователь может предварительно задать в программе MS Excel по установленной форме, либо ввести в интерактивном режиме (Программа создана на языке программирования C++ в среде Borland C++ Builder; ОС: Microsoft Windows XP с установленным пакетом программ Microsoft Office 2000/XP/2003/2007). Модель образованна факторами, отражёнными в таблице.

Перечень факторов модели

-f1	Региональная государственная власть (РГВ)
-f2	Авторитарность РГВ
-f3	Демократичность РГВ
-f4	Дисфункция РГВ
-f5	Муниципальная власть (МВ)
-f6	Авторитарность МВ
-f7	Демократичность МВ
-f8	Дисфункция МВ

³⁷ Данные получены в рамках проекта «Малый и средний бизнес на фоне перемены делового климата: структурные изменения, социальная динамика на региональном уровне и роль региональной власти», грант РГНФ, № 08-03-00621а, № 09-03-00616а.

-f9	Услуги за взятку
-f10	Помощь обществ.объед.предприним.

Окончание таблицы

-f11	Услуги РГВ
-f12	Услуги муниципального самоуправления
-f13	Услуги банков
-f14	Услуги связи
-f15	Помощь друзей
-f16	Помощь родственников
-f17	Услуги по «обналичке»
-f18	Услуги судебных инстанций
-f19	Помощь криминала
-f20	Неблагоприятный деловой климат
-f21	Благоприятный деловой климат
-f22	Малый и средний бизнес

2. Основные гипотезы когнитивной модели

Основные социально-политические гипотезы, которым должна соответствовать модель, основываются на результатах политологических исследований, опубликованных в ряде изданий³⁸. Транзитивный характер политической системы России сказывается в том, что политика балансирует между меняющимися уровнями авторитарности и демократичности.

В исходную системную модель, принятую в качестве основы в рамках экспертной работы, были заложены два принципа. Во-первых, принцип внутренних и внешних связей, в рамках которого сферы региональной деловой активности МСБ, как совокупность элементов его «внутренней» деловой среды, поставлены в отношение с региональным институтом государства и муниципального самоуправления, как ключевыми элементами «внешней» среды. Таким образом, в систему заложен бинарный принцип, который отражает фундаментальное требование устойчивости системы. Во-вторых, принцип «кодирования» базовых гипотез, в соответствии с которым в систему факторов встраивается подсистема, характер связей элементов в которой позволяет моделировать ту или иную базовую гипотезу динамики политического процесса, на основе которой затем осуществляется разработка когнитивной карты всей системы и в рамках которой осуществляется интерпретация результатов моделирования.

³⁸ См.: [Dakhin. 2008]; [Dakhin. 2010]; [Дахин, Макарычев, Семёнов и др. 2008]; [Дахин, Макарычев, Расповов. 2008]; [Дахин. 2009а]; [Дахин. 2009б]; [Источники регионально-го... 2010].

В частности, в настоящей модели подсистема «кодирования» гипотезы базируется на факторе «региональная гос.власть (РГВ)» (f1) и факторе «муниципальная власть (МВ)» (f5). Подсистема «кодирования» по каждому из названных факторов состоит из трёх элементов: «авторитарность РГВ» (f2), «демократичность РГВ» (f3), «дисфункция РГВ» (f4), «авторитарность МВ» (f6), «демократичность МВ» (f7), «дисфункция МВ» (f8). Факторы f2, f6 и f3, f7 относятся к двум сопредельным и «конкурирующим» режимам активности власти. С одной стороны – к режиму авторитарного функционирования, с другой стороны – к режиму демократичного функционирования. Данная подсистема «кодирования» позволяет составить два основных варианта когнитивной матрицы. Один из них может соответствовать предположению о том, что нынешний институт государства в России является «авторитарным» (в этом случае весовое значение связи $f1 \rightarrow f2$ будет больше весового значения связи $f1 \rightarrow f3$, и значение связи $f5 \rightarrow f6$ будет больше значения связи $f5 \rightarrow f7$). Другой вариант когнитивной матрицы подсистемы «кодирования» будет соответствовать предположению, что действующий институт государства в России является «демократическим» (в этом случае весовое значение связи $f1 \rightarrow f2$ будет меньше значения связи $f1 \rightarrow f3$, а значение связи $f5 \rightarrow f6$ будет меньше значения связи $f5 \rightarrow f7$). Аналогично кодирующую функцию могут играть факты f4 и f8 («дисфункция РГВ» и «дисфункция МВ»).

Работа подсистемы кодирования внутри общей системной модели предполагает, что а) фактор f1 является источником потоков влияния (поскольку в реальной политике региональная власть доминирует над муниципальной) и б) потоки влияния, исходящие от фактора f1, распределяются непосредственно по контуру факторов f2, f3, f4, f5, f6, f7, f8 а затем от этих факторов распространяются к остальным факторам кластера «пассивных факторов» (f9 – f21). В рамках «авторитарной» гипотезы основной поток влияния от фактора f1 будет проходить через факторы f2 и f6 ($f1 \rightarrow f2 + [f5 \rightarrow f6] \} < f1 \rightarrow \{f3 + [f5 \rightarrow f7]\}$), а в рамках «демократической» гипотезы – через факторы f3 и f7 ($f1 \rightarrow \{f3 + [f5 \rightarrow f7]\} > f1 \rightarrow \{f2 + [f5 \rightarrow f6]\}$). Второй аспект состоит в том, что предложенная исходная система содержит возможность построения модели с замкнутым контуром, вершинами которого являются «региональная государственная власть» и «малый и средний бизнес», и влияние со стороны государства порождает ответное влияние со стороны бизнеса. Иными словами, исходная система предполагала моделирование процесса взаимодействия (опосредованного или непосредственного) между факторами f1 и f22.

Социальная природа системы «государство – бизнес», между тем, организована таким образом, что а) исходящие от института государства импульсы влияния «растекаются» по разным направлениям (по ветвям власти, по уровням власти, по различным передающим/проводящим факторам «пассивного кластера»), б) доходят до МСБ, который в свою очередь, в) реагируют на полученные воздействия своим поведением, которое, г) улавливается региональным институтом государства, которое д) отвечает на полученные сигналы новыми импульсами своей активности, и движение влияний внутри контура начинает новый цикл. Таким образом, замкнутость контура влияний в системе «государство – бизнес» отвечает принципу сохранения «энергии» социально-политических влияний, принципу цикличности таких влияний и принципу устойчивости социальной системы.

Обратные связи базируются на гипотезе о том, что в случае сокращения численности малых и средних предприятий снижается фоновый уровень социальной безопасности в регионе, что потребует повышения административной и силовой активности институтов власти, - то есть будет повышать административную составляющую региональной и муниципальной власти. В случае сохранения или роста малого и среднего бизнеса институты государственной власти смогут перенести акцент своей активности с административно-силовых на проектно-партнёрские формы, то есть в этом случае будет активизироваться демократическая составляющая активности институтов региональной государственной и муниципальной власти.

3. Результаты моделирования

В результате моделирования получена экспертная модель, отражающая работу основных гипотез и демонстрирующая внутреннюю устойчивость. Динамика изменения целевого фактора (состояния малого и среднего бизнеса) и др. факторов в ситуации роста авторитарности региональной власти представлена на рис. 1. Данные рисунка отражают то понимание процессов, в соответствии с которыми рост авторитарного начала в региональной власти сводит почти к нулю динамику развития малого и среднего бизнеса, которая подаёт признаки нестабильности (рост и падения, образуют колебания вокруг базового тренда очень медленного роста, роста на грани выживания (f20), ухудшает качество регионального делового климата (f17). Кроме того, существует вероятность некоторого роста активности криминального бизнеса (f16) и снижения объёма услуг банков (f11).

Динамика изменения целевого фактора в ситуации роста демократичности региональной власти представлена на рис. 2. Данные рисунка

отражают положение, в котором рост демократичного начала в региональной власти порождает устойчивую динамику развития малого и среднего бизнеса, которая имеет стабильный тренд (колебания вокруг базового тренда незначительны, тренд отражает устойчивый рост) (f20), улучшает качество регионального делового климата (f17). Кроме того, существует вероятность снижения тренда, связанного с ростом активности криминального бизнеса (f16) и устойчивого повышения объема услуг банков (f11).

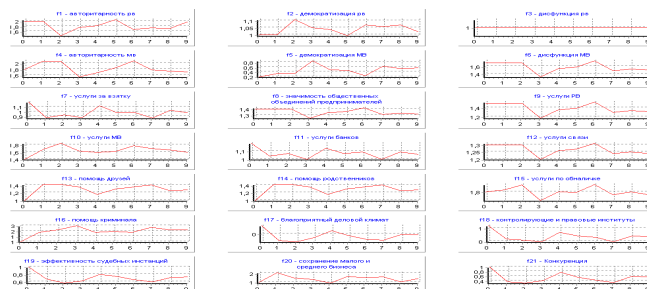

Рис. 1. Динамика факторов при росте авторитарности региональной власти

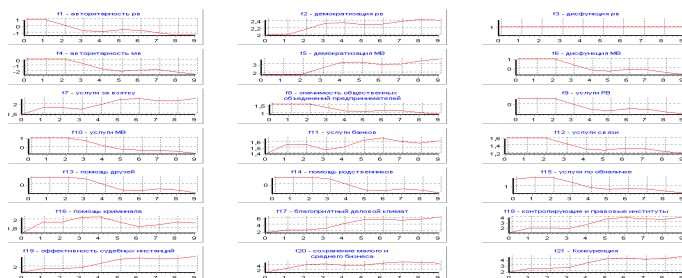

Рис. 2. Динамика факторов системы при росте демократичности региональной власти

Литература

1. Дахин А.В. Система «бизнес – власть»: теоретические вопросы становления в свете синергетического подхода // Власть. 2010. № 11. С.4-9.
2. Дахин А.В. Система власти в России в 2000-х гг. и модели политического управления регионами // Полис. 2009а. № 2. С. 52-60.
3. Дахин А.В. Транзит российской политической власти на рубеже 2008 г.: Особенности политического управления (методология анализа) // Политическая наука. Региональ-

ная политика и развитие территорий в условиях административно-политической реформы 2004-2008 гг. 2009б. № 2. Л.Н.Верчёнов, А.В. Дахин – ред. – М.: ИНИОН. С.8-26.

4. Дахин А.В., Макарычев А.С., Семёнов Е.Е. и др. Гражданское общество и развитие регионов. Индикаторы для эффективных управленческих решений. – Н.Новгород: ВВАГС, 2008. – 226 с.

5. Дахин А., Макарычев А., Распопов Н. Новые тенденции в развитии политической элиты: федеральный и региональный аспекты // Политическое управление и публичная политика XXI века / Редколл.: О.В. Гаман-Голутвина (отв.ред.) и др. – М.: РАПН, РОССПЭН, 2008. – С.116-146.

6. Источники регионального разнообразия и формирование новых субъектов развития России: Гипотезы, экспертные оценки, прогнозы. Аналитический доклад / А.В. Дахин – ред. Н.Новгород: ВВАГС, 2010. – 87 с.

7. Шалаев В.П. Социосинергетика: истоки, теория и практика в современном мире. Йошкар-Ола: МарГТУ, 1999. – 272 с.

8. Andrey V. Dakhin The political and economic after-effects of political-administrative reform and of changes in structures and regional authority institutions // Impact of Culture on Human Interaction: Clash or Challenge? Helfrich H., Dakhin A., Hölter E., Arzhonovskiy I. – Eds. Göttingen: Hogrefe & Huber, 2008. P.5-16.

9. Andrey Dakhin. Agglomeration of Nizhny Novgorod and regional sustainable development: The way toward good governance (the case of Russia) // Regional Development and Role of Core Cities. Papers of international Conference, November 12-15, 2010. Busan: Korean Association of Local Studies. 2010. P.17-28.

*Крысова Е. В.,
МарГТУ, Йошкар-Ола*

МИРООЩУЩЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОСТИ: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*Krysova E.V.,
MarSTU, Yoshkar-Ola*

THE WORLD OUTLOOK GLOBAL: SYNERGETIC ASPECT

Abstract. This article focuses on issues related to the process of globalization in the modern world. Examines trends of globalization, the philosophical concept of globalization. As a basic principle of the methodological acts synergetic paradigm.

Справедливо говорят о том, что человек XXI века живет не просто в национально-государственной экономической среде, не в регионально-замкнутой системе, а в материально-экономической среде всего мира. Интеллектуальную мысль конца XX начала XXI века все более одолева-

ет стремление освоить новейшую фазу в развитии мироосознания, выявить реальную природу надвигающейся общности, целостности реального и в тоже время неоднородного мира. На рубеже веков человек стал свидетелем феноменальных явлений: произошла реструктуризация мира, он пришел в движение, идет поиск новой точки стратегического равновесия [6; 91]. Глобальность нашла отражение во всех сферах общественной жизни: политической, социальной, культурной, морально-этической. По мнению отечественного исследователя Э. Кочетова, особенностью восприятия человеком окружающего мира является то, что сейчас мы его начинаем воспринимать не иначе как целостный, единый, глобальный. Такое мироощущение не случайно. В отечественной науке идея рассмотрения процессов на основе общности, совокупности элементов и факторов, их обуславливающих, в том числе и в хозяйственной жизни, в наиболее четкой форме была высказана в работах В. И. Вернадского и Н. Д. Кондратьева. В 60-х гг. двадцатого века Аурелио Печчеи сформулировал принцип, по которому человечество и условия его существования выступают как интегрированная макросистема, возникающая из агрегации огромного числа разнообразия взаимодействующих систем и подсистем. В рамках теоретического исследования целостности бытия человечества М. А. Чешковым было выдвинуто понятие «человечество как глобальная жизнь» [6; 9].

В продолжение размышления над проблемами глобализации жизни В. С. Барулин заключает, что самой глубинной основой этого явления выступает сама глобальность как черта человеческого бытия. Глобализация общественных отношений проявляется не только в том, что достижения человеческого разума, созидание становятся достоянием всего мирового сообщества, а на базе развившихся отношений все человечество становится единым социальным целым, но и в том, что разного рода противоречия, конфликты, как прежде существовавшие, так и возникающие вновь, также приобретают тенденцию к глобализации.

Глобализация мировых общественных отношений как своеобразный увеличитель придает общеземной масштаб, как достижениям человечества, так и его изынам, порокам, конфликтам. Постигание природы глобальности имеет особую значимость и актуальность: речь идет об осмыслении процессов, характеризующих отношения «человек-общество» [1; 524]. По мнению Зиновьевой А. А., глобализация – это не линейный процесс, а очень противоречивый, неравномерный процесс, постоянно меняющий свои формы, методы и механизмы реализации, проявления. Неравномерную глобализацию следует представлять как диалектический процесс, охватывающий как интеграцию, так и распад,

как общее, так и частности, как культурную дифференциацию, так и гомогенизацию. Растет число мегаполисов, меняются схемы коммуникаций (multitasking), происходит дигитализация (дигитализация (от англ. digital – цифровой) – переход процессов сбора, передачи и накопления информации с аналоговой на цифровые технологии), уплотняются транспортные сети и ускоряются перевозки; расширяется трансграничная миграция; экологические эффекты становятся всеохватывающими во временном и пространственном отношениях.

Однако, несмотря на то, что родовым признаком глобализации считается размывание национальных границ, еще нет убедительных примеров тому, что национальные границы рухнули под натиском глобализационных процессов, и что национальное государство готовится отмереть (создание европейской и американской зон свободной торговли, общеевропейские объединительные процессы в рамках ЕС, введение единой валюты – евро, Шенгенское соглашение о визовом режиме все же демонстрируют нам некоторые пределы интеграции) [4].

Мысль об основной тенденции современности мы находим в монографии В. М. Розина «Философия управления»: таковой можно считать дальнейшее ускоренное развитие процессов (как конструктивных, так и деструктивных), характерных для техногенной цивилизации. Именно в рамках этой тенденции идут два противоположных процесса: глобализация и дифференциация культурных индивидуальностей, что в свою очередь, обуславливает формирование новых форм социальности. Переход к новым типам хозяйственной деятельности, втягивающий в свою орбиту экономику разных стран, в новых типах власти (власти знаний, информации, экономических отношений) создания новых социальных институтов (например, международных, транснациональных), новых технологий (информационных) с необходимостью влечет и становление новой социальности, новых социальных организмов (индивидуальностей). Примерами последних являются «сетевые сообщества», метакультуры, международные корпорации [3; 483].

Для описания современного социального пространства В. В. Ильин вводит понятие «трех Т» глобализации: трансграничности, транснациональности, трансферальности. Трансграничность проявляется в стандартизации жизни от промышленности до культуры, чреватой выхолащиванием уникального, нетрафаретного, оригинального. Транснациональность – это универсальность социального бытия, ограниченная порожденной преодолением абсолютизма национально-государственной формой, которая сосредотачивая монополию на правовую и силовую инициативу, проводит не самочинную, а народоориентированную линию. Трансфераль-

ность – подрыв культурно-ценностного разнообразия, подмена «многообразия ситуаций» космополитичными суррогатами [5; 45].

Оригинальную точку зрения обосновывает в своей монографии В.П.Шалаев, исследующий глобализацию как процесс западофикации мира, как западофикационную ось мировой истории, сформировавшуюся на основе активности западной цивилизации, за счет использования ею ресурсов подчиненного глобального природного и социального мира. Исследователем вводится понятие западофикационной формы глобализации, как превращенной формы развития западного капитала [7]. Глобализация рассматривается В.П.Шалаевым как своеобразная машина по глобальному производству и потреблению, в качестве «экономической, политической и культурной пирамиды иерархически конструируемого человечества в его современной истории, сопоставимой по своему масштабу и влиянию с мировыми духовными революциями христианства и ислама, но в материально ориентированной, потребительской форме» и в качестве «экономической политической и культурной воронки» и в качестве «масштабного мирового бизнес проекта западного капитала и политики» [8; 76].

Все это демонстрирует не прекращается процесс развития понятия глобализации, наполнения его различным содержанием. Как нам представляется, один из путей постижения общества как предмета философской рефлексии заключается в рассмотрении сущности общества как целостного организма, нащупывании его основных детерминационно-функциональных связей и зависимостей. По мнению Бранского В. П., фрагментарно-аналитический подход не удовлетворяет исследованию глобализации. Он вводит данную категорию в новый контекст, связанный с уточнением центральных теоретических и методологических основ глобализации в процессе построения ее синергетической теории.

Универсальный характер глобализации проявляется в том, что в каждой из сфер глобализация осуществляется на онтологическом (сфера экономических, политических и социокультурных институтов), гносеологическом (сфера экономических, политических и социокультурных знаний) и аксиологическом (сфера экономических, политических и социокультурных идеалов) уровне. С синергетической точки зрения глобализация как явление есть нечто иное, как планетарная иерархизация диссипативных структур (структур, которые обмениваются со средой веществом, энергией, информацией). Следствием имеющейся тенденции к формированию планетарной иерархии гетерогенных диссипативных структур является противоречивая ситуация, названная Бранским В. П. парадоксом Пригожина. С одной стороны, постоянно увеличивается зависимость

каждого живущего на Земле индивидуума от планетарного (глобального) социума (окружающей социальной среды, каждого другого индивидуума), а с другой стороны, возрастает зависимость глобального социума (и судьбы каждого составляющего его индивидуума) от своеволия данного индивидуума. С ним связаны два стрессовых состояния, присущих современному человечеству. С одной стороны массовый страх перед нарастающим неконтролируемым социальным единством, создающим угрозу для индивидуальной свободы, а с другой стороны, столь же массовый страх перед нарастающим как шквал неконтролируемым социальным разнообразием, ставящим под угрозу коллективную общность и солидарность, а следовательно, и справедливость.

С точки зрения синергетического историзма переходы между социальным порядком и социальным хаосом оказываются неустойчивыми в силу обратной связи между результатами социального отбора и факторами этого отбора. Следствием такой неустойчивости является стремление социума к синтезу социального порядка и социального хаоса, ибо такой синтез делает систему (социум) устойчивой. Поэтому из хронотопологической модели социальной самоорганизации следует, что глобализация действует не непрерывно, а методом последовательных приближений, благодаря чему относительная глобализация должна, в конечном счете, завершиться абсолютной глобализацией – достижением глобального аттрактора – суператтрактора. В этом аттракторе осуществляется полный синтез социального порядка и социального хаоса, а это устраняет парадокс Пригожина, поскольку в таком состоянии возникает полная гармония (для всех членов общества) свободы и справедливости, прав и обязанностей. В суператтракторе какая-то бы ни было деглобализация становится невозможной. При этом выясняется, что именно в суператтракторе (и только в нем) разрешаются все те фундаментальные социальные противоречия, которые так беспокоили прошлые поколения – между свободой и справедливостью, устойчивостью и изменчивостью, единством и многообразием, конечностью и бесконечностью.

Неоднозначность глобализации проявляется в ее бифуркационном («нелинейном») характере. Процесс глобализации в недрах одного и того же социума может протекать по разным путям (допускает разные сценарии). Возникает проблема выбора одного из сценариев. Это равносильно постановке вопроса о движущих силах глобализации. Как ясно из хронотопологической модели, роль движущей силы глобализации играет не какой-то внешний фактор и не какая-то загадочная внутренняя случайность, а в полном соответствии с концепцией синергетического

историзма отбор из множества возможных сценариев одного в результате взаимодействия (сложного соответствия конкуренции и кооперации) внутренних социальных факторов («сил»). В роли таких факторов выступают разные социальные институты, состоящие из людей, вещей и отношения между ними [2].

Таким образом, Бранским В. П. найдена сильная аргументация глобализации как суператтрактора. Не менее выразительным является описание процесса глобализации в ее человеческом измерении. Возвращаясь к концепции синергетического историзма, подчеркнем, что силой движения глобализации являются социальные институты, люди и складывающиеся в процессе их взаимодействия отношения. В этих условиях доминантой становится философское осмысление существующих и открывающихся горизонтов бытия и мироздания, осознание возможной цивилизационной траектории развития человека и общества в новом веке, прояснение того, какие ценности человек возьмет с собой, а с какими расстанется, взглядевшись более пристально в себя и, самое главное, в окружающий мир.

Литература

1. Барулин В. С. Социальная философия: учебник. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 560.
2. Бранский В. П., С. Д. Пожарский. Глобализация и синергетический историзм. – СПб.: Политехника, 2004.
<http://www.peacefromharmony.org>
3. Голубкова Л. Г. Философия управления: монография / Л. Г. Голубкова, В. М. Розин. – Йошкар-Ола: Марийский гос.тех.ун-т, 2010. – 608 с.
4. Зиновьева А. А. Сущность глобализации. – Режим доступа:
<http://www.tisbi.ru/science/vestnik/2009/issue1/Zinovjeva.html>
5. Ильин В. В. Мир Globo: вариант России: монография / В.В. Ильин. – М.: КДУ, 2009. – 256 с.
6. Кочетов Э. Г. Глобалистика: теория, методология, практика: учебник для вузов. – М.: НОРМА, 2002. – 672 с.
7. Шалаев В.П. Синергетика философских проблем современности.- Йошкар-Ола: МарГТУ, 2009. – 360 с.
8. Шалаев В.П. Университеты как геополитический фактор общественных процессов в эпоху глобализации // Россия в глобальном мире: вызовы и перспективы развития. Четырнадцатые вавилонские чтения: в 2 ч. / под общей ред. проф. В.П.Шалаева. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2011. – Ч.1. – 396 с. – С. 76-78.

*Липатов А.Т.,
МарГУ, Йошкар-Ола*

**«ТЕКТОЛОГИЯ» А.А.БОГДАНОВА КАК ВЫДАЮЩИЙСЯ
ВКЛАД В СОЗДАНИЕ НАУЧНЫХ ОСНОВ СОЦИАЛЬНОЙ
СИНЕРГЕТИКИ**

*Lipatov A.T.,
Margo, Yoshkar-Ola*

**"TECTOLOGY" AA BOGDANOV AS OUTSTANDING
CONTRIBUTION TO THE CREATION OF SCIENTIFIC BASES OF
SOCIAL SYNERGETICS**

Abstract. AA Bogdanov – the creator of the generalized theory of systems; the creator of this theory is without reason called L.fon Bertalanffy, although that goal-room borrowed from a Russian scientist. "Tectology" Bogdanova organic boundary formed the scientific basis of modern synergy. In this paper, are found in specific examples of silence and even the attribution of Western-mi scientists discoveries of Russian scientists (K. Zelenetsky, A. Budilovicha, etc.).

Синергетическое видение мира не родилось в готовом виде, словно Минерва из головы Юпитера: оно основывается на многовековых научных исканиях. Это особенно показательно на примере рассмотрения и анализа «Тектологии» А.Богданова (1873-1928) с учетом его предшественников и последователей. А сделать это особенно необходимо, поскольку богдановская тектология «явилась предвосхищением или предчувствием рождения новой (научной) парадигмы» (Абалкин 1995, 4). Она – явление поистине эпохальное: высказанные в ней мысли и положения намного опередили свое время. Это была «одна из первых попыток выявления или анализа общих закономерностей развития природы, общества и мышления с одной особой, организационной точки зрения. Ее рождение было неразрывно связано с глубочайшими социальными потрясениями, которые поразили человеческое общество в первой четверти XX столетия, а также с кризисом естественных наук, разразившимся ранее» (Там же, 4).

Тектология как таковая, – по замыслу ее создателя, – это наука, объединяющая организационный опыт человечества (Богданов 1989, 53); это теория организационных систем, изучающая каждую из них с точки зрения отношений между ее частями, а также отношения системы как

целого с внешней средой. «Высказанные А.Богдановым суждения и полученные им выводы во многом предвосхитили рождение теории систем и кибернетики и были интегрированы ими» (Абалкин 1995, 4).

В научной литературе справедливо отмечается, что, несмотря на растущий интерес к А.Богданову и его идеям, вплоть до настоящего времени нет систематического исследования источников богдановской мысли и особенно фактов, способствовавших созданию «Тектологии». «Этот пробел, – указывает Д.Уайт, – привел к довольно парадоксальной ситуации: философия Богданова изучалась в плане обращения к его последователям, а не к предшественникам. Интерес был направлен не на то, из чего возникали идеи Богданова, но на то, во что они в дальнейшем развились. Современная интерпретация Богданова в качестве пионера теории систем рассматривает его философию как преддверие последующих разработок. Его идеи помещаются в интеллектуальный контекст, возникший лишь позже времени его жизни» (Уайт 1995, 38).

Основные идеи системного мира и сам инструмент научного анализа этой системности и общности всего сущего почерпнуты А. Богдановым еще у предшественников эпохи классической немецкой философии: уже во второй половине XVII века пиетисты сожалели по поводу разделения наук и, призывая их к воссоединению, подчеркивали: «Всякий готовящий себя к грядущему золотому веку, должен видеть науки в их истинной простоте и в форме неделимости <...>. Ибо разделение наук есть результат испорченности времен. Объединение наук – часть подготовки к золотому веку» (Mahle 1965, 350).

Богдановская тектология, как признают современные исследователи синергетики, с полным основанием может быть названа первым в истории науки развернутым вариантом общественной концепции. По своему содержанию «Тектология» намного обогнала свое время и, как это уже не раз случалось, в момент публикации оказалась не понятой научным и философским обществом. Более того, на само слово *тектология* было наложено негласное табу, а в лексикографической практике оно заменялось его фонетическим близнецом – *текстологией*; что же касается самого труда о всеобщей организационной науке, то его старались укрыть под толщей пыли забвенья. Но звездный час «Тетологии» все-таки наступил в середине прошлого века, в период бурного распространения идей научно-технической революции. Время показало, что многие положения кибернетики и общей теории систем, активно прославляемых на Западе как открытие века, были задолго до этого предвосхищены в «Тектологии» А.Богданова. Вот уж поистине: «слава для истинного гения приходит лишь после смерти» (Жорж Санд «Консуэло»).

Связи богдановской тектологии и кибернетики налицо, а многие авторы даже утверждают, что тектология – это своеобразная предтеча кибернетики, с чем не во всем можно согласиться. Как известно, А.Богданов в своей книге, широко используя понятие *обратной связи*, тем не менее, не употребляет самого термина *кибернетика*, который в теории регулирования техническими системами и в биокибернетике был введен намного позднее. Справедливо указывается на связь богдановской тектологии также с общей теорией системы. Так, канадский ученый Р.Маттесич называет А.Богданова «создателем действительно обобщенной теории систем». В его книге «Инструментальное рассуждение и системная методология» содержится специальный параграф «Кто отец теории систем – Богданов или Берталанфи?» (Mattesich 1978, 283-286). Автор исследования недвусмысленно решает этот вопрос в пользу А.Богданова, выражая при этом крайнее недоумение: как же могло стать, что творцом теории систем называют Л.фон Берталанфи (1901-1972)? Ведь в 20-е годы, работая над системными проблемами, Берталанфи не мог не знать о богдановской «Тектологии». Сразу же по ее опубликовании в 1926 году она была отрецензирована в немецкой научной литературе, а в 1928-1929 гг. вышла в Берлине в немецком переводе. И тем не менее в своих работах по системности Берталанфи ни разу не упомянул имени А.Богданова, хотя все идеи, составляющие теорию систем, целиком заимствованы им из богдановской «Тектологии».

Примечательно, что видный отечественный теоретик синергетики М.Н.Моисеев теорию систем Берталанфи отнес к числу «несостоявшихся наук», отметив при этом, что идеи последнего, «несмотря на их широкую рекламу, не внесли каких-либо методических или конструктивных методов в анализ сложных систем» (Моисеев 1995, 9), чего не скажешь о богдановской тектологии, которая содержит конструктивные теоретические положения с их выходом на столь же конструктивную практическую деятельность. У нее глубокое родство со многими смежными научными направлениями, такими как кибернетика, системный подход, теория катастроф (бифуркации), синергетика, структурализм и др. По существу, А.Богданов высказал идею изоморфизма различных организационных структур, на коих базируется как кибернетический анализ, так и общая теория систем Берталанфи. Более того, автор «Тектологии» не только предвосхитил одну из основных идей кибернетики – идею обратной связи (*бигекулатора*, по богдановской терминологии), но, что особенно важно, иллюстрирует ее теми же примерами, коими оперирует один из основоположников кибернетики У.Р.Эшби (1903-1972).

Фактически А.Богданов своей тектологией уже в начале XX века заложил основы нового и цельного научного направления, получившего

свое воплощение в синергетике. В его «Тектологии» глубинным образом разработаны идеи организации и самоорганизации как высших принципов мироздания. При этом есть все основания утверждать, что основные идеи синергетики, сформулированные в 60-70 гг. XX столетия И.Пригожиным (1917-2003) и Г.Хакеном, в том числе и идея самоорганизующегося мира, были во многом предвосхищены русским ученым», - пишет В.П.Шалаев в своей «Социосинергетике» и делает при этом примечательное дополнение: «Интересно в этой связи, что у данных западных исследователей нет нигде ссылок на тектологию» (Шалаев 1999, 42). Что это – произвольная «забывчивость» западных исследователей? Отнюдь нет: скорее, это их традиционная манера «не замечать» многих важных открытий и приоритетных работ российских исследователей, в том числе и в области синергетики.

Но с большим сожалением приходится констатировать, что в научной мировой практике немало примеров прямого замалчивания, а то и присвоения самих открытий российских ученых. Ограничимся несколькими примерами из области самой близкой нам области познания – лингвистики и риторики.

Так, современную *неориторику*, понимаемую как единство логической аргументации и речевой коммуникации, принято связывать с именем профессора логики, морали и философии Брюссельского университета *Хаима Перельмана* (1912-1984), в 1958 году обосновавшего неориторику как синтез логики и лингвистики, и называют его создателем современной неориторической теории аргументации (*rhethorica nove*). Однако все тут не так просто: цепь доказательств неточности такого толкования уводит в далекую пору античности. В своей «*Techne rhetorike*» *Аристотель* (384-322 гг. до н.э.), намного опережая свое время, показывает, что в красноречии более значимы средства *убеждения* и *аргументации*. Он постоянно обращает внимание на сущность риторики, подчеркивая, что «дело ее – не убеждать, но в каждом данном случае находить способ убеждения», поэтому и сама риторика определяется им «как способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» (Аристотель 1978, 18-19).

Для самого Аристотеля риторика, в первую очередь, была универсальной наукой об убеждении и только потом искусством говорить красиво. Красноречие в «Риторике» он сближает с сократовской диалектикой. Опираясь на собственную разработку учения о силлогизмах, он, оценивая риторику глазами логика, признал в ней самым главным учение о доказательстве как способе убеждения. По существу, «Риторика» Аристотеля уже в ту далекую античную пору выступала как неориторика, которая получила дальнейшее развитие лишь в наше время.

В середине XIX века, когда риторика как способ речевой жизни в обществе испытывала жестокий кризис, русский теоретик риторики *К.П.Зеленецкий* (1812-1857) опубликовал свое «Исследование о риторике в ее наукообразном содержании и в отношениях, какие она имеет к общей теории слова и к логике» (Одесса, 1846), в котором обратился к новаторским, но незаслуженно забытым аристотелевским идеям. Обращая внимание на теорию изобретения мыслей в старинных курсах классической риторики, он сетовал на то, что та «не была связана живою цепью логического единства с теорией их расположения. Обе эти теории должны слиться в одну – в теорию логического развития основной мысли в сочинении» (Зеленецкий 1991, 19).

К.Зеленецкий выступает новатором в риторических исследованиях. Если его современники основное внимание уделяли смысловыразительной функции слова («Риторика есть искусство красиво, приятно и убедительно выражать мысли и чувствования»), то Зеленецкий вырабатывает иное понимание творческого акта в словесном действии, преодолевая, прежде всего, абстрактное разделение слова и мысли: «Мысль, каким бы то ни было образом выраженная, есть слово» (1835-1836, 122). У Зеленецкого в искусство красноречия мощно вторгается логика – «теория логического построения речи». «Общая риторика как учение о стихиях речи, – утверждает он, – берет свое начало от того окончательного отдела логики, который говорит об основных законах нашей мыслящей силы» (Зеленецкий 1991, 54). Три семантических структурных элемента треугольника (слово – понятие – предмет) сливаются у него в едином моменте творчества (изобретения), или, как выражается сам автор, «произрождения мыслей».

Теория изобретения мыслей в старых риториках, указывает он, «не была связавна живою цепью логического единства с теорией их расположения. Обе эти теории должны слиться в одну – в теорию логического развития основной мысли в сочинении» (Там же, 19) и дополняет: «слово есть только внешняя форма мысли, подчиняющаяся ей во всем» (Там же, 29). К.П.Зеленецкому, хорошо знавшему труды Аристотеля, видится тесное единство *внутреннего* (логического) построения речи и *внешнего* (филологического) ее образования, то есть речь не может рассматриваться отдельно, в отрыве от мысли. Он усиливает аристотелевские начала значения убеждающей аргументации, без которой невозможен современная неориторика: дело риторики, как постоянно утверждал Аристотель, «не убеждать, но в каждом данном случае находить способы убеждения», – так риторика становится инструментом и теорией логико-речевой аргументации.

В риторике, настаивает Зеленецкий, украшение мыслей «должно быть заменено другим началом, коего происхождение и необходимость

указаны были бы в организации самого мышления и в его законах» (Зеленецкий 1991, 22). Для «рыцаря риторики», как назвала К.П.Зеленецкого В.М.Барановская (1991, 5), риторика – «это особый, совершенно частный предмет и курс занятий, требующий известной зрелости ума и возмужалости чувств» (Барановская 1991, 22).

По существу, Зеленецкий, намного опережая свое время, нащупал основной нерв нового в аристотелевской риторике: аргументация должна дополнять доказательства, а в определенных условиях и заменять их; и именно риторика должна стать одним из двигателей специальной теории аргументации. Как видим, больше чем на столетие раньше Х.Перельмана это осуществил наш соотечественник К.П.Зеленецкий. И печально, что до сих пор продолжается замалчивание его столь важного вклада в современную неориторику. А ведь именно с учетом новаторских идей Зеленецкого была создана логиками новая дисциплина – теория практического дискурса, наиболее весомую часть которой составила именно теория аргументации, а сферой интереса неориторики была вновь объявлена эффективность воздействия и убедительности речи и текста. Можно ли не учитывать колоссального вклада выдающегося русского ученого в создание и разработку современной неориторической мысли?

И еще один пример из области лингвистики. Как известно, в мировой и отечественной практике закрепилось представление, что образование семантических омонимов в результате распада многозначных слов (полисемантов) первыми в 1928 году обосновали французские ученые Шарль Балли (1865-1947) и Альбер Сеше (1870-1946). «Семантическая омонимия, – писал Ш.Балли, – предполагает, что одно и то же слово приобрело со временем различные значения – столь различные, что, с точки зрения выражаемого ими содержания, они уже не имеют ничего общего» (Балли 1961, 64). Однако, по нашим разысканиям, задолго до Ш.Балли, еще в 1879 году, ту же мысль о возникновении омонимов в результате распада полисемантов высказал русский лексикограф А.С.Будилов (1846-1908), обративший внимание исследователей на необходимость «внимательного рассмотрения гомонимических параллелей, то есть разных значений того же слова, развившегося конечно из одного общего центра или первоисточника» (Будилов 1879, 276).

И, представьте, хотя сообщение об этом прозвучало еще в начале 80-х гг. минувшего столетия (Липатов 1982, 145), оно осталось незамеченным специалистами-словесниками, а в лингвистической литературе, в том числе и отечественной, до сих пор по-прежнему утверждается, что семантическую омонимию (гомонимические параллели, по А.Будилову) открыли французские ученые.

Время убедительно показало, что А.А.Богданов – это феноменальная ученый-исследователь и энциклопедическая личность, оказавшаяся «у

времени в плену»; своими выдающимися научными открытиями он связал воедино великих ученых – своих предшественников и современников, работавших в области систематизирующих научных направлений.

Известно, что «серьезная, глубокая теория питается сомнением» (Ортега-и-Гассет 1972, 25). Это было замечено еще античными диалектиками. В ту далекую пору получил распространение крылатый девиз *In dubiis libertas* («В сомнении – свобода»). Именно свобода дает право на риск, на преодоление сомнения в трудном поиске. А Богданов и был из той когорты ученых, что следовал этому правилу и, даже сомневаясь, шел на риск, что в немалой степени помогало ему, ученому-экспериментатору, на нелегком пути к фундаментальным открытиям. Его не понимали, подвергали оглушающей критике, а то и остракизму, но он все равно упрямо шел вперед: в достижении цели свобода риска придавала ему силы.

Трудно быть первым. Но А.А.Богданов как раз и «был первым, кто рассмотрел динамику возможных изменений организаций под действием внешних и внутренних воздействий. И, что еще важнее, он перенес основы этой науки в область обществоведения. Более того, он сделал попытку анализа возможных механизмов, благодаря которым происходит изменение организационных структур» (Моисеев 1995, 10). В своих экспериментальных исследованиях он не ограничился господствовавшим в его пору и широко использовавшимся в научной практике методом аналогий, а выявил и обосновал общие закономерности становления и функционирования систем, их динамической самоорганизации.

Так, богдановская тектология, богатая новаторскими идеями и экспериментальной конкретикой, органично легла в основание активно развивающейся ныне синергетики, о которой академик В.Д.Поремский очень образно сказал: «Синергетика не учит быть добрым, она излучает добро. А равным образом синергетика не учит быть мудрым, она и есть эволюционная мудрость».

Литература

1. Абалкин Л.И. Тектология А.Богданова: на пути к новой парадигме // Вопросы философии. – 1995. – № 8.
2. Аристотель. Риторика // Античные риторика / под ред. А.А.Тахо-Годи. – М., 1978.
3. Аристотель. Риторика. Поэтика. – М., 2000.
4. Балли Ш. Французская стилистика. – М., 1961.
5. Барановская В.М. Рыцарь риторики // К.П.Зеленецкий. Исследование о риторике. М., 1991. (Сер. «Наука убеждать: риторика». №5).
6. Богданов А.А. Тектология (всеобщая организационная наука): в 2 кн. – М., 1989. – Кн.1.
7. Будилович А.С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. – Киев, 1879. – Ч.1.

8. Зеленецкий К.П. Опыт исследования некоторых теоретических вопросов. – М., 1835-1836.
9. Зеленецкий К.П. Исследование о риторике. – М., 1991. (Сер. «Наука убеждать: риторика». № 5).
10. Липатов А.Т. Семантическая сущность и взаимозависимость омонимии лексической и грамматической // *Semantikas problemas. Проблемы семантики.* – Рига, 1982.
11. Моисеев Н.Н. Тектология Богданова – современные перспективы // *Вопросы философии.* – 1995. – № 8.
12. Ортега-и-Гассет Хосе. Дегуманизация искусства. – М., 1972.
13. Уайт Д. От философии к всеобщей организационной науке: истоки и предшественники тектологии А.Богданова // *Вопросы философии.* – 1995. – № 8.
14. Шалаев В.П. Социосинергетика: истоки, теория и практика в современном мире. – Йошкар-Ола, 1999.
15. Mahle H.-I. Die Idee des doldenen Zeitaltes im Werk des Novalis. Heidelberg, 1965.
16. Mattesich R. Instrumental Reasoning and Systems Metodology. Dobrecht – Boston, 1978.

*Полищук Р. Ф., Чернавский Д.С., Старков Н.И.,
ФИАН, Москва*

БОРЬБА ВАЛЮТ И СИНЕРГЕТИКА

*Polishchuk R.F., Chernavskii D.S., Starkov N.I.,
Lebedev Physical Institute, Moscow*

FIGHT RATE AND SYNERGETIC

Abstract. In article the synergetics phenomenon as fundamental scientific paradigm of the present is investigated. In the centre of attention of research modern economic processes, in particular struggle of world currencies, as synergetics process of economic development and management. The author in particular proves, that interaction of currencies the important factor of self-organising of a society as world economic system.

Синергетика как теория самоорганизации природы стала важнейшей парадигмой современного естествознания. Её история началась ещё в античности. Тогда возникла теоретическая развилка, бифуркация подходов Демокрита и Платона в понимании фундамента нашего мира. Для Демокрита мир есть атомы и пустота, для Платона идеи, содержащие информацию, «нарезают» из пассивной материи различные фигуры. При этом понятие материи по сути совпадало с понятием бесконечно делимого пространства, что затем было эксплицировано Аристотелем.

Возникло две математики – дискретная математика Демокрита-Диофанта и континуальная математика Платона-Аристотеля.

Действительно, предел делимости пространства был неизвестен, и пределом бесконечной делимости стала непротяжённая точка. Интеллектуальный подвиг совершил Евклид, установивший свои «Начала»: *точка есть то, часть чего – ничто; линия – длина без ширины; края линии – точки*. Теперь эмпирическое «землемерие» превратилось в теоретическую «геометрию», получили точный смысл понятия расстояния и материальной точки, используемые механикой Ньютона и общей теорией относительности. Но квантовая механика запретила бесконечную делимость, интуитивно угаданную Демокритом, а также запретила геометрическую пустоту, им же постулированную как невозможное бытие небытия (открыв теоретическое умозрение, Демокрит даже выжег себе глаза, глядя на отражение Солнца в отполированном медном щите, чтобы физическое зрение не отвлекало его от истины умозрения). Точка Евклида – тоже своего рода «бытие небытия, ничто».

Заметим, что и духовное развитие человечества периода рождения мировых религий пережило развилку-бифуркацию: буддизм абсолютизировал океаническое чувство единства Я и не-Я, считая ложным членение реальности на субъект и объект, а теизм абсолютизировал творческую способность человека-субъекта, разверзнув пропасть между Творцом и творением (делая только для человека исключение возможностью его обожения).

Теория струн придала первичную структуру элементам мира, считая все элементарные частицы квантами возбуждения единого физического вакуума, различными модами колебания струны. Когда найдены детали мирового «конструктора», появилась возможность их самоорганизации в различные конструкции (на полюсе сложности возникли биосфера и человек как её ноосферная часть). Именно из простых деталей можно построить многое: из каких попало кирпичей дома не построить.

Точки Евклида физически бессодержательны и не сопротивляются построению из них всего, чего угодно. Движение точки рождает линию, движение линии – площадь, движение площади – объём. Только симметрии Платона (его пять правильных многогранников) структурируют мир (сегодня локализация симметрии в концепции калибровочных полей соединяет симметрию и динамику физического мира).

Но детали конструктора ограничивают набор конструкций, и идея их самоорганизации делает излишней гипотезу внешнего миру обожествляемого Разума и Творца как носителя Разума и Воли реализации разумного. На наших глазах возникла эконофизика и математическая история,

распространяющие идею самоорганизации на социум. Универсальным посредником при обмене создаваемых людьми вещей и услуг стали деньги. Они имеют информационную сущность. Если масса-энергия подчиняется законам сохранения, то информация и энтропия, связанные с формами и сложностью мира, этому закону не подчиняются.

Человеческое общество – развивающаяся система, в которой процессы генерации условной информации играют столь же важную роль, как и в биологии (Чернавский Д.С. Синергетика и информация (динамическая теория информации). М.: Едиториал УРСС, 2004). Информация о реально происходящих событиях безусловна, соответствие между реальными объектами и их условными символами, код, является информацией условной (например, буква А была в Египте стилизованным изображением перевернутой головы священного быка Аписа, буква Г, «гимель» в иврите, изображала угол дома, и так далее). Деньги были вначале реальным товаром (ракушками, золотом и так далее), а потом стали банкнотами и числами на счёте клиента. Информация сама по себе есть запомненный выбор из ряда возможностей. Для её носителя требуется мультистабильная система с набором стабильных состояний.

Законы эволюции условной информации едины во всех развивающихся системах. Закономерности процессов на фондовой бирже сегодня изучаются финансовой математикой. Природа денег двойственна – они нужны для существования и развития общества, и в то же время деньги служат источником пороков общества. То же можно отметить и в извращениях базового инстинкта воспроизведения потомства в виде проституции, в существовании преступности как разрушения сложной структуры структурой примитивной: природа порока в его доступности, природа мудрости – в системе запретов как условия функционирования сложной системы. Мы знаем, что новое знание всегда приходит с новыми запретами: запрет вечного двигателя и сверхсветовых скоростей передачи информации в физике, «не убий» в социуме, и так далее. Именно учёт законов природы с её запретами позволяет человеку штурмовать космос и спасать от ранее неизлечимых болезней. Новые запреты нужны и для предотвращения финансовых кризисов, отражающих кризисы самого социума. Деньги появились, когда натуральный обмен стал сложен и неэффективен. Наибольшую потребительскую ценность вначале имели продукты питания. Но срок их хранения ограничен. При обмене их на более сохраняемые продукты все участвующие в обмене продукты стали товарами. Объективную ценность того или иного товара можно представить как величину, усреднённую по числу людей и характерному временному интервалу. При этом субъективная ценность при кратких обменах между субъектами отличается от ценности объективной.

Сами обмены выстраиваются в цепочки с привлечением промежуточных продуктов, сейчас не нужных, но имеющихся у партнёра. При росте числа партнёров число вариантов цепочек растёт быстрее экспоненты (как число перестановок - по формуле Стирлинга), и возникает потребность в нужном всем универсальном товаре, количество которого не должно превышать количество остальных товаров с учётом паритета.

Роль универсального товара в роли денег выполняли серебро и золото как драгоценные металлы. Для контроля их количества была введена чеканка монет под исключительным контролем государства. Почти одновременно с монетами появились бумажные заменители денег в виде векселей, обеспечиваемые золотом и иной ликвидностью (имуществом). Сегодня бумажные деньги ничем не обеспечены и вытесняются банковскими карточками. Деньги стали терять свойство универсального товара: бумажные деньги не имеют потребительской ценности, рынок денег и ценных бумаг (деривативов) оторвался от рынка реальных товаров, что и стало причиной финансовых кризисов: функция полезности денег претерпела изменения. Деньги из универсального товара превратились в условную информацию.

Все известные формы условной информации (языковая, генетическая, нейронная и так далее) имеют общие свойства, но деньги при этом имеют свои особенности. При наличии M условных единиц денег число вариантов их трат $N \approx 2^M$ (это множество подмножеств исходного множества M : при добавления одного элемента это число удваивается, поскольку к старым подмножествам добавляются они же с новым элементом, так что из аксиомы полной математической индукции следует этот результат). Логарифмирование данной величины по основанию 2 даёт M как количество информации I_N о возможных вариантах покупок. При этом естественно предполагать, что каждый вариант имеет смысл (избыточность языка как условной информации связана, например, с тем, что выбор осмысленного варианта ограничен правилами орфографии, грамматики и синтаксиса). Язык денег не избыточен и потому не помехоустойчив: ошибки в пересчёте денег опасны и недопустимы.

Будучи условной информацией, деньги должны быть связаны с активной (безусловной) информацией – с производством полезных продуктов. Вопреки мнению Карла Маркса, организаторский труд по производству и сбыту продукции – не эксплуатация, но необходимая профессиональная деятельность (но вопрос о границе между справедливой оплатой этого труда и ограблением остаётся открытым).

При повременной оплате труда количество полученных денег m пропорционально «трудо-часам» T . Главная функция денег – обеспече-

ние товарооборота и развития. Для этого необходима конверсия различных целевых трат друг в друга: производство – потребление – накопление – развитие. В экономике количество информации и её ценность (она зависит от отношения вероятностей достижения целей до и после получения информации) выражается одинаково в денежных единицах – в этом причина дефектов денежной системы. Для соблюдения условий справедливости соотношения между количеством информации о затраченном труде и информации о вариантах выбора товаров эмиссия денег должна быть подконтрольна государству (нарушение справедливости кредитной ставки при конверсии денег является ростовщичеством). Справедливость может нарушаться и из-за не контролируемой эмиссии различных национальных валют.

Базовая модель борьбы с условными информацией имеет вид:

$$\frac{du_i}{dt} = C_i u_i - \sum_{i \neq j}^n b_{ij} u_i u_j - a_i u_i^2.$$

Здесь u_i означает концентрацию элементов данного типа, его изменение со временем равно его производству на коэффициент авторепродукции. Без остальных членов мы получили бы экспоненциальный рост. Он переходит в логистическую кривую ограничениями роста: действуют коэффициенты внешней конфронтации (конкуренции) и (в последнем члене) конфронтации внутренней (эффект «тесноты»).

Рассмотрим модель динамики средств в зоне влияния одной валюты. Количество свободно конвертируемой валюты, участвующей во внешнеторговом обороте в данной зоне обозначим m . Валовой внутренний продукт (ВВП) равен его производству цены p на величину ВВП Q в физических единицах. Отношение количества валюты к ВВП в стационарном равновесном состоянии равно коэффициенту монетизации τ . В неравновесном случае базовую модель можно представить в виде (коэффициент C имеет размерность обратного времени):

$$\frac{dm}{dt} = Cm \left(1 - \frac{m}{Qp\tau} \right)$$

Базовая модель динамики средств в двух взаимодействующих странах такова:

$$\frac{dm_1}{dt} = C_1 m_1 \left(1 - \frac{m_1 - m_1 \beta_{1,2} + m_2 \beta_{2,1} \gamma_{2,1}}{Q_1 p_1 \tau_1} \right)$$

Здесь мы ввели коэффициенты «бета» навязывания валюты одной страны в другой зоне и коэффициенты «гамма» пересчёта валют. Замена

индексов 1 и 2 даёт аналогичное уравнение для динамики другой валюты. Вводя переменные $u_i = m_i / p_1$ и очевидные другие, мы сводим данные уравнения к базовой модели борьбы условных информационных.

Стационарные состояния, в которых одна или обе валюты равны нулю, неустойчивы. Устойчиво состояние, в котором (при положительности величин $C_1 a_2 - C_2 \beta_{1,2}, C_2 a_1 - C_1 \beta_{2,1}$)

$$\bar{u}_1 = \frac{1}{\det} (C_1 a_2 - C_2 a_1) = \frac{Q_1 \tau_1 (1 - \beta_{2,1}) - Q_2 \tau_2 \beta_{2,1} q_{2,1}}{1 - \beta_{1,2} - \beta_{2,1}}$$

$$\det = a_1 a_2 - \beta_{1,2} \beta_{2,1} = \frac{C_1 C_2}{Q_1 \tau_1 Q_2 \tau_2} (1 - \beta_{1,2} - \beta_{2,1})$$

Недостающее уравнение отличается заменой индексов 1,2 на 2,1. При выполнении условия

$$Q_1 \tau_1 (1 - \beta_{2,1}) \leq Q_2 \tau_2 \beta_{2,1} q_{2,1}$$

вторая валюта вытесняет первую: товарооборот обслуживается только валютой второй страны. Тогда

$$\bar{u}_1 = 0, \bar{u}_2 = \frac{Q_1 \tau_1}{q_{2,1}} + Q_2 \tau_2$$

Это возможно, когда валюта второй страны сильнее первой (больше ВВП), либо наоборот: экономически слабая валюта вытесняет сильную, но

$$\frac{\tau_2 \beta_{2,1} q_{2,1}}{\tau_1 (1 - \beta_{2,1})} > 1$$

Это возможно, например, при $\beta_{2,1} \cong 0,5, q_{2,1} > 1$. Это означает, что во второй стране много не обеспеченной производимым товаром валюты, и значительная её часть находится в первой зоне (велика финансовая экспансия), а также курс второй валюты при этом завышен ($q > 1$). В общем случае суммарное количество средств в первой стране равно

$$\tilde{u}_1 = u_2 + u_2 \beta_{2,1} q_{2,1}$$

Возникает парадокс: валюту страны с мирового рынка вытесняют, а суммарное количество средств в зоне её влияния увеличивается – за счёт необеспеченной чужой валюты.

Состояние устойчивости сосуществования валют нарушается при $\det < 0$, то есть когда финансовая экспансия велика.

Всегда имеет место стремление внедрить свою валюту в мировой рынок: страна-эмитент получает большие преимущества. Это стремление обеспечивает положительную обратную связь, способствующую неустойчивости. При малых экспансиях в каждой зоне выгоднее использовать ту валюту, которой пользуются партнёры – и это способствует устойчивости сосуществования валют. Но при $\beta_{1,2} = \beta_{2,1} \geq 0,5$ в каждой зоне равно используются обе валюты, и преимущество каждой исчезает. При этом перестаёт действовать отрицательная обратная связь, и возникает неустойчивость. Модель не предсказывает результата выбора, но предсказывает возникновение неустойчивости.

Отметим, что факторы модели делятся на объективные (цены, объёмы торгового оборота и коэффициенты монетизации) и субъективные, условные (коэффициенты финансовой экспансии и курсы валют). При этом условные факторы играют не меньшую роль, чем факторы объективные – те и другие зависят от целей руководства стран.

Если цель – сохранить устойчивое сосуществование валют, то нужно понижать финансовую экспансию и поддерживать курсы валют достаточно справедливыми. В неустойчивом режиме для вытеснения первой валюты требуется увеличивать ареал притяжения «своей» валюты выше стационарного. В процессе борьбы валют возможна смена режимов (развилка, бифуркация). В обоих случаях возможно вытеснение экономически более сильного партнёра более слабым за счёт эмиссии средств (тиражирование условной информации). Возможно также вытеснение одной из валют при сосуществовании двух других.

Увеличение финансовой экспансии имеет и преимущества, и недостатки. Преимущества таковы: появляется возможность приобретать товары другой страны за счёт эмиссии своей валюты. Увеличивается объём своей валюты. В случае нарушения устойчивости повышается вероятность попасть в область притяжения своего аттрактора (аттрактор – это притягивающее множество динамической системы) и вытеснить другие валюты. Недостатки таковы: увеличение объёма своей валюты уменьшает её обеспеченность, её реальный курс падает. При нарушении устойчивости возникает возможность хаоса (появляется перемешивающий слой динамической системы) с непредсказуемыми последствиями. В рамках базовой модели взаимодействия валют возможны три сценария развития событий. Во-первых, возможно сохранение устойчивого финансового равновесия, мирное сосуществование различных валют. Во-вторых, возможно постепенное вытеснение других валют за счёт развития реального сектора экономики. При этом можно достичь почти полной глобализации, сохраняя устойчивость равновесия и минуя пере-

мешивающий слой. В-третьих, возможно наращивание финансовой экспансии. При этом неизбежно нарушение устойчивости равновесия существования и возникновение перемешивающего слоя. На этом пути возникает глобализация, но её цена слишком высока.

Какой сценарий реализуется, зависит от руководства ведущих стран мира. Модель здесь выступает как инструмент поддержки принятия необходимого решения. В динамике денежных масс важную роль играют объёмы валют, их обеспеченность и популярность. При этом необходим синергетический подход – одновременный учёт целой совокупности факторов. В процессе взаимодействия валют выполняются общие условия эволюции условной информации: целью носителей информации является защита и распространение своей информации. Это базовая цель и всех живых существ.

*Степанов Е.И.,
Институт социологии РАН, Москва*

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ И МЕНЕДЖМЕНТ КАК НЕОБХОДИМЫЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Stepanov E.I.,
Sociology institute RAN, Moscow*

KONFLIKTOLOGICHESKY MONITORING AND MANAGEMENT AS NECESSARY SINERGETICHESKY COMPONENTS OF MODERN OBSHCHESTVOVEDCHESKY RESEARCHES

Abstract. In article the problem of adequate studying of social conflicts, means and ways of a resolution of conflicts is investigated. According to the author, the decision of these questions demands participation in them of social synergetics.

Появление и развитие в настоящее время многочисленных конфликтов как в различных странах мирового сообщества в целом, так и в составляющих их подструктуры регионах, городах, районах, отдельных предприятиях, учреждениях, организациях настоятельно требует их научного изучения, наблюдения и учета, а также – предотвращения или снятия опасности нередко происходящего аккумуляирования их сово-

купного конфликтного потенциала. В связи с этим становится все более очевидной необходимость адекватного изучения – в том числе и с синергетической точки зрения – процессов как конкретного содержания и состояния, так и взаимовлияния, взаимопереплетения различных социальных конфликтов и их интегрированной совокупности. А поскольку отдельные замеры этих процессов, разумеется, не дают необходимого результата в изучении совокупности возникающих напряжений и конфликтов, важное значение приобретает и их изучение в режиме мониторинга. При этом сам этот мониторинг – с точки зрения его практической значимости – следует понимать и использовать не просто как способ получения адекватной информации о складывающихся или сложившихся конфликтных ситуациях, а как информационное обеспечение их последующего менеджмента – процесса практической реализации научно обоснованных и выверенных мер по предупреждению и эффективному разрешению конфликтов, возникающих в различных сферах общественной жизни между различными социальными субъектами, что требует, с синергетической точки зрения, снятия возникших между ними рассогласований и противоречий и возвращения их к сотрудничеству и партнерству как согласованному взаимодействию³⁹.

Предпринятая в связи с этой необходимостью многими зарубежными (с начала 50-х годов XX века), а затем (с начала 90-х годов XX века) и отечественными исследователями работа по мониторингу и менеджменту

³⁹ См. например: Конфликт и пути его разрешения. Куйбышев. 1990; Овчинников В.С. Политические конфликты в международных отношениях и пути их разрешения. М., 1990; Зигерт В., Ланг Л. Руководить без конфликтов. М., 1990; Скотт Д.Г. Способы разрешения конфликтов. Киев, 1991; Андреев В.Н. Конфликтология: искусство спора, ведения переговоров, разрешения конфликтов. Казань, 1992; Корнелиус Х., Фейр Ш. Выиграть может каждый. Как разрешать конфликты. М., 1992; Данакин Н.С., Дятченко Л.Я. Технология сотрудничества и противоборства. Белгород, 1993; Шугуров М.В. Социальный конфликт и самоосуществление личности. Саратов, 1994; Белкин А.С., Жаворонков В.Д. Конфликтология: наука о гармонии. Екатеринбург, 1995; Семигин Г.Ю. Социальное партнерство в современном мире. М., 1996; Фролов С.Ф. Социология: сотрудничество и конфликты. М., 1997; Шейнов В.П. Конфликты в нашей жизни и их разрешение. Минск, 1997; Ликсон И. Конфликт. Семь шагов к миру. СПб, 1997; Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. - М., 1998; Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования). М., 1999; Культура мира: от утопии к реальности. Казань, 1999; Козер Л. Функции социального конфликта. СПб., 2000; Большаков А.Г., Несмелова М.Ю. Конфликтология организаций. М., 2001; Ганеев А.М., Тронова Л.С. Конфликтология. Формирование установок толерантного сознания и поведения. Практикум. Казань, 2001; Глазл Ф. Конфликт-менеджмент. Настольная книга руководителя и консультанта. Калуга, 2002; Степанов Е.И. Современная конфликтология: общие подходы к моделированию, мониторингу и менеджменту социальных конфликтов. – М., 2008; Шалаев В.П. Конфликтология и синергетика перед вызовами современности: на путях методологического диалога и адекватного управления. – ж. Конфликтология, 2009, № 2

возникающих в различных сферах и подструктурах общества конфликтных ситуаций все больше опиралась на учет необходимости органично соединить теоретические и практические подходы при анализе и регулировании конфликтов в наиболее конфликтогенных сферах общества, а также на понимание того, что эта необходимость обусловлена прежде всего тем, что характер и динамика современных социальных напряжений и конфликтов диктуют преобладающее внимание именно к прикладному аспекту: конфликтологическим практикам и технологиям. Все более отчетливо осознавалось также и то, что реальная многоаспектность, многопрофильность этих практик и технологий, обязанных учесть множество самых разных сторон взаимоотношений и взаимодействий индивидов и групп в процессе функционирования и развития различных сфер общественной жизни, побуждает не только активизировать исследования конфликтов в рамках различных научных дисциплин – социальной философии, синергетики, социологии, политологии, правоведения, экономики, педагогики, психологии, культурологии и других направлений общественного знания и человековедения, но и объединить их результаты под «крышей» синергетически интерпретируемой конфликтологии, ориентирующейся на синтезированный междисциплинарный подход к исследованию конфликтов любого вида и уровня.

Так, например, зарубежными исследователями современных общественных процессов и отношений уже несколько десятилетий назад – с середины 50-х годов XX века – активно и результативно запущен процесс становления и развития социологии конфликта как специальной области социологического знания, избравшей своей методологической основой так называемую конфликтологическую парадигму, ориентирующую на исследование не только тех причин и механизмов, которые систематически порождают в обществе социальные напряжения, рассогласования, конфликты, но и обоснование средств и способов их преодоления и перехода к согласованному взаимодействию. По признанию одного из известных западных социологов Дж.Тернера, благодаря такому своему успешному и результативному применению, конфликтологическая парадигма превратилась ныне также в одну из господствующих парадигм социологического теоретизирования и практического регулирования общественных взаимодействий⁴⁰. Подобное превращение произошло и в других перечисленных выше научных дисциплинах, в которых получили также активное развитие соответствующие отраслевые конфликтологии – политическая, педагогическая, региональная, этноконфликтология, и др., – акцентирующие внимание не только на специфике определенных типов

⁴⁰ См.: Тернер Дж. Теория конфликта // Структура социологической теории. М., 1985.

конфликтного взаимодействия, на изучении их причин и роли в жизни общества, но и на средствах и способах их эффективного преодоления. При этом, как справедливо подчеркнул один из «отцов» современной западной конфликтологии, Кеннет Боулдинг, это превращение смогло произойти благодаря соответствующему развитию общей теории конфликтов, акцентирующей внимание на изучении не только их основных причин и роли в жизни общества, но и эффективного согласования устремлений оказавшихся в конфликтных взаимоотношениях субъектов⁴¹. Тем самым, по существу, был создан методологический и общетеоретический фундамент для понимания конфликтов не только как естественных, всеобщих и неустрашимых форм общественной жизни и деятельности, но и как реальных действий, способных при определенных условиях выполнить роль позитивного средства интеграции и стабилизации социальных групп, институтов и социальной системы в целом, как стимуляторов прогресса, факторов совершенствования социальных структур, общественных отношений и институтов.

Если суммировать то, что на сегодняшний день сделано в рамках теоретического моделирования социальных напряжений и конфликтов и вытекающих из него концептуальных оснований для их эмпирического мониторинга и практического менеджмента – то их общий итог может быть представлен как констатация и обоснование необходимости организовать прежде всего всестороннее наблюдение, оценку и прогноз процесса усиления удовлетворенности социальных субъектов различными сторонами своей жизнедеятельности, содержательно включающий в себя следующие этапы:

- фиксация процесса возникновения неудовлетворенности условиями жизнедеятельности определенных социальных групп и общностей;
- обнаружение причинно-следственной связи между характеристиками объекта их неудовлетворенности и деятельностью других социальных субъектов, вызывающей эту неудовлетворенность;
- уточнение позиций взаимодействующих между собой социальных субъектов и средств их трансформации, на основе усиления взаимопонимания, в устремление преодолеть возникшие между ними социальную рассогласованность и напряженность и перейти к взаимовыгодному сотрудничеству.

Этот подход, рассматривающий действительность как человеческую чувственную деятельность, практику, как представляется, позволяет

⁴¹ См.: Boulding K. Conflict and Defence. N.Y., 1968, XIV.

преодолеть противопоставление «объективных условий» и «субъективной деятельности» и зафиксировать условия сознательного преодоления возникших противоречий и напряженных взаимоотношений самими оказавшимися в них социальными субъектами⁴².

Как показывает сегодняшняя практика, в ряду разнообразных общественных коллизий, развертывающихся в настоящее время на территории Российской Федерации и требующих своего преодоления, весьма большую остроту и размах приобрели региональные конфликты. Это обусловлено прежде всего тем, что, в силу ослабления федеральной власти, усиления процессов регионализации и угрозы дезинтеграции России, на обширном постсоветском пространстве образовалось множество форм регионального социально-экономического, политико-правового и межэтнического напряжения, которые, при определенных условиях, грозят вылиться или уже вылилось в открытые насильственные столкновения, в том числе и вооруженного характера, несущие многочисленные жертвы и разрушения. Практически каждый регион имеет собственные истоки, тот или иной преобладающий тип конфликтов. Их диагностика и последующее регулирование возможны лишь с учетом всей совокупности факторов, определяющих природу, источники, стратегии поведения участников конфликтного взаимодействия в данном регионе.

Соответственно – региональный уровень анализа социальных конфликтов все больше выдвигается и в центр исследовательского внимания конфликтологов, поскольку для них становится все более несомненным, что стабилизация ситуации на этом уровне способна оказать благотворное влияние на стабилизационные процессы и в общенациональном масштабе (как и наоборот). Тем самым дальнейшее углубление разработки и обеспечение реализации научно обоснованной модели региональной политики по предупреждению, прогнозированию и урегулированию конфликтов, в особенности насильственных и деструктивных, превращается в важную исследовательскую и практическую задачу современной конфликтологии. А осмысление соответствующих успешному решению этой задачи общих методологических и теоретических подходов, существующих в зарубежной и отечественной конфликтологии, в том числе – оценка опыта и дальнейших перспектив их применения, анализ основных противоречий и расколов, характеризующих современный российский социум как в целом, так и в его региональном

⁴² См.: Куконков П.И. Социальная напряженность как этап в процессе развития конфликта // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М., 1995. Вып.9, ч.1. С.15.

аспекте, поиск и обоснование мер и средств, способствующих раскрытию конструктивного, созидательного потенциала конфликтов и устойчивому развитию общества на демократической основе, – составляет, в силу этого, одну из наиболее важных и актуальных исследовательских проблем, требующую дальнейшего внимательного рассмотрения.

Для ее позитивного решения, как представляется, должны быть использованы следующие базовые компоненты:

- научные принципы прогнозирования и ранней диагностики – с помощью использования прежде всего достижений современных социологических, политологических, конфликтологических, синергетических исследований – социально-политических, производственных, правовых, межнациональных и других социальных конфликтов;
- методы профилактики конфликтов путем упреждающего решения проблем; механизмы предотвращения эскалации конфликтов, блокирования деструктивного потенциала конфликта;
- технологии конструктивной деэскалации конфликтов и развития конструктивного потенциала конфликтов;
- способы урегулирования и разрешения конфликтов, мероприятия по общему снижению конфликтной напряжённости в регионе, стабилизации и гармонизации общественных процессов;
- формирование адекватной современным задачам культуры поведения конфликтующих, направленной на конструктивное урегулирование и разрешение конфликтов.

Реализация всех этих неотложных мер позволит разработать и предложить для практического воплощения представительным органам и административным структурам в регионах такие принципы, способы и формы осуществления социальной политики в каждом из них, которые предотвратят деградацию в угоду как деструктивной глобалистской доктрине, так и социально-групповому и этническому эгоизму, возродят и закрепят все позитивные социокультурные традиции и обычаи, обеспечивающие эффективное взаимодействие составляющих население региона социальных групп и этнических общностей, стабилизируют общую экономическую и социально-политическую обстановку в нем и обеспечат его переход к последовательному демократическому развитию, ориентированному на общее взаимопонимание, сотрудничество, благосостояние и благоденствие всего населения.

В основу эффективной реализации всех указанных выше базовых компонентов позитивного урегулирования и разрешения возникающих конфликтных ситуаций, как представляется, должна быть положена известная Концепция культуры мира, разработанная ЮНЕСКО и принятая

ООН в конце XX века в качестве общемировой Программы с перспективой претворения ее в жизнь в XXI веке как всем мировым сообществом, так и отдельными составляющими его региональными образованиями, странами и народами.

Основанием для принятия такого подхода служит содержащееся в обосновании самой этой Концепции указание на то, что ключом к пониманию культуры мира является стремление перевести борьбу с элементами насилия в сотрудничество ради единых целей. А это, в свою очередь, предполагает в качестве задачи, требующей своего решения, так организовать общественные взаимоотношения, чтобы конфликтующие группы работали бок о бок в интересах развития этого «умиротворяющего» процесса.

Эта задача сформулирована в принятой ООН Программе как управление конфликтом в интересах совместного развития. Таким образом, уже с самого начала разработки этой Программы в нее оказался включенным весь комплекс проблем современной конфликтологии и синергетики: причин и механизмов вызревания и функционирования конфликтов, возможного их предотвращения, локализации, минимизации негативных последствий, полного разрешения, учета международного контекста, нетрадиционных форм урегулирования и т.д. Это обнаружило не только значимость усилий конфликтологов и синергетиков, но и их большую ответственность за успешную разработку и реализацию самой Программы. Ибо можно считать бесспорным не только то, что нынешний уровень и успехи развития этих актуальных направлений современного обществознания и человековедения создают ту необходимую стартовую теоретическую базу, без которой не мог бы появиться столь масштабный проект, как данная Программа ООН, но также и то, что ее эффективная практическая реализация требует дальнейших творческих усилий сообщества конфликтологов и синергетиков, как отечественного, так и международного.

В частности, все более активного и эффективного учета требует представление о том, что социальный конфликт – это социальное противоречие на стадии его реального разрешения вовлеченными в него субъектами. И потому как сами эти субъекты, так и те, кто с конфликтологических и синергетических позиций осмысливает и оценивает особенности их поведения в возникшем противоборстве, должны прилагать настойчивые усилия к тому, чтобы выявить механизмы и средства его разрешения. При этом, как отмечает большинство исследователей, важно учитывать, что любой социальный конфликт представляет собой не просто противоречие, возникшее между определенными социальными

субъектами, а такое противоречие, которое так или иначе ими осознано и оценено. Соответственно этому состояние сознания и духовного мира участников конфликтной ситуации далеко не безразлично для ее возникновения, протекания и разрешения. Это означает, что в анализе конфликта необходимо учесть сложнейшую диалектику взаимодействия факторов бытия и сознания конфликтующих сторон. Только на этой основе можно преодолеть особенно характерный для наших прежних отечественных обществоведческих исследований, но все еще нередко воспроизводящийся и ныне, гипертрофированный объективистский подход к детерминации социального поведения и показать, что не извне, а именно через трансформацию ценностных ориентаций и мотивационной сферы конфликтующих субъектов изменяется занимаемая ими в конфликте позиция и характер их поведения в нем, которые и составляют их наличное бытие.

Это, кстати, проясняет роль различных направлений социального познания – в том числе и синергетики – в исследовании конфликтов: в той мере, в какой усилия обществоведческих и человековедческих дисциплин способствуют выявлению существа конфликтов и подлинной мотивации поведения конфликтующих сторон, предлагаемые ими концепции и эмпирические данные составляют важные средства осмысления и оценки конфликтных ситуаций.

Вместе с тем, из сказанного ясно, что в теоретико-методологическом аспекте необходимо обязательно учесть: поскольку социальный конфликт выражает специфическое взаимодействие активных социальных субъектов, их особую деятельную взаимосвязь, он органически укладывается в рамки субъектно-деятельностного подхода. Поэтому данный подход, как признается большинством исследователей социальных конфликтов, способен выступить адекватной общеметодологической основой для эффективного анализа методологических, концептуальных и технологических проблем конфликтологии.

Субъектно-деятельностный подход позволяет с самого начала ввести в осмысление социальной синергетики и то важное уточнение, что действительной движущей силой выступает не противоречие само по себе, а субъект или субъекты, являющиеся его сторонами и активными выразителями. Поэтому познание процесса разрешения противоречий требует выразить "концептуальную историю" теоретического и практического разрешения противоречий субъектами, которое всегда происходит в определенных конкретно-исторических рамках.

В этом аспекте конфликт, как разрешаемое противоречие, предстает как процесс отождествления и преодоления противоположностей, под-

ключения механизмов и средств снятия их существенных различий, и притом – с помощью собственных устремлений и усилий составляющих эти противоположности субъектов. И лишь признание каждой из сторон равноправности другой и правомерности тех оснований, которые побуждали ее к конфликтному противоборству, создает необходимые условия для их примирения и разрешения возникшего между ними существенного противоречия посредством компромисса или консенсуса.

Все сказанное, разумеется, – лишь ряд важных штрихов к той общей картине необходимой трансформации социальной диалектики, которую инициирует и предлагает конфликтология другим современным направлениям обществознания и человековедения, – прежде всего особенно близким ей социальной синергетике, социологии и политологии – в целях повышения эффективности их исследований и применения для этого адекватных мировоззренческих и методологических средств. Всем им предлагается, в частности, соотнести между собой и связать в целостную систему те наиболее общие понятийные средства, которые характеризуют движение социальных противоречий в субъектной форме, начиная от их восприятия в виде соответствующих потребностей и кончая выработкой определенных социальных целей, личностных черт и стереотипов поведения социальных субъектов, интересы которых приходят на этой основе в острое конфликтное столкновение. Ибо эта ”понятийная сетка” позволяет адекватно отразить как внутреннюю детерминацию поступков общественных индивидов и социальных групп в конкретных конфликтных ситуациях, так и возможности принципиального разрешения данных ситуаций как выражения «наличного бытия».

Как представляется, развернуть и закрепить в общественном сознании это новое видение социального бытия, восстанавливающее адекватное понимание его диалектически-противоречивой природы и субъектной обусловленности, и развивать его дальше – составляет, для всех направлений современного социального познания вообще, конфликтологии и социальной синергетики в особенности, – приоритетную теоретическую и прикладную проблему.

*Шалаев В. П.,
МарГТУ, Йошкар-Ола*

**СИНЕРГЕТИКА КАК ПОЛЕ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ПОИСКОВ
СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И ПРАКТИКИ:
ФАКТОРЫ АКТУАЛИЗАЦИИ**

*Shalaev V. P.,
MarSTU, Ioshkar Ola*

**SYNERGETICS AS SPACE OF SEARCHES OF A PARADIGM OF
DEVELOPMENT OF MODERN
SCIENTIFIC KNOWLEDGE AND PRACTICE: ACTUALISATION
FACTORS**

Abstract. In article the history, essence, a place, a role and prospects of development of synergetics are investigated. As new scientific paradigm in system of modern knowledge of the person, a society and the nature. In article actual aspects of development of social synergetics, a emand of social synergetics in the modern public theory and experts in the conditions of the astable and difficult world, including in the conditions of globalisation are investigated.

Опыт проведенных в Йошкар-Оле в 2002-2011 гг. научных дискуссий по проблемам истоков, природы, места и роли синергетики, и социальной синергетики в частности, в современном научном знании и практики, позволяет высказать некоторые тезисы по этим вопросам. Отметим, что дискуссии проводились (и проводятся до сих пор) в рамках постоянно действующего семинара «Социальная синергетика и актуальная наука», на базе факультета социальных технологий Марийского государственного технического университета. В разное время их участниками стали известные ученые, представляющие различные направления и отрасли научного знания профессора А. М. Бекарев, А. В. Дахин, В. А. Щуров, В. А. Кутырев – *Н. Новгород*, В. И. Аршинов, О. Н. Астафьева, Е. И. Степанов, Р. Ф. Полищук, Д. С. Чернавский, В. М. Розин – *Москва*, В. П. Бранский, С.Д.Пожарский, В. В. Василькова, В. Н. Сагаатовский – *Санкт-Петербург*, В. Э. Войцехович – *Тверь*, В. П. Шалаев, А. Т. Липатов, Ю.Б.Грунин – *Йошкар-Ола*, В. И. Курашов, А. Л. Салагаев, Е.М. Николаева – *Казань*, Н. В. Поддубный – *Белгород*, Д. Й. Димитров – *Болгария* и другие исследователи. Эти суждения следующие:

1. Синергетика как научный феномен, представленный особым языком, так же как и особым именем, может считаться порождением физико-

химического и прикладного математического знания. Ее авторство принадлежит немецкому математику, исследователю феномена сложности, Г. Хакену. В этом и только в этом смысле мы говорим, что синергетика – естественнонаучный феномен. Но таково лишь одно из прочтений ее места и роли в современном научном знании, в основе которого узко историческая постановка вопроса. С сущностной точки зрения, т.е. с точки зрения объективных истоков и оснований синергетики в науке в целом, ее содержание и смыслы должны рассматриваться много шире той формы, с которой начинал ее развитие Г. Хакен. Заложенное им с необходимостью должно быть дополнено также вкладом, что внесла в синергетику теория диссипативных структур И. Пригожина, бельгийского ученого исследователя-химика русского происхождения, сформулировавшего теорию самоорганизации, уже осмыслявшего не только чисто естественно-математические возможности синергетики. В этом направлении пошли в дальнейшем К. Майнцер, В. Эбилинг, Н. Н. Моисеев, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий и другие представители западного и отечественного естественно-математического знания. Им в равной мере свойственно развитие уже не чисто математической, но общей теории синергетики, стремление соотнести ее с философией, диалектикой, гуманитарным знанием.

2. Мы свидетели того, что современная интерпретация феномена синергетики вышла за рамки естествознания и во все большей степени становится достоянием всей науки, всей совокупности знаний о мире и человеке, приобретая совершенно иной характер и смыслы, которые не прогнозировались при ее зарождении. Представляется, что в широком историческом определении, содержание синергетики, лежащие в ее основе понятия, принципы, образы и смыслы принадлежат всему полю исторических и актуальных форм научного знания, всем его составным частям (естественнонаучной, социально-гуманитарной, технической). Таковы понятия *самоорганизации, организации, системы, элемента, функции, целого, части, структуры, связи, отношения, развития, саморазвития, необходимого, случайного, антропности, управления, обратимости, необратимости, гистолиза (самоподпитывающейся реакции), энтропии, гомеостазиса, фрактальности* и других. Все они в той или иной мере выступают сегодня инвариантным ядром языка науки, развивавшимся в ней и философии задолго до определения синергетики Г. Хакеном и И. Пригожиным, независимо от их предметной принадлежности.

3. Действительно, значительная часть понятий, принципов и образов синергетического знания задолго до его институционального оформления в естествознании XX века уже присутствовала в разрозненном виде

и использовалась в социально-гуманитарном (прежде всего философском) знании. Например, понятия случайности и необходимости исследовались в логике философского знания уже в древнегреческой философии. Логике необходимости, как известно, развивала философия Демокрита, создавшая учение о детерминизме, а логику случайного, понимаемого как Клинамен, т.е. способность атомов отклоняться в пустоте, – философия Левкиппа. Оба мыслителя развивали учение о самодвижении атомов, которое в определенном смысле может рассматриваться как фактор и механизм, лежащий в основе порождения новых веществ и вещей (по Демокриту – состоящих из ассоциаций различных по форме атомов).

4. Своеобразной предтечей *теории самоорганизации*, в нестрогом научном смысле, т.е. эвристично, можно считать также идею органической целесообразности Эмпедокла, как и его идею космического цикла (борьба сил любви и ненависти), идею двух путей огня Гераклита Эфесского и других, прежде всего древнегреческих философов, рассматривавших мир (космос) как живущий циклической жизнью порядок. Само понятие космос в переводе с древнегреческого уже означает порядок или упорядоченное, определенным образом организованное множество. Значительный эвристический вклад в синергетическую проблематику принадлежит восточной философии, даосизму.

5. Принципиальным для осмысления синергетики является то, что практически все ее основные понятия, принципы и образы, по своей сути носят диалектический характер и способствуют формированию именно диалектической картины мира в современном научном знании. Являясь, по сути, диалектическим образованием, синергетика взялась выполнять чрезвычайно важную для естествознания и техникзнания задачу. Она взяла на себя функцию своеобразного посредника, связного между различными сферами научных знаний. Уточняя и вводя диалектику в поле конкретных естественнонаучных и технических исследований, выполняя функцию своеобразного методологического адаптора, интерпретатора диалектики, синергетика пытается решить извечную проблему преодоления барьеров не только между диалектикой и естествознанием, техникзнанием, но и между гуманитарным, философским и естественно-техническим знанием.

6. При этом синергетика (в связи с особенностями ее языка) в значительной степени может считаться общенаучным феноменом. С одной стороны, формой (цветом) своих понятий она ближе к естественнонаучному и техническому знанию, но с другой стороны, уровнем интерпретаций, масштабом обобщений и использованием этих понятий, целями и

задачами она по своему потенциалу гораздо ближе к теоретическим обобщениям философии и диалектики. Синергетика может считаться направлением, взявшим на себя посредническую миссию реализации вечной научной цели сохранения единства научного знания, вдвойне важной сегодня, когда наука продолжает искушаться дальнейшими специализациями, в соответствии с заказом по удовлетворению все более многообразных, материально ориентированных потребностей современного общества как цивилизации.

7. Но синергетика вводит в адаптивной форме в *частнонаучное знание* не только диалектику, а вместе с ней и философскую проблематику. Широтой и глубиной ставящихся ей задач она способствует формированию частнонаучных картин мира, по своей сути получающих диалектическую, а по масштабам – философскую мыслительную прививку. Она несет с собой реабилитацию и актуализацию в частнонаучном знании универсалий диалектического и философского мышления, возвращая целостность метода диалектики в науки, так нуждающиеся сегодня в методологическом обновлении и целостном восприятии своих предметов. Посредством философской прививки она раздвигает горизонты частных наук, создавая предпосылку их диалога, взаимопроникновения, способствующего процессу самоочищения наук от шелухи устаревших представлений о мире, пересмотра и уточнения сформировавшихся в их недрах «непогрешимых» научных школ, подходов и теорий описания реальности, налаживания нового, соответствующего изменившейся ситуации, положения человека в мире, отношений с ним.

8. Синергетика носит объективно-исторический характер. Она появляется в истории развития научного знания там и тогда, где и когда возникает объективная потребность самой науки в рычагах изменения своих *парадигмальных знаний* и подходов к описанию реальности, изменению устоявшихся стереотипных подходов и теорий отношений человека с миром. Т.е. она возникает как реакция общества на неадекватность наличного научного инструментария, как потребность его в новой концепции общественного, человеческого развития в мире. Вслед за этим она появляется как потребность самой науки в новой концепции науки (потребность в новой парадигме научного знания, как ее понимал Т. Кун), как потребность научного знания в новых целях, задачах, направлениях развития в ситуации Новой реальности.

9. Что это за Новая реальность, каковы ее приметы с научной точки зрения? Она может быть нами определена здесь как, прежде всего реальность, связанная с феноменом человека и все более очеловечивающаяся, следовательно, и (в том числе) реальность, больная теми же бо-

лезнями, чем болен и сам человек – человеческими же болезнями. Это реальность все более внутренне несбалансированного мира, устремленного к все более высоким уровням энтропии, т.е. все более неустойчивым формам существования явлений и процессов в очеловечиваемом мире, к все более нестабильным отношениям между этими явлениями и процессами. В целом мир этих нестабильных отношений есть в то же время и мир все более нестабильных новых феноменов, во все большей степени противостоящих, входящих в столкновение с миром традиционных ноуменов знаний о мире, которыми мыслит оснащенный традиционной же классической наукой человек.

10. Такое расхождение феноменов и ноуменов, то есть столкновение вещей в мире и знаний человека о них, не может не порождать повсеместных столкновений человека с миром, в том числе (и прежде всего) с миром феноменов, созданных самим человеком (*очеловеченных феноменов*). В этом смысле это не внешнее, а скорее внутреннее столкновение, столкновение знаний человека о мире и своем месте в нем друг с другом. Это столкновение человека с самим собой – с собой прежним, каким он состоялся за последние столетия и даже тысячелетия. Такое столкновение не может не приводить, в свою очередь, к все менее контролируемым со стороны человека кризисам его отношений в системах «Человек – Природа» и «Человек – Человек».

11. Стремясь адаптироваться в наступающей эпохе кризисности и конфликтности отношений участников мировых процессов (социальных, биологических, неорганических, искусственных технических составляющих), человечество было вынуждено начать процесс пересмотра своих инструментов в отношениях с миром, в том числе и научных инструментов. Поиск нового инструментария пошел естественным путем диалога наук, уточнения наличного потенциала, пересмотра не оправдывающих себя теорий, научных практик, поиска и укоренения новых образов научного мышления, в большей степени отвечающих целям человека в новых условиях. На смену реальности классической науки (традиционной науке), связанным с ней ноуменов, пришла потребность в новой постклассической, неклассической и в целом постнеклассической науке (по определению В.С.Степина).

12. Эта постнеклассическая наука была призвана по-новому увидеть мир, увидеть и зафиксировать в нем то, что классическая наука, в силу сложившейся школы мышления, уже не была способна зафиксировать, то, что классическая наука, даже увидев и зафиксировав в дальнейшем, или неадекватно интерпретировала это зафиксированное, или не могла предложить сколько-нибудь действенных подходов решения зафиксиро-

рованных, новых проблем человеческого бытия в мире. Наука должна была сделать над собой усилие и увидеть необходимость совершенствования некоторых из своих прежних классических форм, основной парадигмой которых оставалась механическая парадигма.

13. Повторимся, и это чрезвычайно важно, что в значительной степени начавшиеся метаморфозы научного знания были связаны с возвращением в науку именно диалектики, посредством понятного, адекватного научному знанию языка, о необходимости становления которого и заявила, наряду с другими поисковыми научными направлениями общенаучного характера, синергетика. Она подняла флаг рефлексии научного знания при новых обстоятельствах жизни человека, пережившего период предкатастрофического мира, являвшегося не только свидетелем, но в то же время инициатором действий, спровоцировавших экспоненциальный рост этой катастрофичности (С. Курдюмов, С. Князева), став проявлением осознания, что необходимы изменения самого человека как основного источника этих катастроф. Об этом, как известно, начали говорить уже участники Римского клуба, но нужен был опыт, а он до сих пор во многом, пожалуй, еще и не достаточен, чтобы пришли четкое понимание катастрофичности надвигающихся проблем и осознание возможностей, путей и механизмов их решения.

14. Особое внимание вошедшего в состояние рефлексии научного знания привлекло исследование диалектики многих до сих пор неясных феноменов. К числу этих феноменов относятся, прежде всего, диалектика порядка и хаоса, организации (как внешнего организующего воздействия) и самоорганизации (как внутреннего организующего воздействия), антиэнтропийности и энтропийности, обратимости и необратимости времени и пространства в целом (проблема стрелы времени Эддингтона), открытости и закрытости (открытых и закрытых систем и стадий развития), стабильности и нестабильности (стабильных и нестабильных систем) и др.

15. Пристальное внимание было уделено также исследованию диалектики бифуркационных и детерминационных механизмов в развитии систем (действующих в различные периоды их эволюционного развития). Эта диалектика присутствует в проблематике феномена аттракторов и обратных связей, диссипативных структур, фрактальности, диалектики механизмов необходимости и случайности в жизни систем, большой роли случайности в процессах самоорганизации (как мы уже отмечали, синергетика фактически осуществила реабилитацию случайности как одного из механизмов самоорганизации систем). Эта диалектика проявляет себя и в роли малых флуктуаций (малых воздействий на

микроуровне, способных привести к большой волне, большим изменениям системы на макроуровне), и фактора сложности и гиперсложности в процессах изменчивости и развития систем различной природы и проблем управления ими и др.

16. Не менее важными могут считаться предложенные синергетикой темы нового диалога человека и природы, на основе результатов актуального анализа этих отношений. Провозглашенная синергетикой идея дополнительности, темпоральности (взаимной чувствительности) Мира Природы и Мира Человека друг другу может считаться теоретическим фундаментом налаживания новых равновесных отношений в социальном и социоприродном мире. Пристальное внимание вообще уделяется феномену дополнительности, сформулированному Н. Бором и получившему в синергетике статус общенаучного методологического принципа, утверждающего относительность всякой научной теории, необходимость допущения истинности других теорий, с которыми необходимо осуществлять непрерывный опыт дополнительности, диалога, направленного на поиск целостности.

17. Полем поиска новых, более адекватных теорий стало становление новых междисциплинарных отраслей научного знания, в наибольшей мере способствующих отбору новых адекватных идей и обменным процессам в науке. Таким полем поиска стали также многие из новых идей в области прикладных направлений науки, нацеленных на решение практических проблем человеческого существования посредством выработки соответствующих технологий налаживания неконфликтных связей человека с миром и технологий решения встающих в этой связи задач. В череде возникших новых междисциплинарных направлений (общая теория систем, кибернетика, системная философия, теория кентавричности, системогенетика, информациология, теория катастроф, теория циклов, теория конфликтов, теория универсального эволюционизма и другие) синергетика, в силу своей полефункциональности и фундаментальности разработанного инструментария, заняла особое место.

18. Нельзя не отметить и интегративный характер синергетического знания. Стремясь наладить междисциплинарные диалоги в науке, она интегрирует поле научного знания. Эта интеграция, помимо прочего, основана на поиске и формулировании предельно общих научных понятий, принципов и образов, своеобразных эмпирических обобщений (по определению Н. Моисеева, заимствовавшего это понятие у В. Вернадского, одним из первых поставившего вопрос о необходимости междисциплинарных направлений в науке). Тем самым синергетика проводит не просто интегративную, общенаучно-аккумулирующую работу, но и реализует *интегративно-селекционную функцию в науке*. Она выступает

своеобразным собирателем эмпирических обобщений, разбросанных в истории и современных частнонаучных формах знания, оставаясь этим принципиально открытым научным феноменом и в то же время *открытым парадигмальным полем развития науки* в целом.

19. Важно отметить и свойственную синергетике технологичность, связанную с ее способностью к разработке моделей, описания, прогноза и решения различных проблем, прежде всего проблем управления сложными системами, что характеризует ее как общесистемную, прикладную форму научного знания. Здесь проявляется чрезвычайно важная связь аутентичной традиции естественно-математического знания (в рамках которого синергетика зародилась) и того *общенаучного интегративно-междисциплинарного статуса*, который она начала приобретать, входя в предметы частнонаучного, в том числе в социально-гуманитарного знания, отличающегося особым качеством своих объектов.

20. И, наконец, это свойственная ей философская рефлексивность, то есть способность создавать образы целостного мировоззренческого характера, ставить и решать вопросы, связанные с проблемами сущности, законов и принципов человеческого бытия, например вопросы отношения человека и природы, перспектив человеческого существования. Тем самым среди других форм междисциплинарного знания, синергетику отличает философский характер. По сути, она может быть отнесена к особому философско-синергетическому направлению. Она пытается ввести в диалог различные функции науки – теоретико-описательную, философско-объяснительную и практико-управленческую, проявляясь как опыт своеобразного, нового вида научного знания, роль которого еще не до конца осмыслена в науке.

21. В онтологическом смысле синергетика фиксирует человека в качестве микроэлемента бытия с соответствующими ограниченными этим бытием возможностями. И цель его жизнедеятельности онтологически скорее в том, чтобы на основе полученного опыта продлить свое бытие в мире, опираясь на путь непротиворечия ему. Но, с другой стороны, переосмысленная таким образом в практическом ключе *антропность* позволила понять проблему неадекватности своих усилий и мощь противопоставленного мира. Здесь синергетика парадоксальным образом отразила в своем восприятии возможность и необходимость меры как равновесия мира и человека с учетом того, что человек, при всем этом не может отказаться от своей активной позиции. Принципиально лишь то, что эта активность должна соответствовать миру (своеобразный категорический императив И. Канта). И если эта активность не противоречит общемировым тенденциям, то она вовсе не обречена на неуспех. Человек как мыслящая точка, микроэлемент Вселенной и планетарной системы способен

научиться адекватно описывать системы и выстраивать адекватные отношения с теми из них, к управлению которыми намерен приступить.

22. Говоря об особенностях синергетического подхода к проблеме управления, необходимо отметить, что он основывается на принципе сложности систем. Речь также идет об особом синергетическом методе управления сложными системами, включающем в себя понятие «мягкого», «акупунктурного управления» (А. Венгеров). Сложные системы, к числу которых относятся, прежде всего социальные системы, не терпят внешнего принуждающего управления, т.к. имеют свои внутренние достаточно устойчивые центры управления. В этой ситуации успешность в управлении наиболее адекватно может быть достигнута лишь путем учета этих самоорганизующих центров и связанных с ними внутренних тенденций развития системы (аттракторов – точек роста, интегрирующих и изменяющих среду, придающих направленность ее развитию). Чрезвычайно важным оказывается правильное определение «слабых» и «сильных» мест системы, воздействуя на которые незначительными усилиями, можно достигать гораздо более значимых успехов, нежели прямым насильственным воздействием на систему, когда, например, малая по силе флуктуация или малое воздействие способны привести к большой волне (большим не только количественным, но и качественным изменениям).

23. Синергетика предложила стратегию малых по величине, системно выверенных точечных воздействий, основанных на взаимодействии с внутренними тенденциями развития подвергаемой управлению системы, в соответствии с ее аттракторами (центрами роста и развития) и с особенностями ее структуры (элементами и связями между ними, состоянием этих элементов и связей). Иными словами, синергетика предложила учитывать характер управляемой системы как объективный фактор противостояния или содействия внешним управляющим воздействиям. Т.е. предложила руководствоваться принципом соуправления, особенно актуальным в отношении социальных систем, способных на самоорганизацию, *самодостраивание и саморазвитие*. По-новому ставится вопрос о возможностях управления сложными системами, понимаемого как *мягкое управление, соуправление*.

24. *Синергетика* является аккумулятором значительного и наиболее фундаментального общенаучного потенциала, вырабатывавшегося в истории развития научного знания – прежде всего в рамках системного направления (тектология А. Н. Богданова, общая теория систем Л. фон Берталанфи, кибернетика Н. Винера, теория универсального эволюционизма Н. Н. Моисеева и др.). В этом смысле синергетику можно назвать системо-синергетикой. Особенно богата синергетическими образами

тектология, или общеорганизационная наука А. Н. Богданова, язык которой, по своей сути, по праву может считаться первой и наиболее системной формой предсинергетического знания. Методологической основой тектологии стала оригинальная форма тектологической диалектики, направленной на адекватное прочтение мира и управления им.

25. Синергетика имеет отношение не только с кризисными, конфликтными, нестабильными системами, но и прежде всего, что уже отмечалось, с чрезвычайно сложными системами, например, такими как все социальные, биосоциальные, социально-технические, биотехнические – в целом все человекомерные системы. Сложность стала одной из отличительных черт проблематики синергетики и ассоциирующегося с ней научного направления. Ее образ шагнул в частные науки, отрезвляя человека-управленца, привыкшего относиться к миру как к карманному миру. Так произошла *реабилитация, переоткрытие сложности* известной, но подзабытой человеком с эпохи древнего мира.

26. Весьма симптоматичным является не только факт прямой, но обратной устремленности частных наук к синергетике, активно востребующих язык ее понятий, принципов и образов в своей исследовательской практике. Все это позволяет говорить о синергетическом движении наук, синергетическом направлении в частнонаучном знании. Круг замкнулся. Синергетика как общенаучная парадигма не только формулирует свой научный предмет, но и идет в предметы конкретных наук, селекционируя и вбирая в себя их потенциал, имеющий общенаучное значение. Все это и включает в себе основные свойства парадигмального знания, являющегося достоянием не столько синергетики, сколько науки в целом. Открытость синергетики как принципиально незавершенного научного феномена и в том, что она не претендует на монополию, но на создание ситуации перманентного научного диалога по всему спектру проблем, перед которыми стоят современная наука и общественная практика. Ее цель – в налаживании, развитии ДИАЛОГА между науками и науками, с одной стороны и практикой – с другой, на нейтральном эвристическом поле.

27. Как бы мы ни критиковали синергетику в среде современного частнонаучного и философского знания, мы не можем не заметить ее объективной обусловленности самим ходом научного знания, ее высокой посреднической интегративной роли для разбросавшегося своими направлениями научного знания перед лицом новых угроз человеческому обществу. Дальнейшее развитие этого общества и знания, с ним связанного, представляется возможным лишь посредством освоения новой практики диалога наук и тем самым освоения новых научных интегра-

тивных форм как на уровне методологий, так и на уровне теорий и предметов научного знания. Соприкосновение, «метгисация» наук – знак того исторического этапа, который переживает и от освоения которого не может отказаться сегодня человечество, а вместе с ним и вся наука.

28. Особого разговора заслуживает вопрос о социальных смыслах синергетического знания. Вхождение синергетики в частное социально-гуманитарное знание, а с другой стороны активное освоение этим последним синергетических понятий, принципов и образов, нередко критикуется за чрезмерно прямолинейный характер такого сопряжения, грешащего механистичностью интерпретаций, перенесением языка синергетики в социально-гуманитарное знание. Действительно, нельзя не заметить, что нередко в форме вольной, нестрогой интерпретации естественно-математические понятия переносятся на не свойственную им научную почву. Но нельзя и не понимать, что этот процесс объективен. Он своеобразная «детская болезнь левизны» в научных заимствованиях. Но это и в целом путь науки, необходимый этап ее дальнейшего развития к все более строгим формам научного мышления.

29. Главным доводом против использования синергетических понятий в социально-гуманитарных науках выдвигаются: неадекватность естественно-математических образов качественно более сложной социально-гуманитарной реальности, имеющей разумные центры саморегуляции. То есть утверждается принципиальная несоизмеримость естественно-математических образов и социально-гуманитарного знания. Это также довод и против еще не слишком хорошо развитого языка и механизмов нелинейной формализации в математическом знании, способной качественно описывать социально-гуманитарную реальность.

30. Что можно ответить на эти замечания? Во-первых, синергетика (та синергетика, что возникла как объективно общенаучное направление) нигде и никогда не утверждала свою непогрешимость и абсолютность. Представляется, что утверждения о том, что синергетика пытается «подменить диалектику», «подменить философию» при ее влиянии на социально-гуманитарное знание и претендует на абсолютность своего языка, своей картины мира и т.д., не имеют ничего общего с действительным положением дел, целями и задачами ее развития. На наш взгляд, все они грешат слишком значительной для науки односторонностью и либо эксплуатируют в своем анализе исключительно негативные образы синергетического знания, либо методологически упрощенно воспринимают ситуацию, либо пользуются вторичным, неадекватным интерпретирующим синергетику научным материалом.

31. Во-вторых, необходимо еще раз подчеркнуть, что синергетика, как стало ясно, имеет как минимум два различных аспекта своего прочтения: как аутентично рожденный в среде естествознания феномен и как общенаучный междисциплинарный феномен, устремленный к взаимной интеграции и сопряжению различных научных знаний, принципиально открытый по своим целям и незавершенный по своим формам феномен. Абсолютизация или наложение этих двух аспектов друг на друга, по-видимому, и способствует рождению мыслей о синергетическом абсолютизме, воспринимаемом как натиск естествознания на гуманитарное знание посредством диалога на почве естественнонаучной традиции. Но, как мы пытались показать, это не адекватно реальному процессу взаимообогащения наук, да и интересам этих наук в диалоге, который несравнимо более важен и онтологичен, чем вопрос диалога в поле именно синергетического знания, теперь и сейчас.

32. В-третьих, конечно, нельзя не согласиться с имеющей место практикой «использования идей Мао-Цзедуна в лечении диабетических болезней». Т.е., конечно, нельзя не обратить внимание на имеющую место практику нередко прямого, механистичного перенесения естественно-математических форм на социально-гуманитарное знание. Это не может не вызывать здорового скепсиса в вопросе о научной оправданности такого рода перенесения. Но практика такого рода является отражением нашего времени (постмодерн в науке), когда вместе со сменой отношений к миру ставятся под сомнение в своей адекватности и даже рушатся многие из господствовавших до сих пор научных установок и теорий, жесткие границы которых мешают дальнейшему развитию знаний. Эти границы рушатся, открывая шлюзы для проникновения новых понятий, образов и идей. Они рушатся, для всех отраслей современного научного знания

33. Иными словами, процесс этот закономерен. Детская болезнь левизны должна быть пережита как процесс взаимообогащения, как процесс селекции, очищения, пересмотра прежних подходов, установок и ценностей на мир и качество его феноменов. Еще раз подчеркнем, что если бы не синергетика, то другая форма научного знания должна была бы заняться назревшими проблемами развития науки в ее когерентности (соотнесенности) состоянию, проблемам и целям человеческого рода в его актуальном бытии.

34. Особую актуальность синергетическое знание приобретает в условиях глобализационных процессов, в перекрестке противоборства исторических осей (исторических парадигм) развития современного мира, как в то же время столкновения цивилизаций. Воплощенная за-

падной цивилизацией и культурой глобализационная историческая ось столкнулась в 21 веке с диалектическим противоречием своего дальнейшего существования. Порожденные этой осью процессы в среде не западных стран и народов, во все большей степени оформляются как конкурирующие исторические оси глобального мира (нарастающая мощь Китая, Индии, Исламского мира и т.д.). В этой ситуации синергетическое мировидение обретает новое реалистическое измерение в понимании общественных процессов развития человечества как принципиально открытой системы, на основе конкурирующих цивилизационных и культурных аттракторов развития, времязающих мировую историю по законам самоорганизации.

35. Глобализация в ее западофикационной форме стала первым ясным проявлением и воплощением глобальных синергетических технологий управления миром. В ситуации все более нестабильного и сложного в своих внутренних процессах глобального общества, чрезвычайную роль приобрели технологии точечного, рационально направленного воздействия, демонстрируемого многочисленными примерами макро и мега процессов общественного развития многих регионов, стран и народов, попавших в поле зрения геополитических интересов западной формы глобализации, прежде всего в ее американской форме. Эти примеры синергетического управления представлены и точечными рационально организованными войнами (Югославия, Ирак) и точечными рационально организованными либерально-демократическими революциями (Украина, Киргизия). В обоих случаях достаточно малыми средствами в достаточно небольшие сроки осуществлялись фундаментальные макропроцессы, решающим образом влияющие на судьбы многих регионов, стран и народов.

36. Все это и во все большей степени демонстрирует объективно растущую актуальность и адекватность синергетической теории и практики, как например теории сфокусированного описания, понимания и адекватного управления нестабильными общественными системами, в том числе мега системой человеческой истории.

Литература

1. Шалаев В.П. Синергетика в пространстве философских проблем современности. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2009. – 360 с.
2. Шалаев В.П. Социосинергетика: истоки, теория и практика в современном мире: научное издание. – Йошкар-Ола, 1999. – 272 с.

Часть 2. ГЛОБАЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

*Бекарев А.М., Пак Г.С.,
ННГУ, Нижний Новгород*

ЕЩЕ РАЗ О РАЗВИТИИ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ: ЭФФЕКТ ГЛОКАЛИЗАЦИИ

*Bekarev A.M., Park G.S.,
UNN, Nizhny Novgorod*

ONCE MORE ON THE DEVELOPMENT OF CAPITALISM IN RUSSIA: the effect of glocalization

Abstract. We will discuss issues related to the fairy-NOMEN modern capitalism and its development in Russia. Emphasis is placed on a network of imperialism and its basic forms. Ana-lysed the problem of the consumer society and mass culture.

Исторические параллели. Если история повторяется дважды, то для России - это закон. Проведем историческую параллель. Речь идет о буржуазной революции 1905 года, которая, как известно, не стала «великой французской». Тогда актуализировалась задача импорта классового сознания, поскольку у своей буржуазии такого сознания не было. Французский социолог Д. Кола пишет: «Русское самодержавие помешало появлению в России буржуазии как цивилизованного и цивилизаторского класса. Диагноз, сделанный незадолго перед 1900 г., был подтвержден революцией 1905 г.: российская буржуазия оказалась колеблющейся и пассивной, совсем непохожей на тот класс, каким была когда-то буржуазия Франции и Англии. Короче говоря, русская буржуазия никогда не совершит своей революции 1789 г.»⁴³. В то время бремя консолидации российского общества взяла на себя большевистская партия, которая, впрочем, вообще уничтожила колеблющийся слой новорожденных буржуа. Но тогда не было олигархов.

Надо признать, что современная российская буржуазия столь же слаба и разрознена, как и в начале XX века. Есть миллиардеры. Их сейчас больше 100, в то время как во Франции до сих пор — ни одного. Москва

⁴³ Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 178.

вышла на первое место в мире по количеству самых богатых людей планеты. Они интересны для властной элиты, они интересны для иностранного капитала. Они заправляют добычей нефти, газа, металла. Собственники помельче есть, но они не представляют интереса как для крупных магнатов и власти, так и друг для друга. Вопрос о том, насколько важен для государственных менеджеров слой мелких предпринимателей, который вкладывает в ВВП меньше 2%, будем считать риторическим. О национальной буржуазии как классе говорить не стоит. Это многослойный «пирог», у которого нет классового сознания и нет осознания своего классового единства. Отсутствие осознания единства интересов было хорошо заметно уже в середине 90-х годов прошлого века. По данным опросов общественного мнения, готовность помогать друг другу проявили 70% респондентов из Японии, 45% – США. 36% – в Англии, 31% в Германии, 12% во Франции и лишь 6% в России⁴⁴. Нет единства в обществе и нет единства в классе имущих. Что касается современной России, то эксперты утверждают, что при помощи реформ не удалось сгладить «главное постсоветское общественное противоречие – между бедными и богатыми, нищими и миллионерами, крупными городами и сельской провинцией...»⁴⁵. К этому противоречию следовало бы добавить противоречие между крупным и мелким бизнесом, что, впрочем, как раз и отражает отсутствие классового сознания у национальной буржуазии. Впрочем, оно себя не идентифицирует с буржуазией. Эта терминология в России непопулярна. Между тем именно отсутствие буржуазии как консолидированного класса выступает серьезной преградой процессам реформирования экономики. Могучая собственность ввиду внутриклассовой дивергенции не «работает» эффективно. Скорее, наоборот: собственники мешают друг другу и взаимно сокращают свою собственность. Разумеется, каждый обособленный владелец капитала старается приумножить свой капитал. Но за счет другого. В итоге, теряют все. Вместо синергетического эффекта получается эффект разбегания галактик. С другой стороны, в этой синархии кто-то заинтересован. Конструкторам глобальной экономики не нужна сильная российская буржуазия. Еще не состоявшийся класс пытаются расслоить и разбить на мелкие осколки. При этом одни части элитного бизнес-слоя вольются в состав транснациональной буржуазии. Другие части превратятся в мелких рантье или пополнят ряды наемных работников как владельцы человеческого капитала. Это произойдет после вступления России в ВТО.

⁴⁴ См.: История менеджмента. М., 1997. С. 228.

⁴⁵ Свобода. Неравенство. Братство. Социологический портрет современной России / под общей редакцией М.К. Горшкова. М., 2007. С.311.

Государства на службе у «сетевого империализма». У современной глобализации много итогов. Назовем лишь два из них – «сетевой империализм» и «мировой терроризм». Правда, это предварительные итоги. Остались еще государственные образования, которые во многом противостоят как сетевым структурам, так и террористическим организациям. Но они долго не продержатся. Взаимодействия двух главных институтов «системы» (Ю. Хабермас⁴⁶) – государства и экономики – в России, Восточной Европе и на Дальнем Востоке, происходило по-разному. Американские экономисты Т. Фрей и А. Шляйфер выделяли три основных условия развития бизнеса в странах с транзитивной экономикой: модель «невидимой руки» (invisible hand), модель поддерживающей руки (helping hand), модель «грабящей руки» (grabbing hand). Невидимая рука государства характерна, по их мнению, для стран Восточной Европы. Политика «поддерживающей руки» характеризует экономическую стратегию КНР, Южной Кореи, Сингапура и других «тихоокеанских тигров», где государство всегда выполняло патерналистскую роль. Страны с «грабящей рукой» – это почти все республики постсоветского пространства⁴⁷. Между тем перечень стран далеко не полон. Не вписываются в классификацию многие страны третьего мира. Особенно те, где исповедуется ислам. Именно там сейчас точки кипения. И именно туда направляются крылатые ракеты, чтобы подчинить упрямые режимы требованиям сетевых магнатов.

Что касается стран с «грабящей рукой», то здесь национальные предприятия едва ли развиваются до глобальных масштабов (за исключением добывающих отраслей промышленности). Разумеется, глобальные корпорации тоже не особенно заинтересованы входить на территории этих стран, поскольку стремятся минимизировать издержки. Государственные бюрократии, как правило, создают такие условия, при которых издержки неуклонно растут. «Однако честный, не вымогающий взятки чиновник в современной России рискует оказаться музейным экспонатом. Опросы свидетельствуют, что примерно 9 бизнесменов из 10 считают взяточничество повседневным явлением: давать «барашка в бумажке» приходится и при регистрации фирмы, и при регулярных «наездах» проверяющих инспекций»⁴⁸. Эти государства являются пока

⁴⁶ Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма//Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 353.

⁴⁷ Frye T, Shleifer A. The Invisible Hand and the Grabbing Hand// American Economics Review. May, 1997.

⁴⁸ Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). Ч. 2. Фирмы современной России / под ред. д.э.н., проф. Р. М. Нуреева. – М., 2003. С. 290.

оплотом «локального мира» и продолжают сдерживать натиск «сетевого империализма» и терроризма. Но натиск настолько серьезен, что противостояние не продлится слишком долго. Потому что у этих государств слишком привлекательные материальные ресурсы. И потому что граждане этих государств уверовали в ценности глобального мира.

Иной характер взаимодействий государства и экономики оказался в странах с «поддерживающей рукой». Во-первых, поддержка выразилась в том, что она позволила национальным экономикам принять транснациональные масштабы и превратила свои организации в глобальные корпорации. Во-вторых, это была поддержка не только «своих», но и «чужих» корпораций, что привело к многочисленным слияниям и поглощениям (в том числе, и в режиме собственности). В результате, страны с «поддерживающей рукой» поддерживали и «сетевой империализм». В частности, Китайская компартия провозгласила цель «адаптации» к мировой системе капитализма. Между тем Китай вышел на третье место по объемам производства, потеснив Японию (порядка 3, 5%), в то время как Россия со своими 1,5% мирового производства интегрируется в мировое сообщество довольно сумбурно и в сопровождении «грабежа».

Ценности глобального мира. Ценности господствующего класса стали господствующими ценностями современного глобального мира. Господствующий класс – буржуазия. Она создала «сетевой империализм» в масштабах всей планеты. Речь идет о финансовой, торговой, промышленной и информационной буржуазии, которая в канун третьего тысячелетия объединилась в единый клубок сетей.

Паутины, прежде всего, формируются в экономике и располагаются кругами. Можно выделить несколько типов слоев: финансовые, торговые, корпоративные (промышленные), информационные и социальные сети. На фоне этих сетей традиционные союзы государств значительно уступают. Глобальные информационные сети выступают весьма удобным средством связи и распространения не только информации, но также денег (электронные деньги) и технологий. Многослойные сети характеризуются иерархичностью. После того, как символический сектор экономики отделился от реального (производство товаров и услуг), а произошло это в последнее десятилетие, финансовые сети превратились в демиурга. Возможно, нет единой финансовой или банковской системы. Но велика вероятность, что она есть. Так или иначе, мир финансов диктует всем, под какими звездами следует жить. С финансовыми сетями тесно связаны торговые сети. Они тоже далеки от точки абсолютно-

го единства и конкурируют в борьбе за потребителя. Война торговых брендов или торговых марок завершается невиданным ростом марочно-го капитала крупнейших торговых и промышленных корпораций. Достаточно сказать, что внеоборотные активы этих компаний в десятки раз превышают их материальные активы. Действуя в русле формулы «Д – Т – Д» торговые сети, с одной стороны, связаны с банковской системой, с другой стороны, работают с промышленными организациями.

Тенденция массовых «поглощений» сформировалась еще в 80-е годы прошлого столетия и, став «смертельным недугом» сначала для американской промышленности (В. Э. Деминг), стала господствующим трендом в начале XXI столетия. Крупные компании превращаются в транснациональные гиганты, а затем приобретают характер глобальных «кочующих» корпораций, которые производят товары и услуги, а затем реализуют их через свои сети (подобные Кейретсу). Сейчас крупные корпорации представлены как дивизиональные организации, которые поглощают другие компании сразу в виде дивизионов (дивизиональные структуры составляют порядка 85-90% от всего крупного бизнеса). В итоге, формула «Д – Т – Д» стала действовать как единое целое: промышленные сети доставляют товары в торговые сети, торговые сети доставляют деньги в банки, банковские сети инвестируют промышленные сети. Все получают искомую прибыль. Но главной ценностью мирового капитала является *обладание*.

Обладание всегда связано с отчуждением, ибо то, что отчуждается у одних, присваивается другими. Обладать можно вещами и людьми. Вплоть до полного порабощения. Вещами обладают при помощи денег. Деньги и есть универсальная вещь. Но это и универсальная ценность, которая понятна как на западе, так и на востоке. Людьми (человеческим и социальным капиталом) обладать сложнее, поскольку плоть можно изолировать и послать на поле битвы, чего не прикажешь душе и духу. При помощи *власти* можно обладать людской плотью. На первый взгляд, людской плотью в виде граждан распоряжаются государственные правительства. При более внимательном рассмотрении правительствами распоряжаются сети, а сетями – крупнейшие империалисты. Душевная составляющая человека тоже уходит из частной жизни. Люди равнодушны к известности, славе и брендам. Так или иначе, но нужны *тотемы или фетиши*. Современные тотемы или боги нового тысячелетия – это не столько известные политические и эстрадные звезды. Это, прежде всего, торговые марки. С их помощью покоряются души, которые с благоговением служат «паркерам» и «фордам», «найкам» и «нокиа». Большинство имущих и неимущих вращаются вокруг ценно-

стей обладания: денег (собственности), власти (место в иерархии), славы (брендов и известности). Причем, доминируют деньги.

Терроризм. Терроризм разнообразен. Есть терроризм откровенно криминогенного характера (с целью получения выгоды). Есть терроризм как средство политической дезорганизации общества. Им могут пользоваться и сетевые организации для управления непокорными государями. Есть терроризм религиозного толка (некоторые исламские движения). Наконец, есть современное революционное движение, которое сетевые информационные магнаты тоже называют терроризмом. Это движение не имеет единой идеологии: антиглобализм, этноцентризм, социализм, панисламизм и т.д. Но оно имеет единую цель – разрушение глобального сетевого империализма. Вся трудность этих движений заключается в отсутствии альтернативных ценностей, вокруг которых могли бы «вращаться» общества. Чтобы терроризм исчез, нужно уничтожить бедность. Чтобы уничтожить бедность в обыденном смысле этого слова, нужно создать средний класс. Чтобы создать средний класс во всем мире, нужно всех сделать потребителями. Только ув условиях тотального (массового) потребления крупные сетевые магнаты могут получать сверхприбыли. Общество массового потребления является единственной альтернативой терроризму. Здесь должна работать формула: «лучше торговать, чем воевать».

Вперед к обществу потребления. Первые попытки разработки теории потребления связаны с целым рядом ключевых мыслителей XIX–XX веков. Классики социологии – М. Вебер, Т. Веблен, Г. Зиммель и др. – дают в своих работах теоретическое обоснование процессов, происходивших в сфере потребления в период с XVIII по XIX век, раскрывая некоторые основные понятия. Особенностью изучения потребления в XXI веке связано с развитием массового потребления и общества потребления в целом.

Общество потребления — это совокупность общественных отношений, организованных на основе принципа индивидуального потребления. Общество потребления характеризуется массовым потреблением материальных благ и формированием соответствующей системы ценностей и установок. Общество потребления возникает в результате развития капитализма, сопровождаемого бурным экономическим и техническим развитием и такими социальными изменениями, как рост доходов, существенно изменяющий структуру потребления; снижение продолжительности рабочего дня и рост свободного времени; размывание классовой структуры; индивидуализация потребления.

Впервые термин «общество потребления» ввел Эрих Фромм. В книге "Иметь или быть" он обращается к проблемам и противоречиям современного общества, к его политическому, экономическому устройству, которое пагубно влияет на человека. Издержки экономического развития, недостатки демократического устройства рожают в людях пассивность, внутренние противоречия, подавленность. Духовная жизнь уже не может дать спасения, так как тоже подавляется социально-экономическими факторами. Все эти недостатки связаны с тем, что в основе современной западной цивилизации лежит принцип, противоречащий гармоничному развитию - принцип обладания. Этот экспансионистский принцип заставляет людей завладевать все большим количеством вещей: от предметов первой необходимости до произведений искусства и даже обращает в вещи людей, к которым тоже относятся как к собственности. Но в заботе о приобретении и сохранении собственности люди теряют радость бытия. Неограниченное удовлетворение всех желаний не способствует благоденствию, оно не может быть путем к счастью или даже получению максимума удовольствия. Фромм говорит об эгоизме как основном двигателе современного общества. Традиции неомарксизма продолжил Ю. Хабермас, который обнаружил в современном наемном рабочем «клиента», то есть полноценного потребителя, который не будет ратовать за революцию в эпоху позднего капитализма.

Концепция «общества потребления» Ж. Бодрийяра претендует на особое положение, поскольку принципиально не связывает потребление с человеческими потребностями. Потребление для широких масс населения является, прежде всего, производством символов, «систематическим актом манипуляции знаками»⁴⁹. Объекты потребления составляют систему знаков, дифференцирующих население. В процессе потребления объект превращается в символ, а это означает, что, потребляя его, человек не только, а часто и не столько удовлетворяет свои базовые потребности, сколько сигнализирует окружающим с помощью набора потребляемых товаров кто он такой. Потребление выполняет функцию общения. Здесь объекты обозначают идею отношений между людьми, которая и потребляется с этими вещами.⁵⁰ Потребляя, люди обозначают определенные социальные отношения. Например, покупая всё более и более дорогие вещи, человек символизирует своё движение вверх по социальной лестнице. Процесс дарения вещи символизирует дружеские или хорошие служебные отношения. Таким образом, сеть человеческих отношений представляет знаково-символическую реальность, которая

⁴⁹ Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: Рудомино, 2001. – С. 214.

⁵⁰ Там же. – С. 24.

сознательно или интуитивно конструируется. В этой реальности личность представлена её имиджем. Жизнь в кредит предоставляет огромную возможность казаться значительнее, чем быть. Сегодня господствует мораль опережающего потребления, убегания вперёд, где вещь сначала покупают, а затем уже окупают своим трудом. «Благодаря системе кредита мы возвращаемся к сугубо феодальным отношениям, когда известная часть труда изначально принадлежит помещику, то есть к системе закрепощенного труда. Однако, в отличие от феодальной, наша система основана на своеобразном сообщничестве: современный потребитель непроизвольно интериоризирует и принимает как должное то бесконечное принуждение, которому он подвергается – обязанность покупать, чтобы общество продолжало производить, а сам он мог работать дальше, дабы было чем заплатить за уже купленное»⁵¹. Констатируется саморазорванность человеческого бытия, «в каждом человеке уживается потребитель, сообщник строя производства, и никак не связанный с ним производитель – жертва этого строя». Таким образом, «система кредита ... доводит до предела безответственность человека перед самим собой: покупатель отчуждает плательщика, и хотя фактически это один и тот же человек, система разводя их во времени, делает так, что это остается им неосознанно»⁵².

Вопрос состоит в том, что заставляет людей играть в эти игры. Во-первых, неосознанность механизма отчуждения покупателя от плательщика. Во-вторых, представить себя в условиях анонимности городского существования. В-третьих, создать виртуальный образ собственного «я», поскольку только самые близкие люди могут знать, что король-то оказывается нищим. Ж.Бодрийяр лукавит, потребность в самоутверждении не исчезает, она преобразуется. В-третьих, люди, которые старались жить по средствам, в результате оказались на гораздо более низком уровне жизни, чем позволяли их средства. В своем стремлении казаться, а не быть, человек становится рабом системы, где вещи предназначены не для того, чтобы ими владели и пользовались, но лишь для того, чтобы их производили и покупали. Это – основополагающая истина экономической системы. Индивид потребляет идею отношений между людьми, поэтому нет пределов потреблению. Ж. Бодрийяр считает потребление характерной чертой нашей промышленной цивилизации. Но только в том случае, если отказаться от привычного значения потребления как процесса удовлетворения потребностей.

⁵¹ Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: «Рудомино», 2001. – С. 133.

⁵² Там же. – С. 134.

Вещи, материальные товары образуют объект потребностей и их удовлетворения. Люди во все времена что-то покупали, чем-то владели, пользовались, но при этом они не «потребляли». Концепт потребления имеет содержание и смысл лишь как «деятельность систематического манипулирования знаками». Причина нарастающего потребительства не в психологии индивида и не в требовании престижа, а в логике развития знаково-символической системы. «В своей идеальности вещи/знаки равноценны друг другу и могут неограниченно умножаться; они и должны это делать, дабы ежеминутно восполнять нехватку реальности. Собственно говоря, потребление неизбежно именно потому, что основывается на некотором дефиците»⁵³. Ж. Бодрийяр описывая «общество потребления» отмечает, что «в эру потребления все общество потребления в целом приспосабливается к индивиду»⁵⁴, целью этого общества – идея счастья потребителей. Товар цениться не за свои внутренние качества, а как через него фирма заботиться о своем покупателе. В настоящее время в потреблении, выходящем за рамки борьбы за физическое существование, в различной степени участвует подавляющее большинство населения. За последние 40 лет личные расходы на товары и услуги во всем мире возросли более чем в четыре раза – с 4,8 млрд долларов в 1960 году до 20 млрд в 2000 году. В торговле и сфере обслуживания уменьшается роль мелких магазинов. Главную роль начинают играть крупные торговые центры и супермаркеты. Широкое распространение приобретает шоппинг, который становится популярной формой проведения досуга.

Революция в сфере коммуникаций (распространение Интернета, сетей мобильной связи) приводит к образованию нового информационного пространства и расширению сферы общения. Причём доступ к этому пространству и участие в общении становятся платными услугами, невозможными без наличия посредника (провайдера). Экономическая система тесно переплетается с культурой потребления. Бизнес производит такие феномены культуры, как вкусы, желания, ценности, нормы поведения, интересы. Важную роль в этом играет реклама, проникающая в самые глубокие слои социальности. Конкуренция производителей порождает конкуренцию потребителей. Человек в обществе потребления стремится потреблять так, чтобы, с одной стороны, быть «не хуже других», а с другой – «не сливаться с толпой». Индивидуальное потребление отражает не только социальные характеристики потребителя, являясь демонстрацией его социального статуса, но и особенности его инди-

⁵³ Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: «Рудомино», 2001. – С. 165.

⁵⁴ Там же. – С. 182.

видуального образа жизни. Появляется развитая система кредитования, банковские карточки, дорожные чеки, карты постоянных покупателей и т.п. Всё это ускоряет процесс принятия решения при покупках.

Система кредитования превращается в основу социального контроля, когда благополучие основывается на вещах, приобретённых в кредит, и зависит от стабильного заработка. Помимо прямых кредитов, потребитель оплачивает стоимость кредитов производителей и реализаторов. Согласно исследованиям, проведённым сотрудниками системы банков JAK (Швеция), в Германии к 1993 году средняя «процентная» составляющая от общей стоимости на товары и услуги достигала 50 %. В 2000 году 80 % населения покупая товары, в конечном счете более 50 % суммы уплачивали за «процентную» составляющую, для 10 % эта нагрузка составила чуть меньше 50%, и только для оставшихся 10% дополнительные накрутки были менее 30 % от конечной стоимости покупки.⁵⁵ *Что будет после общества массового потребления?* Период потребительского счастья продлится недолго. Земля отдаст все свои ресурсы алчному потребителю. И наступит время расплачиваться за долги. Возможен и сценарий, написанный физиком С. Хокингом, когда человечеству предстоит искать новую планету для обитания.

*Галискан Ф.,
Университет 18 марта г. Чанаккале, Турция*

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И УРБАНИЗАЦИИ НА ТРАДИЦИОННЫЕ КОММЕРЧЕСКИЕ МЕСТА В ТУРЦИИ

*Caliskan V.,
Canakkale Onsekiz Mart University, Canakkale, Turkey*

IMPACTS OF GLOBALIZATION AND URBANIZATION PROCESS ON TRADITIONAL COMMERCIAL PLACES IN TURKEY

Abstract. For years, retail trade had been maintained in traditional places in Turkey, where this feature underwent radical changes as of the 1980s. In parallel to the transition to open economy and the changes in foreign capital policies, large commercial establishments began to predominate over the retail market. In this process, large shopping malls, chain stores and hypermar-

⁵⁵ Яшин Н. Процентное кредитование – мировая война? // Вторжение. М.: 2000. № 3.

kets are becoming widespread nationwide, while the traditional Bazaar structures are regressing or disappearing. The spatial distributional characteristics of some modern and traditional shopping places on the scale of Turkey reflect the direction and tendencies of this process. The large cities, the spatial forms of which are shaped under the impacts of globalization, are confronted with the opportunities and new problems resulting from the shopping malls as being huge consumption structures.

Those forms in which retail trade is widely performed not only varied in the historical process but also exhibited evident spatial differences. These differences may also be observed on the scale of various regions or cities in a country. Places of retail trade are components that reflect the culture of a country or a society. Turkey experiences the traditional and the modern altogether, with the examples of shopping and commercial places ranging from fairs to permanent markets (outdoor and indoor) and from periodic bazaars set up on specific days of the week to the AVMs (Shopping Malls). The unique products, modes of marketing and architecture of retail trade places, whether settled or temporary, in any country or region altogether form a regional identity and clearly reflect a cultural region (Tumertekin and Ozguc, 1998).

Today the existing traditional commercial places and structures in Turkey are quite diverse. The origins of the overwhelming majority of them date back to the Seljuks. It is possible to classify the spaces and structures, where trade has taken place in Anatolia as of the Seljuk period, as follows (Dogru, 1995):

Outdoor shopping centers

Weekly bazaars: They were periodic bazaars and set up in specific places on specific days of the week. The tradition of weekly bazaars set up in the Seljuk cities was also sustained in the Ottoman and Republican periods.

Permanent bazaars: Bazaars that were open every day throughout the year were set up for the continually consumed commodities, with the primary ones being the continually consumed animal feed, such as grass and straw.

Indoor shopping centers

Bedesten: Bedesten is the main indoor shopping center of the city. It is a covered marketplace where great merchants are found and the goods related to transit trade are bought and sold.

Inns: Apart from being accommodation places for the merchants around the bedesten, the inns were places of trade, too. Generally, the number of inns in a city indicates the importance of that city in commercial activity.

Kapan Hanlar (Inns): They are indoor shopping places, each serving the wholesaling or distribution of a single type of commercial article. Kapan inns

took the name of the commodity, for they performed the collection and distribution jobs. e. g. Flour Kapan, Oil kapan and Silk kapan.

Market

It is the most active shopping center of the city all day long. It consists of a main avenue and streets with stores on them. These spatial forms and structures of trade became adapted to various developments that took place in the Republican period, thereby partially preserving their roles as active commercial centers. Markets and other traditional Bazaar examples have recently entered a process of transformation and disintegration due to the increasing spatial and economic impacts of globalization.

Changes in Traditional Shopping Places

The commercial and spatial relationships that have been reshaped under the influence of the globalization process keep leading to significant changes in Turkey as well. Traditional shopping structures in environments with different characters, whether urban or rural, undergo transformation. This process, in which commercial capital has been strengthened particularly in large cities, led to various changes manifesting themselves in the physical fabric of cities through hypermarkets and shopping malls (Dogan, 2001). Upon these developments, the traditional commercial system and structures are struggling for maintaining their existence by regressing or undergoing transformation.

Traditional shopping places have various forms ranging from fairs, liked by residents of rural areas and set up on specific days of the year, to weekly bazaars, set up in cities and villages on various days of the week, besides the markets in cities (Ozguc and Mitchell, 2000). Among traditional shopping places, Markets have been the essential spaces of trade and everyday life since the Ottoman period. This tradition has been sustained for centuries in the indoor or outdoor markets where a rich commercial life took place in the important cities of the Ottoman space. Likewise, such markets existed in almost all Ottoman cities. Markets showed integrity with their indoor bazaars called ‘bedesten’ and the generally two- to three-storey inns that were lined up around the main courtyard and in which storing and wholesaling activities were conducted.

Actually, the first shopping center of the world was the Grand Bazaar (Kapali Carsi) in Istanbul, which began to be constructed in 1455. In the west, however, the first shopping center established with the same purpose was Palais-Royal, France in 1786. The Grand Bazaar in Istanbul, with some 64 avenues and streets constructed during the reign of Sultan Mehmet the Conqueror, is one of the oldest and greatest shopping centers of the world. It has an indoor area of 45,000 square meters, and today some 20,000 people

work in 3,600 stores at the Grand Bazaar. Depending on season, the number of daily visitors ranges from 300,000 to 500,000 (Official Website of the Grand Bazaar, 2010).

Today the traditional shopping model in contact with the producing or service providing store owners is still maintained at the covered bazaars. However, it is observed that the numbers of traditional products and manufacturers are gradually decreasing at the Covered Bazaars. Covered Bazaars have turned more into commercial places with outstanding retail stores operating in the sectors of textile, leather, precious carpet, clothing and souvenirs; foreign-exchange offices; and gold and jewelry stores along with touristic stores. Indeed, the process of disintegration of traditional market within the urban space commenced in the 1990s. Covered Bazaars, inheritance from the past, diverged from their structural characteristics representing the traditional branches of business and acquired a new commercial structure involving branches of business with a high income. Likewise, it is observed that the Covered Bazaars in the important cities of the Ottoman period, such as Edirne, Bursa, Kayseri and Tire, as well as the inns, significant inheritance from the past, have recently been restored and included in this process. The main markets of cities, however, have begun to become scattered in districts upon an increase in urban growth and western-style consumption habits and as the supermarket age has reached Turkey.

Among the traditional commercial structures with their origins extending to the depths of history, the fairs set up in specific periods are outstanding in a special sense. It is seen that the fairs existing in Byzantine, Roman and European traditions were also sustained by the Seljuk and Ottoman governments in Anatolia (Sen, 1993; Ful, 1998; Atamguc, 1935). There is no doubt that fairs were the most important establishments that provided an opportunity for large-scale trade in a period when transportation was not as quick and cheap as that of today (Goney, 1984). An impact similar to the role played by the fairs and bazaars operating in Europe in the development of cities and trade particularly in the 13th century was much later observed in the Ottoman Empire. In the late 18th century and in the 19th century, the Ottoman government struggled for increasing trade in the empire so as to enhance the level of welfare of the public. With the support of central governments, it was intended to enhance urbanization by benefiting from trade and, therefore, many places were provided with an opportunity to grow by becoming commercial thanks to their fairs and bazaars (Erdogru, 1999). In this process, capitalism developing in Europe had a great impact. Likewise, the rapid growth of trade, the development of railroads and banking, and the developments at the cus-

tomhouses in Europe after 1850 also affected trade in the Ottoman Empire (Erdogru, 1999).

It has been a very long time since fairs lost their significance in the European countries. Nevertheless, these traditional fairs, in which trade of belongings and animals is particularly made and which also have entertainment and social functions, are still encountered today in some cities of the Mediterranean and Asian countries (Goney, 1984). Old-fashioned fairs maintain their existence with the name 'panayır' and as being significant on local scale in Turkey. Even though the number of fairs of traditional form is decreasing in Turkey every year, there are about 80 fairs operating throughout a year.

Generally set up in rural environments, fairs not only help meet the basic requirements of the residents of rural areas but also enable the marketing of surplus products or exchanging (Ozguc and Mitchell, 2000). Fairs in Turkey are old-fashioned fairs in the form of fairs of animals and belongings. Usually, they are set up as fairs of belongings (commodity) and/or animals in specific places and on specific dates to meet the needs of the population living in the areas where rural life predominates. Besides, old-fashioned fairs also encompass social, entertainment and eating & drinking functions (Atamer, 1968).

Until the late 18th century, the domestic and foreign trades of countries had regionally obtained great benefits from the fairs set up annually. However, those fairs which had particularly continued in Europe since the medieval times lost their significance or changed in form upon the developments resulting from the industrial revolution as of the 19th century. In time, some of these fairs turned into entertainment fairs (Atamer, 1968). Just like the fact that the golden age of fairs in Europe was observed in Anatolia much later, the process of transformation of traditional fairs in Europe into modern fairs was experienced in Anatolia in a later period. The international fairs of great importance in Anatolia today are underlain by the fairs in that locality. Those bazaars which might be defined as fairs also underlay many national fairs (in cities, such as Izmir, Bursa, Samsun, Trabzon, Balıkesir and Konya) that proliferated nationwide in the 1960s starting from the 1930s. Fairs, some functions of which stood out within the historical process depending on socioeconomic and cultural processes, now transform into entertainment or trade fairs and festivals (Caliskan, 2008).

It is observed that the number of fairs has decreased nationwide and that their distributional ranges have been confined to small cities and provincial areas in the process that developed depending on urban, socioeconomic and cultural developments. In cities, where ways of consumption and entertainment rapidly change, the failure of fairs to keep up with developments culminates in their regression, disappearance or transformation into forms, such as

festivals. Those fairs which undergo transformation in nearby environments of large centers may be more resistant in rural areas (Caliskan, 2008).

Although fairs have recently lost their earlier significance and importance, they maintain their existence as a traditional habit. The presentation of traditional handmade products at fairs has considerably decreased as compared to the past. Yet, traditional handicrafts and handmade products are still encountered at fairs. They include earthenware and ceramic products, carved trousseau chests, shoulder bags, carpets, kilims, bells and various kitchen gadgets and agricultural tools. Besides, fairs also have an essential role in the sustenance of local entertainment and eating & drinking culture.

At traditional fairs, tent theaters, circuses, acrobats and female dancers used to be common in the entertainment sector. They are no more encountered. Nevertheless, amusement parks still continue to attract attention at fairs. These portable amusement parks are generally operated by Romanies. In Turkey, fairs are of great importance for Romanies with limited sources of income. In the past, traditional sports and contests (e.g. oil wrestles and horse races) were encountered at the Anatolian fairs. In this sense, fairs also bear cultural and economic heritage significance involving very rich material cultural elements with traditions of hundreds of years.

Turning Points of Organized Retail Trade System in the Republican Period and Origination of the AVMs

In developing countries, food retailing was particularly vital as it assumed the task of distribution of basically needed articles. Likewise, to supply cheap food, food cooperatives were materialized by the state as of the early years of the Republican period. The difficulties of closed economy after World War II and the economic crisis in the midst of the 1950s drove the state to search for new solutions. So, Sumerbank, as the first chain store, was put into practice with the state initiative. In the 1950s, the closed and state-based structure of economy made state investments outstanding in retailing. However, the law on the encouragement of foreign capital was enacted in 1954, and the Swiss Federation of Migros Cooperatives was invited to Turkey. This aimed to develop the distribution system and enhance competition in Turkey. The company initially started its activities in Istanbul with about 40 trucks as portable grocery stores. The firm, which focused on the business of food at the beginning, in time included many sectors in it and grew through settled stores. The foundations of organized retailing sector were laid upon the participation of Gima⁵⁶, the first national chain of supermarkets, in 1956 and of Tansas in 1973.

⁵⁶ It was purchased by CarrefourSA and included in the structure of CarrefourSA in 2005.

It is seen that although small in number, large stores⁵⁷ were opened with the initiatives of the private sector in the 1960s. In the process from the midst of the 1960s to the 1970s, the most widespread form of retailing was the consumption cooperatives. The extreme increases in prices in the 1970s made it necessary to open such cooperatives. The consumption cooperatives opened by local governments also enabled the establishment of the habit of self-service merchandising in Turkey. The year 1980 is an important turning point for Turkey, with its economic decisions and military coup d'état. As of this date, importation was liberalized with an economy model envisaging transition to open economy. Depending on the liberalization of importation, foreign consumption commodities widely entered the market and the weight of trade in economy increased. It was the 1990s when the liberal policies of the 1980s were reflected on retailing. With the liberalized foreign capital policies of Turkey, multinational retailing companies entered the Turkish market. Besides, this development was supported by an increase in urban population and car ownership, an increase in working female population, proliferation of the use of credit cards and improvements in legislations. The stores operated by the state were transferred with the privatization Law enacted in 1984. The primary ones were the chains, such as Sumerbank, Gima and Migros (42% share belonging to the public).

The policies of the 1980s aiming at transition to open economy led to the experiencing of basic transformations in the retailing sector. The first AVM began to operate in Turkey in this period as well. In 1988, Turkey was introduced with an AVM called Galleria-Istanbul, and, therefore, a new period started in the economic and social life of Turkey.

Changes and Impacts Resulting from the Proliferation of the AVMs

In the 1990s, the retailing sector began to attract the attention of both domestic and foreign investors, and the number of firms operating in the sector rapidly increased. The incentive policy of the 1990s facilitated the importation of hyper- and supermarket technologies and increased the attractiveness of retailing as an area of investment nationwide. The incentive practices that took place through tax privileges and credits provided an opportunity for the establishment of business centers, social activity and entertainment centers, and shopping malls (Orel, 2003). Demographic, economic and social factors, such as an increase in the cultural level with income level, technological developments, and urbanization, altered consumers' preferences, which contributed to the development of large-scale retailing (Tanrikulu, 2002).

The total number of AVMs in Turkey reached 264 as of the end of 2009. While there are varying numbers of AVMs in 47 of 81 provinces, there have

⁵⁷ Stores, such as 19 Mayıs Magazalari, Karamursel, IGS, Beymen and Vakko

not been any AVMs in 34 provinces yet. Istanbul (93), Ankara (30), Antalya (13), Izmir (13), Bursa (9) and Kocaeli (9) are the provinces with the highest number of AVMs. 63% of the AVMs in Turkey are located in the six provinces concerned. The number of AVMs that were opened in the early years of this 22-year process was rather limited. Totally 32 AVMs were opened in the first 12-year period (1988-1999), whereas some 232 AVMs began to function in the last 10 years. The number of AVMs opened only in 2008 reached 56, a very high number. Investments in the AVMs, which are concentrated more in western regions and large cities - with the primary one being the Marmara Region, have recently turned their route to Anatolia and the east.

In Turkey, an obvious relationship is observed between the urbanization levels of cities and the distribution of modern shopping malls or traditional fairs. However, traditional fairs are not much encountered in the provinces with a low urbanization level among the provinces in the eastern region. On the other hand, it is observed that there is mostly more than one modern shopping mall in cities with a population size of over 300,000. In those provinces where traditional fairs are widespread, generally no modern shopping malls are available or they are very few in number (Figure 1).

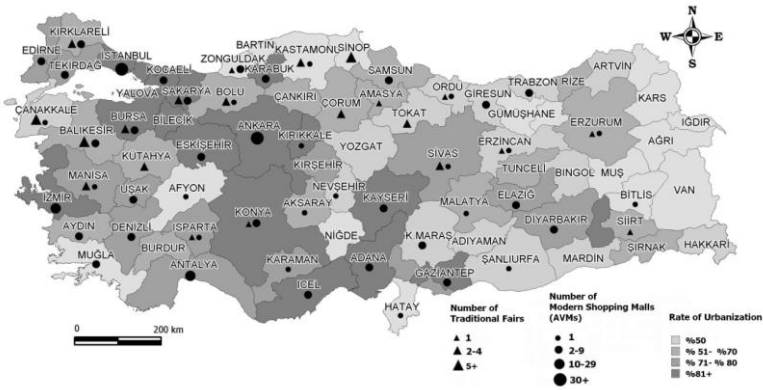

Figure 1. Distribution of AVMs and Traditional Fairs in Turkey (2010)

Turkey forms important potential throughout Europe, with its retailing size. Turkey ranks the 7th in Europe in terms of food expenses and the 8th in Europe in terms of nonfood expenses (Gurlesel, 2008). The capital power and

technological superiority of the organized retailing establishments that aim to continually expand their share in this voluminous market hinder the progress of the traditional bazaar. Likewise, the number of chain markets functioning in Turkey was no higher than 50 in 1985, while it reached 2,135 in 1998 and exceeded 9,000 in 2009. In parallel to this, the 15% share of organized retailing in 1998 reached 60 percent in 2010. Of them, 196 hypermarkets negatively affected the business of small-size tradesmen in the environments where they were opened, for they were opened within the AVMs. It is evaluated that such practices negatively affect the business of 57 tradesmen and craftsmen, such as grocers, stationery dealers, butchers, tailors and shoe repairers (Palandoken, 2010). The trade volume of grocery stores, neighborhood bazaars and traditional market structures decreases in those districts where the AVMs are opened. This process particularly has a deep influence on grocery stores in economic sense. The number of grocery stores, which had been the basic elements of the retailing sector for years, was 164,366 in 1996, whereas this figure regressed to 140,000 in 2000 and to 100,000 in 2005. The number of hypermarkets and chain stores was 1,300 in 1996, while it reached 2,979 in 2000 and 5,128 in 2005 (Orel, 2003).

The approaches of the AVMs focusing on Market and profitability without considering the features, such as city, environment and transportation, in urban construct and planning also caused some serious problems in cities. In the EU member countries, such as Germany, France and Italy, and in the U.S.A., various problems were experienced depending on the choices of location for establishment in the development processes of large-size merchandising and then such AVMs were enabled to be established outside the city, through legal regulations (Orel, 2003). It is the spatial impacts of these complexes on the city which should be questioned, with the acceptance that the AVMs are a requirement. The new structuring patterns turn into a spatial disadvantage due to a lack of supervision and the failure to control development in Turkey (Mert and Altunisik, 2000:281). Doubtlessly, the spatial relationships of these large-scale commercial structures have great impacts on the city and the urban life. Likewise, those AVMs which were first established in a nested form with the residential areas in the city commercially inflicted great damage to merchandising on avenues and streets. In a later period, new AVMs began to slide towards the areas at the periphery of the city when choosing location. The commercial functions and large spaces going beyond the city in a sense not only support the formation of legal satellite cities likely to occur around the city but also lead to the acceleration of squatting and transformations in the urban fabric (Mert and Altunisik, 2000).

Today the AVMs are no more spaces, where only retail trade is performed, and have turned into indoor social spaces where eating & drinking, entertainment and other cultural activities are offered under a single roof. As a result, consumers have begun to prefer the AVMs not only as spaces to satisfy their needs but also because they are spaces that meet their socio-cultural needs (Mert and Altunisik, 2000). The entertainment sector that used to accompany fairs in the past has recently begun to be an important constituent of the AVMs. The availability of capital, technological opportunities and competition soon began to attract attention with interesting examples. The development process of the AVMs also revealed the first examples observed in the entertainment sector in Turkey. Forum-Istanbul attracts attentions with the first giant aquarium in Turkey (Turkuazoo), Viaport with its state-of-the-art amusement park (Viacrazy) established on outdoor land, Torium with Snowpark, the first artificial ski center in Turkey, and Cevahir AVM with the entertainment center 'Atlantis'. Those AVMs which have recently been opened have been planned in a wider concept and begun to be distinguished obviously from those in the past. They now begin to turn into shopping cities with business centers, residences, entertainment centers and hotels. Likewise, there has been an evident increase in the number of visitors of the AVMs from abroad for shopping and entertainment in the recent years. Tourist groups arrive in Istanbul from Russia, Egypt and Greece and in Iskenderun and Hatay from Syria for shopping.

Conclusion

In Turkey, traditional shopping places and shopping habits undergo a change in parallel to the economic and social structure. The rapid urbanization and socioeconomic developments experienced lead to significant changes in shopping places and shopping habits.

Retail trade is the primary sector among the sectors that have rapidly grown in Turkey in the recent years. The renewal of the sector in the retailing market depending on global economic impacts leads to competition and contention between the traditional and the modern. Investments in shopping malls have rapidly increased in the recent years, whereas the shares of traditional market have been shrinking and the elements of traditional retailing trade have been rapidly decreasing. In this process, the AVMs and hypermarkets, the numbers of which are getting higher and higher, contribute to the formation of a new consumption culture. The proliferation of the AVMs and their increasing of consumption through encouraging it also bring about other problems. The products presented for sale, and the service infrastructure, at the stores operating in this sector in Turkey are significantly supplied from abroad. Difficulties exist in meeting the luxurious demand at the AVMs due to the characteristics of production structure in Turkey. In this case, the

consumption encouraged at the AVMs is provided through more importation. Nevertheless, Turkey experiences the problem of a critical current deficit owing to its increased importation in the recent years.

The AVMs, the number of which is increasing day by day and which tend to proliferate nationwide, might negatively affect cities due to their choices of location for establishment. Because no legal regulations have been made on this subject in Turkey yet, the AVMs go on being opened in cities. The laws and regulations that consider the traditional retailing structures, principles of urbanism, urban comfort and fair use of the city when choosing locations for the establishment of the AVMs will reduce the problems. Today's AVMs indeed seem to have gathered various functions of the traditional outdoor or indoor commercial places within their structure as they also involve the entertainment and eating & drinking sectors. While these sectors are based on traditional values in traditional commercial places, the western-style entertainment and eating & drinking culture becomes widespread by means of the AVMs.

In spite of all these developments, traditional bazaars have essential economic roles that back up local and regional trade. Both Covered bazaars and fairs are places, in which retail trade is still sustained with their unique culture, besides involving many occupations that are about to be lost. Today fairs are highly far from being the past's active commercial places and social media in the environments where urbanization has developed. Likewise, in large cities, fairs either disappeared in time or turned into a form of festival only with their entertainment, social and cultural functions. However, they keep being one of the primary means of trade in the environments with dominant rural economic and social life. Likewise, the establishment dates of fairs follow each other throughout the year, and they form a system in terms of regional trade owing to their affiliation concerned. In this sense, each fair supports the existence of another fair in the neighboring area. Disappearance or transformation of some of them for various reasons will negatively affect the resistance of other fairs, the other rings of the system. In this way, the resulting gaps will increase the distances and, therefore, the transportation costs and the competitive powers of the fairs in economic sense will decrease. Some process to result in the disappearance of fairs one after the other within a short period of time will negatively affect the traditional trade and market system, thereby leading to various problems in terms of national economy.

References

1. Atamer, R. 1968. Fuarlar, Sergiler. *Sumerbank*, Cilt 6 P. 68-78.
2. Atamguc, Z. 1935. Sergi ve Panayirlar Ekonomik Onemleri. *Iktisat ve Ticaret Mecmuası*, İstanbul.

3. Caliskan, V. 2008. Fairs as Traditional Periodic Commerce Places: A Case Study of Canakkale. *Trakya Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, December. Vol 10, No: 2, Edirne. P. 217-245.
4. Dogan, A. E. 2001. Türkiye Kentlerinde 20 Yılın Bilancosu, *Praksis*, 2001, P. 97-123.
5. Dogru, H. 1995. XVIII. Yüzyıla Kadar Osmanlı Kentlerinin Sosyal ve Ekonomik Göruntusu, Anadolu Üniversitesi Yayınları, No: 872, Eskişehir.
6. Dünya Yayıncılık. 1998. Cumhuriyetin 75.yılında Türkiye Ekonomisi. «Alisveris-Sektörün İlkleri. İstanbul.
7. Erdogru, M. A. 1999. Ondokuzuncu Yüzyılda Osmanlı İmparatorlugunda Hafta Pazarları ve Panayırılar, Ege Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, Yayın No. 96, İzmir.
8. Ful, S.D. 1998. Antik Devirlerde Lydia'da Panayırılar, Fuarlar ve Pazar Yerleri, Basılmamış Yüksek Lisans Tezi, Ege Üniversitesi Sosyal Bil. Enst., İzmir.
9. Goney, S. 1984. Şehir Coğrafyası I, İ.U. Edebiyat Fakültesi Yayınları, İstanbul.
10. Gurlesel, C. F. 2008. Türkiye'de perakende pazarı ve AVM'ler için ongoruler 2015, 8. Gayrimenkul Yatırım Zirvesi, Gayrimenkul Yatırım Ortakları Derneği (GYODER), İstanbul.
11. Official Website of the Grand Bazaar <http://www.kapalicarsi.org.tr>
12. Mert, K. and Altunisik, R. 2000. Tüketicilerin Alisveris Merkezlerini Tercih Nedenleri-Satın Alma Davranışları Degisiyor mu? 9. Ulusal Bolge Bilimi/Bolge Planlama Kongresi, Trabzon, pp.278-288,
13. Orel, F.D. 2003. Gidaya Dayalı Küçük Ölçekli Perakendecilerin Super ve Hipermarketler Karşısında Tutunma Yolları. *İktisat İşletme ve Finans*, Ağustos. P. 63-77.
14. Özgüç, N. and Mitchell, W. 2000. Şehirlerin Alternatif Alisveris Mekanları: İstanbul'da Haftalık Pazarlar, *Tasarım+Kuram*, Sayı. 2. P. 35-58.
15. Palandoken, B. 2010. Türkiye Esnaf ve Sanatkarları Konfederasyonu (TESK) Genel Başkanı'nın Açıklamaları, ANKA 24.10.2010
16. Sen, O. 1993. Osmanlı Panayıruları (18.-19. Yüzyıl), Eren Yayınları, İstanbul.
17. Sonmez, M. 2010. Tüketim Mabetleri: AVM sayısı 226'yı Buldu [mustafasnmz.blogspot.com / 20.11.10](http://mustafasnmz.blogspot.com/)
18. Tanrikulu, A.K. Perakendecilik yeniden yapılırken. *Dünya Gazetesi*, 15 Nisan 2002.
19. Tümertekin, E. and Özgüç, N. 1998. Beseri Coğrafya, İnsan-Kültür-Mekan, Cantay Kitabevi, İstanbul.

*Героева И.П., Шалаев В.П.,
МарГТУ, Йошкар-Ола*

**ФЕНОМЕН ПОТРЕБИТЕЛЬСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ:
СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

*Geroeva I.P., Shalaev V.P.,
MarSTU, Yoshkar-Ola*

**THE PHENOMENON OF CONSUMERISM IN THE ERA OF
GLOBALIZATION AS A MATTER OF SOCIAL SCIENCES:
SYNERGISTIC ASPECT.**

Abstract. The article is devoted to the problem of consumerism in modern society in the context of synergistic paradigm. The author determines some attractors, that influences the organization of culture of consumption of individual, and possible development of culture of consumption of society. Also the author offers possible point of bifurcation, or transition from rational consumption to consumerism, and reveals of the danger of spreading consumerism in society.

Синергетический подход в исследовании различных явлений завоевал в последние десятилетия огромную популярность. Преимущества синергетики перед обычными (классическими) исследовательскими подходами заключаются в том, что она дает возможность объединить в научном исследовании опыт, методы и подходы различных частных наук и общенаучные подходы. Она вбирает в себя системный подход, а также диалектический метод. Несмотря на то, что синергетика возникла в рамках естественных наук, ее возможные практические приложения в значительной степени касаются социальных и человеческих процессов, в том числе такого общественного феномена, как потребление. Язык синергетики в анализе систем различной природы использует такие понятия, как аттракторы, точка бифуркации, флуктуация, парные категории: порядок-хаос, необходимость случайность и др., что позволяет использовать их и в анализе социальных систем [12].

Культуру потребления индивида можно рассматривать как самоорганизующуюся (синергетическую) систему, которая имеет свой путь развития и на которую могут воздействовать и воздействуют различные аттракторы. Из множества вариантов развития культуры потребления следует выделить два противоположных пути развития: рациональное

потребление и потребительство. Между этими двумя полюсами происходит постоянная борьба, поэтому задача индивида – определить для себя четкие границы этих дефиниций и найти «золотую» середину в потреблении.

Как и в любой синергетической системе в культуре потребления индивида существуют различные аттракторы. Долгое время аттрактором потребления было естественное желание человека жизни, то есть потребление было средством для продолжения жизни, поскольку человек, как любое биологическое существо не имеет внутренних источников энергии, и он вынужден «потреблять».

С развитием человечества на земле аттракторы потребления меняются. Появляются традиции и обычаи, передаваемые из поколения в поколение и становящиеся символом отличия одной социальной группы от другой. Установление границ между сословиями, кастами, слоями приводит к тому, что потребление становится не только средством для продолжения жизни, но и приобретает символический характер. Человек становится «привязанным» к собственному классу, в потреблении он вынужден соответствовать людям своего класса. Для более четкого выражения социальных границ возникает мода. Согласно российскому исследователю моды А.Гофману, в истории существовали законы, запрещающие подражать в одежде, пище, убранстве дома людям не своего сословия [5].

С приходом рыночной экономики границы между социальными слоями начинают стираться. Индивид может воспользоваться предоставленными ему возможностями, удовлетворить свои витальные потребности и развиваться дальше (по пирамиде А.Маслоу), либо индивид использует появившиеся возможности исключительно для увеличения своего потребления, для удовлетворения своих страстей. Именно здесь лежит точка бифуркации в культуре потребления индивида. Если раньше жизнь индивида, его потребление, образ жизни и место в обществе – все было предначертанным, то теперь он вынужден сам выбирать свой путь, и немаловажной задачей для него является поиск золотой середины между такими полюсами, как «потребление» и «потребительство». Для того чтобы представить более четкую картину этих понятий, следует дать им дефиниции.

Потребление – это необходимый аспект существования и развития каждого человека и общества в целом. Потребление индивида – это процесс удовлетворения им собственных нужд и потребностей (как материальных, так и духовных) посредством разового или длительного потребления-уничтожения товаров [6] (относительно материальных

благ) либо посредством траты жизненных сил (энергии) с целью приобретения новых навыков, знаний и умений.

Потребительство же является сменой субъект-объектных отношений. От рационального потребления, направленного на продолжение жизни, оно отличается усилением символической функции. Это есть стиль жизни современного молодого поколения, которое в силу своего возраста является наиболее подверженным воздействию различных аттракторов. Это могут быть внутренние аттракторы – страх одиночества, неуверенность в себе, желание выделиться из толпы, или наоборот быть незамеченным и прочие психологические и социопсихологические факторы.

Также потребительство навязывается внешними аттракторами. Такими, как средства массовой информации. Если принимать в расчет, что потребительская культура в первую очередь строится на эмоциональной составляющей, то мы можем увидеть взаимосвязь ее с современными СМИ, которые также в первую очередь направлены на выработку эмоций у аудитории. Уже долгое время наблюдается спад общественно-политической прессы, аналитических ТВ-передач, происходит подмена функций СМИ: от информирования к развлечению. Есть две причины этому явлению. Во-первых, это коммерциализация средств массовой информации. Поскольку в настоящее время проще продать именно продукт развлечения, учредители нацелены на создание такого продукта. И вторая причина – политическая. В нашей стране существует негласный запрет на существование иных от власти точек зрения, поэтому наблюдается спад общественно-политической, аналитической прессы, которая могла бы противопоставить потребителю «думающего» гражданина. Именно в развитии политической культуры, воспитании гражданских чувств в молодежи и формировании их духовно-нравственных ценностей я вижу один из важнейших способов «борьбы» с потребительским образом жизни.

В настоящее время средствами массовой информации можно рассматривать с точки зрения таких концепций массовых коммуникаций, как теория социального научения А.Бандуры, когда нам навязываются определенные поведенческие коды, теория «бегства в область иллюзий» Ч.Р.Миллса и теория игры У.Стивенсона, которые по сути представляют средства массовой информации как вторую реальность для человека.

Другим важным внешним аттрактором потребительства является реклама, которая демонстрирует нам, как успешный человек должен жить, на какой машине передвигаться, каким порошком должна стирать хорошая домохозяйка, чем должна питаться красивая девушка и пр. «нормы» поведения. Коммерческие сообщения предлагают на выбор только

те вещи, которые могут доставить людям удовольствие, что также говорит в пользу потребительской культуры. По мнению Ж. Бодрийера, реклама создает символы счастья, или «симулякры». Таким образом человек стремится купить не продукт, а рекламируемый имидж, либо эмоцию.

Цель рекламы, по мнению Уотсона, состоит в том, чтобы заставить потребителя почувствовать неудовлетворенность теми товарами, которыми он пользуется в настоящее время, и разбудить в нем желание обладать новыми. Но здесь не стоит упускать важность социальной рекламы, которая может «выправить» духовно-нравственные ориентиры современной молодежи. Поскольку от того, какие ценности внедряются в массовое сознание, зависит развитие любого общества. В настоящее время большая часть российской рекламы строится по «западному», капиталистическому образцу. Однако у нашей страны есть исконно русские ценности. Такие, как «генетически в нас заложенная духовность, взаимопомощь, верность дружбе, сострадание...сентиментальность, тонкость чувств и уязвимость души»[10]. По мнению российского социолога О.Феофанова, важнейшей функцией рекламы является интеграция населения, становление его единства. Американский исследователь Д. Бурстин [4] утверждал, что реклама 50-х годов «сделала» американскую нацию. Так и наша реклама должна участвовать в создании единого духовного общества.

Третьим внешним аттрактором потребительства можно назвать экономическую и политическую элиту, артистов, актеров, представителей шоу-бизнеса, т.е. эталонную группу (группу лиц, на которых стремится быть похожим индивид и в которую он мечтает попасть). Так, кумирами современной российской молодежи, по данным соцопроса ВЦИОМ, являются поп- и рок-звезды, представители золотой молодежи (им готово поклоняться 52% среди 18-24-летних). 42% молодежи импонируют «успешные бизнесмены и олигархи», на третьем месте оказались спортсмены (37%), на четвертом – герои телесериалов (28%). Директор группы социологических компаний «КОМКОН» Елена Конева считает результаты ВЦИОМ совершенно очевидными: истории поп- и рок-звезд занимают больше всего места в массовом информационном поле. «Старая система кумиров разрушена, а новой не создано», – констатирует она. Популярность бизнесменов она объясняет тем, что стремление к богатству – один из основных мотивов для нового поколения.

И действительно, потребительство как стиль жизни стало следствием флуктуации, или дестабилизации современного российского общества, следствием отсутствия великой идеи, объединяющей народ, после

распада Советского союза, следствием притока в страну западной массовой культуры и подмены духовных ценностей материальными. То есть с начала 90-х годов XX века и по сей день происходит мучительная смена мировоззрения поколений. Если раньше, чтобы быть признанным в мире, нужно было написать стихи, музыку, произнести речь то сейчас за вас все скажет бренд магазина, в котором вы одеваетесь, марка машины, на которой ездите, и прочие материальные блага.

По сути дела, стремление к удовлетворению своих потребностей – это естественное желание и право человека. Так, в известной всем пирамиде А. Маслоу удовлетворение таких потребностей индивида, как сон, пища, одежда, потребность в жилище и безопасности, являются основными и занимают первые две ступени развития личности. Противоречие же здесь наступает тогда, когда человек, преодолевая эти две ступени, не желает подниматься выше и развиваться на духовно-нравственном, личностном уровне. Он выбирает потребительство стилем жизни, позиционирует себя исключительно как потребителя, не как гражданина, находится в постоянной гонке за все новыми благами и ставит во главу угла исключительно материальные ценности.

Чем же опасен феномен потребительства для конкретного человека и общества в целом?

Во-первых, потребительское общество, целью которого является непрекращающееся потребление, требует рождение нового типа индивида – потребителя, который бездумно потребляет все, что ему навязывают. По мнению Э. ван ден Хаага, это «стандартизованный» человек, не обладающий самостоятельностью и самобытностью [1]. Согласно Э. Тоффлеру, результатом «социального заказа» является нетворческий, «частичный работник», выполняющий маленькую, без конца повторяющуюся деятельность [9]. Таким образом потребитель – это человек, замкнувшийся исключительно на удовлетворении своих потребностей.

Вторая опасность потребительства состоит в утративании культурной идентичности целых обществ, отсутствие традиционных ориентиров в обществе. Поскольку традиционная культура стран, представляющая собой систему запретов и ограничений, уходит в прошлое, на смену ей приходит культура общества потребления, которая предстает как разрешительная система, набор рекомендаций [13]. Все больше и больше пробивает себе дорогу универсализация в смысле унификации стилей жизни, символов культуры и транснациональных норм поведения [2].

Третья опасность потребительства состоит в том, что происходит новое формирование понятия «счастье»: чтобы быть проводником эга-

литарного мифа, Счастье должно быть измеримо. Нужно, чтобы оно было благосостоянием, измеримым в вещах и знаках [3]. Счастья же как состояния человеческой души в таком обществе попросту нет. Потребитель счастлив только в момент покупки товара, в момент обладания.

Четвертая опасность потребительства заключается в том, что происходит переоценка ценностей индивидом. Потребление – уже не средство существования, оно есть само существование, его цель. Так, согласно Э. Фромму, большинство из нас знают больше о модусе обладания и поощряют жажду наживы, которая относится к вещам, а не к собственному развитию [11]. Человек замыкается на своем потреблении и превращается из *Homo sapiens* в *Homo consumptorium*, что ведет к деградации не только отдельного индивида, но и всего общества, перенявшего на себя черты западного потребительства.

Пятая опасность состоит в том, что потребительская культура требует неограниченного потребления в то время, когда человек живет на ограниченной территории и с ограниченными ресурсами. Так антропогенная нагрузка на биосферу Земли начинает увеличиваться быстрыми темпами с 50-х годов XX века, т.е. именно с того времени, когда в западном мире начинает развиваться потребительская культура [8].

Таким образом проблема потребительства стоит очень остро в настоящее время, поскольку она, затрагивая практически все стороны жизни индивида (социально-экономическую, политическую, социальную, культурную и пр.), приводит к деформации ценностных и духовно-нравственных ориентиров личности.

Еще в конце XX века Никита Николаевич Моисеев в своем письме-завещании предупреждает об опасности чрезмерного потребительства. По его мнению, цивилизация сможет сохранить себя тогда и только тогда, когда экономика перестанет быть демиургом современного общества, когда восхождение к Разуму делается действительно главной целью нашего биологического вида. «Я понимаю, что эта цель утопична, – говорил он. – И она будет таковой, пока есть хоть какие-либо шансы жить по традиционным канонам. Ну, что же, не приняв утопии, мы однажды примем реальность: конец истории. Третьего не дано!» [7].

Литература

1. Ван Ден Хааг Э. И нет меры счастья, и отчаянно нашему / Э. Ван Ден Хааг // Иностранная литература. – 1966. – №1. – С. 240-242.
2. Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс-Традиция. – 2001. – 304 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М.: Республика. – 2006. – 269 с.
4. Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. – М.: Прогресс, 1993. – 480 с.

5. Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. – М.: Гном и Д, 2000. – 430 с.
6. Ильин В.И. Поведение потребителей. – СПб: Питер, 2000. – 224 с.
7. Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? – М., 1999. – 288 с.
8. Оленьев В.В., Федотов А.П. Глобалистика на пороге XXI века // Вопросы философии. – 2003. – №4 – С.18-30.
9. Тоффлер А. Футурошок. СПб: Питер, 1997. – 464 с.
10. Феофанов О.А. Реклама: новые технологии в России. – СПб.: Питер, 2001. – 384 с.
11. Фромм Э. Иметь или быть. Киев: Ника-Центр. – 1998. – 400 с.
12. Шалаев В.П. Синергетика в пространстве философских проблем современности. – Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет, – 2009. – 360 с.
13. Шушарин Д. Апология действительности // Логос. – 2000. – №4. – с. 94-98.

*Мана Джорж Мел,
Kerala, India*

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ГАРАНТИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В СООТВЕТСТВИИ С ЦЕЛЯМИ ООН

*George, Mel Mana,
Kerala, India*

CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY: NEW DIMENSIONS TO ENSURE SUSTAINABLE DEVELOPMENT UNDER MILLENNIUM DEVELOPMENT GOALS OF THE UN

Abstract. Corporate Social Development and Corporate Social Responsibility (CSR) came into prominence in the mid 1980s. It is known by different names such as corporate responsibility, corporate conscience, sustainable responsible business, corporate social performance, etc. This means business would among others, ensure responsibility for its likely influence on stakeholders, environment and the community at large. It is a proactive approach to bring in holistic growth by containing the ill effects on environment on the one hand and to bring in a new deal in relation to mother earth vis a vis consumers, employees, environment, business profit and the like on the other. Having seen the advent and background of CSR, the whole issue is examined with the help of some empirical data collected from a randomly selected international sample study of seven countries, spread over three continents. The major hypothesis of the empirical study was to ascertain whether CSR of businesses adequately empower NGOs with micro finance? The general perception

of CSR is to plough back part of the profits of companies and businesses for sustainable development oriented activities. 93 per cent of the respondents had favored NGOs as the right vehicle to channel CSR funds on account of their grass root level connectivity and transparency. It was opined that NGOs may take up micro finance activities by making use of CSR related funds for ensuring sustainable development. 97 per cent of the sample respondents had voted in favor of cost effectiveness of micro finance operations by NGOs. May be the wisdom coming from the field is worth experimenting with location and regional refinements. The extent of recovery performance of NGOs in relation to micro finance at 67 percent can not be taken as a major suggestive policy indication. These are all potential challenges for researchers. 63 per cent of the sample respondents had favored the exclusiveness of SHGs in indulging in the micro finance domain. Respondents from all most all countries had favored the micro finance lending through NGOs. It is interesting to note that all the respondents had opined that wider coverage of CSR related funds deployment may be done only through NGOs. Obviously it is an excellent policy indication for those who are the movers and shakers of policy domain in the developing world and that too particularly in the context of the Millennium Development Goals of the United Nations. Much depends on our perception. Conscious efforts required to select only those NGOs with impeccable integrity to channel the CSR funds for redeployment. These NGOs must have undergone both financial and social audit. NGOs which resort to strong arm tactics in effecting recovery may be discriminated against in channeling the CSR funds. NGOs are to be assessed periodically to review their credibility.

There is a good volume of literature on corporate social responsibility (CSR) now in the world. The very advent of the term CSR can be traced back to the 1970s. But it became prominent after the mid 1980s. It is also known by different names like corporate responsibility, corporate conscience, sustainable responsible business, corporate social performance, etc. It is not imposed from with out. CSR means that business would monitor and ensure its support to rules and regulations of the land where it operates, maintain ethical standards and the norms of consciousness. This means business would among others, ensure responsibility for its likely influence on stakeholders, environment, and the community at large. It is a proactive approach to bring in holistic growth by containing the ill effects on environment on the one hand and to bring in a new deal in relation to mother earth vis a vis consumers, employees, environment, business profit, etc.

The attention CSR has attracted is rich and varied. It is evident from the foregoing. "The practice of CSR is much debated and criticized. Proponents argue that there is a strong business case for CSR, in that corporations benefit

in multiple ways by operating with a perspective broader and longer than their own immediate, short-term profits. Critics argue that CSR distracts from the fundamental economic role of businesses; others argue that it is nothing more than superficial window dressing; yet others argue that it is an attempt to pre-empt the role of governments as a watchdog over powerful multinational corporations. Corporate Social Responsibility has been redefined throughout the years. However, it essentially is titled to aid to an organization's mission as well as a guide to what the company stands for and will uphold to its consumers". Only parts of the CSR funds are earmarked to NGOs as the top executives of corporates have other demanding claims. Therefore the theme deserves great deal of thought in its approach and handling. The views of the corporate executives on NGOs and the deployment of micro credit through them are very important. However, at least five per cent of the sample were corporate executives as respondents of the field study and to that extent we have covered that lacuna, though not fully.

Hypothesis:

The major hypothesis of the empirical study was to ascertain whether CSR of businesses adequately empower NGOs with micro finance for ensuring sustainable development?

Sources of Data & Methodology:

Having seen the advent and back ground of CSR, the whole issue is examined with the help of some empirical data collected from a randomly selected international sample study of seven countries, spread over three continents. It was designed in such ways that both developed and developing countries represent the sample along with a mix of large and small economies as well. Data were collected on a pre- structured questionnaire electronically. Though it was proposed to collect data from some 300 respondents, in effect, only 100 respondents had returned the filled in questionnaires. The sample respondents were well educated and had adequate exposure to CSR related subjects to comment on it. Some of them were really practitioners of CSR regime themselves. Most of the respondents were personally known to the authors, owing to their professional erstwhile interactions with them.

The countries covered for the field work included Australia, UK and Italy as representatives of the developed world. The developing economies constituted India, Bahrain, Qatar and Afghanistan. The selection of these countries was mostly on account of the personal familiarity of the authors with the respondents. Some 10 sample respondents each had returned the filled questionnaires from these countries. In addition, some 30 filled in questionnaires had come from several other countries like Pakistan, Bangladesh, Nepal, Sri Lanka, PNG, Singapore, Philippines, etc. But the number of such questionnaires was less than five from any one country. For the purpose of data col-

lection, the calendar year 2009- 2010, (July 2009 to June 2010) was considered as the study period, while field work was done during July, Aug, and Sept 2010.

Limitations of the Study:

The major limitation of the study is that the sample is only 100 respondents. For a study of a global nature, seeking to come out with policy implications, this is a major limitation. Again, there were no face to face interviews with the respondents and as such the body language communications and observation techniques could not be profitably made use of. Respondents, it is assumed were in the same wave length with the interviewer even in an on line survey. In fact, it is not always correct to assume so.

Findings & Data Analysis:

Table 1 shows the details of respondents, country wise distribution.

Country	Respondents
India	10
Afghanistan	10
Australia	10
UK	10
Italy	10
Bahrain	10
Qatar	10
Others	30
All	100

As the above table is self explanatory, the following table examines the literacy details of the sample respondents.

Table 2

Level of Literacy of the respondents

Under graduates	14
Graduates	55
Post Graduates	31
All	100

Some 86 per cent of the sample was highly educated respondents. They were reasonably well informed about CSR. Besides, they were competent to comment on CSR. Some of them were even representing business houses themselves and had practiced CSR.

Table 3 shows the details of age distribution of the sample.

Age Group	Respondents
Less than 40 years	Nil
40 to 60 years	61
Above 60 years	39

All	100
-----	-----

It could be seen from the foregoing table that the sample had nearly 40 per cent of the respondents classified as senior citizens. They were all matured people to assess the field realities.

Table 4 shows the details of the annual average income of the sample in American dollars.

Table 4

Av Income	Respondents
Less than 2000	Nil
2001 to 20,000	67
Above 20,000	33
All	100

While some 33 per cent of the sample had reported an average annual income of more than USD 20,000, some 67 percent accounted for less than USD 20,000. In the international context of both developed and developing economies, this average income is a clear indication of the financial sanding of the respondents.

Table 5 shows the perception of the respondents about CSR. It was asked as to what they understand by CSR. The tabulated summary is presented in the table below.

1) Corporate entities plough back a part of their profits to sustainable development activities of the community= 73 %

2) Organizations sharing their profit with the poor= 20 %

3) Businesses helping society with funding = 7 %

It is very clearly brought to sharp focus by an overwhelming majority of the respondents that their perception of CSR is to plough back part of the profits of companies and businesses for sustainable development oriented activities of the community.

Another attempt was made to ascertain as to who would be the appropriate agency to channel the CSR funds. The summary findings are tabulated and presented in table 6.

Table 6. Agency to channel CSR Funds: NGOs

Good to channel through NGOs	93
Not good to have NGOs	07
All	100

It is worth while to mention that a clear choice was offered to the respondents among NGOs, community organizations, local self government organizations, churches, temples and such other religious organizations. But the response was only confined mostly to NGOs. It is worth recalling that some 93 per cent of the respondents had favored NGOs as the right vehicle

to channel CSR funds on account of their grass root level connections and transparency in their approach and out look. Of course, they were very vocal in their views about cow boy NGOs. They were voting only for NGOs which are above board and run on professional lines with credibility.

A question was asked about the desirability of NGOs taking up micro finance activities on a larger scale using CSR funds. In fact, there are some misgivings in the minds of many people. The results are presented in Table 7.

Table 7. NGOs to take up Micro Finance activities:

Agreeable	90
Disagreeable	07
Indifferent	03
All	100

It can be seen from the foregoing table that an overwhelming majority of the sample had opined that NGOs may take up micro finance activities by making use of CSR related funds for ensuring sustainable development in the community around them. Again, it is with qualifying clause that it must be woven around those NGOs which have track operational record.

As a logical corollary to the foregoing discussion, the cost effectiveness of NGOs in relation to micro finance was discussed with the sample respondents. The results are presented in Table 8.

Table 8. Micro Finance & NGOs: Cost Effectiveness:

Cost effective	97 %
Ineffective	03%
All	100%

It is evident from the foregoing table that some 97 per cent of the sample respondents had voted in favour of cost effectiveness of micro finance operations by NGOs. May be the wisdom coming from the field is worth experimenting with location and regional refinements. It offers new challenges for policy makers and researchers around the globe.

Asked about recovery performance as experienced by NGOs with regard to micro finance, the following table presents the field realities across the sample countries.

Table 9. Recovery Performance of NGOs in relation to Micro Finance:

Ensure better recovery	67 %
Does not make any difference	33%
All	100

The better recovery performance of NGOs in relation to micro finance at 67 percent can not be taken as a major suggestive indication. It may be noted

that some 33 per cent of the respondents had opined that NGOs do not make any difference with regard to recovery of micro finance activities.

Another hypothesis tested in the study was that micro finance to be disbursed through self help groups (SHGs). Again this was a debatable subject. The results are tabulated and presented in Table 10.

Table 10. Micro Finance to be disbursed through SHGs:

Only through SHGs	63 %
Through others	37%
All	100

It may be noted that while 63 per cent of the sample respondents had favoured the exclusiveness of SHGs in indulging in the micro finance domain, some 33 per cent had voted for other agencies to do this job. This means no exclusiveness was voted for any one. Again, this may be a worthy topic for future researchers to be taken up.

While responding to micro finance through the NGOs, the voice of the respondents was more discernible. Table 11 shows the details.

Table11. Deployment of CSR related funds by NGOs:

Better to opt for NGOs	85 %
Look for other agencies	15 %
All	100

Respondents from all most all countries had favoured the micro finance lending through NOGs. It may be worth while to experiment this approach to prove or disprove it on a larger scale by innovative CSR oriented businesses.

Respondents were asked about their views regarding wider coverage in terms deployment of funds of CSR through the medium of NGOs. The results are presented in Table 12.

Table 12. Wider coverage of CSR related funds through NGOs:

Required	100
Not necessary	Nil
All	100

It is interesting to note that all the respondents had opined that wider coverage of CSR related funds deployment may be done only through NGOs. Whenever, qualified and competent NGOs are not available, the corporate bodies in question may identify other organizations or do themselves the job. Obviously it is an excellent policy indication for those who are the movers and shakers of policy domain in the developing world and that too particularly in the context of the Millennium Developments Goals of the United Nations.

How to empower NGOs through CSR related activities?

Much depends on our perception. It was pointed out by many a respondent from the developing countries that lack of training is a major stumbling block withholding the NGOs from putting up a good performance. In order to overcome this inadequacy in training in financial management, targeted training programmes may be imparted. The local communities and NGOs are to be empowered by undertaking study tours. This would initiate them to several new things. According to conventional wisdom, it is said that seeing is believing. NGOs are to be trained on an ongoing basis, particularly with targeted training inside NGOs. The starting point is to empower the NGOs themselves. This is imperative for any activity to be undertaken by NGOs. As already mentioned elsewhere in this paper, select only those NGOs with impeccable integrity to channel the CSR funds for redeployment. Again the selected NGOs must have undergone both financial and social audit and must be like role models.

It was suggested that NGOs must be strengthened with professional staff and competent advisors. It was felt that only those NGOs with sound monitoring and evaluation systems may be selected for channeling the CSR funds for redeployment.

NGOs which resort to strong arm tactics in effecting recovery may be discriminated against in channeling the CSR funds. In fact, intimidating methods in recovering dues of loans or outstanding amounts must be done away with. NGOs are to be assessed periodically to review their credibility and to ascertain whether they function as friend, philosopher and guide to their stake holders and SHGs.

Policy Implications:

It may be clearly understood that the corporate bodies owe certain duties to the community and should be transparently responsible to them and to the society at large. First and foremost among them is strict compliance with laws of the land in relation to pollution, health, environment and concern for the society. This is all the more essential in the prevailing socio-economic milieu where the corporate bodies in several countries indulge in polluting the rivers and other water bodies including aquifers. It is high time to have an inclusive growth approach, rather than following an undeclared anti-social and anti-people approach on the one hand and a proclaimed CSR creed on the other. Corporate bodies every where, namely in production, trading or banking, etc should not be doing any unethical operations for amassing instant profits by exploitations and manipulations. Basically good governance is the key word, preamble and post-script for CSR.

It may be understood clearly that this paper is not an attempt to debate the pros and cons of CSR. But it is looking into CSR as and when it comes in the

form of resources for redeployment. As such it is examining the desirability of channeling the CSR recourses through NGOs and dedicating it under the head of micro finance.

It is very clearly brought to sharp focus by an overwhelming majority of the respondents that their perception of CSR is to plough back part of the profits of companies and businesses for sustainable development oriented activities. It is worth recalling that 93 per cent of the respondents had favored NGOs as the right vehicle to channel CSR funds on account of their grass root level connections and transparency in their approach and out look. Of course they were very vocal in their views about cow boy NGOs as well. They were voting only for NGOs which are above board and run on professional lines with credibility. An overwhelming majority had opined that NGOs may take up micro finance activities by making use of CSR related funds for ensuring sustainable development in the community around them.

97 per cent of the sample respondents had voted in favor of cost effectiveness of micro finance operations by NGOs. May be the wisdom coming from the field is worth experimenting with location and regional refinements. The extent of recovery performance of NGOs in relation to micro finance at 67 per cent as “better recovery” can not be taken as a major suggestive policy indication. It may be noted that 33 per cent of the respondents had opined that NGOs do not make any difference with regard to recovery of micro finance activities.

It is interesting to note that all the respondents had opined that wider coverage of CSR related funds deployment may be done only through NGOs. Obviously it is an excellent policy indication for those who are the movers and shakers of policy domain in the developing world and that too particularly in the context of the Millennium Developments Goals of the United Nations.

The starting point is to empower the NGOs themselves. As already mentioned elsewhere in this paper, select only those NGOs with impeccable integrity to channel the CSR funds for redeployment. Again the selected NGOs must have undergone both financial and social audit and must be role models.

It was suggested that NGOs must be strengthened with professional staff and competent advisors. It was felt that only those NGOs with sound monitoring and evaluation systems may be selected for channeling the CSR funds for redeployment. NGOs which resort to strong arm tactics in effecting recovery may be discriminated against in channeling the CSR funds. In fact, intimidating methods in recovering dues of loans or outstanding amounts must be done away with. NGOs are to be assessed periodically to review their credibility and to ascertain whether they function as friend, philosopher and guide to their stake holders and SHGs.

Researchers are challenged the world over and particularly in Asia, Africa and Latin America to take up the CSR- NGO- Micro Credit- theme as the prime theme of investigation during the first half of the 21st century. The future bacons, shall we falter?

*Маслов В. Н.,
ВВАГС, Нижний Новгород*

МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ПЛАНЕТАРНОГО ОБЩЕСТВА

*Maslov V.N.,
VVAGS, Nizhny Novgorod*

MODELS OF PLANETARY SOCIETY

Abstract. In this paper, the development model of the planetary society. Philosophical, sociological and other representations of the vector of human development. Attempt to justify the most effective theory for measuring the quality of life and the idea of progress.

Человеку свойственно стремление к высокому благосостоянию. Но содержание этого понятия у каждого свое. Оно зависит от ценностной ориентации человека, изменяющейся на протяжении его жизни и от поколения к поколению. Поскольку человек живёт в обществе, для него важно знать, как развивается общество (планетарное или региональное) и какими путями оно может в дальнейшем развиваться. Особенно это важно для активных сил общества, способных достигать успехов не только путем приспособления своей политики к общественному мнению, но и вопреки ему, направляя усилия на его изменение в интересах тех или иных слоёв общества. Представление философов о том, что общество развивается по спирали, является очень нечётким, так как не указывается система координат. Социологи тоже обычно не говорят, в какой системе координат они видят «вектор прогресса» и постепенное сокращение длительности циклов развития общества, обоснованное Питиримом Сорокиным [1].

Обоснования наличия вектора прогресса не для всех убедительны в основном из-за разногласий в понимании того, что такое прогресс. Учёным следует договориться о том, как измерять состояние общества, т.е. о системе показателей, о шаге дискретизации процесса (десять, сорок или сто лет?) для различных целей измерения, о формуле (-ах) свёртывания показателей в один или два с тем, чтобы можно было графически представить процесс развития общества, и даже о значениях показате-

лей в прошлые моменты времени. Пока ученые об этом не договорятся, все споры по поводу наличия вектора прогресса будут бесплодны. В шестидесятые годы XX века Дж. Гэлбрейт и Дж. Форрестер, по сути, с целью измерения прогресса, ввели в оборот термин «качество жизни» [2-4]. Постепенно вырабатывались методики измерения качества жизни населения стран, регионов, городов. Одна из методик положена в основу определения рейтинга стран мира, ежегодно осуществляемого ООН, на основе индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). Это комплексный показатель состояния общества, получаемый путём свёртывания нескольких показателей с помощью методов квалиметрии. ИРЧП объединяет в себе валовой внутренний продукт на душу населения, ожидаемую среднюю продолжительность жизни родившихся в текущем году детей и уровень образованности населения.

Понятие «качество жизни» с тех пор изменилось, поскольку изменилось определение термина «качество». Оно стало гораздо ближе к философскому пониманию качества. В соответствии с ГОСТ Р ИСО 9000 [5] качество – степень соответствия совокупности присущих характеристик требованиям. Если говорить о качестве жизни, то под требованиями надо понимать потребности населения. Значит, качество жизни – это степень удовлетворения обществом всех здоровых потребностей населения соответствующей территории [6]. Именно здоровых, поскольку есть потребности грабить, убивать и т.д. Но какие все же потребности считать здоровыми, – в этом предстоит разобраться мировому сообществу отдельно, основываясь, в частности, на научных трудах [7; 8].

Однако потребности населения разных стран (цивилизаций) различны. Кроме того, методика оценивания состояния общества с помощью ИРЧП несовершенна. По валовому внутреннему продукту можно судить о степени удовлетворения потребностей в основном материального характера, т.е. об уровне жизни (хотя ВВП слабо характеризует уровень жизни там, где велики затраты на оборону страны). По средней продолжительности жизни – о степени удовлетворения потребностей в физическом здоровье и безопасности. По уровню образованности – в знаниях, умениях, навыках, а также – в общении с грамотными людьми. Но ИРЧП не учитывает, например, потребности населения в политических свободах, нормальном нравственно-психологическом климате, а также в справедливом распределении благ. ИРЧП характеризует общество только в среднем, но не показывает степень расслоения общества. Поэтому возникает проблема конструирования единого для всех стран интегрального показателя состояния общества (ИПСО), который можно ис-

пользовать как для определения рейтинга стран, так и для описания развития планетарного общества.

ИПСО должен конструироваться на основе иерархической (или близко к ней) системы показателей, выбор которой должен определяться системой ценностей, общих для большинства народов, входящих в ООН. Система общих ценностей выработана в 2001г. при поддержке ООН двадцатью выдающимися интеллектуалами планеты и изложена в книге «Преодолевая барьеры» [9]. Она представлена в виде: 1) свобода – справедливость; 2) здравомыслие (рационализм) – сочувствие; 3) законность – благожелательность; 4) права – ответственность. Ценности, написанные через тире, призваны уравнивать друг друга. В основе этих общих ценностей, по мнению авторов книги, лежат гуманизм и доверие. При создании системы показателей состояния общества надо учитывать и глобальную этику. В книге [9] она сформулирована в виде четырёх целей: 1) стремление к миру, 2) стремление к справедливости, 3) стремление к правде, 4) стремление к товариществу (партнёрству). Как считают авторы, глобальная этика позволит преодолеть «семь социальных грехов человека», сформулированных в своё время Махатмой Ганди: политика без принципов, богатство без труда, удовольствие без совести, знания без честности, бизнес без морали, наука без гуманности, религия без жертвенности.

Выделим качественно различные модели развития планетарного общества, которые могут графически изображаться на плоскости в виде ломаных линий, отражающих зависимость ИПСО от времени. Об отрицающих наличие вектора прогресса, можно сказать, что они придерживаются представления *о хаотично-циклической модели развития планетарного общества*. Как правило, это люди, имеющие религиозное мировоззрение. Математически такая модель хорошо описывается моделями стационарного случайного процесса марковского типа [10]. В июне 1992г., после распада СССР и прекращения холодной войны, в Рио-де-Жанейро состоялась Конференция ООН по окружающей среде и развитию с целью выработки пути развития планетарного общества. Выступающие говорили об опасностях экологических катастроф, новых войн, социальных взрывов, исчезновения ресурсов на Земле, роста международного терроризма, эпидемий. Генеральный секретарь этой Конференции Морис Стронг констатировал: «Процессы экономического роста, которые порождают беспрецедентный уровень благополучия и мощи богатого меньшинства, ведут одновременно к рискам и дисбалансам, в одинаковой мере угрожающим и богатым и бедным. Такие модели развития и соответствующие им характер производства и потребле-

ния не являются устойчивыми для богатых и не могут быть повторены бедными. Следование по этому пути может привести нашу цивилизацию к краху» [2].

Конференция, по сути, признала, что планетарному обществу серьёзно грозит *катастрофическая модель развития*. Многие учёные задолго до этой Конференции предупреждали о такой опасности и указывали на некоторые её причины. Еще в 1980г. тогдашний президент Римского клуба А. Печчеи писал: «Нынешние затруднения человечества коренятся в недостатках самого человека. В стремлении обеспечить исключительно собственный комфорт и благополучие нынешние поколения часто бездумно и без разбора грабят и засоряют Землю. Я не устаю повторять, что сегодня за материальные, как правило, краткосрочные выгоды часто продаются этические и моральные ценности, протискивается наука, которую заставляют служить интересам, прихотям и престижу только самых богатых и влиятельных среди людей, что позволило отдельным избранным группам человечества пожирать все плоды в ущерб остальным и будущим поколениям. Этих людей нисколько не смущает, что они в социальное наследство будущим поколениям могут оставить напряженность и беспорядок на перенаселенной планете» [11].

Поэтому на Конференции ООН мировому сообществу была предложена модель социоприродной эволюции, названная *моделью устойчивого развития общества*. В основу этой модели была положена идея сознательного самоограничения своих потребностей, сохранения окружающей среды и обращения к духовным ценностям, к знаниям, которые способны дать человечеству новые источники энергии и новые жизненные пространства. Основной принцип этой модели: удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения людей должно достигаться без лишения такой возможности будущих поколений. Модель явилась, по сути, усовершенствованной концепцией ноосферы, выдвинутой академиком В.И. Вернадским в середине 20 века.

Но эту модель восприняли не все. Н. Н. Моисеев назвал идеи, заложенные в эту модель, опаснейшим заблуждением современности [12]. «Грядущий путь человечества будет совсем не похож на устойчивое развитие. Он будет труден, опасен и потребует энергии, воли. И нравственности!... Если не будут включены новые способы воздействия человека на природу (которые еще предстоит изобрести), на самого себя, если не будут созданы иные системы взаимоотношений между людьми, государствами и цивилизациями, то человечество очень скоро и бесславно закончит свое земное существование», – писал он. Дальнейшее развитие событий в разных странах мира заставляет серьёзное отнестись

к этим словам. Для претворения в жизнь модели устойчивого развития было признано необходимым усилить государственное регулирование и строить планетарные институты при ООН. Последующие конференции ООН подтверждали готовность следовать этой модели. Однако ООН не удалось даже смягчить несправедливость на Земле. За последние два года в мире наблюдается рост числа голодающих. Их уже около 1 млрд. человек. Наблюдается рост терроризма и пиратства, которые вызваны, прежде всего, ростом имущественного расслоения, нежеланием богатых ограничить свои материальные потребности и помочь бедным в овладении знаниями, а также их стремлением построить свое счастье на несчастье других. Учёные, властвующие элиты и ООН не смогли выработать эффективные механизмы для улучшения качества населения, изобрести новые способы воздействия человека на природу и на самого себя, создать иные системы взаимоотношений между людьми, государствами и цивилизациями.

В модели устойчивого развития нет чёткого ответа на главный вопрос: должны ли планетарные институты превратиться в мировое правительство, а значит, должно ли быть создано Всемирное государство? Многие отвечают на этот вопрос утвердительно, так как считают, что только так и можно предотвратить всемирные катастрофы. Они, возможно, не видят почти неминуемой опасности превращения Всемирного государства в тоталитарное общество (по выражению А. Зиновьева — «глобальный человеёйник») и прекращения, в связи с этим, развития человечества.

Модель устойчивого развития стала для гражданского общества ширмой, за которой мировая финансовая олигархия и обслуживающие её политические силы, которых мало заботит будущее человечества, стали активно проводить в жизнь идеологию мондиализма, т.е. выстраивать однополярный мир с курсом на создание Всемирного государства. Уже в 1993 г. на Всемирном экономическом Форуме в Давосе представители транснационального бизнеса, международной бюрократии и правых политических партий приняли свою модель развития планетарного общества, основанную на идее «золотого миллиарда человечества», которая была изложена в манифесте «Общества быстрой выгоды», распространённом по мировой компьютерной сети. Согласно этой идее «золотой миллиард» (в основном жители Европы и США) должен жить и процветать за счет эксплуатации остального населения Земли. На самом же деле постепенно должны быть закабалены и простые жители развитых стран. Тогда идеологами ультралиберализма термин «глобализация» был впервые использован как синоним разрушения

национальных экономик транснациональными корпорациями (ТНК), усиления их монополизма.

Объем мирового промышленного производства, контролируемого ТНК, уже превысил 50%. Растет число ТНК, которые, не желая платить большие налоги и взятки чиновникам, регистрируют свои предприятия в офшорных зонах. Там нашли приют и криминальные структуры, занимающиеся производством и продажей наркотиков, оружия, «отмыванием» денег. Генералы такого бизнеса, уклоняющиеся от обязанностей, установленных в законах выпестовавших их государств, озабочены лишь сохранением, укреплением и расширением своих монополий.

В случае образования Всемирного государства мировое правительство превратится в ставленника мировой финансовой олигархии. С помощью денежного инструмента, способного плодить беспринципных политиков, журналистов, преподавателей, учёных, членов избирательных комиссий, будут направлены в выгодное для узкой группы лиц русло процессы информационной революции. Постепенно должно произойти, как писал Н. Н. Моисеев, «глобальное зомбирование планетарного человечества». «Это будет изощрённый информационный тоталитаризм, который страшнее любых форм тоталитаризма, известных человечеству» [13; 85]. Для закабаления населения не понадобится даже прибегать к методам нейролингвистического программирования и психотропным средствам. Этому помогут единая мировая валюта и единая мировая религия. Земной шар и его экономика будут поделены на сферы влияния. Конкуренция будет ликвидирована. Общество обретет устойчивость, но его развитие прекратится. Даже создание мирового парламента не сможет этому воспрепятствовать. Планета будет похожа на огромный муравейник, где каждый человек будет выполнять те функции, которые ему вменяют с помощью встроенных ЧИПов и которые будут даже передаваться по наследству. Образуется кастовое общество, наподобие того, что было в Индии. Прийти к нему сравнительно легко. А вот вероятность разрушения кастового общества будет ничтожно мала, так как разрушить его способны только внешние силы [14]. Иначе говоря, человечеству навязывается *модель затухающего развития*.

Эту модель отвергают левые силы – антиглобалисты и альтерглобалисты, выступающие за многополярный (многополюсный) мир. Альтерглобалисты отвергают также экстремистские, тем более, террористические методы борьбы. Терроризм, как способ борьбы с ТНК и их приспешниками, преследует ещё и цель встряхнуть обывателей. Но это жестокий способ. Призывать же богатых стать добрыми тоже бесполезно. Нужно власть употребить. Источником власти по Конституции РФ

(ст.3) является народ. Значит, он и должен потребовать от депутатов и Президента РФ принятия соответствующих мер в отношении ТНК. Но для этого нужно сильное гражданское общество, которого пока нет. Действенные меры в отношении ТНК предложил российский социолог Ю.В. Яковец [15, гл.6]. Альтерглобалисты стремятся создать международный парламент, который мог бы взять под контроль деятельность глобальной бюрократии, работающей в ООН. Они предлагают идти по пути **глокализации**, т.е. сочетать глобализацию с отстаиванием государственности и самобытности на основе демократии, для чего необходимо совершенствование системы местного самоуправления [16]. Глокализация должна быть синонимом процесса устойчивого развития планетарного общества. Идея многополярного мира на основе системы общих ценностей, одним из полюсов которого должна стать Россия, является наиболее обоснованной [12-15,17]. Поэтому развитие многополярной модели мироустройства, демократии и гражданского общества объявлены в Стратегии национальной безопасности РФ [18] национальными интересами на долгосрочную перспективу. Выработке Стратегии (ранее – Концепции) предшествовали научные дискуссии, начиная с 90-х годов 20 века. Одна из важных дискуссий, критический анализ содержания которой дан в работе [19], была проведена в 2006 году. Мир обретет устойчивость и не прекратит развития только при приблизительном равенстве сил у ТНК (деньги), у органов власти крупнейших стран и союзов государств (вооруженные силы и органы правопорядка), у народа (участие в общественной жизни, неподкупность и решимость в отстаивании своих прав) и у религиозных конфессий (их роль со временем должна падать).

В России есть силы, пропагандирующие идею возврата к двухполюсному миру на основе антиамериканизма. Эта идея убедительно раскритикована в [15;288, 17] и она не получила поддержки со стороны российского руководства. Мир не сможет быть устойчивым в условиях противостояния двух военно-политических сил. Необходимо, чтобы в мире было, как минимум, три военно-политические группировки, причём с самой сильной никто не должен вступать в союз. До сих пор не прекращаются пока безуспешные попытки навязать российскому руководству очень опасные для общества антидемократические проекты реформирования системы управления государством [17], часто под видом «народовластия» (проект «Россия», «Соборный проект» и пр.).

Н. Моисеев видел роль России как учредителя компромиссов. Для выполнения такой роли России следует стать полирелигиозным полюсом со значительным слоем граждан, не принадлежащих ни к одной из

религиозных конфессий, иначе человечеству не избежать в будущем религиозных войн, как предсказывает С. Хантингтон [20].

Модель развития общества в условиях многополярного мира, установления демократии в каждом полюсе, на базе международного права, основанного на общечеловеческих ценностях, можно назвать моделью многополюсного устойчивого развития. Её и надо претворять в жизнь.

Литература

1. Яковец Ю.В. Великие прозрения Питер. Сорокина // Социс. –1999. – № 6.
2. Субетто А.И. Управление качеством жизни и выживаемость человечества // Стандарты и качество. – 1994. – №1, 4.
3. Корсунская М. П. В Москве готовится форум «Качество жизни» // Стандарты и качество. – 1999. – №3.
4. Алексеев С. В. и др. Идеологические ориентиры России: основы новой общероссийской национальной идеологии / под общей редакцией С. В. Степашина. – М.: Книга и бизнес, 1998. Т.1, т.2.
5. ГОСТ Р ИСО 9000 – 2008. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. – М.: Изд-во стандартов 2009.
6. Маслов В.Н. Менеджмент качества. – Н. Новгород, 2009. – 204 с.
7. Маслоу А. Маслоу о менеджменте / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2003. – 416с.
8. Йосио Кондо. Управление качеством в масштабах компании. Пер. с англ. – Н. Новгород: СМЦ «Приоритет», 2002. – 252 с.
9. Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями / пер. с англ. Т.П. Вечериной; под ред. С.П. Капицы. – М.: Логос, 2002. – 192 с.
10. Колемаев В.А., Калинина В.Н. Теория вероятностей и математическая статистика. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 302 с.
11. Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1980. – 302 с.
12. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизованные разломы (эколого-политологический анализ) // Социально-политический журнал. – 1995. – № 3-5.
13. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. – М., 1998.
14. Маслов В. Н. О науке и практике управления государством // Свободомыслие и культура (материалы третьей городской юбилейной научно-практической конференции, посвящённой 75-летию А.Д. Сахарова, 28-29 мая 1996г.). – Н. Новгород, 1996г.
15. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. – М.: Экономика, 2003. – 412 с.
16. Маслов В. Н. Основы концепции развития местного самоуправления в России // Проблемы местного самоуправления. – 2002. – №2. – С.13-20.
17. Маслов В. Н. Возможна ли демократия без системы сдержек и противовесов // Социум и власть. – 2007. – № 2.
18. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета. 2009. 19 мая.
19. Маслов В. Н. «Суверенная демократия» – термин вполне приемлемый // Социум и власть. – 2006. – №4.
20. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2006. – 576 с.

*Мехмет Перинчек,
Стамбульский университет, Стамбул*

**ТУРЕЦКО-АРМЯНСКИЙ ПРОТОКОЛ:
МИР НА КАВКАЗЕ ИЛИ ИНИЦИАТИВА США?**

*Mehmet Perinçek,
Ctambulsky University, Ctambul*

**TURKISH-ARMENIAN MINUTES:
PEACE IN THE CAUCASUS OR INITIATIVES IN THE U.S.?**

Abstract. We will discuss issues related to the Turkish-Armenian protocol. Analyzes events in the Caucasus and the U.S. position in these events. The processes preceding the signing of the contract. The forecast for the further development of the situation

Подписание протокола между Арменией и Турцией стало самым ярким событием на Кавказе со времен, когда благодаря ловкому ходу Соединенных Штатов к власти в Грузии пришел Саакашвили. Стал ли этот протокол шагом на пути восстановления мира в регионе, или же оказался частью планов Соединенных Штатов в отношении государств региона? Для того чтобы суметь ответить на данный вопрос, следует внимательно изучить процессы, предшествующие подписанию протокола, а также последствия, которые может за собой повлечь этот документ.

ТАЙНОЕ СОГЛАШЕНИЕ С США.

- 24 мая 2003 г. Абуллах Гюль, занимая в тот период пост министра иностранных дел Турции, в интервью корреспонденту газеты «Ватан» Седату Сертоглу признался, что 3 апреля 2003 г. в Анкаре им совместно с госсекретарем США Колином Пауэллом было подписано тайное соглашение, состоящее из 9 статей на двух листах. Через некоторое время стала известна одна из статей этого тайного соглашения, которое даже не было вынесено на повестку, не говоря уже о его ратификации парламентом. В ней шла речь об «открытии турецко-армянской границы». Шаг за шагом положения этой статьи стали претворяться в жизнь.

- 19 января 2007 года был убит армянин по происхождению журналист Грант Динк. Несмотря на очевидную роль, которую в этом преступлении сыграли офицеры полиции из числа сторонников Фетуллаха Гюлена (секты «Нурджулар»), руководимых из США, массы единомышленников Сороса, нацелившись на патриотически настроенные

круги Турции, начали кампанию «Мы все армяне». Эта кампания фактически возложила ответственность за преступление на турецкий народ. Таким образом, началась подготовка соответствующей почвы для «армянского прорыва».

- Начиная с осени 2007 года последователи Фетуллаха Гюлена, выполняющие роль агентов американской разведки, начали вереницу операции «Эргенекон». Был задержан ряд антиамерикански настроенных и поддерживающих идеи евразийства политических деятелей, ректоров, ученых, действующих и отставных армейских офицеров (среди них генералы, командиры армии), журналистов, представителей интеллигенции, выступающих в защиту национальных интересов Турции как внутри государства, так и за его пределами.

Эта «чистка» была проведена с целью обеспечить возможность беспрепятственного участия турецкого правительства в американских планах, до того как оно встретит какое-либо сопротивление внутри страны.

ПОСРЕДНИЧЕСТВО ШВЕЙЦАРИИ, УСТАНОВИВШЕЙ ЗАПРЕТ НА ОТРИЦАНИЕ. В 2008 г. в Швейцарии начались тайные переговоры между Турцией и Арменией. В законодательстве выступающей в роли посредника Швейцарии существуют положения об уголовной ответственности за отрицание «геноцида армян». На основании этих законов в свое время были осуждены выдающийся турецкий политик, а также один из ведущих турецких деятелей науки, поскольку оба они открыто заявили о том, что «геноцида армян не было». Решением, принятым в ходе этих тайных переговоров, 23 июля 2008 года со своей должности был смещен глава Управления по вопросам турецкой истории проф. д-р Юсуф Халачоглу, подвергшийся в Швейцарии судебному допросу за отрицание геноцида. Президент Абдулах Гюль, в 2003 году подписавший с госсекретарем США Колином Пауэллом тайное соглашение, 6 сентября 2008 года посетил Ереван по случаю проведения футбольного матча между Арменией и Турцией.

ДИРЕКТИВА ФРАНЦИИ НА “ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПАМЯТИ”.

- 3 декабря 2008 года министр Франции по вопросам местного самоуправления Ален Марле от имени правительства в своей речи касательно армянского вопроса заявил следующее: «С визитом президента Абдуллаха Гюля Турция приступила к работе над «восстановлением памяти». Для такого дела нужно заставить турок набраться храбрости». Тотчас же вслед за этим высказыванием в Турции представители интеллигенции из числа единомышленников Сороса начали кампанию «Прошу прощения у армян».

- 6-7 апреля 2009 г. президент США Барак Обама посетил Турцию. Одним из важнейших вопросов на повестке его визита стояло так называемое турецко-армянское сближение. Обама в своем выступлении перед турецким парламентом с похвалой отозвался об этом процессе.

ЗАПРЕТ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ФЛАГА В ТУРЦИИ. Вслед за подписанием протокола между Турцией и Арменией 10 октября 2009 года, президент Армении Серж Саргсян прибыл в город Бурсу (Турция) на футбольный матч, проводившийся между национальными командами двух государств. На время матча пронос азербайджанских флагов на стадион был запрещен сначала администрацией города Бурсы, а затем и руководством ФИФА. Итак, после резюмирования некоторых основных моментов относительно турецко-армянского протокола, мы можем перейти к рассмотрению некоторых фактов, более наглядно раскрывающих суть этого события как элемента американского проекта.

ОКРУЖЕНИЕ РОССИИ. Известно, что главной целью США является Центральная Азия. Для достижения этой цели нет иного способа, кроме как заставить Россию преклонить колени. В связи с этим кавказский регион играет принципиально важную роль в череде следующих друг за другом «цветных революций», готовящихся с целью окружения России. Наличие в Армении единственной российской военной базы на весь регион обуславливает то обстоятельство, что это государство приобретает преимущественное для американской политики значение. В этом ключе отрыв Армении от России осуществляется путем подконтрольного Соединенными Штатами так называемого турецко-армянского сближения. Открытие границы между двумя государствами способствует снижению зависимости Армении от России, что, в свою очередь, может привести к включению первой в систему атлантизма посредством Турции и путем отрыва от Москвы.

С неудачей «цветной революции» в Армении после выборов весной 2008 г. и неожиданным поворотом событий русско-грузинского конфликта в августе 2008 г. позиции Соединенных Штатов на Кавказе значительно ослабли. В связи с этим визит президента Турции Абдуллаха Гюля в Ереван в сентябре 2008 г., организованный вслед за вышеупомянутыми событиями, может быть расценен как встречная атака США.

ТЕЗИС О РАВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОССИИ ЗА «ГЕНОЦИД».

Одним из элементов американского проекта является создание в Армении враждебного образа России. Так, преимущественно в последние несколько лет представители армянских политических и научных кругов называют Россию «соучастником преступления геноцида». Пред-

ставители этих круги подчеркивают, что Россия в той же степени несет ответственность за «геноцид армян», что и Турция. На основе этих утверждений пишутся книги, выпускаются публикации, проводятся семинары. В этом вопросе уже Россия, так же как и Турция, напрямую попадает под прицел. Армянские политические и научные деятели, живущие на Западе, работая в русле этих утверждений, обращают свою пропаганду напрямую к российским армянам. Приведем два примера.

Самая крупная армянская организация в России, «Союз армян России» под руководством профессора международного права Барсегова Ю.Г., обратилась к одной комиссии с просьбой подготовить двухтомный сборник под названием «Геноцид армян». В то время как материалы первого тома сборника, выпущенного в 2003 году, были нацелены против Турции, второй том вышел под названием «Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества». Первая часть второго тома озаглавлена как «Покровители, пособники и соучастники преступления». Эта часть, занимающая 633 страницы, ставит под прицел Советскую Россию и открыто провозглашает советское государство и его лидеров виновниками геноцида. На протяжении всех 633 страниц представлены документы, отражающие тот факт, что Советская Россия в армянском вопросе вступала на стороне Турции. При этом, конечно же, ни одним словом не упоминается подстрекающий армян западный империализм. Напротив же, вторая часть второго тома посвящена резолюциям западных парламентов, проектам постановлений и т.п.

Еще одним шагом, предпринятым армянами на этой основе, была пресс-конференция, организованная в Ереване 21 апреля 2006 года. Историк Рафаэль Амбарцумян в ходе своих рассуждений пришел к заключению, что «геноцид армян» был организован при равной степени участия турок и русских. К ранее выдвинутым утверждениям Амбарцумян добавил тезис об ответственности не только Советской, но Царской России. На конференции армянский исследователь завершил свое выступление следующими словами: «Если присмотреться, то сложно найти какого-либо великого армянского деятеля искусства или литературы, не подвергшегося чистке или же гонениям со стороны российского государства». В то же время, в ходе этой пресс-конференции в выступлении Амбарцумяна не прозвучало ни слова касательно роли, которую сыграл Запад в армянском вопросе. С другой же стороны, отмечаемый рост агрессии русских расистов в отношении, прежде всего, армян на территории России заставляет о том, не являются ли эти события очередным инструментом в плане по нагнетанию напряженности в русско-армянских отношениях.

ТРИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМЫ: ГРАНИЦА, КАРАБАХ, «ГЕНОЦИД». Для Турции также проблема разрослась до опасных масштабов. В отношениях Турции и Армении можно выделить три важных проблемы: 1. Непризнание Арменией границ Турции; 2. Продолжение оккупации Нагорного Карабаха Арменией; 3. Совершенно не соотносящиеся с исторической действительностью обвинения Турции в совершении геноцида, выдвигаемые в её адрес Арменией.

Эти три проблемы обуславливают наличие закрытой границы и отсутствие какой-либо нормализации отношений между Турцией и Арменией. Вне зависимости от смены правительства в своей политике по обозначенным вопросам Турция всегда придерживалась одного и того же подхода. Процесс нормализации отношений между двумя государствами, который будет отвечать нормам международного права, логике и основам добрососедских отношений, во многом зависит от изменения позиции Армении, враждебно воспринимаемой со стороны Турции, по трем вышеназванным пунктам. Однако если пристально изучить подписанный между странами протокол, то очевидным становится тот факт, что Армения не отступилась от своих позиций по всем трем вопросам.

В протоколе напрямую не проводится связь с Карсским договором, который определил современные границы между Турцией и Арменией, но так и не был признан последней после провозглашения ее независимости. В будущем это обстоятельство может стать поводом для развертывания международной дискуссии на тему границ Турции. При этом Армения по-прежнему считает часть турецких провинций своей территорией, что наглядно отражено в национальной конституции Армении и Декларации о независимости. В то же время, подписанный протокол также не содержит никаких сведений относительно судьбы Нагорного Карабаха. Сколько бы премьер-министр Турции Тайип Эрдоган не заявлял о том, что без разрешения карабахского вопроса протокол не будет вынесен на рассмотрение парламента, правительство, тем не менее, продолжает продвигать свою инициативу в прежнем русле. Одновременно затягивание рассмотрения протокола в турецком парламенте может привести к усилению международного давления на Турцию.

КАКОЙ СМЫСЛ СЕГОДНЯ СКРЫВАЕТСЯ ЗА ОБВИНЕНИЯМИ В ГЕНОЦИДЕ? Обвинения в адрес Турции в так называемом геноциде несут в себе совершенно особый смысл. Ведущаяся против Турции обвинительная кампания под названием «геноцид армян» была начата по другую сторону Атлантики. В октябре 2000 года вставшая на повестку дня резолюция палаты представителей Конгресса США по геноциду армян послужила примером для подобных законопроектов и постанов-

лений в ряде американских штатов и стран-членов НАТО, признающих «геноцид армян». Благодаря общественному мнению западных государств и действиям их руководства прочно обосновавшиеся в последнее время на повестке дня утверждения о так называемом «геноциде», очевидно, напрямую связаны с рядом других угроз.

В частности, с американским проектом «Великого Курдистана». Все осознают, в процессе расширения марионеточного государства на север, т.е. к территории Турции, будет так или иначе задействован фактор сепаратистского терроризма. В качестве подготовки к развитию действий по подобному сценарию уже сейчас наблюдаются попытки привести турецкую армию в бездействующее состояние посредством использования обвинений в «геноциде». Стремления турецких военачальников защитить национальное единство своей родины наталкиваются на стену развернутой против них психологической войны, инструментом которой являются опять же обвинения в «геноциде». Таким образом, становится ясно, что проблема выходит далеко за пределы Армении и армянского вопроса. Созданное в 1915 году оружие для ведения психологической войны, в очередной раз «поставляется на рынок» для использования в стратегических целях. Закладывается правовой фундамент для раздела Турции и вмешательства в ее внутренние дела. Принимающиеся законы и решения представляют Освободительную войну Турции как «преступление против человечества» и в то же время оправдывают оккупацию Анатолии. Тем самым складывается такая ситуация, в которой на вершину международно-правовой системы выдвигается Севрское соглашение. Следует заметить, что строки 31 параграфа 2 статьи американского проекта резолюции подтверждают наши суждения: «Вследствие того что лица, виновные в «геноциде армян», не были наказаны региональным и международным судом, имели место другие случаи геноцида и существует возможность их повторения».

В такой ситуации вынесение, в соответствии со статьями протокола, утверждений о геноциде на суд комиссии, состоящей из швейцарских и других западных историков, а также явная антитурецкая направленность протокола заставляют задуматься об истинных целях этого документа. Кроме того, не стоит забывать, что во многих западных государствах и, в особенности, в Швейцарии утверждать, что «геноцида армян не было», является преступлением. В связи с этим уже сейчас несложно предположить, с каких позиции к рассмотрению вопроса подойдет комиссия, представленная историками из этих стран.

Отсюда можно заключить, что подписание протокола, который ставит под угрозу территориальную целостность Турции и Азербайджана, может

привести к еще более страшным последствиям. И конечно же, турецкая политика уступок в отношениях с Арменией может стать причиной роста сомнений в сознании турецкого общества и особенно в умах молодежи. Массы единомышленников Сороса, действуя вышеописанными методами, стремятся изнутри подчинить общественное мнение.

ТУРЦИЯ НА ПУТИ К ИЗОЛЯЦИИ. Один из главных ударов протокола пришелся по турецко-азербайджанским отношениям. Азербайджан не был оповещен о тайных переговорах, которые велись турецкой стороной. В Баку о происходящем у них за спиной узнали только лишь благодаря сведениям русской разведки. Когда всем стало известно о тайных переговорах, кризисные тенденции в отношениях развились до такой критической стадии, что высшие уполномоченные лица турецкого государства обратились к Ильхаму Алиеву со следующими словами: «Мы отдали Кипр и освободились от груза, годами висевшего на наших плечах, вы также отдайте Карабах и освободитесь от этой проблемы». Кризис доверия в отношениях Анкары и Баку добрался до своего пика вслед за подписанием протокола, совершенно не затрагивающего ситуацию с Нагорным Карабахом. Планы США в отношении Турции нацелены на изоляцию последней, что позволит легче с ней справиться.

ОСЛАБЕВАЮТ ПОЗИЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА, ПОДПИСАВШЕГО ПРОТОКОЛ. На сегодняшний день все оппозиционные партии в Турции открыто заявляют о том, что так называемое сближение Турции и Армении является проектом Соединенных Штатов. По мере того как широкие народные массы продолжают выступления против протокола, они все яснее понимают, что «армянский прорыв» движется в одном русле с параллельно наблюдающимися курдским и кипрским «прорывами», и расценивают этот как шаги на пути к краху Турецкой Республики. Поэтому беспрекословное воплощение американских проектов для турецкого правительства может обернуться дорогой монетой. Как показывают общественные опросы, доминирующая в правительстве партия из-за своих начинаний, идущих вразрез с национальными интересами Турции, с огромной скоростью теряет народную поддержку. Конечно, стремления Партии справедливости и развития настойчиво и динамично развивать эти начинания объясняются притоком в страну так называемых «горячих» денег в обмен на исполнение данных Соединенным Штатам обещаний. В итоге складывается, что правительство, чьи позиции ослабевают, тем не менее, продолжает свое существование. Однако не вызывает сомнений, что все эти начинания приведут к совершенно иным результатам. Широкие общественные круги заявляют, что руководство Турции может не просто лишиться своей власти, но даже в будущем попасть под конституционный суд.

РУССКО-ТУРЕЦКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СПОСОБНО ВОССТАНОВИТЬ МИР. Глядя на вопрос с позиций Армении, можно заключить, что ее участие в американских планах вряд ли приведет к последствиям, отличающимся от тех, к которым привели события в Грузии. Мир в регионе может быть обеспечен только в условиях сотрудничества Турции и России и только при отсутствии вмешательства внешних игроков в дела региона. История не раз доказывала, что провоцируемое Западом русско-турецкое соперничество на Кавказе всегда приводит к негативным последствиям, а их сотрудничество, напротив, способствовало установлению мира и стабильности в регионе.

*Петрушков М.Г.,
Душанбе, Таджикистан*

**СЕПАРАТИЗМ, НАЦИОНАЛИЗМ, ТЕРРОРИЗМ
И ЭКСТРЕМИЗМ КАК ПАГУБНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В XXI ВЕКЕ**

*Petrushkov M. G.,
Dushanbe, Republic Tajikistan*

**SEPARATISM, NATIONALISM, TERRORISM AND EXTREMISM
AS FATAL SOCIAL CONSEQUENCES OF GLOBALIZATION
IN THE XXI-ST CENTURY**

Abstract. In article the phenomenon of separatism, nationalism, terrorism and extremism, as negative public processes of the present is investigated. Separatism, nationalism, terrorism and extremism are investigated in interrelation with globalisation. Influence of globalisation on these processes is investigated.

Наблюдая за процессами, происходящими практически во всех странах мира, включая и нашу Республику Таджикистан, так и хочется, перефразировав известную фразу Ленина, воскликнуть: «Товарищи, глобализация, о которой так много говорили лучшие умы, восторжествовала». Да, уважаемые господа, глобализация уверенно шагает по нашей планете, шагает подобно великану, сметая перед собой границы, культурные, национальные, религиозные, языковые барьеры, преодолевая расстояния, унифицируя нации и народы.

Ее апологеты с упоением внушают всем нам, что глобализация – это, прежде всего, свобода, равенство и братство (правда, такое ощущение, что эти лозунги, только применительно к другой формации человеческого бытия, мы уже слышали). Что именно глобализация – это высшая стадия развития человеческого разума, стадия, которая логически закончится отменой всяких ограничений, мешающих людям взаимодействовать друг с другом, общаться и становиться ближе во всем. Естественно, эти проповедники всячески умалчивают и об истории возникновения глобализации, и о тех целях и задачах, которые преследовали ее идейные вдохновители, и о самой сущности глобализации, при этом, стараясь если не умолчать, то, по крайней мере, минимизировать количество информации о ее негативных последствиях и воздействии на страны мира.

А современные реалии «торжества глобализма», на наш взгляд, таковы: повсеместный маниакальный сепаратизм, «махровый национализм» (а местами даже – фашизм), религиозный экстремизм и международный терроризм, являющие из себя так сказать «корону мировых социальных проблем глобализации». Попробуем разобраться (учитывая строго определенные рамки данной статьи) хотя бы поверхностно в движущих силах каждого феномена из этой «великолепной четверки». Итак, первый, кто «правит бал» в современном мире, перекраивая границы, меняя облик политической карты мира, растворяя страны и рождая новые государственные образования – **сепаратизм**. Конечно же, это весьма древний и весьма неоднородный по своей сути процесс, возникший исторически и имеющий старинные, порой весьма запутанные корни. Мощнейшая основа для него была заложена в процессе послевоенного раздела Европы, да и всего мира. Однако сепаратизм, подобно «спящему вулкану», практически не проявлял себя, процессы текли вяло, исподволь подтачивая государственные институты и отношения между соседями, странами, народами.

Однако «демон сепаратизма», выпущенный на свободу странами НАТО, и в первую очередь США, в целях разложения социалистического блока и разрушения СССР в соответствии с постулатами «холодной войны» и стратегией победы над Советским Союзом, вышел из-под контроля его идейных отцов и стал, с развитием процессов глобализации, настолько неуправляемым, что в настоящее время угрожает всем странам без исключения, включая и главного прародителя – США.

Каким же образом, возникает вопрос, глобализация так «благоприятно» повлияла на сепаратизм и его становление, скажем в относительно благополучных странах?! Ответ, на наш взгляд, весьма прост и имеет

экономические корни, как и многие процессы на нашей планете: процесс глобализации приводит к выигрышу инновационного сектора, к сильной концентрации капитала и улучшению жизни капиталистической элиты, включающей капиталистов, топ-менеджмент и высокопоставленных специалистов, но в целом понижает уровень жизни большинства населения Западной Европы и Северной Америки. К этому следует добавить, что Северная Америка и Западная Европа с самого начала были неоднородны, и передовые сектора традиционно занимали довольно узкие зоны (Калифорния, Техас в США, Ломбардия в Италии, или Рейн-Нант-Рур в Германии), а остальные часто были внутренней слаборазвитой частью, в пользу которой происходило перераспределение доходов (дотирование или welfare-state). И эта неоднородность, этот разрыв в развитии регионов внутри каждой страны, нарастает год от года, являясь «визитной карточкой» глобализма; высокотехнологичные регионы стран становятся баснословно богатыми и влиятельными, а менее развитые – впадают в депрессию, постепенно становясь полностью дотационными, нуждающимися в постоянной подпитке со стороны своих более богатых соседей, начинают становиться своеобразным «тормозом», «грузом» для регионов с высокотехнологичным производством.

И именно поэтому сейчас многие итальянцы хотят избавиться от своих южных провинций, а, например, Каталония – самый процветающий промышленный регион Испании – жаждет автономии, являясь одним из мощнейших очагов сепаратизма; о своих притязаниях на автономию уже заявляют некоторые штаты в США и так далее.

С другой стороны, в регионах с депрессивной формой экономики, к которой начинает относиться все большая часть субъектов каждого государства «Западного мира», стремительно нарастает безработица, обусловленная переводом компаниями своих производственных мощностей в страны с низкой оплатой труда. Подобный экспорт рабочих мест еще больше усиливает негативные процессы, идущие в этих регионах постиндустриальных стран. Дальнейшая логика развития событий диктует следующую модель поведения капиталистов: компании прекращают выпуск убыточной продукции и переходят к производству товаров, требующих использования высококвалифицированного персонала. Таким образом, начинает происходить перераспределение рабочей силы. В результате рабочие с более низкой квалификацией остаются невостребованными, безработица прогрессирует, доходы падают, а, следовательно, стремительно падает уровень общего благосостояния населения региона и, как следствие этого, социальная напряженность нарастает с каждым днем.

Естественно, источник всех своих бед население этих регионов видит в глобализации, в усилении и невиданном ранее обогащении соседних регионов, в которых сконцентрирована высокотехнологичная промышленность, начинается череда взаимных упреков и обид, внутристрановых региональных конфликтов, «информационных войн», причем, естественно, популистами с обеих сторон всегда выдвигаются «лозунги, старые как мир», основная суть которых состоит в том, что если бы не наличие «такого подлого соседа, все бы у нас было бы хорошо». К чему это приводит, мы наглядно видим на примере практически всех стран мира, которые «захлебываются в бездонных водах сепаратизма». Указанные процессы происходят на фоне массовой миграции населения из стран «третьего мира», для которых даже самый низкий уровень жизни в постиндустриальных странах - это предел мечтаний. Таким образом, миграция низко квалифицированной рабочей силы из стран «третьего мира», приобретающая глобальный характер, превращается в серьезный источник обострения социально-экономической обстановки в мире. По данным разных источников, в настоящее время за пределами родных стран проживает от 300 до 700 млн. человек. Приток дешевой рабочей силы извне обострил конкуренцию на рынке труда развитых стран, что привело к осложнению межэтнических отношений и росту **национализма** в этих странах, – второму спутнику глобализма из нашей «великолепной четверки». Ситуация настолько серьезная, что иногда ситуация доходит просто до абсурда: в России, которая спасла мир от коричневой чумы – фашизма, – фашизм как идеологическое и общественное течение не только возникло, но год от года набирает обороты, привлекая в свои ряды все больше и больше не только «зеленой молодежи», но и (что самое страшное) образованных людей и интеллигенцию. Даже в благополучных странах ЕС четко проявляется феномен нового национализма, направленного прежде всего против иммигрантов. Несмотря на то, что именно они выполняют почти всю неквалифицированную, грязную и не престижную работу, значительная часть коренного населения стран ЕС видит в иммигрантах второсортных «чужаков», виновников всех социальных бед.

Наблюдающийся рост национализма, замешанного зачастую на религиозном массовом фанатизме, приобретает особый символический смысл в свете печальных событий 11 сентября 2001 г. Стремление к экономическому преимуществу не на основе свободной конкуренции, а на превосходстве одной расы над другой, одной социально-экономической системы над другой, одной религии над другой стано-

вится всё более неприемлемым для живущего в условиях глобализации человечества.

Давайте взглянем на то, что происходит в развивающихся странах, или как их более точно называют: странах «третьего мира». И там не все так благополучно, как некоторым глобалистам хотелось бы показать: «high-tech», промышленность, которая там создается, оказывается большей частью обеспеченной портфельными инвестициями, что создает для растущего промышленного сектора новых индустриальных стран большую нестабильность. Также необходимо учитывать тот факт, что в этих странах экономический рост не сопровождается социальными гарантиями для населения, во многом именно на этом и зиждется сверхприбыльность производства в этих странах.

Несомненно, процессы глобализации приводят к медленному повышению уровня жизни занятых в стремительно развивающемся «high-tech» промышленном секторе стран «третьего» мира, однако преобладающая часть населения занята в других секторах экономики, которые компенсационно начинают стагнировать либо регрессировать. Закономерный результат: в «третьем» мире глобализация, – как и в «первом» – ведет к повышению социального расслоения. Богатые становятся богаче, бедные теряют перспективу обогатиться хоть как-то. Понятное дело, что при таком положении вещей исчезают всякие перспективы для развития национальной культуры, литературы, искусства. На смену им приходит то, что являет из себя защитный механизм, так сказать обеспечивает «механизм гомеостаза традиционного общества», – религия. Однако и тут есть огромные проблемы.

Системы верований, религиозных культов, обрядов, духовных ценностей, с одной стороны, подтачиваются западным образом жизни, западной культурой и привнесенной извне идеологией «общества потребления», являющихся неизменными спутниками, а порой и проводниками глобализма; с другой стороны, традиционные, исторически сложившиеся религиозные течения не дают четкого объяснения тому, что творится в современном мире, как выжить в этих условиях, что будет дальше и так далее. Кроме того, они не дают и ответ на самый главный вопрос всех «обиженных и угнетенных»: «Кто главный враг?» и «Что с этим врагом делать, как с ним поступать?» Поэтому на смену традиционным верованиям, историческим культам и официальным религиозным течениям приходят так называемые фундаментальные, реакционные течения, главным оружием которых является **религиозный экстремизм**, – третий неизменный спутник глобализации. Причем подобные процессы происходят как в исламских странах, где на смену тради-

ционному мазхабу приходит ваххабизм и исламский фундаментализм, так и в христианском, где исконные православие, католицизм и протестантство уже давно «потеснены в душах верующих»» неохристианскими и лжехристианскими течениями и учениями. Ну и, наконец, **международный терроризм**, являющийся апогеем пагубного воздействия глобализма на весь мир. Это весьма непростой, синтетический процесс, который органично вбирает в себя и религиозный экстремизм, и сепаратизм, и национализм, и многие-многие иные «темные стороны» человеческого разума и человеческой деятельности. В том или ином виде терроризм существовал издревле, однако свой международный статус и небывалые силу и размах приобрел только с развитием процессов глобализации. И в этом задействована масса как образующих его сущность, так и способствующих факторов современной системы мироустройства.

Как мы уже отмечали выше, именно глобализации приводит к разрыву традиционных связей внутри страны, экономическому расслоению, маргинализации или, по иному, к разрушению государственного общества, представляющему собой процесс распада социальных групп, разрыва традиционных связей между людьми, потери индивидами объективной принадлежности к той или иной общности, чувства причастности к определенной профессиональной или этнической группе, обнищания основной массы населения; обострения социальных проблем, агрессивного проникновения чуждых данному обществу идей, ценностей, моделей поведения. Во всех уголках мира складывается новый тип человека, назовем его «хомо продуктус глобалистикус». Собираательно портрет его выглядит примерно так: это молодой человек, потерявший свои исторические корни и свою культуру, имеющий либо начальное, либо в лучшем случае среднее образование, готовый только к тяжелому, низкооплачиваемому труду, дезориентированный в системе ценностей этого мира, а вследствие своей низкой культуры и узкого кругозора, не умеющий трезво мыслить и анализировать происходящее. Естественно, ему, как и каждому человеку, необходима какая-то система ценностей, для комфортного психологического существования в этом недружелюбном мире. И естественно этот человек, являет из себя готовую среду, скажем грубо – «компост» для теоретиков и идеологов экстремизма и терроризма. И семена международного терроризма, щедро разбрасываемые по всей планете, дают в подобной почве богатейшие всходы.

Усиливают эти процессы, вызывая реакции отторжения, злобы и неприятия во всем мире действия США и их союзников. Пытаясь усилить и интенсифицировать процессы глобализации и американизации (которые в Америке многими отождествляются), США действуют гру-

бо, жестко, бескомпромиссно, не останавливаясь ни перед чем, прибегая в своей деятельности ко всем запрещенным и антигуманным приемам и действуя «огнем и мечом», а не путем убеждений. Так, провозгласив доктрину «расширения демократии», в 1993 г. правительство Соединенных Штатов пролоббировало утверждение графика приема в Североатлантический альянс новых членов, а в 1999 г. решением Парижской сессии НАТО о расширении зоны ответственности альянса за пределы Северной Атлантики, США и их союзники совершили грандиозный переворот в сфере международно-правовых отношений, приблизив создание в планетарном масштабе универсальной межгосударственной и трансгосударственной общности – «мирового общества», основанного на западных идеалах и ценностях и опирающегося на экономическую, политическую и военную мощь «Западного мира», а также привлекательную вседозволенность его образцов поведения в бизнесе, обеспечении безопасности, в политике и быте. Но надо сказать, что главные свои позиции США создали во всех сферах современной жизни задолго до этого. Именно это определило становление в 1990-х гг. американоцентристского миропорядка, фактически претендующего на определенный тип политической организации глоболизирующегося мира в отсутствие сил или держав, способных эффективно уравнивать США. И естественной ответной реакцией «стран третьего мира», не имеющих рычагов влияния и механизмов сдерживания неокOLONиальной экспансии стран Запада, стали национализм, радикализм и религиозный экстремизм, вылившиеся в международный терроризм.

Кроме того, не надо забывать, что именно экономическая глобализация создает условия для глобализации преступности (создание мировой сети наркоторговли, нелегальной торговли оружием и людьми). На ее усиление в мировых масштабах радикальное воздействие оказывает развитие всеохватывающей системы связи и информации, формирование качественно новых условий международного сотрудничества террористических организаций, дающих возможность практически бесконтрольного перетока огромных финансовых средств, идущих на подпитку международного терроризма. Так, к настоящему времени, именно с помощью революции в средствах телекоммуникации мировое хозяйство получило финансовый рынок, на котором ежедневно из рук в руки переходят гигантские ликвидные ресурсы от 5 трлн. до 9 трлн. долларов и именно здесь имеются огромные возможности и для соответствующих спекуляций, и для финансирования международного терроризма, получившего в последнее время невиданные ранее финансовые вливания и возможности (немаловажная роль в этом процессе трудно прослежива-

емого финансирования принадлежит оффшорам, в «черных дырах» которых исчезают десятки миллиардов долларов), что наглядно продемонстрировал в свое время конфликт в Чечне, на разжигание и поддержку которого врагами России тратились миллиардные суммы, идущие на закупку вооружения, найм боевиков, обучение террористов в специальных тренировочных лагерях. Таким образом, можно наблюдать, как терроризм трансформируется из хаотичного, зачастую плохо организованного движения, в котором участвуют либо по идейным убеждениям, либо из-за куска хлеба насущного, в четкую, подобную армейской, структурированную организацию, обладающую своими тренировочными базами, инструкторами, подкупленными чиновниками и военными в странах агрессии, своими научными и производственными базами, системой снабжения, логистики, безопасности и другими атрибутами, присущими государству в целом. Терроризм становится инструментом влияния транснациональных корпораций и отдельных государств на политические элиты и гражданское общество стран-конкурентов.

Кроме того, в террористические организации «пришли» так сказать «менеджеры нового типа мышления» – это высокообразованные, грамотные кадры, представляющие в большинстве средний класс, а некоторые и высшую прослойку общества. Происходит это на наш взгляд потому, что «образованные, привыкшие к комфорту, средние слои, сталкиваясь повсеместно с угрозой активной дезинтеграции и перехода в имущественный слой, близкий к низшему классу, не принимают пассивно этот регресс в своем статусе и доходах, а вступают в различного рода боевые террористические сети, отвечая, таким образом, на вызовы глобализации, оказывающейся для большинства стран мира и их населения «глобализацией бедности», на которой паразитирует глобальный клуб миллиардеров, который насчитывает приблизительно 450 членов.

Во многом благодаря именно среднему классу, современный международный терроризм – это терроризм высоких технологий, передовых управленческих решений, носящий новаторский, креативный характер, что делает его «коварным и смертельно опасным врагом» всего человечества. Возросшая «проницаемость» межгосударственных границ, ослабление традиционных функций государства (особенно в сфере безопасности, и социальной защиты населения), эрозия суверенитета способствуют «расползанию этой опухоли современного мира» по всей планете. Подводя итог попытке краткого анализа негативных социальных последствий глобализации, хотелось бы подчеркнуть, что необходимо скорейшее, волевое их решение, решение, основанное не на грубой силе и не на попытках поверхностных мер, а направленное если не

на ликвидацию, то хотя бы на минимизацию факторов, механизмов и причин возникновения этих «социальных болезней общества». Именно к ним приковано в настоящее время внимание ученых, практиков, общественных и религиозных деятелей. Так, папа римский Иоанн Павел II. Выступая в Ватикане на Ассамблее парламентариев мира 4 ноября 2000 г., подчеркнул, что в условиях глобализации рынков, богатые и развитые страны настроены на всемерное улучшение своих экономических условий, тогда как бедные страны – если они лишены всякой надежды на дальнейшее развитие – погружаются во все более тягостную нищету.

Как отмечают многие ученые, международные структуры (такие как МВФ, ВТО и др.), которые созданы якобы именно для того, чтобы минимизировать негативные последствия глобализации, проводят такую политику применительно к развивающимся странам и дают такие рецепты достижения экономического благополучия, что напоминают ситуацию боксерского поединка, когда тяжеловес выходит против легкоатлета и предлагает либерализовать весовые категории, провести «честное» состязание, с тем чтобы в бою слабый соперник набрался опыта, нарастил мускулы и в итоге стал конкурентоспособным.

Представляется, что ответы, прежде всего, стран «золотого миллиарда» на вызов глобализации в первую очередь должны удовлетворять неким критериям, гуманистическим по своему содержанию. Ситуация, когда при общем экономическом росте основная масса населения Земного шара не получает от этого экономического роста соответствующих дивидендов, а то и ухудшает свое экономическое положение, не только недопустима, она чревата угрозами и опасностями, которые несет самому существованию человечества на планете Земля.

И, к счастью, это понимает думающая, передовая часть общества во всех странах, в первую очередь, стран западного мира и показательно, что среди участников движения антиглобалистов преобладают отнюдь не жертвы глобализации из развивающихся стран, а, напротив, городские слои стран так называемого «золотого миллиарда», прекрасно понимающие, что только Дух солидарности, взаимопомощи и взаимного уважения интересов стран и народов способен победить эгоизм отдельных личностей и транснациональных корпораций.

Литература

1. Абралава А. Глобальное технологическое пространство и национальная экономика // Общество и экономика. – 2004.
2. Бельчук А.И. Будущее глобализации и межцивилизационные отношения // Внешнеэкономический бюллетень. – 2004.

3. Богатуров А. Д. Брюссельско-Вашингтонский порядок? // Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. – М., 2002.
4. Болотин Б. Разрыв в доходах населения: данные мировой статистики // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 7.
5. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. – СПб., 2001.
6. Вебер А. Что стоит за так называемым антиглобализмом? // МЭ и МО. – 2001. – № 12.
7. Долгов С.И. Глобализация экономики: новое слово или новое явление? – М.: ОАО «Изд-во «Экономика», 1998.
8. Загладин Н. США: общественно-политическое развитие на рубеже нового века // МЭ и МО. – 2001. – № 5.
9. Зуев А.Г., Мясникова Л.А. Глобализация: аспекты, о которых мало говорят // Мировая экономика и международные отношения. – 2004.
10. Иванов Н. Глобализация и проблемы оптимальной стратегии развития // Мировая экономика и международные отношения. – 2000.
11. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учеб. пособие для студентов вузов. – М., 2000.
12. Коллонтай В. Эволюция западных концепций глобализации (Статья первая) // МЭ и МО. – 2002.
13. Либман А. Конкуренция юрисдикций и преодоление неэффективного равновесия в условиях глобализации // Общество и экономика. – 2004.
14. Лундестада Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945–1996 / пер. с англ. – М., 2002.
15. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализация: атака на процветание и демократию / пер. с нем. – М.: Издательский дом «АЛЬПИНА», 2001.
16. Медведев В.А. Глобализация экономики: тенденции и противоречия. // Мировая экономика и международные отношения. – 2004.
17. Нейсбитт Дж. Глобальный парадокс / пер. с англ. – 1994.
18. Постиндустриальный мир и процессы глобализации // Мировая экономика и международные отношения. – 2000.
19. Саломон К. Культурная экспансия и экономическая глобализация // МЭ и МО. – 2000.
20. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / пер. с англ. – М., 1999.
21. Социальная справедливость в условиях глобализации экономики: доклад Генерального директора МОТ. 81 сессия. Женева, 1994.
22. Хорос В. Глобализация и периферия // МЭ и МО. – 1999.
23. Хейне П. Экономический образ мышления / пер. с англ. – Москва: Дело, 1992.
24. Шишков Ю. Глобализация – враг или союзник развивающихся стран? // МЭ и МО. – 2003.

**Фокин В.А., Фокин И.В.,
ТГПУ, Тула**

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ (РОССИЯ И США)

*Fokin V. A., Fokin I.V.,
TGPU, Tula,*

SOCIAL WORK IN THE CONDITIONS OF GLOBALISATION: COMPARATIVE ASPECTS (RUSSIA AND THE USA)

Abstract. Globalization and related social justice issues are not new to social work. In fact, the emergence of social work and related helping professions in the US and Russia is tied to the rise of market economy and its effects on communities and individuals. Benefits and harms to workers, families and communities worldwide need to be better addressed in social work. Some aspects of globalization, when managed strategically, can foster new social justice policies and practices and increase the advocacy role of social work world wide. The tools of globalization such as the internet, IT invite more web based cross-national courses, research along with rapid innovation exchange. Such tools of technology change the nature of borders by transcending national boundaries, while shrinking the sense of time and space. They make possible more global partnerships, knowledge exchange and collaborative development in social work.

Современная социальная работа развивается под значительным влиянием масштабных мировых процессов в политике, экономике, здравоохранении, экологии, становлении гражданского общества, происходящих природных катаклизмов. Глобализм распространения мировых проблем: безработица, алкоголизм, наркомания, рост вичинфицированных, преступности, старение населения, необходимость ликвидировать последствия терроризма и масштабных природных катастроф, требуют объединения усилий не только правительств, медицинских учреждений, служб МЧС, но и социальных работников, призванных помогать людям, оказавшимся в непростой жизненной ситуации.

Существует несколько определений понятия «глобализация» и большинство из них связывают ее с мировыми экономическими процессами. Однако некоторые аспекты экономической глобализации очень сильно взаимосвязаны с проблемами социальной работы. Назовем их, чтобы лучше понять суть социальной работы в условиях глобализации [3]. Прежде всего, глобализация означает расширение рынка. В XXI веке глобализацию отличают быстрота и динамика процессов измене-

ния структуры общества на разных уровнях. В течение 10-20 лет экономика отдельных стран претерпевает такие изменения, которые раньше осуществлялись за 50 и более лет. Главными составляющими процесса глобализации в настоящее время являются новые технологии, особенно информационные, такие как спутниковые системы связи, сеть Интернет и мобильные телефоны. Они делают возможным быстрый обмен информацией. Глобализация обладает интеграционными характеристиками, связывая рыночные экономики в единое целое посредством современных технологий. Например, пятая часть всех товаров, производимых в настоящее время, продается посредством современных технологий в сети Интернет, на финансовых рынках мира ежедневно обменивается 1,5 триллиона долларов [2]. Другие аспекты процесса глобализации включают такие явления как растущий спрос населения на товары в глобальном масштабе. Наконец, следствием глобализации является увод предпринимателями капиталов из развитых стран в развивающиеся, так как производство товаров и, соответственно, рынок рабочих мест перемещается в данные регионы. Глобализация означает распространение «дикого» рынка, так как предприниматели пытаются найти такие места для размещения производства и достижения максимальных прибылей, где есть дешевая рабочая сила и ресурсы, а также лояльное трудовое законодательство и регулирование охраны окружающей среды.

Рыночные отношения создают группы победителей и проигравших. При них необходимо иметь больше работников, чем рабочих мест, так как это позволяет держать уровень зарплаты на низком уровне. Для увеличения доходов рост цен перекладывается предпринимателями на плечи потребителя. Затраты на другие аспекты производства (дополнительные выплаты работникам, социальные гарантии, охрана окружающей среды) сводятся к минимуму. Поэтому системы социальной защиты призваны заниматься проблемами тех, кто «выброшен» рыночной системой, исключен из состава рабочей силы или не способен трудиться. Интеграционный характер многих аспектов глобализации создает ряд преимуществ в плане организации социальной защиты населения, так как позволяет создать глобальную систему социальной помощи. Так, специалисты служб занятости в условиях объединенной Европы имеют возможность обмениваться информацией о занятости как на региональном, так и на глобальном уровне. Континенты, весь мир становится своеобразной лабораторией для нахождения решений возникающих социальных проблем.

Все сказанное позволяет определить глобализацию в плане социальной работы, как совокупность процессов, которые связаны с происходящей в одно и то же время, но с разной скоростью трансформацией рынков, способов производства, государств, гражданских сообществ, форм правления, средств массовой информации, личного опыта и самоопределения личности. Эти процессы не везде оказывают одинаковое влияние. Они создают сеть взаимосвязей и взаимодействий по всему миру, объединяют одни сообщества и в то же время вносят разлад в другие, усиливая, таким образом, отчуждение и неравенство, которые требуют решения средствами социальной работы, осуществляемой профессионалами. Глобализация и актуальные вопросы социальной работы. Глобализация ставит новые неотложные задачи и создает проблемы, связанные с социальной защитой населения. Аргументы «за» и «против» глобализации обсуждаются по всему миру. Антиглобалисты организуют демонстрации по всему миру, особенно приуроченные к конференциям Всемирной торговой организацией, Международного валютного фонда, Всемирного банка, иных форумов большого бизнеса (например, в Давосе).

Из всех специалистов, призванных помогать населению, именно социальные работники играют важную роль в связи с процессами глобализации. Суть социальной работы в этом вопросе составляют процессы развития и учета последствий глобализации, осуществляемые в условиях рыночных отношений. Социальная сфера исторически возникла как часть строительства государства «всеобщего благосостояния». Она включает создание системы, способной противостоять негативным последствиям рынка. Такие последствия включают: низкую зарплату и экономическую нестабильность, безработицу и ее последствия, затраты на содержание неработающих членов общества – детей, престарелых, инвалидов. Элементы общества «всеобщего благосостояния», выработанные, например, в США и других развитых странах включают систему социальной защиты, социальное страхование, помощь в поисках работы, пособия по безработице, выплаты, связанные с производственными травмами, пенсии инвалидам и престарелым и медицинское страхование. В прошлом социальные работники также занимали ведущие позиции в движении за отмену эксплуатации рабочих, сотрудничая с профсоюзами, что способствовало проведению реформ в данной области. В дополнение к этому, социальные работники уделяли большое внимание последствиям деятельности предпринимателей для окружающей среды.

Программы социальной защиты позволяют противостоять негативным последствиям рынка, поэтому идеи и структуры, ассоциируемые с обществом «всеобщего благосостояния» неразрывно связаны между собой. Даже, если государство участвует в данной системе в минимальной степени, социальные работники играют главную роль в развитии общественных и неправительственных организаций. Такие структуры часто создают программы, которые могут служить моделями для соответствующих государственных органов. Глобализация и упадок общества «всеобщего благоденствия». В XX веке общество «всеобщего благоденствия» было построено в ряде индустриально развитых стран. Однако в настоящее время, например, в США условиях мирового экономического кризиса, ряда глобальных процессов (например, старения населения, рост природных катастроф) уменьшается выделение средств на программы социальной помощи. Это происходит вследствие высокой стоимости данных программ. В результате социальные программы сильно урезаются, освобождая фонды для инвестиций в экономику. Рыночная экономика рассматривается, таким образом, в качестве замены идеи «общества всеобщего благосостояния».

В России рассматривается в качестве модели организации социальной работы западный, в том числе и американский вариант, и идеи «общества всеобщего благосостояния» получают наибольшее распространение. В настоящее время при переходе от командно-административной к рыночной экономике и приватизации промышленных предприятий система социальной защиты в нашей стране подверглась трансформации, которая указывает на необходимость создания новых моделей социальной работы. При работе по созданию данной системы в России для избежание возможных ошибок и проблем специалисты могут использовать опыт США в данной сфере. Развитие «социального капитала». Исторически система социальной работы была направлена на увеличение не экономического, а социального «капитала». Усилия, направленные на развитие социального капитала, включают организацию системы образования, направленной на улучшение условий жизни отдельных граждан, семей и целых сообществ, а также способствующей их интеграции в общество и участию в рынке рабочей силы. Можно предположить, что в условиях разрушения системы «всеобщего благосостояния», сокращения социальных выплат, сопровождаемых сокращением числа рабочих мест и уровня зарплат, проблема развития «социального капитала» не играет прежней определяющей роли для системы социальной защиты и подготовки социальных работников. Система подготовки специалистов должна уделять внимание, прежде всего, развитию

экономического капитала. В частности, программы подготовки специалистов могут включать обсуждение проблемы интеграции экономических, финансовых и образовательных факторов в создании самодостаточных модулей по работе с проблемами наркомании, насилия, психических и медицинских состояний.

Глобализация и развитие экономики на региональном уровне. Глобализация и ее последствия (сокращение социальных программ, зарплат, уменьшение числа рабочих мест в развитых странах) могут потребовать развития альтернативных форм экономического капитала. Социальная работа может оказаться на переднем крае создания системы самодостаточного экономического развития. Некоторые проекты такого рода могут включать интеграцию социального и экономического развития через создание кооперативов, коллективных хозяйств, микро-бизнеса, а также создание таких альтернативных экономических схем как бартерная система и программа «время-доллар». Социальная работа может способствовать созданию интегрированных подходов экономического развития, способствующих включению женщин и целых семей в экономическую и образовательную деятельность. Например, большую часть малого бизнеса представляют семейные предприятия. Нерыночным и неоплачиваемым видам трудовой деятельности (уход за членами семьи, добровольная работа) должен быть придан больший статус. Эти важные виды трудовой деятельности уже учитываются при подсчете такого важного показателя как уровень ВВП. Социальные работники могут играть важную роль в пропаганде самодостаточных региональных экономических систем, включающих семейные предприятия, которые связаны с местной средой и не могут быть перенесены в другие регионы. Такие малые предприятия страдают, когда их затраты на производство выше, чем в таких гигантских конгломератах как сеть магазинов «Метро», «СПАР». В США в этой связи возникают общественные группы, выступающие за поддержку продукции местных компаний, против мульти-национальных корпораций. Социальные работники РФ пока находятся на периферии данных процессов. Необходимость включения в этих условиях в работу данного рода ясна. Это лишь некоторые из множества новых задач, стоящих перед социальными работниками в современном мире, являющимися следствием изменений в обществе и необходимостью перестроить местные экономические системы.

Мигранты, иммигранты, практика адаптации и включения. Глобализация усилила мобильность рабочей силы, что создало большое количество иммигрантов, мигрантов, а также работников, получающих зарплату в одной стране и отсылающих ее семье, живущей за границей. Соци-

альным работникам необходимо выработать практику взаимодействия с общественными и добровольными организациями, занимающимися проблемами данных категорий трудящихся. Многие мигранты и иммигранты не имеют доступа к общественным социальным фондам, что усиливает необходимость налаживания работы в данной сфере. Система социальной помощи стремится минимизировать негативные последствия, вызываемые перемещениями из страны в страну в поисках работы путем пропаганды справедливости, равенства и равных возможностей. Например, глобализация увеличивает риск торговли людьми и незаконного перемещения людей в другие страны. Ежегодно от 700 тысяч до 2 миллионов людей незаконно перемещаются в другие страны [1]. Обеспечение благосостояния и прав этих людей становится всемирной задачей. Социальные работники могут объединиться в составе единой наднациональной системы для помощи таким людям.

Профсоюзы и неправительственные организации. Роль профсоюзов, коллективной защиты и переговоров с работодателями возрастает в условиях глобализации. Профсоюзы играют главную роль не только в плане защиты прав работников и требований увеличения зарплаты, но и являются активными организаторами движений против предприятий, использующих потогонную систему. Они участвуют в создании Кодекса поведения для предприятий, направленного против эксплуатации работников. Кроме того, профсоюзы, совместно с неправительственными организациями, играют ключевую роль в отстаивании прав рабочих и социальной справедливости.

В США особенно активны группы против потогонной системы труда, созданные на базе студентов университетов. Многие из них также связаны с религиозными или профсоюзными объединениями, а ряд таких организаций входит в состав Консорциума по защите прав рабочих и Ассоциации за права работающих. Исторически, социальные работники входили в правление данных организаций, они участвовали в организации бойкота товаров, произведенных на потогонных предприятиях. Данную деятельность необходимо возобновить в новых исторических условиях.

Курсы, посвященные потогонной системе, защите прав потребителей и документации использования данной системы предприятиями непосредственным образом вписываются в учебные планы подготовки работников для социальной сферы. Практика бойкотирования товаров, произведенных этически неприемлемым образом, становится важной составляющей поведения потребителя в современном мире.

Бедность и неравенство. Бедность – это форма насилия. Бедность является предсказуемым побочным продуктом капитализма. Бедность в развивающихся странах поддерживается специально созданными институтами, такими как Всемирный банк и Международный валютный фонд, выдающими кредиты под очень высокие проценты. Независимо от причины, реальность бедности в развивающихся странах сохраняется, а в ряде слаборазвитых стран положение ухудшается. Вместе с бедностью неизбежно приходят голод, болезни и смерть. Неравенство создает медицинские проблемы, ведущие к преждевременной смерти. Борьба с бедностью и неравенством – ключевые задачи, которые объединяют работников социальной сферы и сферы образования по всему миру. Местные и региональные наработки в этой области должны стать частью всеобщего обмена информацией для применения повсеместно.

Обмен опытом. Глобализация делает возможным быстрый обмен опытом работы в социальной сфере, особенно инновациями, разработанными в той или иной стране. Примером данного обмена служит обмен информацией социальными работниками с использованием ИТ и сети Интернет. Несмотря на языковые барьеры, глобализация увеличивает возможность сотрудничества между странами в плане нахождения решений в глобальном, а не просто в местном или национальном масштабе. Например, современные технические средства увеличивают возможности обмена опытом и знаниями по вопросам организации помощи как отдельным лицам, так и целым семьям, испытывающим трудности в плане нахождения работы, позволяющей не полагаться на общественные фонды.

Глобализация создает новые возможности для учебных заведений, готовящих социальных работников, для обмена информацией через совместные конференции, встречи и научные исследования. Например, учебные заведения, социальные службы РФ и США, имеющие большой опыт подготовки социальных работников, помогают друг другу в создании общественной системы опеки, в частности, детей в другой стране. Сотрудничество в данной сфере помогает избежать и многих ошибок, проявившихся в период создания и работы данной системы. В частности, получили широкий общественный резонанс факты насилия над усыновленными детьми в США, и ученые, практики двух стран, используя ресурсы ИТ, пытаются оперативно решать возникающие проблемы. Таким же образом происходит обмен опытом работы с престарелыми. Современный мир представляет собой лабораторию, в которой возможно проведение исследований, способствующих более глубокому пониманию проблем, являющихся следствием современного этапа

развития общества (злоупотребление наркотиками, насилие, психические проблемы, медицинские проблемы). Необходимость создания глобальных программ, способствующих распространению социальной справедливости, давно была признана ООН. Ратификация и воплощение в жизнь таких постановлений ООН как Всеобщая декларация прав человека является прямой обязанностью всех стран.

Дисциплины национальных образовательных стандартов, посвященные изучению социальной работы, должны включать обсуждение международного опыта. Например, когда будущие социальные работники изучают направления своей будущей деятельности, касающиеся решения вопросов бедности населения, проблем трудоустройства, медицинского обслуживания, улучшения жилищных условий, психического здоровья, им предлагается обсудить аналогичные современные социальные проблемы и в международном контексте. В качестве помощи студентам может быть предложено рассмотреть сходства и различия социальных проблем в своей стране и за рубежом. Студенты знакомятся с опытом других стран через Интернет и на основе изученного материала готовят свои собственные предложения, касающиеся изученных проблем. Особое внимание следует уделить программам, находящимся в стадии пилотирования, успешному опыту реформ социальной сферы, а также организации подготовки специалистов. Для осуществления программы такого рода потребуется издание большего количества международных научных журналов и совместных публикаций, а также создание межнациональных групп. Важной в этой связи представляется организация международных практик, обменов, что осуществляется в контактах российских и американских вузов, но, признаем, пока недостаточно активно. Необходимо развивать данную практику, вовлекая в это большее количество вузов. Студенты могут проходить практику в чужой стране и затем осуществлять схожие проекты в своей. Организация деятельности подобного рода, вероятно, потребует привлечения грантов международных фондов, таких как Международная ассоциация школ социальной работы или Международная федерация социальных работников.

Глобализация заставляет пересмотреть многие положения, связанные с организацией социальной работы. Специалисты, занимающиеся подготовкой социальных работников, имеют возможность собирать, передавать и развивать имеющиеся опыт и знания для их адаптации, интеграции и проведения в жизнь идей социальной и экономической справедливости на местном и глобальном уровне.

Литература

1. United Nations, (2000). World migration report 2000. New York, NY. International Organization for Migration and the United Nations.
2. United Nations Development Programme (1999). Ten years of human development, New York, NY: Oxford University Press.
3. Социальная работа и подготовка специалистов за рубежом /Сост. И.В.Фокин, В.А. Фокин (отв. ред.). -Тула, 2005. –С.5-13.

*Шалаева А.В.,
СПбГУ, Санкт-Петербург*

**УНИВЕРСИТЕТЫ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ГЛОБАЛЬНЫХ
ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ.
ЗАМЕТКИ О ПЕРВОМ ВСЕМИРНОМ
УНИВЕРСИТЕТСКОМ КОНГРЕССЕ
(ЧАНАККАЛЕ, ТУРЦИЯ, ОКТЯБРЬ, 2010)**

*Shalaeva A.V.,
St.Petersburg State University, St.-Petersburg*

**UNIVERSITIES BEFORE CALLS OF GLOBAL PROBLEMS OF
THE PRESENT. NOTES ABOUT THE FIRST WORLD UNIVERSITY
CONGRESS (CHANAKKALE, TURKEY, OCTOBER, 2010)**

Abstract. From October, 20 till October, 24th, 2010 in the city of Chanakkale (Turkey) there has passed the first World University Congress, the organizer and as which receiving party the University of a name Eighteenth Martha Chanakkale has acted. The congress theme sounded so: «What should be the new purposes and responsibility of universities before calls of global problems?» («What there should be new purposes and responsibility of universities before calls of global problems?»). During congress carrying out the step to establishment of changes which should be undertaken to politicians, to businessmen, not state organisations and universities properly to operate within the limits of the new global agenda has been made. Representatives of the countries of Europe, Australia, the United States of America have taken part in the world congress, Africa and Asia, and also Russia. Among numerous sections of the congress Russia the round table «represented Universities in the global world: a sight from Russia», the Russian universities which have presented the point of view of St.-Petersburg, Nizhni Novgorod and Ioshkar Ola. Within the limits of a round table, representatives of

Russia had been presented seven reports. Reports became the most significant, within the limits of the Russian round table:

1) «national safety and a university education before calls of globalisation, likening and submission to the West» (the head of a round table, the dean of Faculty of social technologies, professor V.P.Shalaev (Mari State Technical University) «Universities in the conditions of a network society».

2) «Universities in the conditions of a network society» (professor A.M.Bekarev (the Nizhniy Novgorod State University).

3) «Universities in the name of consumer society calls» (professor V.I.Ilyin (the St.-Petersburg State University).

4) «Metamorphoses of relations of generations in a society as the global world outlook conflict and a new call to a university education» (senior lecturer S.L.Shalaev (Mari State University).

С 20 по 24 октября 2010 года в городе Чанаккале (Турция) прошел первый Всемирный Университетский Конгресс, организатором и принимающей стороной которого выступил Университет имени восемнадцатого марта г. Чанаккале. Тема конгресса звучала так: «What should be the new purposes and responsibility of universities before calls of global problems?» («Каковы должны быть новые цели и ответственность университетов перед вызовами глобальных проблем?») (1). В ходе проведения конгресса был сделан шаг к учреждению изменений, которые следует предпринять политикам, бизнесменам, негосударственным организациям и университетам для того, чтобы должным образом действовать в рамках новой глобальной повестки дня.

Приготовления к конгрессу длились три года и вовлекли более двух тысяч ректоров, ученых, политиков, представителей международных негосударственных организаций и других делегатов со всего мира, представивших двести пятьдесят университетов и пятьдесят стран. Четыре сотни статей было опубликовано в двухтомном сборнике трудов конгресса на, без малого, двух тысячах страниц. Около пятисот докладчиков внесли свой вклад в пятидневную работу конгресса, рабочим языком которого был английский. Здесь, на перечислении этих внушительных цифр хочется остановиться спросить: «Почему Всемирный Университетский Конгресс? Каким образом это событие вызвало высокий общественный резонанс?».

«Задачи и миссии университетов должны быть расширены», - вот формулировка из Заключительной декларации конгресса, прозвучавшая из уст ректора Университета имени восемнадцатого марта г. Чанаккале и одновременно председателя Всемирного Университетского Конгресса, профессора Али Акдемира. Для достижения важной и значимой по-

зиции в бизнесе, социальной и политической жизни, или в негосударственных организациях, получение университетского диплома, или степени исключительно необходимо. Однако университетам недостаточно единственно служить инстанцией выдачи дипломов и степеней, потому необходимо артикулировать расширение и переопределение ролей и задач университетов. Сегодня университеты не могут работать изолированно от социальных и гуманитарных проблем, кризисов и переломов. Напротив, в дополнение к трем общепринятым их функциям (обучение-образование, исследовательская работа, общественная работа) они должны включать в список своих задач разрешение и предотвращение глобального терроризма, глобального потепления, стихийных бедствий, кризисов, глобального голода, несправедливости в распределении доходов, неудовлетворительности систем здравоохранения и образования, региональных конфликтов, и бедствий, связанных с глобальной миграцией. Усиление, согласно статистике, проявления вышеперечисленных проблем требует участия университетов в их разрешении, как количественного, так и качественного.

«Университеты мира объединились для обсуждения глобальных проблем», - вторая посылка итоговой декларации конгресса, оглашенной на заседании заключительной секции конгресса. Большое количество докладчиков из университетов всего мира было приглашено на конгресс с главной целью – обдумать и обсудить, «что университеты мира могут сделать, чтобы предотвратить глобальные проблемы».

Заявленные для обсуждения в рамках конгресса темы были представлены следующим образом:

1. Переопределение понятия «университет» в новых условиях: понятие университета вчера, сегодня и в будущем;
2. Понимание и предотвращение глобального изменения климата;
3. Предотвращение глобального терроризма;
4. Искоренение глобальной нищеты;
5. Решение проблем глобальной миграции;
6. Искоренение неравенства в распределении доходов;
7. Искоренение несправедливости в системе здравоохранения;
8. Искоренение неравенства в возможности получения образования;
9. Предложения по предотвращению загрязнения окружающей среды;
10. Предотвращение существующих региональных конфликтов и появления новых;
11. Оберегание мира во всем мире;
12. Защита культурного наследия;
13. Разработка долговременных решений быстрого роста населения;

14. Расширение роли негосударственных организаций в местном и международном развитии (1).

В нескольких следующих абзацах будут изложены основные опорные точки и идеи итоговой декларации конгресса, составленной на основании имевших место в ходе проведения конгресса докладов, обсуждений, дискуссий и круглых столов, а также того вклада, который внес каждый участник в отдельности, и тех выводов, которые были достигнуты совместно. На протяжении девятисот лет своей истории, как общественного института, университеты во многом определяли возможности и перспективы профессионального роста, достижений и карьеры во всем мире. Хотя без высшего образования и возможно расти профессионально в социальной, политической и коммерческой сферах, традиционно путь к успеху проще проложить, имея университетскую подготовку.

Высшее образование дает студентам представление о мировых проблемах, эрудицию, понимание других проблем, и такие способности, как восприимчивость к социальным и гуманитарным проблемам, которые в свою очередь связаны с исследованиями и высшим образованием. Более того, городское, региональное и национальное развитие и установление мира во всем мире – это не те задачи, которые можно разрешить без интеллектуальных «преимуществ», которые дает высшее образование.

Сегодня университеты не могут осуществлять своих функций, отгораживаясь от проблем общественной жизни и гуманитарных проблем. Вместо этого университеты должны принять на себя ответственность по разрешению, предотвращению и преодолению глобальных проблем.

В глобальном масштабе стоит обратить внимание на систему высшего образования, включающую в себя восемнадцать тысяч университетов мира и более чем сто пятьдесят миллионов студентов по всему миру. Для того чтобы быть конкурентоспособным в этом секторе, институты высшего образования должны применять все новые методы для привлечения студентов. Помимо кафедр и факультетов, организуемых для обеспечения специализации в образовании, университеты также должны создавать новые факультеты, колледжи и кафедры, которые могли бы участвовать в предотвращении глобальных проблем, а так же обеспечивать осведомленность негосударственных организаций.

В данном контексте университетам следует внести изменения в учебные планы, исследовательские области и возникающие исследовательские центры в соответствии с глобальными проблемами. Например, такая дисциплина, как «Глобальные Проблемы» должна присутствовать в учебной программе каждой кафедры. Курсы и исследовательские цен-

тры должны быть сформированы с учетом негосударственных организаций, изменения климата, миграции и неравноценного распределения доходов; профессионалы, лидеры, руководители и антрепренеры которые будут вносить свой вклад в решение данных проблем, должны получать образование и практику в университетах.

В мировом конгрессе приняли участие представители стран Европы, Австралии, Соединенных Штатов Америки, Африки и Азии, а также России. В числе многочисленных секций конгресса Россию представлял круглый стол «Университеты в глобальном мире: взгляд из России», представивших точку зрения российских университетов Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода и Йошкар-Олы. В рамках круглого стола, представителями России были представлены семь докладов.

Генеральной линией проходящих обсуждений стала тема глобализации и ее влияния на проблемы, формы, содержание и перспективы университетского образования в мире и России (1). Руководитель круглого стола, декан Факультета социальных технологий, д.ф.н., проф. В.П. Шалаев (Марийский Государственный Технический Университет) представил аудитории доклад на тему «Национальная безопасность и университетское образование перед вызовами глобализации и западофикации». По мысли В.П. Шалаева, глобализация без сомнения имеет своего субъекта, и всякая глобализация есть борьба этого субъекта за природные и человеческие ресурсы. Всякая глобализация, как процесс общемирового развития локальных культур и цивилизаций, если она возможна, не может обойтись без объединяющей системы ценностей, инициатором которой выступают отдельные субъекты мировых процессов. Всякая глобализация есть, поэтому борьба этого субъекта за распространение своих ценностей, образа жизни за пределы своего культурного и цивилизационного пространства, в целях лучшего устройства в мире.

Современная глобализация предстает перед нами как западная модель организации и развития мира, которая является по сути экономической глобализацией и капитализацией мира (в контексте идей К.Маркса). Такая модель глобализации выступает симбиозом индустриализации и либерализации, а для ее продвижения используются финансовые, индустриальные, политические, культурные и либеральные методы. Существенна роль мировоззрения в продвижении западных глобализационных идей и процессов в мире. Мировоззрение является самым коротким и самым действенным фактором влияния на общественные процессы в мире. Опираясь на манипулятивные изменения в индивидуальном и общественном сознании, западная цивилизация широко

использует управление мировоззрением, в качестве важного фактора управления процессами общественного развития в мире.

Таким образом, современная модель глобализации предстает перед нами как западофикация или процесс сначала уподобления, а затем управления не западным миром. В данном контексте университеты, университетское образование выступают в качестве важного аттрактора глобальных общественных изменений в мире, находящихся под влиянием интересов западного капитала, экономики и политики. В условиях западной модели глобализации университетское образование и университеты сами по себе оказываются «фабриками» западной модели глобализации. В.П. Шалаев обосновал, что современное университетское образование выступает как фактор общественной унификации и стандартизации мира в интересах западной модели глобализации (общественного развития). Здесь автором доклада вводится понятие национальной безопасности, которая в контексте современного университетского образования в глобализирующемся мире проявляет себя как способность обществ к их самоорганизации перед вызовами унифицирующего и стандартизирующего воздействия запада на мир.

Стандартизированное и унифицированное университетское образование оказывается угрозой национальной безопасности и самоорганизации обществ и мира в целом, по причине разрушения творческого многообразия образовательных идей в мире, сведение их к определенному ангажированному стандарту. В интересах развития не только отдельных государств и народов, но и мира в целом, возникает острая необходимость творческого разнообразия (многообразия) национальных образовательных моделей, как важнейшего условия устойчивого развития не только такого социального института как образования, но и всей системы общества, особенно в связи с глобальными вызовами современности. Ибо унификация и стандартизация ослабляет самоорганизующие силы обществ.

Под влиянием западофикации, национальное университетское образование отделяется от экономических традиций страны и культурной почвы, и становится фактором, содействующим вненациональным формам культурной и экономической организации жизни людей, восполняя недостаток в интеллектуальной силе и природных ресурсах стран запада и их капитала. Ведь образованные по западным стандартам молодые люди массовым потоком выезжают на запад или встраиваются в наднациональные программы и проекты общественного развития, движимые западным капиталом и политикой. В итоге, по мысли В.П. Шалаева, «свободный обмен природным, серым веществом (интеллектом), актив-

ным трудовым ресурсом в мире, на самом деле служит интересам поддержки активности западного капитала и западных стран, за счет ресурсов не западного мира. В этом процессе природное и «серое вещество» (интеллект) должно становится постепенно центральным фактором влияния на фактическую национальную безопасность стран и народов мира, важным фактором экономической и политической самостоятельности, (самоорганизации, перспектив этих стран и народов в будущем.

Следующий доклад в рамках российского круглого стола на тему «Университеты в условиях сетевого общества» был сделан д.ф.н., проф. А.М. Бекаревым (Нижегородский Государственный Университет). В фокусе доклада находится проблема управления знанием в классических университетах мира. Автор делает ударение на том, что в настоящее время университеты существуют и развиваются в условиях сети (системы) сетевых организаций. В пространстве глобальной экономики первая и лидирующая роль принадлежит финансовым сетям (таким, как JP Morgan или City Group и т. д.). На втором месте торговые сети (например, Walt Mart или M&S). Глобальные многонациональные корпорации занимают третью позицию в мире глобальной экономики (например, Toyota, Motorola или Caterpillar). Все сетевые организации работают в глобальном пространстве информационных сетей (например, Интернет).

Помимо системы сетей, отмечает А.М. Бекарев, можно определить еще три особенности современного глобального общества: быстрое распространение глобальных и транснациональных компаний, которые предоставляют рабочие места; массовый нomaдизм (как в виртуальной, так в действительной реальностях); распространение миграции. Нации и экономические корпорации (финансовые, торговые, и промышленные сети компаний) имеют схожий круг фундаментальных ценностей современного общества, включающих капитал (собственность), власть и славу. Человеку для получения капитала и других ценностей необходимо обучение и образование. Конечно, можно получать фундаментальные знания и интереснейшую информацию о далеких звездах или исторических событиях. Однако управляющие и работники экономических компаний должны обладать совершенно определенными навыками и профессионализмом. Такой профессионализм по мысли А.М. Бекарева – не единственно информация и знание. Взрослый человек может приобретать профессиональный навык в специализированном университете или школе бизнеса. Классический университет также может давать такие навыки, но зачастую он дает лишь фундаментальные знания и информацию. Этим определяется актуальность и внимание в сделанном докладе на вопросах управления знанием, приобретающих в современном обществе особое значение.

Основной вопрос в этом контексте – это качество образования в классическом университете. Здесь предметом и целью управления знанием выступают не продажи, но совместное производство. Такое совместное производство устанавливается как создателями возможностей, так и потребителями профессиональных навыков. Можно говорить об эффективности системы производства знания. Основной целью высшего университетского образования проф. А.М. Бекарев называет наделение такими способностями, которые давали бы возможность умножать знания и профессиональные навыки людей в условиях сетевого общества.

В рамках круглого стола «Университеты в глобальном мире: взгляд из России» также выступил д.ф.н., проф. В.И. Ильин (Санкт-Петербургский Государственный Университет). Тема его доклада звучала следующим образом: «Университеты в лице вызовов общества потребления». Автор определяет общество потребления как круг общественных отношений, общественных институтов, который нацелен на соответствие индивидуальным потребностям и фантазиям потребителей. Такой тип общества продвигает идеи индивидуализации, «власти потребителя», логику потребительски ориентированной экономики, это и есть современное нам общество. Университеты общества потребления оказываются институтами, ориентированными на рынок, что означает, следующее: университеты рассматривают потенциальных студентов и их семьи как потребителей и источник дохода. Консюмеризм изменяет восприятие образования как ценности. Есть две группы наиболее популярных профессий, по мнению В.И. Ильина. Образование в гуманитарной сфере популярно в качестве наиболее простого пути получения диплома. Парадокс здесь заключается в том, что немногие в действительности собираются работать в этой сфере. Юриспруденция, менеджмент и экономика особенно популярны, поскольку считается, что такие дипломы дают наибольшую гарантию привилегированного положения на рынке труда. Это выступает ярким примером приобретения иллюзий, поскольку наблюдается очевидное перепроизводство специалистов с такими дипломами. Однако, университеты следуют логике рынка: «Если вы готовы покупать иллюзии, мы готовы их продавать» (в 1990-е годы многие технические институты и новые частные школы открыли собственные кафедры юриспруденции, в результате к 2008 году эти кафедры выпустили семьсот пятьдесят тысяч студентов).

В заключение проф. В.И. Ильин отметил, что общество потребления является составной частью глобализации. Два эти феномена стимулируют друг друга. Можно выделить несколько следующих направлений в глобализации российских университетов. Российские университеты после десятилетий изоляции стали открыты для мирового интеллектуального

рынка. Многие иностранные книги переведены на русский язык и ввезены в страну. Все больше российских преподавателей и студентов включаются в систему международных научных обменов. Многие российские студенты стремятся продолжить обучение за границей. Часть российских ученых вовлечена в систему мирового рынка труда. Российские университеты в поисках выгоды нацелены на привлечение иностранных студентов. Система высшего образования в России вступила в Болонский процесс. Таким образом, по мысли В.И. Ильина, появление и развитие общества потребления в России порождает совершенно новую экономическую, социальную и культурную среду существования университетов. В этих условиях университеты разрабатывают противоречивую стратегию действий, ведущую и к положительным, и к отрицательным последствиям. Их равновесие до сих пор неуверенно и туманно.

Стоит обратить внимание и на доклад к. ф. н., доц. С.Л. Шалаевой (Марийский Государственный Университет), озаглавленный «Метаморфозы межпоколенных отношений как глобальный мировоззренческий конфликт и новый вызов университетскому образованию». В докладе С.Л. Шалаевой рассматриваются отношения двух социальных структур общества - Мира Детства и Мира Взрослых, которые в современном мире начинают характеризоваться ростом конфликтности и во все большей степени принимают превращенные (искусственные) формы. Сложность и противоречивость этих отношений объясняются комплексом причин. В качестве главных причин автор выделяет изменение численных диспропорций между взрослыми и молодыми поколениями в обществе, структурные и функциональные аспекты кризиса традиционной семьи, резкое падение рейтинга семьи ценности и как социального института.

По мнению С.Л. Шалаевой, в атмосфере роста влияния глобальной цивилизации потребления дети во все большей степени становятся плацдармом победы технической культуры и инструментализма над гуманитарной культурой и духовностью. Детство воздвигается современным обществом на пьедестал высокой значимости и образца для подражания взрослых. Все яснее виден сдвиг в передаче социально-культурного опыта от детей ко взрослым. Метаморфозы в отношениях разных поколений становятся все более хаотичными и непредсказуемыми.

Эти метаморфозы ставят под вопрос сохранение человеческой цивилизации в равновесной форме, резко обозначают задачу фиксации проблемы отношений между поколениями и практического освоения этой проблемы на основе принципа гармонизации в условиях университетского образования. А потому, представляется принципиально важным для

дальнейшего, адекватного потребностям общества, развития современного социально-гуманитарного знания введение в его структуру особого междисциплинарного сектора исследования и решения проблем, связанных с Миром Детства и его отношениями с Миром Взрослых.

Например, чрезвычайно актуальным с точки зрения подготовленности профессионалов в таких сферах, как образование, воспитание, медицина, социальная работа, право, СМИ и т.д., является введение в систему их подготовки в университете специальных курсов, а также введение в базовые учебные курсы тем, связанных с изучением этой проблемы и технологий ее смягчения и преодоления в обществе. Такой, адекватный общественным изменениям, ответ университетского образования, как отметила С.Л. Шалаева, будет прямым подтверждением способности университетов решать глобальные задачи, встающие перед мировым обществом в целом и его отдельными регионами в частности.

Конгресс был насыщен богатым кулуарным профессиональным общением. Участники представляли как техническую, так и гуманитарную науку, как фундаментальную, так и прикладную. В конгрессе приняли участие ученые, исследователи, организаторы науки и образования, стоит отметить, что большинство участников являлись руководителями, исполнителями общественных функций в соответствующих университетах. Организатор форума – Университет имени восемнадцатого марта г. Чанаккале заключил более десяти партнерских соглашений о сотрудничестве с различными университетами мира. Всемирный университетский конгресс выступил универсальной платформой для налаживания связей и заключения партнерских соглашений и договоров между различными университетами стран участниц. Ответственные представители университетов имели возможность проводить переговоры, охватывавшие широкий спектр учебных и научных направлений развития и сотрудничества.

Таким образом, итоговая декларация конгресса, как и Всемирный университетский конгресс в целом, были заявлением всему миру тех позиций, которые занимают современные университеты по отношению к глобальному обществу и его проблемам, тех решений и выходов, которые возможно предпринять из сложившегося положения.

Литература

1. World universities congress 2010 (20-24 October 2010):«Pozitif», Ankara, Turkey, 2010 (Proceedings 1,2). - 922 p.

Шалаев В.П.,

**КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ:
НА ПУТЯХ К МАНИПУЛЯТИВНОМУ ОБЩЕСТВУ**

*Shalaev V.P.,
MarSTU, Ioshkar-Ola*

**CULTURAL IDENTIFICATION AND GLOBALISATION:
ON WAYS TO A MANIPULATED SOCIETY**

Abstract. In article the problem of cultural identification of the person (separate individuals and the separate people) in a situation of a globalized society is investigated. Primary factors of identification of the person in a modern society - social institutes, communication intermediaries and mass media are investigated. Metamorphoses, interrelation, interference, a place and a role of these factors of identification of the person in globalisation processes are analyzed. The increased role of mass media, as factor of a society of manipulations is ascertained.

Предметом настоящего исследования является анализ некоторых ключевых факторов культурной идентификации как отдельных индивидов, так и целых народов в ситуации современного общества. В их числе рассматриваются социальные институты, коммуникаторы и массмедиа. Анализируется их взаимосвязь и взаимовлияние, место и роль в процессах глобализации. Соединение столь различных феноменов как медиа, коммуникации, синергетика лишь на первый взгляд кажется необычным. На самом деле, и это эмпирическое обобщение, они в значительной степени комплиментарны, дополняют друг друга по принципу симбиоза, и, пожалуй, диалектического единства. Это диалектическое единство представлено, например, жаждущим своей онтологической самореализации объекта (медиа, коммуникаций), стремящегося преодолеть свою инструментальность и подчиненность и обрести черты субъекта сознания и деятельности, с другой стороны, весьма перспективной и адекватной нашему времени синергетической методологии прочтения социальной реальности, изучающей секреты сложности, хаоса и управления ими.

Действительно, если взглянуть в горгоновы очи современных медиа, то нельзя не согласиться, например, с В.В.Савчуком об их все большей самостоятельности и устремленности к тому, чтобы стать онтологическим условием существования человека (1). Поистине, на

наших глазах творится новая история медиа и коммуникаций. Из нейтрального посредника между человеком и миром, медиа во все большей степени преодолевают свою инструментальность, становясь активным субъектом современного общества, проявляя себя как всепоглощающая, всеохватывающая среда реального опыта и сознания (1).

Что мы понимаем под современным социальными институтами как факторов глобальных и глокальных социокультурных процессов современности? Какова их специфика? Для ответа на этот вопрос представляется уместным использование коммуникативного подхода. Социальные институты как связующая ткань социальной реальности (духовного и материального характера), способная не только устойчиво воспроизводить, но и развивать себя, безусловно, может рассматриваться в качестве фундамента сохранения социальности. Эта ткань не мыслима без коммуникаций и коммуницирующих индивидов. Но что такое социальная коммуникация? Естественна или искусственная основа этого широко используемого сегодня в науке понятия? Безусловно, что “коммуникация” – понятие социального формата, этимологически связанное с таким исторически выстраданным феноменом человеческой истории, как коммуна, коммунальность, то есть общество, совместное, общественное и т.д. Мы верим в это слово настолько, насколько это слово отражает нашу реальность, т.е. настолько, насколько оно укоренено в нашу реальную жизнь. В чем же реальность коммуны, общества, не иллюзия ли это? Эмпирический факт, скажет исследователь. Но в чем этот факт? Он в обществе, он в коммуне. Но через что мы можем зафиксировать эти последние? Безусловно, либо через структуру субъектов, либо через структуру отношений и связей этих субъектов друг с другом. Добавим, в их статических и динамических формах.

Но что такое коммуникация? **Коммуникация** – это определенное единство, система этих субъектов и этих связей между ними. Коммуникация – это определенное устойчивое их единство, поддерживаемое активностью ее участников. Именно поэтому коммуникация – эта всегда определенная система, в которой есть свои субъекты и их отношения друг с другом. Значит, коммуникация – это единство социальных субъектов в их отношениях друг с другом. **Коммуницировать** значит, каждый раз восстанавливать и развивать эти отношения социальных субъектов. Но в чем можно зафиксировать эти отношения субъектов друг с другом? В каких субстратных формах они себя проявляют, делаются актуально, реально существующими.

Да, это отношения социальных субъектов друг с другом «по поводу», через определенных посредников, актуализируемых, проявленных

внешнему наблюдению в форме потребностей, интересов и целей этих субъектов в их взаимных отношениях друг с другом. Мы говорим о социальных коммуникаторах, значит, мы говорим о социальных посредниках людей в обществе. Но, говоря об этих посредниках, мы не можем не видеть, что это на самом деле и есть то, что мы привыкли называть обществом. Это все то, что люди создали усилиями своего разума и включили в свое бытие как неотъемлемую часть себя, которую они назвали культурой или тем, что К.Маркс называл Второй Природой Человека. Это вся та совокупность моральных, эстетических, политических, экономических, религиозных, правовых и т.д. ценностей, идей, знаний, установок, а также многообразных технических и технологических артефактов, ценностей, которыми мы так активно пользуемся, фиксируя их как часть своей эмоциональной и интеллектуальной, физической и духовной жизни. В значительной степени все они являются важной составной частью современного медийного пространства. Система коммуникаций – это тем самым все то, что отличает род человеческий от окружающего природного мира, делает его Тем, а не Другим, Этим, а не Тем, особенной формой человеческого бытия, в том числе в истории его развития, центральным звеном которой является формирование и развитие социальных институтов общества, воплощающих марксово понятие второй природы человека.

История системы социальных коммуникаций – это тем самым история человеческого рода и наоборот. В ней, в этой истории, миллионами лет шло формирование такого социального института, как система моральных категорий, ставших основой совместного жития людей в обществе. Это та общая нить, которая связывает отдельных индивидов в единой целое и делает их членами одной семьи, в которой всякая развивающаяся личность, несмотря на свою особенность и неповторимость, имеет общий всем культурный пласт, поддерживаемый усилиями многих, в том числе усилиями третьей силы, например, государства или церкви, вставших на страже этой общности. Но и государство, и другие социальные институты – это также социальные коммуникаторы-посредники, в особой форме их проявленности. Коммуникаторы тем самым, будучи созданы самими людьми, в лице людей же получили и механизм своего воспроизводства и развития.

Тем не менее, главным отличительным свойством социальных коммуникаторов, характеризующим их сущность, была и остается их изначальная двойственность и противоречивость, как и всего того, что создается столь же двойственным и противоречивым человеком. Социальные коммуникаторы это всего лишь продление человека в его стрем-

лении удовлетворить свои потребности и реализоваться в как можно более широком пространстве-времени. Такова их онтологическая сущность. Но их отличительное свойство не только в созданности, производности от человека, но и в относительной независимости от него. Когда на определенном этапе развития человека эти функционально востребованные человеком материальные и духовные вещи (в форме высокой потребности в них людей, через их интересы) приобретают над пользующимися ими людьми постепенно непреклонную власть. Это все то, что может быть достаточно четко схвачено определением «превращенной формы». Это все то, что, будучи порождено человеком, имеет над ним силу, выраженную зависимостью в поддержке своего существования. И чем сильнее эта зависимость, тем больше власть коммуникаторов над человеком, его личной и общественной жизнью.

Это обобщение адекватно и в вопросах медиа, как одной из форм, созданного человеком мира коммуникаторов. А именно, чем больше потребность человека в продуктах медиа, тем больше его зависимость от этих продуктов и формах их доставки человеку. Но, тем больше и власть медиа над человеком. Действительно, посредник, в том числе, такой как медиа, однажды приобретает над посредничающими силу и власть и начинает «руководить» ими. Всегда ли это плохо? Где здесь граница допустимого? Велика ли опасность этой силы и этого влияния? Не граничит ли эта опасность с тем, что М.Мамардашвили называл «антропологической катастрофой», а М.Хайдеггер и К.Ясперс – «тайной властью техники над человеком»?

Вопрос этот сегодня остается во многом открытым. История человека есть то, что она есть, такая, какая она была, такая, какой она состоялась, а не такая, какой мы ее желали бы видеть. Но нельзя не учитывать, что история человека – это, прежде всего, история не просто социальных институтов, но история лежащих в их основе социальных коммуникаторов, ставших базисом социальности в человеке. Человек и коммуникаторы – единая симбиотическая система. Такова философская постановка вопроса о сущности социальных институтов и лежащих в их основе социальных коммуникаций, выступающих в качестве сущности социального коммуникатора – человека. Постановка эта связана с глубинной философской проблемой – проблемой сущности самого человека. Какова же особенность современных социальных институтов в призме социальных коммуникаторов и социальных коммуникаций нашего времени?

Окинув взглядом историю, мы видим, что роль социальных институтов в становлении и развитии человеческого рода фундаментальна. И

эта фундаментальность в той великой роли, что принадлежит лежащим в их основе социальным коммуникаторам. Человек, по существу, есть Человек коммуницирующий, а его история коммуникаторов, непрерывная борьба которых друг с другом и с человеком за актуализацию и власть в обществе, борьба посредством интересов самих людей, боровшихся за власть друг над другом, над природой и усиленно привлекавших для успеха в ней все возрастающие силы коммуникатора–посредника. Сначала это была история борьбы за выживание человека перед мощью природной стихии, это в значительной степени была история объединяющих коммуникаторов – коммуникаторов, которые, объединяя усилия людей, делали их сильнее и независимее в «схватке» с природой.

В этой схватке люди изобрели иллюзорный мир ценностей и образов, объединив его в мифологических и религиозных формах. Этот мир примерял и упорядочивал отношения человека и природы, через многочисленные синкретичные, анимистические и гилозоистические идеи снимал напряжение в их отношениях. Объясняя человеку его малость, эти идеи примеряли человека с природой в том смысле, что снимали соблазн борьбы с ней, учили терпению пребывания в ней. Но, обретая через мифологию и религию духовную опору в себе самом, человек пошел дальше. Ему захотелось большего, он пошел по пути роста своих потребностей, прежде всего материальных. Он удвоенными силами обратился к соблазну физической власти над природой, осознанно (а на ранних этапах сначала, быть может, и неосознанно) решая свои проблемы роста за ее счет. Здесь мы видим вторжение в мир социума совершенно другой формы коммуникаторов. Это коммуникаторы агрессии, натиска, потребления. В значительной степени они сегодня весьма активно осваиваются именно медиа. Их воплощение представлено широким рядом медийных продуктов общества потребления – от потребительской, весьма навязчивой рекламы, до масскультурных «хлеба и зрелищ» развлекательных образов кинематографа.

Современная социально-философская наука все чаще пользуется понятием «общество потребления». Действительно мы потребляли всегда и лишь за счет этого потребления видели возможность выживания и развития своей жизни. Такова «земная» правда нашей человеческой (местячковой по вселенским масштабам) земной жизни, лишней раз подтверждающая знаменитый ломоносовский закон сохранения вещества, а затем и закон сохранения энергии Эйнштейна, в их социальном измерении. Тем выше уровень и весомее значение для познания и практики этих законов в наших глазах. Их сермяжная правда в том, что как писал М.Ломоносов: «если где-либо что-то прибывает, значит столько

же где-то должно убыть». Закон этот – своеобразное эмпирическое обобщение, имеющее общенаучное значение, справедливое для класса различных наук в описании многих объектов исследования. Это, в значительной степени, и закон социального характера, в основных тенденциях достаточно адекватно описывающий процессы общественной истории и современности.

Итак, формы коммуникаторов изменились в соответствии с тем новым этапом развития человеческого рода, который мы сегодня во многом называем этапом гипертрофированного потребления природы человеком, или этапом потребления, ставшего органичной частью процессов глобального производства и глобального потребления, движимых капиталом. Между тем еще раз подчеркнем ту большую роль в социализации и развитии индивидов, развитии общества, которую играли и играют коммуникаторы по принципу обратной связи влияния на их собственного создателя в его истории. Создав к настоящему времени мощную систему поддерживающих и развивающих социальную жизнь коммуникаторов, человек вошел в своей истории в этап гиперсложного общества, гиперсложной социальной системы, о специфике которой мы уже говорили. Сама идея глобального общества, как единой планетарной системы экономической, политической, духовной жизни народов и ее воплощение в соответствующих ценностях и социальных структурах, есть вершина в творческого гения человека по созданию сверхсложных систем-коммуникаторов.

В ней, в этой сверхсложной системе глобального общества, в настоящее время оказывается все менее возможным контролировать процесс социальных (в том числе экономических, техногенных) и социально-природных связей и отношений. Примером тому состоявшийся мировой экономический кризис. В этой системе доминирующего влияния многообразных посредников на своего создателя в силу ее чрезвычайной сложности все большую роль начинают играть недетерминированные связи и процессы – те, что в современной социальной синергетической науке получили название стохастических связей и процессов. Отличительная особенность этих связей и процессов заключается в повышенной роли, которую в них играют явления случайности, малых флуктуаций, способные изменить генеральную линию развития сложной системы, отклонить ее от сложившихся устойчивых ритмов функционирования и первоначальных целей развития. Ведь сложность системы непосредственно основана на том многообразии субъектов деятельности и их бесконечных взаимосвязях, что являются тканью единства этой системы. Налицо чрезвычайный, гиперболический рост взаимозависимостей в системе.

При этом, кроме роста сложности коммуникаторов и умения пользоваться ими, контролировать их, а также роста влияний малых флуктуаций на процессы функционирования и развития общества, представленных широкой палитрой масскультурной игры и управляющих экспериментов современных медиа над человеком, нельзя не отметить и резкий рост возможностей и реальных манипуляций человеком в обществе посредством сложившейся системы коммуникаторов и все возрастающей потребности людей в них, как универсальных посредников с обществом. Генеральным проводником, фактором этой манипулируемости и становятся медиа. Но в условиях глобализационных процессов это уже не разрозненные точки роста и распространения культуры, как в прошлом, сегодня, это многообразная и мощная по своему содержательно-му потенциалу индустрия медиареальности, решающим образом влияющая на стандартизацию современного человека в масскультурных ценностях бытия.

Несомненно, что манипулируемое общество вырастает на почве доминирующих человеческих страстей, связанных со стремлением к власти, удовольствиям и капиталу, помноженных на технический и технологический уровень развития человека. Эта манипулированность тем больше, чем большую силу в обществе набирают процессы масскультурности, разобщенности и индивидуализированности людей. В обществе, где индивиды противостоят друг другу как потребляющие индивиды, набирает силу возможность обобществления последних, со стороны посредников, бывших до сих пор на службе этих индивидов, но ставших посредством этой зависимости от них их же собственными властителями и управленцами. При этом власть распространяется не только на тех, чьим сознанием манипулируют посредством медиа, но и над теми, кто использует эти коммуникаторы в своих целях, будучи подвержен их влиянию на себя, в форме ценностей и установок жизни.

Состояние противостояния потребляющих индивидов, роста социальных дистанций между ними, рост сложности связей и отношений в обществе, рост сложности и взаимозависимости общества и природы, рост сложности самих коммуникаторов порождают то, что может быть описано понятием гиперсложности, т.е. внутренне противоречивого, напряженного, кризисного существования людей во все более кризисном и напряженном обществе. Все это не может породить, но всюду порождает в людях и их отношениях друг с другом – рост ожиданий и активный поиск новых форм стабильности. Набирает силу борьба отдельных людей, социальных групп, за гарантии своей жизни в ее новых кризисных условиях существования. С учетом тех значительных сдвигов, что произошли в культуре и сознании людей в последние два-три

столетия в сторону индивидуализации и уменьшения места в них коллективного начала. С учетом того, что доминанта общественной системы ценностей все больше склонилась к доминанте индивидуального, мы и фиксируем это новое состояние общества и его социальных институтов, близкое к тому, что получило в синергетической науке наименование бифуркационного.

Мы люди бифуркационного общества в том смысле, в каком мы люди нестабильного, раздираемого противоречиями, но жаждущего новой формы стабильности общества, а значит все менее предсказуемого в своих проявлениях общества. Мы также люди бифуркационного общества в том смысле, что мы больше люди общества поиска нового, чем сохранения прежнего. Еще раз подчеркнем, что ситуация усугубляется еще и тем, что это общество, к которому мы принадлежим сегодня, может по праву называться обществом потребительским (ориентированным на все большее потребление), чрезвычайно индивидуализированным в этом потреблении как высшей его ценности.

В таком обществе, жаждущем стабильности в своем индивидуализированном потреблении и ощущающем, осознающем кризисность, ускользающую эфемерность этой стабильности, люди объективно готовы к тому, чтобы воспринимать любые идеи, способные гарантировать им в случае их объективации эту долгожданную стабильность потребления. В таком обществе на основе этих все возрастающих, подогреваемых наиболее развитыми государствами, ожиданий и готовности действовать в соответствии с этими ожиданиями, чрезвычайную силу и приобретают факторы манипуляции людьми, и медиа здесь главный фактор этой новой реальности. Особенно важную роль здесь приобретают коммуникаторы, способные привести к успеху манипуляций. Именно это мы наблюдаем, например, в условиях различного рода выборов во властные структуры современной России и Западного общества. В процессах этих повышенным спросом пользуются не только манипуляционные коммуникаторы, но и профессионалы, способные их создавать и использовать в интересах заказчиков. Вследствие этого нередко именно медиа профессионалы становятся главными деятелями политиков и все чаще современной политики.

Здесь опасно все: и сложность самих коммуникаторов, их ускользающая подконтрольность, и их беспринципное использование в неблагоприятных, зачастую краткосрочных целях, ничего общего с родовыми целями человечества не имеющими. Но таково это новое общество, в котором мы живем. Если мы хотим продолжить эту жизнь, нам ничего не остается, кроме того, чтобы учиться в нем жить, суметь понять тайну времени и постараться перейти к новому этапу развития наименьшими

издержками. Казалось бы, незначительная проблема социальных коммуникаторов как сути социальных институтов современного общества выводит нас на более глубокое понимание своей сущности, своей истории, своих целей и ценностей, своей деятельности, открытой новому обществу.

Мы говорим о сути человека и связываем ее с сутью создаваемых им коммуникаторов, создаваемой им социальной среды, и отмечаем в сущности этой среды, в коммуникаторах их гиперсущность, то есть ускользание от создателя (человека), ускользание в себя, в свою сущность «вещей в себе» по своему собственному пути. «Вещь для нас» оказывается слишком незначительной по своей мощи, в сравнении с сокрытой для нас сущностью вещей. Но нельзя определить сущность коммуникаторов, не определив их тайну как тайну их проектировщика и создателя – человека. Сила вещей, созданных человеком не в их самостоятельной силе, она в тайне, которая выражена в тайне самого человека – в восприятии себя как их создателя. Значит, если и ставить вопрос о решении проблемы гиперсложности, ускользающих медиа, то ставить его надо, прежде всего, в направлении изменения самого человека. Но вопрос изменения человека, изменения его отношений с искусственным миром – вопрос, остающийся открытым. Нам представляется, что форма такого решения может быть только в виде интенсивного революционного шага, своеобразного социального скачка, скачка не только в области нравственности, но и в области рациональности, с переходом к новой рациональности – например, рациональности сложных систем синергетики.

Какова же в этом обществе судьба самоидентифицирующихся индивидов? По нашему мнению, это все больше судьба не самоидентифицирующихся, но внешне идентифицируемых индивидов, того что Н.Бердяев называл их объективацией, К.Маркс отчуждением человека в системе общественных отношений. Только субъектом этой объективации и отчуждения все явственнее выступают те системы ценностей и целей, что человечество изобрело для себя в форме своей гиперсложной культуры и цивилизации, вершиной которой сегодня становится глобальное общество производства и потребления, не способное обойтись без этого отчуждения и объективации сущностным образом. Современный человек в этом смысле это человек объективированный, отчужденный глобальным обществом производства и потребления.

Особенно велика сила удара этой объективации и отчуждения по наиболее молодым слоям населения в обществе, сензитивность и манипулируемость сознания и поведения которых, по понятным причинам их ограниченного опыта, фатальна. Но фатальна и их лежащая в основе этой сензитивности и манипулируемости эмоциональность, свобода

духа, способность на творческие, социально-революционные акты. Все это говорит о том, что феномен «бегства от свободы», зафиксированный Э.Фроммом на западе, не случаен и будет иметь свое продолжение, пропорционально тому, насколько глубоко будет пытаться проникнуть общество глобального манипулирования во внутренний мир человека и его поведение. Наверное, молодежи, как наиболее устремленной к своей культурной идентификации социальной группе современного общества, в этом процессе будет принадлежать решающая роль. Впрочем, эта роль, по объективным причинам, будет, скорее всего, реализовываться как с той (развитие общества манипуляций), так и с другой (противоборство обществу манипуляций) стороны.

Все это характеризует процессы самоидентификации индивидов, стран и народов в мире глобализации, как постепенно набирающий силу конфликт между свободным, самостоятельно мыслящим и принимающим решением субъектом и субъектом, постепенно превращающимся в объект внешних интересов, целей и задач. Мы вступаем в общество, когда не только социальные институты достигают своего максимума в манипуляциях человеком, но когда медиа, выполняющие для них инструментальную роль, становятся ускользающим манипулятивным субъектом повседневной жизни этих индивидов, стран и народов.

Это общество, тем самым, во все большей степени можно охарактеризовать как общество двойной объективации и отчуждения человека на путях его истории, как со стороны все более отчужденных социальных институтов, так и со стороны самих инструментов этого отчуждения (медиа). Все это штрихи к нарастающему общесистемному конфликту в формируемой на фундаменте объективации и отчуждения, все более искусственной и чуждой по отношению к человеку глобальной цивилизации и культуры.

Литература

1. Савчук В.В. Кто есть коммуникант? // Социальная синергетика и актуальная наука: национальные проекты России как фактор ее безопасности в глобальном мире: научная экспертиза на самоорганизацию и адекватность: сборник научных трудов / под общей редакцией проф. В.П.Шалаева. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2009. – 333 с.
2. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1990.
3. Шалаев В.П. Мировоззрение как фактор национальной безопасности в условиях западификации глобального мира // Регионоведение, 2008. – №2. – С. 272-278.
4. Шалаев В.П. Синергетика в пространстве философских проблем современности: монография / В.П.Шалаева. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2009. – 360 с.

Часть 3. АКТУАЛЬНАЯ НАУКА

*Абдуллах Ал Мами,
Великобритания, Саудовская Аравия*

**ВОЗДЕЙСТВИЕ ОБУЧЕНИЯ СЛУЖАЩИХ
НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА: ЭМПИРИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ СТРОИТЕЛЬНОГО ЧАСТНОГО СЕКТОРА
САУДОВСКОЙ АРАВИИ**

*Abdullah Al Mami,
The Great Britain, Saudi Arabia*

**EMPLOYEES TRAINING IMPACTS ON PRODUCTIVITY:
EMPIRICAL STUDY ON SAUDI ARABIA CONSTRUCTION
PRIVATE SECTOR**

Abstract. The construction industry is an important segment of the overall Saudi Arabia(Professional 2009). Buoyed by the steady growth in population thus driving the demand for affordable housing, the building and construction sector in Saudi Arabia is touting to record unprecedented growth in the coming years(Kotelnikov 1998; Professional 2009). The total value of construction contracts awarded to contractors is set to witness an impressive US\$ 63,383 million in 2012 registering a double-digit compound annual growth rate of 23.4 percent from its moderate US\$ 22,152 million in 2008. The availability of vast amount of undeveloped urban land in addition growing population with increased per capita income are the primary driving force contributing to this progressive growth. Other factor that drives the market includes the steady growth in religious tourism, the impending implementation of the new mortgage laws in addition to the upcoming Economic city development.

The present study attempts to investigate the mediating role of knowledge transfer in the relationship between employees training process and organisational productivity, as there are many previous researches recommends that it is very important for every industry to study the missing link in the employees training-organisational productivity relationship. The wealth of modern Saudi Arabia is built on the enormous petroleum resources of the country. But there are other challenges that may cause more problems for the country's immediate future. Poor planning in respect of fertility and education has resulted in present situation of a staggering 40% of its population under the age of 15 and large groups of young graduates with exams that do not fit the needs of businesses and the bureaucracy(Kotelnikov 1998; Professional 2009; 2010; Database 2010).

Saudi Arabia is the largest Arab nation in Middle East Asia. The country is bordered by Jordan to the north, Iraq to the northeast, Kuwait, Qatar, Bahrain and the UAE to the east, Oman to the southeast, and Yemen to the south. The Arabian Gulf lies to the northeast and the Red Sea to the west(Vadim Kotelnikov 2002; Professional 2009; Database 2010). Saudi Arabia has a population of more than 28 million and has an area of approximately 830,000 square miles. Saudi Arabia has a desert-based climate. While the port of Jeddah is warm for most of the year, Riyadh is hotter during the summers and colder during the winters(Vadim Kotelnikov 2002; Professional 2009; Database 2010). Saudi Arabia is also one of the driest countries of the world(Vadim Kotelnikov 2002; Professional 2009; Database 2010).

Saudi Arabia's economy is largely oil-based with strong government controls on most economic activities. Saudi Arabia is the world's largest exporter of petroleum and is an important member of the OPEC. The country's petroleum sectors account for 45% of the GDP and 90% of the export earnings. The Saudi economy is also dependent on roughly 6 million overseas workers, mostly in the oil and service sectors. Saudi Arabia has been a member of the WTO since December 2005 to attract foreign investment.

During the oil price boom of 2004-2008, the Kingdom built ample financial reserves to offset the global downturn. However, falling oil prices in 2009 impacted the Saudi economy, prompting the postponement of several economic development projects. The Saudi government undertook remedial measures, such as direct capital injections into financial institutions, reduced rates and guaranteed bank deposits.

Saudi Arabia Economy: GDP and Labor

Saudi Arabia's GDP-official exchange rate in 2009 was \$379.5 billion. The following chart shows Saudi Arabia's GDP (PPP) during 2007-2009. (All data are in US dollar billion(Database 2010).

2. The importance of the Saudi Arabia construction industry:

"The construction industry is an important segment of the overall Saudi Arabia(Professional 2009). Buoyed by the steady growth in population thus driving the demand for affordable housing, the building and construction sector in Saudi Arabia is touting to record unprecedented growth in the coming years(Kotelnikov 1998; Professional 2009). The total value of construction contracts awarded to contractors is set to witness an impressive US\$ 63,383 million in 2012 registering a double-digit compound annual growth rate of 23.4 percent from its moderate US\$ 22,152 million in 2008. The availability of vast amount of undeveloped urban land in addition growing population with increased per capita income are the primary driving force contributing to this progressive growth. Other factors that drives the market

includes the steady growth in religious tourism, the impending implementation of the new mortgage laws in addition to the upcoming Economic city development

Despite its promises to pose significant growth in the medium to long term, the Saudi construction market still suffers a few pangs in the form of project delays, conservative banking policies, delays in execution of laws and lack of transparency besides bearing the brunt of global economic slowdown(Kotelnikov 1998; Professional 2009).

However with the global economy showing gradual signs of recovery in addition to all the segments of construction sector such as the residential, rental, retail, infrastructure and commercial segments posing a strong growth the Saudi real estate market is all set to overcome the challenges to emerge a strong, leading and promising Industry in the medium and long term.

Key highlights of the study includes providing detailed analysis of Market size and forecasts of KSA Building construction contracts, market share analysis of real estate players, real estate developers, real estate consultants and contractors respectively. The study also provides detailed description of the ongoing construction projects in addition to the proposed new projects thereby serving as a wealth of information for all key stakeholders of real estate sector vying to enter this market.

3. Tacit Knowledge as a Source of Organisational productivity

Tacit knowledge underlies many competitive capabilities for the manufacturing industries. The experience, stored as tacit knowledge(Kotelnikov 1998; Vadim Kotelnikov 2002), often reaches consciousness in the form of insights, intuitions, and flashes of inspiration. The marvellous capacity of people's mind to make sense of their previous collection of work experiences and to connect patterns from the past to the present and then to the future is essential to the innovation process(Kotelnikov 1998; KotelnikovVadim 2000; Vadim Kotelnikov 2002). "The creativity necessary for organisational productivity derives not only from obvious and visible expertise, but from invisible reservoirs of experience(Kotelnikov 1998; KotelnikovVadim 2000; Vadim Kotelnikov 2002).

Tacit knowledge, or implicit organisational knowledge, as opposite to explicit organisational knowledge, is far less tangible and is deeply embedded into an organization's operating practices(Kotelnikov 1998; KotelnikovVadim 2000; Vadim Kotelnikov 2002). It is often called 'organizational culture'. "Tacit knowledge includes relationships, norms, values, and standard operating procedures. Because tacit knowledge is much harder to detail, copy, and distribute, it can be a sustainable source of competitive advantage What increasingly differentiates success and failure is how

well you locate, leverage, and blend available explicit knowledge with internally generated tacit knowledge(Kotelnikov 1998; KotelnikovVadim 2000; Vadim Kotelnikov 2002)

Managers and innovation team leaders can use tacit knowledge to aid convergent thinking by creating guiding visions and concepts for teams involved in organisational productivity. Managing tacit knowledge is a significant challenge in the business world – and it requires more than mere awareness of barriers(Kotelnikov 1998; KotelnikovVadim 2000; Vadim Kotelnikov 2002).

During the new idea generation – divergent thinking – phase, people create a wealth of possible solutions to a problem(Kotelnikov 1998; KotelnikovVadim 2000; Vadim Kotelnikov 2002). "Chaos succeeds in creating newness because it takes place in a system that is non-linear"(Kotelnikov 1998; KotelnikovVadim 2000; Vadim Kotelnikov 2002). In a well-managed development process, where a group of diverse individuals addresses a common challenge, varying perspectives foster creative abrasion, intellectual conflict between diverse viewpoints producing energy that is channelled into new ideas(Kotelnikov 1998; KotelnikovVadim 2000; Vadim Kotelnikov 2002).

References

- (2010). Saudi Arabia Economy S. A. Statistics. Saudi Arabia
- (2010). "Training, motivation, and performance: The case of human ...". MLA. Italy Insert Name of Site in Italics.
- A, S. S. (2004). " "critical" time for HRD? 2004." J Eur Indust Training 28(8/9): 611-624.
- Al-Sedairy, S. T. (2001). "A change management model for Saudi construction industry." International Journal of Project Management 19: 161±169.
- Ani BR and A. RJD. (2006). " Human resource development in construction organisations an example of a "chaordic" learning organisation?" Learn Organ 13(1): 63-79.
- APA Motivating Employees through Training and Benefits. Retrieved from.
- Argote, L. (1999). Organizational Learning: Creating, Retaining and Transferring Knowledge, Kluwer, Boston, MA.
- Armstrong, M. (2009). Armstrong's Handbook of human resources. USA, KOGAN PAGE.
- Becker, G. (1964). Human Capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education. Chicago and London, 1st ed. University of Chicago Press.
- Chen, G. and R. J. Klimoski (2007). "Training and development of human resources at work: Is the state of our science strong?" Human Resource Management Review 17: 180-190.
- Chu Ng, Y. (2005). "Training determinants and productivity impact of training in China: a case of Shanghai " Economics of Education Review 24: 275-295.
- Clark, C. S., G. H. Dobbins, et al. (1993). " Exploratory field study of training motivational." Group and Organization Management 18: 292-307.
- Colquitt, J., J. LePine, et al. (2000). "(2000). Toward an integrative theory of training motivation: A meta-analytic path analysis of 20 years of research. ." Journal of Applied Psychology 85(5): 678-707.

- CP Pathirage, Amaratunga, et al. (2005). "Tacit" skills of the construction worker in a knowledge environment
- Database, T. E. S. a. I. (2010). Saudi Arabia Economy. T. E. S. a. I. Database. Saudi Arabia, Investment & Finance Reports.
- Druker J, White G, et al. (1996). "Between hard and soft HRM: human resource management in the construction industry."
- "Construction Manage Eco 14: 405-416.
- Eldossary, M. (2010). Saudi Arabia Economy 2010 2010 CIA WORLD FACTBOOK AND OTHER SOURCES.
- Ellis, A. P. J., B. S. Bell, et al. (2005). "An evaluation of generic teamwork skills training with action teams: Effects on cognitive and skill-based outcomes." *Personnel Psychology*, 58: 641-672.
- Ford, D. P. and Y. E. Chan (2003). "Knowledge sharing in a multi-cultural setting: a case study", *Knowledge Management Research & Practice* 1(1): 11-27.
- Freeman, E. W. (2009). *Training Effectiveness: The Influence of Personal Achievement Goals on Post-Training Self-Efficacy*. Public Administration. Raleigh, North Carolina.
- Garavan TN and M. MJ. (2006). "Re-dimensionalising boundaries in the theory and practice of Human Resource Development." *Learn Intellect Capita* 3(1): 3-13.
- Global Investment House is a Kuwaiti investment company licensed by the Central Bank of Kuwait and listed on the Kuwait, D., Bahrain and London Stock Exchanges. (2010). *Listed Companies by Market Soudi Arabia Stock Exchange Companies*
- Gupta, A. K. and V. Govindarajan (2001). "Converting global presence into global competitive advantage". *The Academy of Management Executive* 15(2): 45-58.
- Hirschfeld, R. R., M. H. Jordan, et al. (2006). "Becoming team players: Team members' mastery of teamwork knowledge as a predictor of team task proficiency and observed teamwork effectiveness." *Journal of Applied Psychology* 91: 467-474.
- Holding, D. H., Ed. (1965). *Principles of training*. New York.
- Holton, E. F. I. (1996). "The flawed four-level evaluation model."
- "Human Resource Development Quarterly 7(1): 5-25.
- Ilgen, D. R. and E. D. Pulakos, Eds. (1999). *The changing nature of performance: Implications for staffing, motivation, and development* Introduction: Employee performance in today's organization. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
- Kato, T., Morishima, M. (2002). "The productivity effects of participatory employment practices: evidence from new Japanese panel data." *Industrial Relations* 41(4): 487-520.
- Kirkman, B. L., B. Rosen, Tesluk, P. E., et al. (2006). "Enhancing the transfer of computer-assisted training proficiency in geographically distributed teams." *Journal of Applied Psychology* 91(4): 706-716.
- Kotelnikov, V., Ed. (1998). *The Role of Tacit Knowledge in Group Innovation*.
- Kotelnikov Vadim, Ed. (2000). *Knowledge, Groupware, and Internet*.
- Kraiger, K., J. K. Ford, et al. (1993). "Application of cognitive, skill-based, and affective theories of learning outcomes to new methods of training evaluation."
- Journal of Applied Psychology*." *Journal of Applied Psychology* 78(21): 311-328.
- Laker, D. R. (1990). "Dual dimensionality of training transfer." *Human Resource Development Quarterly* 1(3): 209-235.
- Lin, C.-C. (2003). "The Role of customer perceived Value in Generating Customer Satisfaction: An E-business Perspective." *Journal of research of Marketing & Entrepreneurship* 5(1): 25-39.
- Loewenstein, M. A. and J. R. Spletzer (1999). "Formal and informal training: evidence from the NLSY. *Research in Labor Economics*." 18: 403-438.

- Loosemore M, Dainty ARJ, et al., Eds. (2003). Human resource management in construction projects. Strategic and operational approaches. London: Spon Press.
- Lundborg, J. and I. Nouri (2008). Cultural Distance and International Acquisition Performance. Department of Business Studies.
- Marchington, M. and A. Wilkinson (2008). Human resource Management at work: people management and development. UK, Cipd.
- Martin, X. and R. Salomon (2003). "Knowledge transfer capacity and its implications for the theory of the multinational corporation'. Journal of International Business Studies, 34(3): 356-373.
- Mathieu, J. E., J. W. Martineau, et al. (1993). "Individual and situational influences on the development of self-efficacy: " Implications for training effectiveness. Personnel Psychology 46(1): 125-147.
- Memarzia, K. (1995). PRODUCTIVITY AND THE IRANIAN BUILDING INDUSTRY: A CASE STUDY OF COMPONENT MANUFACTURE. Institute of Advanced Architectural Studies. University of York, University of York. PhD: 524.
- MLA (2010). Motivating Employees through Training and Benefits. Insert Name of Site in Italics, Name of Site in Italics.
- Nesan, L. and G. Holt, Eds. (1999). Empowerment in construction: the way forward for performance improvement.
- Research Studies Ltd. England: Baldock, Hertfordshire, Noe, R. A. (1986). " Trainees' attributes and attitudes: Neglected influences of training effectiveness. "Academy of Management Review 11: 736-749.
- PJ., S., Ed. (2002). "Modern" learning methods: rhetoric and reality – further to Sadler-Smith et al. Person Rev.
- Professional, O. a. G. (2009). Saudi Arabia Building Construction Industry Overview.
- Reid M, B. H., Kenney J. 2nd ed., Ed. (1992.). Training interventions. London:, Institute of Personnel Management.
- Riege, A. (2007). "Actions to overcome knowledge transfer barriers in MNCs." JOURNAL OF KNOWLEDGE MANAGEMENT 11(1): 48-67.
- Schonewille, M. (2001). "Does training generally work? Explaining labour productivity effects from schooling and training." International Journal of Manpower 22(1/2): 158-172.
- Schonewille, M. (2001). "Does training generally work? Explaining labour productivity effects from schooling and training." International Journal of Manpower 22(1/2): 158-172.
- Siriporn Yamnill and G. N. McLean (Summer 2001) Theories Supporting Transfer of Training. 12,
- Slotte V, Tynjala P, et al. (2004). " How do HRD practitioners describe learning at work?" Human Resour Dev Int 7(4): 541-544.
- Tabassi, A. A. and A. H. A. Bakar (2009). "Training, motivation, and performance: The case of human resource management in construction projects in Mashhad, Iran." International Journal of Project Management 27 471-480.
- Tabassi, A. A. and A. H. A. Bakar (2009). "Training, motivation, and performance: The case of human resource management in construction projects in Mashhad, Iran." International Journal of Project Management 27: 471-480.
- Turcotte, J., A. Léonard, et al. (2002). "New Evidence on the Determinants of Training in Canadian Business Locations." W-02-09E.
- Vadim Kotelnikov, Ed. (2002). "Discovering Order in a Chaotic World", . Margaret J. Wheatley 20.
- VanWart M, Cayer NJ, et al., Eds. (1993). Handbook of training and development for the public sector. San Francisco, CA: Jossey-Bass.

Vaught BC, Hoy F, et al., Eds. (1985). Employee development programs. London: Quorum Books.

Yeek-Hwa Ngeow, K. (11 Nov 1998) Motivation and Transfer in Language Learning.

Zahra, S. A. and G. George (2002). "Absorptive capacity: a review, reconceptualization, and extension", Academy of Management Review 27(2): 185-203.

Zwick, T. (2004). "Employee participation and productivity." Labour Economics 11(1): 715-740.

*Акопян К.З.,
МПУ, Москва*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

*Akopjan K. Z.,
MPGU, Moscow*

THE POLITICAL POWER AS THE WORK OF ART

Abstract. In article the phenomenon of the political power as work of art is investigated. In particular questions of interrelation of the power and culture, aesthetic aspect of culture of the political power, a game role in the political power, game rules of the political power, art culture as tool of the political power are investigated.

«...заметьте, что фрак и сюртук обладают не только политической красотой, отражающей всеобщее равенство, но и красотой поэтической, отражающей душу общества»⁵⁸. «Обращение к буржуа»: «Сегодня одни из вас владеют знаниями, другие – собственностью. Когда-нибудь настанет счастливый день, когда ученые приобретут собственность, а собственники – знания. Тогда ваша власть будет полной и никто не станет ее оспаривать»⁵⁹. «Истина многогранна, но не действенна. Подобно тому как своей политической деятельностью вы расширили права и приумножили народные блага, так в области искусства вы способствовали более широкому приобщению публики к художественным ценностям»⁶⁰. «...если критика хочет быть справедливой, или, иными словами, если она хочет оправдать свое назначение, она должна быть страстной, пристрастной, воинствующей, она должна исходить из позиции

⁵⁸ Бодлер Ш. Об искусстве. М.: Искусство, 1986. С. 128.

⁵⁹ Указ. соч. – С. 61.

⁶⁰ Указ. соч. – С. 62.

сугубо индивидуальной и в то же время такой, которая открывает возможно более широкие горизонты»⁶¹

Для начала, даже не пытаясь выдавать приводимые ниже суждения – в силу их довольно произвольного и «приблизительного» характера – за сколько-нибудь строгие формулировки, я предлагаю несколько вариантов ответов на вопрос о том, как может быть проинтерпретировано понятие «*политическая власть*». Пожалуй, прежде всего это не утрачивающий своей востребованности поставщик многочисленных сюжетов – как для бесконечных «повседневных» (в том числе и традиционных кухонных дискуссий, которые нередко оказываются украшены «тематически близкими», но ироничными, а часто и просто злыми анекдотами), так и для глубоких, содержательных и порой не менее остроумных, чем упомянутые анекдоты, «рассуждений по поводу»; это неисчерпаемый источник как все новых и новых теоретических трудов, так и «будничных» переживаний миллионов обывателей и их же – чаще всего (к их великому сожалению) не сбывающихся – надежд и чаяний; это не поддающееся обозрению поле смыслов, на котором восходят ростки тем как разнообразных научных симпозиумов, так и произведений всех мыслимых видов искусства, и т.д. Попутно замечу, что уже сказанное, пусть и опосредованным образом, подтверждает тот хорошо известный факт, что политика есть один из существенных элементов культуры любого достаточно структурированного общества, в том числе и современного. Политическая же власть – это лишь верхушка айсберга, с которым в данном случае отождествляется политическая система в целом. Поэтому, перефразируя известную поговорку, я мог бы сказать: опиши мне, какова власть в твоей стране, и я скажу тебе, каков в ней уровень культуры.

Столь же хорошо известно и то обстоятельство, что в ходе анализа практически любого явления культуры исследователи на первый план выдвигают его социальные, исторические, психологические, этические, этнические либо иного рода аспекты – хотя бы потому, что объять практически любой феномен культуры во всей его полноте и многоаспектности в рамках даже достаточно развернутого исследования чаще всего не представляется возможным. В определенной степени исходя и из этих соображений, я в данной работе (чьи размеры отнюдь не отличаются масштабностью) хотел бы сосредоточить свое внимание на *культурологическом* или, лучше сказать, *эстетическом*, а еще точнее – *художественном аспекте* интересующего меня и при этом, как это ни парадоксально, художественной природою безусловно не обладающего

⁶¹ Указ. соч. – С. 64.

феномена – рассматриваемой в качестве явления культуры политической власти.

Следующее замечание, без которого мне также не хотелось бы переходить к основной части настоящей работы, сводится к напоминанию о практически общепринятом со времени выхода в свет книги Й.Хейзинги «*Homo ludens*» положении, в соответствии с которым игра представляет собой общее и универсальное основание культуры. Следовательно, и *в основании политической власти как элемента культуры лежит* (в том числе) и *игровое начало*. Игра же, сообразно своей природе, испытывает потребность в определенных правилах (естественно, о них я сейчас говорить не буду), а также в специфическом *оформлении действий* (игровых или квазиигровых), осуществляемых ее участниками (о чем, главным образом, в дальнейшем и пойдет разговор). В данном случае я имею в виду и соответствующие конкретной ситуации костюмы; и более или менее оригинальные ритуалы, несущие в себе игровое начало и в то же время составляющие элемент игры, а также сопровождающие и украшающие ее; и специально продуманные сценарии; и специфическую организацию всего действия, в рамках которого учитываются ситуативно обусловленные (в том числе и самые необычные) условности и требования; и буквально математически просчитанные мизансцены; и ориентированные на определенную аудиторию тексты; и учитывающую запросы зрителя актерскую игру, и т.д. и т.п. Все сказанное говорит о том, что мы имеем дело с *театрализованным актом*.

Отсюда следует, что *самопрезентация политической власти* (а без этого ни одна из исторических форм последней обойтись, естественно, не может) – *это* (в том числе, но иногда и в первую очередь), по сути дела, *некий игровой (театрализованный) акт*, чаще всего не обходящийся без использования (в качестве «служебных» элементов) разнообразных художественных (но нередко и квазихудожественных, т.е. претерпевших определенные превращения, осуществленные в соответствии не с их художественной природой, а с угадываемыми, гипостазируемыми и, конечно, реальными требованиями, более или менее отчетливо выдвигаемыми историко-политическим моментом) средств, которые в виде неких исходных инвариантов традиционно входят в арсенал различных видов искусства, но в конкретно-исторических ситуациях и в соединении со столь же конкретно-исторической и специфическим образом театрализованной формой политической презентации власти создают причудливые артефакты. Предметной и в то же время образной иллюстрации последних и будет посвящена центральная часть настоящей работы.

Очередное замечание касается того, в каком смысле в данной работе употребляется слово «*театр*». В качестве пояснения я использую содержательную и, на мой взгляд, очень точную и сущностно глубокую реплику, в которой – при всем ее субъективизме и полном пренебрежении к «политкорректности» – обозначен в высшей степени важный (во всяком случае, для меня, а точнее, для данной работы) нюанс. В ней говорится о том, что театр – это «...всегда лишь *под* искусства»⁶², всегда лишь нечто второе, нечто огрубленное, нечто надлежащим образом выгнутое, вылганное для масс! ...Театр есть *восстание масс* (sic! Курсив мой. – К.А.), плебисцит *против* хорошего вкуса...»⁶³. Отдавая себе отчет в том, что приведенное суждение ни в коей мере не претендует (во всяком случае, будучи введенным в контекст настоящей статьи) на роль более или менее исчерпывающей дефиниции театра как вида искусства, и в достаточной степени понимая, какие перспективы (в том числе и сугубо исследовательские) открываются перед тем, кто дерзнет пойти по пути, в нем намеченном (может, и не слишком явно), здесь и сейчас я благоразумно воздерживаюсь от любых попыток его содержательного истолкования и комментирования. Тем не менее хочу подчеркнуть, что практически за всем сказанным в настоящей статье стоит только что процитированная и соответствующим образом воспринятая и интерпретированная мысль Ф.Ницше.

В то же время, в определенной степени укрываясь за приведенной(-ным) и, как уже было отмечено, очень импонирующей(-щим) мне оценкой-определением и рассматривая ее (его) в качестве точки отсчета для дальнейших рассуждений, я не столько намереваюсь вести речь о театре как о неповторимо своеобразном феномене культуры, сколько рассчитываю использовать *образ театра* для характеристики различных видов, вариантов, ипостасей политической власти, являющейся, напомним это, главным персонажем данного опуса, в котором само понятие «театр» играет не более чем роль метафоры. Поэтому повторяю еще раз: я и не думаю сводить сущность театра к только что приведенному мнению о нем, хотя и не могу не признать, что выразителю последнего, на мой взгляд, удалось выявить нечто в высшей степени *важное* для ее, этой сущности, понимания. И несмотря на то (но, может, как раз именно потому) что это *важное* открывается лишь благодаря пристальному рассмотрению «изнанки» театра как социокультурного явления, не исклю-

⁶² Мне кажется, что этот субстантивированный предлог можно было бы передать неким современным, сконструированным по образу и подобию термина «субкультура» и в то же время несколько причудливым новообразованием «sub-ars».

⁶³ Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 548.

чено, что оно — это *важное* — постоянно присутствует, образно говоря, в подсознании последнего и/или более или менее обоснованно ассоциируется с тем непристойным и недопустимым в «хорошем обществе», что, как минимум по З.Фрейду, непременно должно быть вытеснено в бездонные глубины его же, т.е. театра. Оно — условно говоря, в театральное бессознательное (если таковое вообще существует). С этим в известной степени и связан мой — конечно же, обусловленный темой данной работы — интерес не только к тому, что происходит *на сцене* (пусть даже на сцене условной, соответствующей метафорическому использованию слова «театр»), но и к происходящему *в зале* (упоминаемо здесь, конечно, с не меньшей долей условности).

Теперь, разяснив — хотя бы в общих чертах — собственную исходную позицию, я считаю возможным приступить к фактическому и содержательному обоснованию сформулированного мной тезиса, точнее — к поиску исторических аргументов, его подкрепляющих, или, еще точнее, исторических аналогий, его проясняющих. При этом я полагаю, что не требуется тратить время на доказательство того, что в данной работе я ни в коей мере не претендую на роль историка культуры, на составление более или менее полного исторического обзора, который имел бы своей целью достаточно подробную иллюстрацию всех возможных случаев обнаружения политической властью своей театрально-игровой природы. Я всего лишь собираюсь предложить вниманию читателя составленный из отдельных и не слишком связанных друг с другом фрагментов (к тому, чтобы теснее их увязать друг с другом, я, сказать по правде, не очень-то и стремился) историко-культуральный эскиз-«диафильм» возможной иллюстрации к сказанному мной ранее, поскольку именно такой — лапидарный и пунктирный — ее вариант и может, на мой взгляд, соответствовать масштабам данной работы и поставленным в ней задачам.

2

Начну я, как и полагается в исторических обзорах, с первобытного общества. Раннюю — *праполитическую*, т.е. исторически первую — форму власти (условно говоря, правлать, или даже власть, еще сохраняющую, может быть, не столь уж и очевидные, но сущностно и генетически значимые связи с природным миром) я уподобил бы некоему подобию мистерии, точнее *прамистерии* (в связи с отсутствием в то предельно далекое от нас время не то что «классической», но и любой иной формы последней), в развертывании которой огромная роль, как можно предположить, принадлежала эзотерическим элементам, приемам и методам, и в том числе и даже прежде всего — сакрализованному экстати-

ческому ритуалу, «погруженному» в синкретическую деятельность первобытного человека и благодаря ей же воспроизводимому. В этой прамистерии, в этом пратеатре, в этой праформе политической власти главное (условно говоря, титульное) действующее лицо, пожалуй, лишь номинально выполняет свою роль – роль протагониста, и его присутствие на гипотетической сцене скорее предполагается, подразумевается, обозначается самим действием в целом и его отдельными составляющими в частности, нежели обладатель сакрализованной и мистифицированной власти в качестве такового на самом деле непосредственно участвует во всем происходящем. И поскольку главными действующими (в наибуквальнейшем смысле этого слова) лицами описываемого действия являются сами зрители, можно предположить, что основания для родившегося гораздо позже высказывания «короля играет свита» возникли уже в те предельно далекие от нас времена. На содержание подразумеваемого сценария этой прамистерии решающее воздействие оказывают, с одной стороны, страх перед вождем, отделенным и в то же время защищенным от участников-зрителей мистериального ритуала целой системой табу, а с другой – всеобщее и безграничное благоговение, испытываемое по отношению к нему же и обусловленное как не оставляющим места для сомнений представлением о его генетической связи с тотемом, так и все теми же табу.

Функционирование власти в Египте – это своеобразная инсценировка, «решенная» в форме монументальной – «нечеловеческой», надчеловеческой – и подчеркнута статичной *скульптурной композицией*, в качестве сцены для которой была избрана плодородная долина Нила, а фоном послужила не уступающая в неподвижности и масштабности только что упоминавшейся квазискульптуре многофигурная *фреска*. Все происходящее на этой сцене носит характер необычного – преимущественно мимического – спектакля, каждое мгновение и каждая мизансцена которого наполнены многозначщей статикой. Протагонист представления многочисленными зрителями безоговорочно признается сыном самого могущественного, воспринимаемого в качестве верховного бога, что еще в большей степени лишает действие динамики и еще сильнее подавляет самих зрителей, которые покорно исполняют роль не просто статистов, а, скорее, сценических – пусть по видимости и живых, но при этом практически не обнаруживающих своей одушевленности – декораций. Все используемые в этом спектакле средства – как (уже) политические, так и художественные (или все же квазихудожественные) – направлены на то, чтобы в максимальной степени подчеркнуть и усилить статичный характер как будто бы и разворачивающегося, но на

самом деле остающегося неподвижным действия, или, как минимум, воспринимаемого в качестве такового⁶⁴.

Древняя Греция наделяет политическую власть формой *ожившей скульптуры*, которая удивительным образом соразмерна человеку. В роли правителя мы здесь видим, по сути дела, обычного человека, внешне не слишком отличающегося от своего окружения. Это сходство усиливается и тем, что совсем близко от него находятся, с одной стороны, очень его напоминающие человекоподобные жители Олимпа, а с другой – еще в большей степени на него похожие богоподобные победители Олимпийских игр. При этом он уверенно исполняет партию лидера – условно говоря, героя-оратора-демагога-тирана. Кроме того, далеко не последнее место на древнегреческой политической сцене принадлежит еще одному в высшей степени значительному персонажу – хору, в состав которого (естественно, условно говоря) входят все свободнорожденные афиняне (иными словами, исключая рабов и женщин), выступающие одновременно в роли зрителей, который отнюдь не покорно и не безвольно вторит главным героям и уже самим своим присутствием способствует созданию ситуации дискуссии, напряженного диспута, *агона*, столь органичного как для театрального, так и для политического действия.

В Древнем Риме персонифицирующий власть и вновь, как и в глубокой древности или в более близком к Риму Египте, но уже, естественно, иным образом, обожествляемый преклоняющимся перед ним народом правитель – это некий специфический (конечно же театральный, а точнее театрализованный) персонаж, который старательно играет роль полководца-победителя, *превращенного* в поставленную на довольно высокий пьедестал (а проще говоря – над зрителями) *статую*, пышно (но достойно, т.е. без обесценивающей модель пестроты) разодетого, не обнаруживающего (во всяком случае, явно и на сцене, то бишь на людях) ни физических, ни моральных слабостей и благодаря упомянутому обожествлению наделенного всесилием (как минимум, земным).

Этот политический лидер все еще сохраняет некоторое сходство со своим греческим предшественником. Однако изменения, происшедшие в облике и образе персонажа, олицетворяющего власть в Риме, надо признать, все же довольно существенно отличают его от стоящего у

⁶⁴ Вероятно, в той или иной степени похожие картины могли бы быть нарисованы в результате более или менее пристального рассмотрения происходящего и на Древнем Востоке – в Индии, Месопотамии, Китае, Иране. Однако в данной работе я сознательно отказываюсь от излишнего (всего лишь для нее) расширения географии рассматриваемого процесса.

власти грека. И коснулись эти изменения в первую очередь глубинных уровней личности римлянина. Прежде всего это проявляется в его манере держать себя перед народом (перед массой), в его нескрываемом и даже подчеркнуто высокомерном отношении к последнему, в его принципиальной «имперскости», стремлении к преимущественно искусственно создаваемой масштабности – собственной личности, конкретного события, их исторической значимости – и контекстуально далеко не всегда оправданной помпезности, требующей столь не приемлемой для древних греков роскоши и специфической избыточности повседневного быта. Наглядным и в то же время символическим выражением наиболее полной формы театрализации новой политико-художественной идеи, на мой взгляд, становится собравшее десятки тысяч зрителей представление в грандиозном амфитеатре – но уже не греческом, где, как известно, ставились трагедии и комедии и царил дух демократии, а в римском, где на арене, со всех сторон окруженной скамьями, «выступали», так сказать на равных, дикие звери и смертники-гладиаторы и где безраздельно господствовал дух имперского величия и сословной иерархии, опиравшейся на принципы имущественной, социальной, политической дифференциации. Этот иерархический принцип находил свое выражение, с одной стороны, во взаимном расположении (как в отдельном конкретном случае в частности, так и в повседневной жизни в целом) зрителей (в число которых входили далеко не только патриции и обладавшие властью лидеры того времени, но и плебс, в чем проявлялись остаточные черты республиканского строя и вытесненной из общественной жизни демократии) и непосредственных участников зрелища, а с другой – во внеконкурентном положении императора по отношению ко всему народу, который располагался (преимущественно покорно) на первых, т.е. самых нижних, ступенях лестницы, служившей пьедесталом стоявшему на ее вершине правителю Великой империи. Грандиозность этой фигуры усиливал фон, создаваемый Колизеем, помпезными триумфальными арками, базиликами, а многочисленные зрители, которые вместо скамей амфитеатра оказались на ступенях, ведущих к статуе императора, или, точнее, императору-статуе, выполняли роль безликих, но нередко довольно шумных статистов⁶⁵.

В эпоху средневековья в роли власть предержащего выступает церковный иерарх – как бы главное действующее лицо фактически не пре-

⁶⁵ К сказанному можно добавить, что именно в Древнем Риме возникла ситуация, ярко выразившая себя в первом масскультовском – точнее прамасскультовском – слогане «Хлеба и зрелищ!» и в связи с этим же очень напоминавшая ту, в лоне которой через два тысячелетия возникнут оптимальные условия для зарождения потребительской культуры.

кращающейся литургии (как известно, в высшей степени театрализованного церковного действия-зрелища). Но почему «как бы»? А потому что поскольку одной из важнейших его задач являлось утверждение в сознании верующих идеи божественного господства – *власти Бога* над человеком, именно Бог и являлся подлинным героем разыгрывавшегося представления или, как минимум, выдавался за такового.

Другая ипостась представителя средневековой власти – суровый и даже грубый воин, чей авторитет тем не менее отнюдь не был ни бесспорен, ни слишком устойчив. Однако, даже несмотря на многочисленность не только мирских правителей, но и церковных иерархов, средневековая политическая презентация представляется мне *специфическим* театральным представлением, а именно *представлением малой формы*, в котором, при минимуме действующих лиц, многочисленные зрители выполняют дополнительную функцию достаточно шумной и пестрой массовки, в отличие от древнегреческого хора не имеющей ни своего мнения, ни собственного голоса. В то же время это представление было сугубо сценической и предельно театрализованной акцией, в рамках которой оказались просто ненужными любые «вспомогательные элементы» художественного характера, которые «предлагались» различными видами искусства и без использования которых другие эпохи (как я попытался показать выше и о чем еще немного скажу ниже) никак не обходились. И этому обстоятельству есть свое объяснение. Дело в том, что вышедшая на первый план религия, а точнее церковь, компенсировала дефицит художественности той – пожалуй, даже избыточной – «внутренней» художественностью, которая к тому времени уже отличала церковный ритуал: ведь в нем были представлены и живопись, и скульптура, и архитектура, и декоративное искусство, и музыка, и искусство слова – как в письменном, так и в устном вариантах последнего, и если и не собственно танец, то, как минимум, искусство движения, точнее перемещения в замкнутом и, кроме всего прочего, признаваемом сакральным пространстве.

Совершенно естественно, что в политическом театре эпохи Возрождения на первый план вышла живопись. В частности, был возрожден или, скорее, рожден заново *жанр живописного портрета*, в котором так нуждалась набиравшая силу власть. Но интересная деталь: активно претендовавший на воспроизведение себя на холсте обладавший значительной властью «портретируемый» слишком часто выступал в роли некоего подобия двуликого Януса, представляя перед зрителями то в образе тонко чувствующего поклонника муз и щедрого покровителя искусств, то в роли жестокого, безжалостного и циничного в своем стремлении к власти политика, ради достижения своих целей готового на все

— даже на кровавые преступления. При этом обе роли успешно исполняли как церковные иерархи (в том числе и папы), так и светские сторонники и последователи — и гипотетические и фактические — Н.Макиавелли (который, как известно, сам пописывал театральные пьесы, о чем здесь уместно напомнить).

В результате возрожденческий политический спектакль стал, пожалуй, первым в историческом дефиле власти представлением с исключительно серьезным и значимым в контексте его истолкования подтекстом, в достаточной степени понятным хорошо осведомленным, то бишь внимательным, зрителям, которые в то же время прекрасно осознавали ту опасность, которую сулило им излишне активное участие в нем и слишком смелое его обсуждение и комментирование: с одной стороны, не дремала постоянно словом и делом подтверждавшая свою «святость» инквизиция, а с другой — беспрестанно организовывались тайные дворцовые заговоры и плелись театральные по изобретательности, но вполне реальные по своей беспощадности и результативности интриги. В итоге жертвой обычно становился либо кто-нибудь из «ближнего круга», т.е. из числа принявших непосредственное участие в политическом спектакле, чье дальнейшее присутствие на сцене начинало вызывать неудовольствие протагонистов в сутанах или пышных жабо, либо какой-нибудь неосторожный зритель, на свое несчастье случайно и не вовремя попавшийся на пути церковно-государственного монстра.

Мода на живописный портрет в театрально-политическом процессе сохранилась и в эпоху Просвещения, но по сравнению с предшествующими веками жанровое разнообразие стало богаче. Образ современного властителя воплощался не только — хотя и в первую очередь — в *парадном портрете* (искусство которого достигло расцвета, чему в значительной степени способствовали огромные художественные потенции и классицизма, и барокко, и рококо). Достаточно часто он оказывался в центре монументальной и многофигурной композиции, изображавшей чаще всего короля и его свиту и напоминавшей полотно «какого-нибудь» Рембрандта или Давида. Кроме того, именно в политике того времени родилась особая разновидность жанра группового портрета: в задних рядах некоторых многофигурных полотен стал угадываться так называемый «серый кардинал», плохо известный или вообще не известный широкой публике, а потому и не привлекавший особого внимания к своей персоне. В дальнейшем портреты, которые могли бы быть отнесены к упомянутым жанрам изобразительного искусства, нередко украшали пышные интерьеры, игравшие роль сценических декораций для политически значимых и почти всегда впечатляющих в театральном — но и не только! — отношении событий. Если же оценивать роль зрителей

того времени, то следует признать, что режиссерами-постановщиками – как уже неоднократно бывало в политико-театральной истории – они вообще не принимались во внимание. (На всякий случай напомним, что кончилось все это Великой французской революцией.)

Но хотя позже зритель, то бишь народ, становится все более и более заметной фигурой на политических подмостках Европы, на короткое время в континентальном политическом театре происходит, условно говоря, возвращение к далекому прошлому, а точнее, частичное возрождение древнеримской «парадигмы»: власть предержащий выходит на сцену, а точнее взбирается на приготовленный для него пьедестал (пусть не такой же высокий, как это было в Древнем Риме), в костюме древнеримского триумфатора – «оскульптуренного» и увенчанного лавровым венком воина (наиболее яркие примеры – Наполеон и Александр I), смотреть на которого сбегаются толпы зевак-обывателей. «Выбор» скульптуры в качестве «служебного» вида искусства объясняется тем, что она, во-первых, наиболее успешно по сравнению с другими его видами придает монументальность фигуре и масштабность личности портретируемого – даже если на самом деле в них нет ни монументальности, ни масштабности, а во-вторых, более убедительно демонстрирует и подчеркивает связь – не столько фактическую и уж тем более генетическую, сколько духовную, мистическую – императора, заступившего на свой «пост» в Новое время, с его далеким, но в известном смысле прямым предшественником – повелителем Римской империи. Потребность в зрителях в это время возрастает, но реализуется она преимущественно в использовании их в массовых сценах, а задача, стоящая перед ними, ограничивается тем, что они должны как можно громче кричать «ура» в честь императора-победителя – протагониста очередного акта театрализованной эпопеи под названием «политическая история».

Во избежание излишней для данной статьи детализации почти весь «остальной» XIX век я пропускаю, хотя в нем, безусловно, можно было бы обнаружить немало интересного и достойного включения в настоящий обзор. И все же на одном – отечественном и в известном смысле опосредованном – примере, относящемся именно к этому времени, я хотел бы остановиться. Речь идет о стихотворении, написанном Ф.И.Тютчевым на смерть императора Николая I:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, –
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

Присутствие «мотива» театра в этом стихотворении очевидно. Но самое главное, на мой взгляд, состоит в том, что именно эти слова (естественно, с соответствующими уточнениями) могли бы быть отнесены ко множеству царей, королей, президентов, генеральных секретарей и тому подобных индивидов (к сожалению, слишком часто не являвшихся личностями), которые как ранее, так и в следующем столетии превращались в глав государства, воплощая тем самым политическую власть.

К концу XIX века, как известно, относится возникновение *дендизма* – и к политической власти приходят джентльмены, словно сошедшие с графических и живописных произведений, созданных более или менее последовательными приверженцами стиля *ар-нуво*. Политический театр, который постепенно отказывался от любых заимствований из прошлого и от использования все более решительно признаваемых устаревшими политико-сценических форм и типажей, в своих многочисленных постановках охотно выводил на сцену персонажей вполне современного вида: в политических инсценировках ведущую роль играли те же джентльмены-денди, которые все более активно действовали на современной собственно театральной сцене, не менее активно заполняли виртуальное пространство европейской живописи и которым была присуща далеко не всем доступная – в значительной степени внешняя, но безусловно изысканная, рафинированная, а потому, можно сказать, усложненная – простота. С одной стороны, в соответствии с последней, отнюдь не всегда оправданно претендующей на интеллектуальную глубину, а с другой – вопреки ей, утверждается, например, неприятие прямых линий – как в искусстве, так и в политике, как в ситуациях официальных приемов, так и в повседневной жизни, как в поступках, так и в мыслях. В то же время «прямой» и строгий фрак, который с достоинством, а нередко и с изяществом носит политик-денди, только выигрывает в своей лапидарной выразительности на этом волнисто-уклончивом фоне – как в гостиных, салонах и театральных залах, так и в переговорных помещениях министерств иностранных дел.

На протяжении чуть ли не двух первых третей XX века господствующее положение в политическом театре занимал принципиально новый лидер – с военной, точнее военизированной, внешностью и обладавший неоспоримой харизмой, которая нередко не только достаточно мирно уживалась с присущими ему и отнюдь им не скрываемыми жесткой, а нередко и жестокой непреклонностью по отношению к своим врагам – неважно, являлись те подлинными или вымышленными, – но и использовала их в собственных (естественно, корыстных) целях. Однако в отношении соблюдения традиции введения в политическое представление в качестве равноправного элемента художественности (говорить о хотя

бы гипотетическом наличии которой, опираясь на приведенные выше примеры, на мой взгляд, имеются все основания) в данный исторический период возникли серьезные трудности. И в значительной степени обусловлены они были, как видно, тем, что многие художники того времени были до самозабвения увлечены революционистскими идеями модернизма. Однако политики-харизматики, отнюдь не проявлявшие себя революционерами в сфере искусства, нуждались вовсе не в художественных экстравагантностях и условностях (вспомним хотя бы об отношении к новомодным веяниям в искусстве Гитлера и Сталина), доводимых к тому же иной раз до абсурда, а как раз наоборот – в максимально достижимой, но при этом почти в обязательном порядке подчиненной жестким идеологическим требованиям реалистичности, которая – благодаря этому условию – не должна была становиться препятствием на пути применения благожелательной, милосердной или, проще говоря, лыстивой по отношению к портретируемому и лживой по отношению к правде ретуши, применяемой с целью исправления тех «частных» ошибок и упущений, которые, по не поощрявшему никакой критики мнению как самого харизматика, так и «лидеров» его свиты, могли быть допущены по недосмотру природы в самом процессе «вращения» очередного носителя харизмы. И в результате все виды и жанры искусства оказались решительно оттесненными на второй план их новой, казалось бы, очень скромной и пока еще до неприличия бедной родственницей – *документальной фотографией*. В то же время она – в том числе и благодаря применению искусной (художественно-политической!) ретуши, а также очевидной, хотя и своеобразной (а кроме того, зачастую дешевой и очень далекой от проявлений подлинного художественного вкуса, который был присущ совсем недавно вышедшим в тираж политикам-денди) артистичности портретируемых (таких, как Гитлер, Муссолини, Керенский, Троцкий, Сталин, Тито, Мао Цзедун, Ким Ир Сен, Фидель Кастро, в определенной степени де Голль и др.) – действительно не была лишена известных черт произведения, но уже нового вида искусства. Многочисленные же зрители в очередной раз играли роль сценически-фонового «мяса», то бишь бессловесных декораций, – правда, на сей раз присутствовавших всего лишь на фотодокументах, которые фиксировали ключевые мизансцены и наиболее выразительные жесты и позы protagonists, тем самым представляя собой фоторепортаж о политическом спектакле. Однако справедливости ради следует признать, что без этих живых декораций не только не получился бы полноценный портрет военизированного политика, но не вышел бы и документ как таковой, что прекрасно понимали лидеры, носившие теперь вместо фраков френчи. И уже хотя бы в силу этого многочисленные зрители, благодаря ко-

торым современность, как известно, и обрела адекватное название – «век толп», получили возможность подтвердить свою политическую полезность и даже необходимость, а также продемонстрировать возросшую социальную значимость и фотогеничность.

И вот мы добрались до конечного пункта нашего беглого обзора – до второй половины XX века, т.е. до *эпохи шлягера*⁶⁶ и шоу. Как раз в это время на авансцену социального – в том числе и политического – действия вышел еще только обретавший самостоятельное выражение лица принципиально новый тип политика/актера – *политик-шоумен*, классическим примером которого можно считать, на мой взгляд, Р.Рейгана. По большому счету, этот персонаж не имеет (точнее, не хотел бы иметь, но приходится!) ничего общего с основной массой зрителей и актеров-статистов (несмотря на то что чаще всего сам является выходцем из той же среды), а проблемы, волнующие их, по сути дела, не вызывают у него особо сильных эмоций. Однако политическая конъюнктура заставляет его всячески стремиться к созданию (и с этим он обычно успешно справляется) у них впечатления, что он и по сей день плотью, кровью, чувствами и мыслями неразрывно связан с внимающей ему аудиторией⁶⁷.

Дело в том, что в *век толп* социальная, политическая и даже художественная значимость зрителей, слушателей (прежде всего, имеется в виду их определяющая роль в развитии потребительского искусства, потребительской культуры) стремительно возрастает. Демократические механизмы – плохо ли, хорошо ли, но все же работающие – не позволяют современному политику пренебрегать массой и ее настроениями. Более того, ему часто приходится идти у нее на поводу, превращаясь в более или менее явного популиста. Но на то он и шоумен (который одновременно не может не быть в той или иной степени популистом), чтобы суметь, тонко чувствуя настроения массы и организуя грандиоз-

⁶⁶ Вынужден оговориться, что из-за недостатка места я даже не предпринимаю попыток дать более или менее подробное разъяснение термина «шлягер». Ограничусь лишь указанием на то, что рассматриваю его – вопреки наиболее распространенной его трактовке – в качестве категории, в настоящее время обретающей, а скорее всего уже обретшей, *общекультурологическое* значение. На этом основании я считаю возможным использование и производного от нее существительного – «шлягеризация» – для обозначения наиболее существенного, с моей точки зрения, аспекта тех разнообразных процессов, которые происходят в современной культуре (См. об этом: *Акопян К.З.* Шлягеризация, шоуизация и эксгибиционизация в современной культуре // *Горизонты культуры: от массовой до элитарной.* СПб., 2008), все в большей степени обретающей черты культуры потребительской.

⁶⁷ Следует заметить, что отдельные элементы такого поведения, нехитрого, но дающего в высшей степени позитивные для политического деятеля результаты, приносили свои дивиденды уже на непосредственно предшествующем историко-культурном этапе и даже еще в эпоху античности.

ные шоу с использованием самых современных технических и идеологических средств, в конечном итоге заставляя ее плясать под свою дудку, при этом убеждая ее, что главная роль в разворачивающемся политико-театральном представлении все-таки принадлежит именно ей и что устраивается последнее исключительно ради нее (самое забавное, что это навязываемое толпе мнение довольно часто оказывается недалеко от истины). Интересно также отметить, что содержанием шоу, организатором которого становится главный герой того же самого представления, может стать не только некий позитивно-нейтральный материал из его биографии, но и в большей или меньшей степени скандальная история (правда, подобный ход пока не является обязательным и/или широко используемым, но мне кажется, что у него большое будущее), которая (хотя она и была явно и напрямую связана с именем политика-шоумена) практически не вредит его (напомним различные ситуации, связанные с поведением Клинтона, Берлускони, Саркози и др.) имиджу – простого и доступного, своего в доску и т.п., иначе говоря, человека, не слишком отличающегося от охотно аплодирующих ему зрителей.

Кого же, однако, следует считать создателем нового типажа в театрально-политическом спектакле? Вопреки социолого-культурологической логике рискну высказать предположение, что первым во все удлиняющемся ряду политиков-шоуменов стоял не какой-нибудь там американский (что было бы естественно) или, «на худой конец», западноевропейский политический деятель, а наш отечественный партийно-государственный лидер Н.Хрущев, об экстравагантных поступках которого, обнаруживая при этом достаточно пеструю палитру чувств и формулировок-реакций, говорил в свое время практически весь мир. И с тех пор, т.е. с середины 50-х – начала 60-х годов, тенденция, которую можно назвать *шлягеризацией и шоуизацией политики*, только усиливалась. Пришедшие в политический театр вслед за главным советским коммунистом претенденты на статус политического шоумена, на мой взгляд, всего лишь более или менее успешно подражали – при этом старательно и чутко учитывая требования исторического момента – первопроходцу, в то же время, естественно, не «делая себя» сознательно с товарища Хрущева.

И я склонен предположить, что именно такому типу политиков принадлежит будущее. Правда, если приходу последнего не помешают те же самые (уже упоминавшиеся) всеобщие шоуизация и шлягеризация – только на сей раз всей жизни современного общества, поскольку на реализацию именно этих – масскультовских по своей сути – проектов в настоящее время, на мой взгляд, брошены мощные интеллектуальные силы практически всего человечества.

Исходя из сказанного, т.е. опираясь на приведенные в завершенном только что обзоре примеры, я прежде всего попытаюсь сформулировать те выводы, которые не претендуют на особую глубину, поскольку они со всей очевидностью лежат на поверхности сказанного. Первый из них сводится к тому, что любая *политическая власть с необходимостью принимает участие в гипотетическом, но всегда отличающемся своеобразием театральном представлении*. При этом ее успех у зрителей отнюдь не говорит о том, что спектакль удался, и наоборот. Ведь в конечном итоге все по своим местам расставляют все же не театр, не лицедейство – пусть и высокого полета – и даже не искусство, но сама история, а точнее, ее дух – «безликий и глухой, что действует помимо нашей воли» (М.Волошин). Второй же вывод состоит в том, что подобное *театрально-политическое*, или политико-театральное, *представление всегда* в большей или меньшей степени *несет на себе отпечаток «лидирующего» на данный исторический момент вида искусства* или даже шире – *вида духовной, точнее одухотворенной* (и неважно, каким духом) *деятельности*.

Переходя же к более существенным выводам, я хочу предупредить, что в их формулировке важную роль играет прием парафразирования, которому я придаю значение смыслообразующего. А в качестве «рабочего» материала, привлекаемого мной – признаюсь, по разным причинам; но важнейшие из них, вероятно, станут очевидными в ходе ознакомления с содержанием приводимых ниже цитат – с целью использования указанного приема, был избран известный труд Ф.Ницше «Казус Вагнер». И, как минимум, для того чтобы проиллюстрировать, как «работает» в настоящей статье прием парафразы, а как максимум – чтобы придать делаемым мной выводам большую основательность и обоснованность, приведу несколько высказываний уже цитировавшегося мной философа-иммoralиста. В рамках первого из них по сути дела осуществляется столь понравившийся мне *перенос* на иной объект – в данном случае на музыку (хотя в то же время мы не должны забывать, что трагедия, иначе говоря театр, по утверждению того же иммoralиста, сама рождается из духа музыки) – оказавшихся необыкновенно «пластичными» и в известном смысле универсальными характеристик театра в целом и входящих в его состав «компонентов» в частности⁶⁸: «...Музыкант, – пишет Ф.Ницше, – становится теперь актером, его искусство все более развивается как талант *лгать*. ...Это общее превра-

⁶⁸ См. также по этому поводу сноску 2 – первое в данной статье цитирование работы Ф.Ницше «Казус Вагнер».

щение искусства в нечто актерское... определенно выражает физиологическое вырождение (точнее, известную форму истерии)...»⁶⁹.

Для успешной реализации приема парафразирования мне нужно осуществить несложную операцию подстановки, а именно заменить слово «музыкант» словом «политик», а на место слова «искусство» поставить слово «политика». В результате у меня получается следующее: «Политик становится теперь актером, его искусство все более развивается как *талант лгать*. Это общее превращение политики в нечто актерское определенно выражает *физиологическое вырождение* (точнее, известную форму истерии)». Оценивая этот в известном смысле механическим путем полученный вывод, я не могу не признать его убедительности и соответствия происходящему в действительности; однако в данной работе от более развернутых комментариев по данному поводу я воздерживаюсь⁷⁰.

Следующее высказывание немецкого философа – несмотря на прошедшие после его опубликования десятки лет – также может быть представлено в качестве в высшей степени актуального для современности вывода: «...В упадочных культурах... всюду, где решение переходит в руки масс, подлинность становится лишней, убыточной, вызывающей пренебрежение»⁷¹. В результате вносимых мной «уточнений» эту фразу я представляю в следующем виде: «В истории, в любой культуре – всюду, где решение переходит в руки масс, подлинность становится лишней, убыточной, вызывающей пренебрежение». И о том, что это действительно так, немало было сказано и Х.Ортега-и-Гассетом, и философами Франкфуртской школы, и другими исследователями современной культуры, истории и истории культуры; наконец, массу подтверждений сказанного дает нам все та же сегодняшняя действительность. С другой стороны, в определенной степени потрафляя пришедшей или, точнее, поверившей в свое пришествие к власти массе, с завидной настойчивостью издеваться над истиной рекомендовал постмодернизм – например, устами литературного героя его патриарха У.Эко⁷², что, безусловно, стало эффективным средством в деле превращения подлинности в нечто *лишнее, убыточное и вызывающее пренебрежение*.

В то же время полученный при помощи парафразирования вывод можно интерпретировать, условно говоря, и по-экзистенциалистски, а

⁶⁹ Ницше Ф. Цит. соч. С. 537–538.

⁷⁰ Добавлю к сказанному лишь то, что полученный вывод, скорее всего, мог бы быть с не меньшим успехом отнесен и ко многим иным историческим эпохам, хотя любые замечания о конкретной исторической форме культуры должны носить столь же конкретно-исторический характер.

⁷¹ Ницше Ф. Цит. соч. С. 545.

⁷² См. финальную сцену романа «Имя розы».

именно: как только политики, стремившиеся к власти и провозглашавшие «на этом пути» прогрессивные лозунги, до этой власти добираются, они, по сути дела, становятся представителями *упадочной, неподлинной культуры* – *культуры декаданса* или хотя бы упадочной составляющей, возможно, все еще здоровой культуры. Иными словами, можно предположить, что *власть всегда больна* – в большей или меньшей степени. Больна, так сказать, по своей природе – хотя бы из-за прилагаемых ею порой немыслимых усилий удержать, не упустить вожаемое и с таким трудом обретенное положение. С другой стороны, согласимся: ведь и подлинная культура постоянно пребывает в кризисе! Однако недуг власти – это неизбежно та или иная форма «дурной болезни», радикального лечения от которой чаще всего не существует; культура же может болеть болезнями, не столь уж и опасными для ее здоровья и даже – благодаря некоей присущей ей иммунной устойчивости – оказаться способной после очередного заболевания выглядеть помолодевшей, ощущать себя обновленной и готовой к новым свершениям.

А в заключение всего изложенного выше я предлагаю парафразы тех пожеланий, которыми Ф.Ницше завершил цитируемую мной работу, которые были выражены им с предельной ясностью и лапидарностью и обращены к театру – этому «*под искусства*»: «Чтобы театр не становился господином над искусствами. Чтобы актер не становился соблазнителем подлинных. Чтобы музыка не становилась искусством лгать»⁷³. Прodelав в очередной раз уже хорошо освоенную операцию подстановки, я получаю следующий текст, в моем варианте уже обращенный, естественно, к политике – этому «*под жизни*», или *sub-vita*:

«Чтобы власть не становилась господином над жизнью.

Чтобы политик не становился соблазнителем подлинных.

Чтобы политика не становилась искусством лгать».

И хотя я отлично понимаю, что эти при помощи парафразирования полученные формулировки – не более чем прекраснoдушные мечтания, в возможность воплощения которых в жизнь до конца не могу поверить даже я – их автор (или хотя бы полуавтор), я под ними решительно подписываюсь.

*Аннамай Энди,
Университет Плимута, Великобритания*

СДЕЛКА ЗНАНИЯ ЧЕРЕЗ СЕТИ В SME'S

⁷³ Ницше Ф. Цит. соч. С. 546.

KNOWLEDGE TRANSACTION THROUGH NETWORKS IN SME'S BY

Abstract. In a globalised world, SMEs (Small and Medium size Enterprises) across different parts of the world are finding it difficult to survive in today's economic climate. This research paper proposes a Knowledge Transfer and Networking approach to the development of knowledge and focuses on Turkish SMEs. The modern world is normally referred to as a world of knowledge transaction. The study examines the knowledge transaction process of SMEs business networks in the Turkish Textile Industry. The problem firm's face is how to manage knowledge to gain efficiency and competitive advantage forced modern companies to think about Knowledge Transaction and its applications. However, many Turkish SMEs seem to be unaware of the importance of managing this process for their businesses. This research reviews and develops a FirstAid model for SMEs in Turkey in order to improve the existing knowledge transaction procedures. We believe these concepts could be translated and applied to SME's in Russia and in other parts of the world.

Knowledge Transaction (KT) has attracted particular the attention in the business world. To understand how the KT and Networking operates in Turkish small enterprises, will give insight into the competitiveness of SMEs. Knowledge transaction networking has been defined by Seufert, Von Krogh, and Bach (1999), as "signifying a number of people, resources and relationships among them, who are assembled in order to accumulate and use knowledge primarily by means of knowledge creation and transaction processes, for the purpose of creating value." In order to survive and grow, there are many methods that firms can use. Firstly, networking can be an end in itself according to Gilmore et al (2001) and has proven a successful tool for smaller firms. In order for firms to appreciate the importance of networking and to consciously and successfully implement the networking concept through planning, they need to overcome the regular problem of lack of networks expertise. The difference between the success and failure of small firms can be the availability of and access to the relevant information and support services that have become increasingly common (Summon 1997). The business support infrastructure such as IT, government support and support by private organisation that we see today are of great value to struggling SMEs (Sparrow 1999) and the benefits of this form of knowledge transaction

are perhaps not emphasised enough. In numerous cases, however, outside help is often sought too late – that is at the stage when firms are almost beyond help. Knowledge transaction is, therefore, a critical factor in improving the growth prospects of many smaller businesses via networks. In the following sections, the relevant literature is reviewed to identify the gaps with respect to knowledge transaction and network in Turkish SMEs.

Literature Review

Knowledge transaction

Nonaka and Takeuchi (1995) describe knowledge creation as a spiralling process that starts with the individual and then moves across the organisation in a never-ending process of knowledge transfer (Nonaka & Takeuchi, 1995). This highlights the value that needs to be placed on understanding knowledge transfer in SMEs.

Understanding Knowledge Transaction

Alavi (2000) highlights the importance of knowledge transfer by suggesting that for superior performance of a social entity, knowledge generation and its successful transfer needs to take place. Cross, Parker, Prusak, and Borgatti (2004, p. 62) also posit the value of knowledge sharing in today's economy, "where collaboration and innovation are increasingly central to organizational effectiveness." The transaction of knowledge occurs when knowledge is diffused from one resource to another by storing or sharing it (Bajracharya & Masdeu, 2006). Knowledge is either transferred purposefully or it may occur as an outcome of other activity. Knowledge transaction can be defined as a "Knowledge systematic approach that obtains, organise, re-structures, warehouse or memorise, deployment and distribute knowledge to points of action where it will be used for sharing and adopting best practices" (Wiig, 1997). The transaction of knowledge depends on time, scope, complexity, and strategic importance because it determines the effort and resources of the organization. The organization needs to consider pedagogical skills, teaching and learning capabilities, and social networks for successful implementation (Pradhan & Rainer, 2004).

Transaction of knowledge includes two actions: one is transmission which means sending knowledge to potential receiver and another is absorption meaning that knowledge must be incorporated either by a person or a group. As such, Davenport and Prusak have expressed this concept as "*Transfer = Transmission + Absorption*" (Davenport & Prusak, 1998). While talking about transaction of knowledge, many economists often mention that the individual is not only eager to learn new things from other resources but also willing to share the knowledge that they acquire. Bajracharya and Masdeu argue that considering this notion, it appears that transactioning knowledge

is rather very smooth process. Nevertheless, there are other factors that make it complex. The organization may be threaten by the significant problems like unwilling to share, difficult to articulate, time factor, and so forth for which organization should build strategies to capture the knowledge and transaction them to appropriate resources.

Therefore, while knowledge transaction between firms includes the flow of knowledge between SMEs and the ability to understand and to utilise this knowledge, it also includes the reality that the evidence of knowledge transaction may not always be easy to observe because tacit knowledge is not as tangible; therefore when considering knowledge transaction we need to consider the character of knowledge.

SME Networks

SME networks have been classified as 'personal', 'support' and 'industrial' with emphasis being given to the sets of dyadic relationships that comprise the network (Shaw & Conway, 2000: 367). Personal networks often revolve around an owner's social circle of friends and acquaintances. Support networks comprise accountants, banks, local agencies and other providers of business assistance. Industrial networks are the exchange relationships involving customers and suppliers forming part of SMEs value adding processes. These three types of networks are central to the existence of many SMEs (Martin, 2000). In practice an SME's personal, support and, even sometimes, industrial networks may overlap significantly. Interest in personal networks has been stimulated by attempts to understand how involvement in these networks can help create, develop and grow small firms (Shaw & Conway 2000: 370). Personal contact networks, it has been found, help generate social support for the owner, extend strategic competencies in terms of identifying opportunities and threats, and can supplement internal resources to resolve major operational problems. Owners can save significant time and money by accessing information, advice and resources through their personal networks. Social networks help build relationships that can give the small firm access to new markets, technology, finance and political protection (Doukas & Kalantaridis, 2000). Relationships are governed by norms of personal social behaviour which serve as the rules and guidelines within the network. Relationships are based on trust which, in this context, means that the other person would reciprocate a favour if needed (Martin, 2000). The concept of knowledge transaction network is explained in the following section with the help of a simple block diagram.

Conclusion

Knowledge is a valuable asset and is crucial for enhancing capability and competitiveness of Textile firms. Without any mechanism to deploy that

knowledge, Turkish firms may not cope with changes and challenges in the dynamic business environment in today's world. The study has made an attempt to identify several important factors and explain knowledge transaction in Turkish Textile firms. Effective Knowledge Transaction implementation helps SMEs with free flow of information, ideas and resources. But, this often may not be easy as there might be a communication gap between various entities in or between Turkish SMEs. The main challenge faced by most businesses is to manage the flow of information among different entities. Firms may not be able to handle complex knowledge transaction procedures with the changes and challenges in the dynamic business environment. Therefore, SMEs need a clear understanding on what to be shared, when to should be shared or accessed and with whom the resources have to be shared. This study has made an attempt to identify and examine several important factors and developed. *First Aid Model* in order to reduce the communication gap with the help of Trust and Collaboration in knowledge transaction process in Turkish Textile firms. Turkish SMEs will be able to achieve a desired level of participation in Knowledge Transaction process with the help of the *First Aid model*. For these reasons, research into the nature of knowledge Transaction environment is important and constructive and should be conducted on a continuing basis. The study remains subject to several limitations. Firstly, since the researcher consulted very few SMEs and the response might not truly representative of the whole Turkey, then the findings may not be generalized at large. Secondly, the study's small response in the context of Textile companies in Istanbul, Ankara, Bursa and Izmir may limit the findings' statistical power. To overcome this, the researcher will conduct further study with larger number of SMEs. Thirdly, there is a potential risk with respect to the responses due to the use of self-reported views by the respondents. This could be reduced by asking the questions included in the study at different points of times during the interviews.

References

- Alavi, M. (2000). Managing organizational knowledge. In R.W. Zmud (Ed.), Framing the Domain of IT Management: Projecting the Future through the Past (pp. 15-28). Cincinnati, OH: PinnFlex Education Resources Inc.
- Bajracharya, P & Masdeu, N.R. (2006) TACIT KNOWLEDGE TRANSFER ,In Small Segment of Small Enterprises ,International Master's Program in Strategy & Culture LIU – EKI/STR - D - - 06/003 - - SE. Linköping University, Sweden.
- Cross, R., Parker, A., Prusak, L., & Borgatti, S. P. (2004). Knowing what we know: Supporting knowledge creation and sharing in social networks. In E. Lesser & L. Prusak (Eds.), Creating Value with Knowledge (pp. 61-81). Oxford: Oxford University Press.
- Davenport, T. & Prusak, L. (1998), Working knowledge: how organizations manage what they know, Harvard Business School Press, Boston.

Doukas, M., & Kalantaridis, C. (2000): 'A Framework for Analysing Socioeconomic Relations within Interorganisational Networks in the Small Enterprise Sector', Proceedings of the 2000 Small Business & Enterprise Development Conference, p82

Martin.C.(2000) International and strategic networks: An SME perspective, The Centre for International Manufacturing, Cambridge University September 2000.

Rainer. M. & Pradhan, B.N., (2004), "Knowledge transfer after outsourcing: a cause study on Saab's collaboration with Denel Aviation in South Africa", Linköping University, Sweden.

Summon, P. (1998) Business Link impact and future challenges. Journal of Small Business and Enterprise Development, 5 (1), pp. 49-59.

Seufert, A., von Krogh, G., Bach, A., (1999) Journal of Knowledge Management. Kempston: Vol. 3, Iss. 3; p. 180

Shaw, E. & Conway, S. (2000): 'Networking and the Small Firm', in Carter.

*Белов Е. А.,
КЮИ МВД России, Казань*

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС ПО ВОПРОСАМ ТЕНЕВОЙ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА

*Belov E.A.,
The Kazan legal institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan*

SCIENTIFIC DISCOURSE CONCERNING SHADOW EMPLOYMENT OF THE POPULATION AS THE WAY OF FORMATION OF THE CONCEPTUAL DEVICE

Abstract. In article the problem of shadow (hidden) forms of ability to live of a society is analyzed. Being based on the analysis of the Russian periodicals and materials of basic researches in Russia it is possible to draw a conclusion on heightened interest to revealing of various aspects of shadow forms of ability to live of a society. The quantity of various level of works on the given question in Russia invariably grows. Often, authors include absolutely versatile processes and objects in sphere of shadow relations. To shadow relations carry also population employment at level of house economy and realisation of the weapon and drugs, activity of street dealers and activity of killers and so on. In article attempt of generalisation of the phenomenon of shadow employment in a society becomes

Основываясь на анализе периодической печати и материалов фундаментальных исследований можно сделать вывод о повышенном интере-

се к выявлению всевозможных аспектов теневых форм жизнедеятельности общества. Количество различного уровня работ по данному вопросу неизменно растет. Однако, достаточно часто, в сферу теневых отношений авторы включают абсолютно разноплановые процессы и объекты. От занятости на уровне домохозяйств до реализации оружия и наркотиков, от уличных торговцев до киллеров и т.п.

С целью теоретического осмысления, как самого феномена теневой занятости, так и определения границ этого понятия необходимо, на наш взгляд, использовать различные предметные рамки.⁷⁴ Причем изначально следует раскрыть содержание самого понятия «занятость». Согласно закону РФ «О занятости населения в Российской Федерации», занятость - это деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству Российской Федерации и приносящая, как правило, им заработок, трудовой доход.⁷⁵ По Д. Марковичу, занятость означает тот факт, что трудоспособные члены общества самостоятельно или в сообществе с другими членами общества осуществляют какой-либо вид общественно-полезного труда, которым они обеспечивают себе средства для удовлетворения своих потребностей и для удовлетворения определенных общественных потребностей.⁷⁶ В предложенных выше определениях внимание акцентируется на общественной полезности труда. Данный подход правомерен в рамках функционализма (Т. Парсонс и Р. Мертон), где сами общественные отношения определяются через общность фундаментальных норм и ценностей, которыми руководствуются люди в своей жизни.⁷⁷ Для сравнения можно предложить еще одно определение: «занятые – это лица, которые в течение отчетного периода выполняли определенную работу за заработную плату или жалование деньгами или натурой, а также лица, которые формально числятся на работе, но временно не работают».⁷⁸ Как видим, в последнем определении термина «занятость» никаким образом не оговаривается общественная полез-

⁷⁴ Понятие «рамка» было введено И. Гофманом (Goffman I. Frame Analysis. An Essay on the organization of Experience, 1974. – 586р.), который утверждал, что общественные события необходимо анализировать в определенном методологическом, теоретическом и предметном контекстах. Конвенционально установленные исследователем рамки могут полностью или частично менять значение протекающих событий.

⁷⁵ О занятости населения в Российской Федерации: закон РФ N 1032-1 принят 19 апреля 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 2 мая 1991 г., № 18, ст. 566.

⁷⁶ См.: Маркович Д. Социология труда. – М., 1998. – С. 358.

⁷⁷ См.: Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. – М., 1996. – С. – 39-48.

⁷⁸ См.: Хусманс Р. Занятость, безработица и неполная занятость. – М., 1994. – С. 57.

ность самой трудовой деятельности. В рамках нашего исследовательского подхода в качестве рабочего целесообразно использовать именно это определение, т.к. мы неизбежно будем сталкиваться с такими понятиями, как: «криминальная занятость», «незаконная занятость» и др.

Выделим следующие компоненты занятости:

– производитель (субъект деятельности); сама деятельность (процесс производства товаров или услуг); орудия производства (оборудование, инструменты, приспособления и т.п.); продукт труда (товар или услуга); условия реализации продукта.

Исходя из данной классификации, под неформальной занятостью мы будем понимать деятельность, в которой «неформальным» (нелегальным, незаконным) является только первый компонент. В свою очередь неформально занятых определим как лиц, которые трудятся на основе устной договоренности, т.е. без заключения трудового договора или оформления права на частную предпринимательскую деятельность. Остальные виды занятости, которые предусматривают противозаконный характер любого другого элемента, на наш взгляд, можно определить как криминальную занятость. В свою очередь, теневая занятость может быть рассмотрена как любая экономическая активность, вовлекающая доход или обмен товарами и услугами, о которых не сообщается правительству.⁷⁹ Основываясь на вышеизложенном, можно сделать предварительный вывод о том, что понятие «теневая занятость» является обобщающим, включающим в себя как неформальную, так и криминальную занятость.

Теневая занятость может быть рассмотрена в рамках философии, статистического подхода, психологии, экономики, политологии, социологии и др. общественных наук. Так, с позиции *философии* основное внимание уделяется раскрытию экзистенциальной сущности теневой занятости, т.е. определению ее естественной либо искусственной природы. Первый шаг в процессе изучения данной формы занятости будет связан с выявлением той сферы жизнедеятельности общества (экономическая, социальная, политическая, культурная, духовная и т.п.), которая обусловила объективную закономерность ее возникновения. Помимо этого в поле теоретико-философских интересов попадает вопрос возможности применения нравственно-этических норм для оценки, как самой теневой деятельности, так и поведения индивидов в процессе этой деятельности. Установление каузальной структуры и других онтологических, а также гносеологических интерпретаций послужит отдельным сегментом в предмете изучения теневой занятости.

⁷⁹ Macionis J.J. Sociology.- New Jersey: Prentice-Hall Inc, 1999. – С. 501-512.

Рассмотрение теневой занятости в рамках *статистического подхода* дает возможность определить количественно-качественные характеристики этого явления. Это позволяет сделать относительно абстрактное понятие теневой занятости достаточно наглядными. В России зарплата составляет примерно 30% от ВВП,⁸⁰ однако товаров наши соотечественники закупают на сумму, превышающую этот показатель в несколько раз. Нетрудно догадаться, что основная часть средств из этой разницы — теневая. Статистики могут определить различные параметры самого явления (пол, возраст, образование, место проживания, сфера труда и т.п.). Однако пока не будет однозначно определено понятие теневой занятости и методики ее измерения, сложно говорить о точности и репрезентативности показателей, полученных в рамках данного подхода.

Исходя из методологии международной статистики в версии системы национальных счетов (СНС) 1993 года, выпущенной статкомитетом ООН, рекомендуется различать такие виды деятельности, как: скрытая (теневая), неформальная (неофициальная) и нелегальная. Согласно данному подходу, теневая деятельность в принципе разрешена законом, но доходы от нее не показываются в полном объеме, что позволяет уходить от налогов и иных выплат. Под неформальной занятостью понимается деятельность без заключения трудового договора между работником и работодателем. Причем в основном говорится о предприятиях, принадлежащих домашним хозяйствам, на которых производятся товары и услуги для собственных нужд. К нелегальным относятся субъекты, занятые незаконным производством или сбытом продукции. Что касается деятельности, направленной против личности или имущества (воровство, грабеж, захват заложника и т.п.), то она не включается в границы производства. В то же время, если ущерб от такой деятельности достаточно велик, то рекомендуется отражать его как «другой поток» и указывать на специальном счете. На наш взгляд, методики оценки, предложенные СНС, в большей степени подходят для измерения теневого сегмента развитой экономики и в чистом виде не могут быть использованы в отечественной практике. При этом Госкомстат России не дает четкого определения как самой теневой занятости, так и не раскрывает сущности методик ее измерения. Хотя в отчетах фигурируют некоторые цифры, но их природа непонятна.

Следует уточнить, что статистический подход позволяет фиксировать различные проявления теневой занятости и перед статистиками не стоит задача объяснения причин ее возникновения. При рассмотрении теневой занятости в качестве объекта исследования *психологии* на пер-

⁸⁰ Почему Россия не Америка // Аргументы и факты. – 2009. – №15. – С. 8.

вое место выходят вопросы, связанные с определением психотипов различных категорий лиц, занятых на теневом рынке труда, а также их мотиваций и эмоциональных эффектиций. Чрезвычайно значимым и интересным является изучение самого процесса получения теневых практик, т.е. приобщения индивидов к совершению нелегальных операций. В качестве примера может служить система образования. Молодые люди «обучаются» нарушению норм либо формируют терпимость к этим нарушениям посредством дачи взятки преподавателю, договорных отношений с обучающимися, списывания, исправления оценок, уклонения от работы под различными предложениями и т.п.

Лица, имеющие нелегальный доход, в основной массе прекрасно осведомлены о его источниках. При этом одни идут на данный шаг от безысходности, вторые стараются не задумываться об этом, а третьи испытывают удовлетворение оттого, что обманули всех. Анализ различных форм деятельности на микроуровне позволяет выявить отношение индивидов к ним. Причем как извне, так и изнутри. Значимым является ответ на вопрос: «Как граждане России относятся к тем, кто занят на теневом рынке труда и как оценивают личное включение в теневые отношения, если таковые имеются?». Основываясь на результатах различных исследований, можно отметить, что большинство респондентов указали на нейтральную либо положительную оценку включенности себя или своих знакомых в сферу теневых отношений. Не останавливаясь подробно на возможностях изучения теневой занятости в масштабах отдельной личности и малых групп, следует указать на перспективность данного подхода. Попытку соотнести индивидуальное восприятие и поведение с групповым возможно осуществить в рамках социальной психология, предметом которой является изучение закономерностей поведения и деятельности, обусловленных фактом включения индивида в социальные группы. Можно рассмотреть сходства и различия психологических компонентов, легально занятых и занятых в сфере теневого рынка труда, теневииков и нелегалов, организаторов (руководителей) и исполнителей (работников) теневых предприятий и др. Однако если при детальном анализе можно выявить особенности данных компонентов у отдельных представителей этих групп, то говорить о схожести психических процессов у больших общностей, на наш взгляд, нецелесообразно. Так, среди занятых на теневом рынке труда могут находиться люди с полярными интерпретациями действительности, а следовательно, и с различиями в психологической структуре.

В *экономических науках* рынок труда в большей степени рассматривается как разновидность товарного рынка, отличие состоит лишь в том, что

товар приобретается навсегда, а рабочая сила – на какой-то промежуток времени. Основными понятиями экономической теории, в которых фиксируются относящиеся к экономике процессы, являются производство, распределение, обмен и потребление материальных благ. В рамках экономики, на наш взгляд, можно рассмотреть влияние теневого рынка труда на перечисленные процессы. Производство материальных благ можно определить как процесс превращения труда с помощью орудий производства в товар. Для нас важным является вопрос выявления легальности как самого труда (неформальная экономика), так и орудий производства, а также конечного продукта (криминализируемая экономика). Интересным является вопрос возможности включения прибыли от неформальной занятости в ВВП. Особенности теневой занятости в рамках экономической теории могут быть рассмотрены с позиции камералистской, кейнсианской и институциональной концепций.

Камералистская концепция (Фридрих Лист). С некоторой долей условности, в переводе на теневой сегмент рынка труда, идеи данной концепции могут быть представлены в виде внешнего, по отношению к государству, фактору воздействия на экономическое пространство. Представители этого подхода в противовес идеям классической политической экономии говорили о необходимости государственного вмешательства в сферу экономики.⁸¹ В противном случае, при свободе частных интересов всех участников глобального рынка и при наличии собственной слаборазвитой экономики, оно будет обречено на неконкурентоспособность основной части товаров. Невмешательство государства в определение товарно-денежной политики допустимо только для развитой экономики. Производители товаров и услуг в случае своей развитости имеют возможность диктовать другим субъектам рынка свои условия. В силу ряда позиций, таких, как развитая технология, инновационные процессы, благоприятный климат и др., затраты на производство товаров и услуг могут быть минимизированы, а соответственно, и цена товара может быть установлена на предельно низкой отметке. Если эти товары идут на экспорт, то их цена, безусловно, оказывает воздействие на стоимость аналогичной продукции в стране-импортере. При этом в данной стране из-за неразвитости экономики собственная продукция не может конкурировать в ценовом диапазоне с импортной. Развитие отечественного производства товаров и услуг возможно только при ограничении ее ввоза. Безусловно, это касается только тех товаров, которые могут быть произведены в данной стране. Невозможность открытой конкуренции с импортными товарами

⁸¹ Лист Ф. Национальная система политической экономии. – М.: Издательство «Европа», 2005. – С. 37-43.

стимулирует развитие теневой экономики в виде уклонения от налогообложения, контрафакта, пиратства и т.п.

Кейнсианская концепция (Джон М. Кейнс). Иной подход к пониманию экономических процессов был сформирован в 1930-е годы Д.М. Кейнсом. Развитие этого подхода было предопределено Великой депрессией, высоким уровнем безработицы, существенной дифференциацией в оплате труда и др. аналогичными процессами. С теоретических позиций кейнсианства рынок труда находится в состоянии постоянного и фундаментального неравновесия. Экономика, предоставленная сама себе, может попасть либо в ситуацию безработицы, либо инфляции, а экономические факторы самостоятельно обеспечить равновесие не в состоянии. Государству предлагалось осуществлять активное управление хозяйственной деятельностью путем раздачи госзаказов и субсидий, а также прямого контроля за конкуренцией.⁸² Теневая экономика в рамках данной концепции формируется в силу нестабильности внутри рыночных процессов. Здесь роль государства рассматривается не с позиции сдерживания и регулирования внешних потоков (импортируемой продукции), а с позиции равновесия на внутреннем рынке. Если же этого равновесия нет, то часть безработных, а также лица с несоизмеримо низкой оплатой труда найдут себе применение в сфере теневой занятости.

Институциональная концепция (Эрнандо де Сото). Оригинальное понимание причин роста теневой занятости представителями данного подхода заключается в бюрократической заорганизованности, препятствующей свободному развитию конкурентных отношений.⁸³ Административные барьеры, выраженные в неэффективных правилах регистрации и осуществления хозяйственной деятельности, обуславливают поведение отдельных субъектов на рынке труда. Их успех связан не только с производственной деятельностью, но и дополняется умением безболезненно минимизировать издержки законодательного урегулирования. Основной причиной теневой экономики, как пишет Э. де Сото, принято считать неэффективный правовой режим.⁸⁴ По его словам «чтобы уйти от насилия и бедности, нужно признать собственность и труд людей, которых легальный сектор ныне отторгает, чтобы вместо бунта воцарился дух сотрудничества и ответственности».⁸⁵

⁸² Кейнс Дж. М. Общая теория занятости // Вопросы экономики. – 2000. – №5. – С. 102-113.

⁸³ Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. – М.: Catallaxy, 1995. – С. 29-37.

⁸⁴ Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. – М.: Catallaxy, 1995. – С. 189.

⁸⁵ Сото Э. Указ. соч. – С. 317.

Исходя из предложенной нами трактовки неформальной и криминальной занятости, следует акцентировать внимание на возможностях сокращения административного бремени для неформально занятых. Это позволит заинтересовать их и тем самым перевести в сферу легальной деятельности. Прежде всего, речь идет об уличной торговле, работе без регистрации, скрытии истинных доходов и т.п. Что же касается криминальной занятости (рэкет, заказные убийства, сутенерство и т.п.), то их необходимо изживать. Причем усилия с борьбы против неформальной занятости перенаправить на криминальный сегмент рынка труда. Камералистский, кейнсианский и институциональный подходы к теневой занятости не опровергают, а дополняют друг друга. При этом для различных экономик в определенный период времени тот или иной подход может являться доминирующим. В частности, если рассматривать развитые страны, то для них более актуален кейнсианский подход. Для России на сегодняшний день существенное значение играет подход Э. де-Сото.

При рассмотрении теневой занятости с позиций *политологии* на первый план выходят вопросы политических потребностей, властных отношений, политического лидерства, взаимодействие различных слоев общества. Некоторые исследователи вообще говорят о том, что проблема теневой занятости является статистической и политической.⁸⁶ Причем имеется мнение о том, что политические лидеры в борьбе за власть используют понятие теневой занятости в качестве пиар-ходов. В то же время обвинение противников в недостаточном внимании к данной проблеме и зачастую популистские высказывания относительно собственной политики снижения уровня теневой занятости никаким образом не сказываются на научно-теоретическом понимании исследуемого объекта и, соответственно, на практическом уровне.

Политические потребности появляются после удовлетворения естественно-биологических, к которым можно отнести потребность в труде (т.к. труд обеспечивает удовлетворение потребностей в пище, жилье, одежде и т.д.). Можно предположить, что есть связь между степенью удовлетворения потребностей человека в труде и политическими потребностями (потребность в гражданских правах и свободах, в судебной-правовой защите и др.). В широком смысле слова политология позволяет рассмотреть обширный круг вопросов, связанных с изучением теневого рынка труда, т.к. оперирует следующими постулатами:

- любая проблема может превратиться в политическую, если она затрагивает интересы большого числа людей;

⁸⁶ Олимпиева И. Неформальная экономика в постсоветском пространстве: проблемы исследования и регулирования. – СПб.: ЦНСИ, 2003. – С. 7-18.

- политическая власть обладает огромными возможностями и ресурсами для воздействия на общественные процессы – разрешение конфликтных ситуаций, распределение благ, достижение общественно значимых целей (теневой рынок труда предполагает наличие конфликтов, неоднородность рынка труда в целом подразумевает неоднородное распределение благ);

- к сфере политики относятся организация и функционирование всего механизма политической власти, включая ее формирование и принципы деятельности, установленный в обществе политический режим и т.п. (большое значение в функционировании теневого рынка труда имеет факт влияния на него власти, наличие или отсутствие прямой и обратной связи между этими компонентами). Понимание теневой и криминальной занятости в рамках *социологии* может стать ключевым при рассмотрении различных социальных общностей, механизмов их становления и развития. Через призму социального могут быть раскрыты отношения между этими общностями и внутри них, а также отношение к процессам общественной жизни, в которые эти общности включены, и своему положению в них.

Социология позволяет изучить проблемы теневой занятости на всех уровнях организации общества: социетальном (общечеловеческом); институциональном (экономика, образование, семья и т.д.); организационном (процесс функционирования и развития).

К примеру, в масштабах государства наличие теневой занятости может быть рассмотрено как позитивное явление, т.к. снижает степень агрессии и возможность разрушения социальной среды занятыми в неформальном секторе экономики. Теневая занятость выступает в качестве своеобразной буферной зоны. Вместе с тем в неформальном секторе занятости практически отсутствуют социальные гарантии, государство недополучает в виде налогов значительные средства. Помимо этого теневая занятость приводит к образованию и воспроизводству параллельных социально-экономических структур, зачастую криминальной ориентации, способных подчинить себе большую часть ресурсов и стать серьезной угрозой сформированным на сегодняшний день социальным нормам, ценностям, образцам поведения и т.п.

В рамках данной статьи нами были предложены только некоторые подходы к пониманию сущности теневой занятости. Другие авторы могут иметь несколько иное видение, как самого процесса конструирования понятий, так и социальной сущности, описываемой этими понятиями. Многомерность рассматриваемого явления обусловлена неоднородностью теневого рынка труда. Нельзя не согласиться с мнением,

А.А. Зиновьева, который утверждал, что «многие недоразумения, трудности и споры в социальных исследованиях возникают в значительной мере из-за того, что структурно подвижное и многомерное образование пытаются рассматривать как четко фиксированное структурное и одномерное».⁸⁷

Таким образом, исходя из вышеизложенного, следует, что теневая занятость - это многомерное образование, требующее детального изучения и формального закрепления, как на уровне самого понятия, так и в сфере явлений им описываемых. Феномен теневой занятости на сегодняшний день преимущественно рассматривается в рамках экономической теории. Несомненно, экономисты решают целый спектр проблем, связанных с различными формами занятости населения, но их выводы зачастую недостаточны для реализации целей социального управления. Поэтому необходим анализ данного феномена в рамках социологии, политологии, психологии и т.д.

Литература

1. Артемьев А.М. Криминализация экономической деятельности. – М.: Изд-во «Щит-М», 2006. – 376 с.
2. Варшавская Е. Занятость в неформальном секторе // Человек и труд. – 2004. – № 10. – С. 47-51.
3. Горисов С. Масштабы и структура неформальной занятости // Вопросы экономики. – 2004. – № 3. – С.115-127.
4. Клямкин И. М. Теневая Россия. – М.: Изд-во РГГУ, 2000. – 595 с.
5. Нестеров А. Криминализация экономики и проблемы безопасности // Вопросы экономики. – 2005. – №1. – С. 33-42.
6. Рябчук Е. Неформальная занятость в России // Энергия: экономика, техника, экология. – 2008. – № 9. – С. 63-65.
7. Соболев Э. Масштабы и предпосылки теневой оплаты труда // Человек и труд. – 2009. – № 10. – С. 35-40.
8. Francie L. Chains of Production, Ladders of Protection: Social Protection for Workers in the Informal Economy. – Durban: Universiti of Natal, 2004. – 127 p.
9. Jhabvala R. Informal Economy Centre Stage. – NY: Sage Publications, 2003. – 288 p.
10. Shadow Economies: Size, Causes, and Consequences // Journal of Economic Literature. – 2003. – №1. – 38-42.

***Васина С.М., Гусева С.В., Шалаев В.П., Вилиамс С., Рамтун Р.,
МарГТУ, Йошкар-Ола, «Конкорд» университет, США***

МЕЖДУНАРОДНЫЕ УЧЕБНЫЕ ПРОЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИЗМА

⁸⁷ Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. – М.: Центрполиграф, 1995. – С. 11.

(по итогам стажировки в США, «Конкорд» университет,
Западная Вирджиния)

*Vasina, S. M., Guseva S.V., Shalaev, V.P., Wiliams S., Ramtun R..
MarSTU, Yoshkar-Ola, the Concorde University, USA*

**THE INTERNATIONAL EDUCATIONAL PROJECTS
OF DEVELOPMENT OF REGIONAL TOURISM (FOLLOWING
THE RESULTS OF TRAINING IN THE USA, «CONCORD»
UNIVERSITY, VW)**

Abstract. In article the questions connected with problems of development of regional tourism in Russia and the USA are considered. The characteristic of the educational tourist project realized in common «Concorde» by university staff West Virginia and Mari state technical university is given.

По мере перехода общества к постиндустриальной стадии развития значение услуг в целом и, туристских услуг, в частности, демонстрирует неуклонную тенденцию роста. Технический прогресс, рост уровня жизни и появление у населения большего количества свободного времени создают предпосылки для масштабного развития индустрии туризма, в то время как непрерывный процесс урбанизации, динамика и интенсивность современной жизни обуславливают постоянно растущие рекреационные потребности, прежде всего городского населения. В современном мире туризм можно рассматривать как системное социально-экономическое явление, оказывающее прямое или опосредованное влияние на развитие всей связанной с ним инфраструктуры.

Во многих регионах мира, отдельных транах или отдельных регионах отдельных стран экономическое благосостояние населения демонстрирует прямую зависимость от фактора развития в них туризма. Так, в 2004 г. на долю туризма приходилось около 8% всего мирового экспорта, 30% мировой торговли услугами, 10,8% мирового валового продукта, 9,4% мировых капиталовложений, 11% мировых потребительских расходов, 5% всех налоговых поступлений, каждое восьмое рабочее место в мире. Для 83% стран туризм является одним из пяти основных источников дохода, а для 38% стран – главным источником дохода [1; 89]. Для многих регионов отдельных стран и мира в целом, главной задачей для привлечения инвестиций, в том числе необходимых для организации занятости местного населения, напрямую или косвенно занятого в обеспечения сферы туристических услуг, является создание благо-

приятных условий для развития туризма. Туризм в современном обществе потребления, предложенном западной концепцией глобализации, может рассматриваться в качестве своеобразного экономического локомотива значительного числа регионов, которые не обладают ресурсами для промышленности или сельского хозяйства, но привлекательны для отдыха, путешествий и оздоровления огромного числа жителей больших городов, порожденных современной цивилизацией. Появление этого многомиллионного потребителя, находящегося в постоянном стрессе и поиске своей реабилитации, является объективной основой туристического бизнеса, как потребительской услуги. Здесь индустрия сервиса и туризма выступает в качестве важнейшего фактора, модуса глобального общества потребления [3].

Именно в обществе глобального потребления туризм приобретает хаарактер индустрии, производства услуг поставленных на поток. Туризм относится к весьма высоколиквидной отрасли, то есть отрасли с быстрой отдачей. Однако, как показывает практика, вклад туризма например в национальную российскую экономику явно недостаточен, но потенциально весьма значителен. Это обусловлено в первую очередь неразвитым туристским потенциалом большинства российских регионов, а также недостатками существующей системы управления туристским предпринимательством на региональном уровне. Система управления развитием туризма не является обособленной, она представляет собой неотъемлемую часть общей региональной системы управления экономикой и социальными процессами.

Понятие «регион» ключевое понятие туристической науки и практики. В современной научной литературе это понятие представлено крайне гибко. В практике стран Западной Европы «регион» трактуется как «территория, представляющая общность с географической точки зрения, или такая территориальная общность, где есть преемственность и чье население объединяет определенные общие ценности и стремления сохранить, развивать свою самобытность в целях стимулирования культурного, экономического и социального прогресса». Отечественные исследователи Г.А. Аванесова и О.Н. Астафьева подчеркивают, что понятие «регион» связывается с пространственно-территориальной целостностью, единством взаимодействия выделенных по некоторым основаниям составных частей. Мосолова Л.М. предлагает понимать под регионом историко-культурную зону, в которой «возникали, сосуществовали, взаимодействовали или же последовательно в разное время сменяли друг друга антропосоциокультурные процессы и традиции» [2; 6].

В настоящее время для решения проблем развития регионального туризма в России разрабатываются программы, призванные помочь выйти из создавшегося положения, и наметить основные направления развития туристской отрасли в регионе. Туризм в регионе рассматривается как один из возможных локомотивов социально-экономического развития региона и существенного экономического фактора развития страны. Перед отечественными учеными, практиками, туристскими организациями стоят задачи создания единой базы данных в регионе по всем объектам культурно-исторического наследия, природно-ландшафтного краеведения, национально-заповедных территорий; принятия регионального законодательства в области туризма; объединения усилий местных органов власти и общественности для придания новых импульсов развития туризма в регионе.

Но проблемами развития регионального туризма озабочены не только представители отечественного туристического бизнеса и власти. Данные вопросы актуальны для многих стран мира, видящих в туризме интернациональную отрасль развития экономик, занятости населения, сохранения культурно-исторического наследия. Стоят они и в США, где развитие туризма находится на достаточно высоком уровне. Вместе с тем туризм США неоднородное явление. Наряду с устоявшимися центрами туризма, связанными, прежде всего с южными штатами, значительное число американских регионов мечтает о привлечении туриста, особенно из больших и богатых городов, как важного фактора занятости местного населения и наполнения местного бюджета.

В условиях современного динамично развивающегося, глобального общества идет интенсивный процесс обмен знаниями, опытом, культурными ценностями. Существенным образом этот процесс затрагивает и сферу высшего образования, являющейся базовой в создании профессионального фундамента реальных секторов экономики. При этом, международный трансфер высшего образования становится важным фактором качества подготовки выпускников вузов. Активно включилась в этот процесс в последнее десятилетие и вузы России, в том числе и Республики Марий Эл. Одним из таких примеров являются партнерские отношения между Факультетом социальных технологий Марийского государственного технического университета (Йошкар-Ола) и Факультетом туризма и гостеприимства «Конкорд» университета (Западная вирджиния, США) между которыми вот уже 7 лет как сложились тесные учебные и научные партнерские связи.

Партнерские связи между ФСТ и «Конкорд» университетом развиваются на основе заключенного договора сотрудничества. На этой осно-

ве между родственными факультетами ведется интенсивный обмен учебными визитами студентов и преподавателей, в ходе которых осуществляются профессорские лекции и презентации студентов, проводятся учебные видеоконференции, реализуются совместные учебные проекты в сфере регионального туризма. Именно такой проект разрабатывается вот уже несколько лет на основе Юринского района Республики Марий Эл. Аналогичный проект был реализован во время очередного ответного учебного визита делегации Факультета социальных технологий МарГТУ в «Конкорд» университет (США) в сентябре 2010 г. Проект стал показательной формой возможных направлений сотрудничества факультетов в целях совместного обучения студентов, будущих профессионалов в сфере сервиса и туризма.

Партнерский «Конкорд» университет расположен в штате Западная Виржиния. На территории штата имеются прекрасные природные условия для развития экологического туризма. Значительную территорию штата занимают горные цепи Апалачей. Прекрасная природа штата, наличие водных ресурсов позволяет развивать различные виды туризма, прежде всего активные виды отдыха, такие как кайакинг, рафтинг, конные и велосипедные туры. Богатые возможности для отдыха предоставляет развитая сеть национальных парков. Всего в штате двенадцать национальных парков и центров отдыха. На их территории располагаются многочисленные рекреационные предприятия - теннисные корты, гольф клубы, небольшие отели, рекреационные и спа-центры.

Богата территория штата и историческими событиями. В XIX в. здесь происходили важные сражения гражданской войны между севером и югом. Значительный интерес для потенциального туриста представляет история развития угольной отрасли в Западной Виржинии, бывшей, когда то экономическим локомотивом штата, предметом его гордости и влияния на общественную жизнь страны. В небольших городках штата сохранились старые здания и сооружения, которые представляют интерес с точки зрения познавательного культурно-исторического туризма. Одним из них является город Хинтон округа Саммерс, который и стал основным объектом предложенного американскими коллегами совместного учебного проекта.

С целью знакомства с туристической инфраструктурой города и окрестностей партнеры организовали поездку студентов и преподавателей родственных факультетов из России и США в город Хинтон. Главными объектами посещения стали национальный парк, на территории которого находится город, кинотеатр, где состоялась встреча с руководством города, менеджерами, частным бизнесом, то есть всеми заин-

тересованными в развитии туризма сторонами. Следующим этапом знакомства с фундаментом развития туризма на исследуемой территории стало исследование рэперных точек предполагаемых туристических маршрутов. Это и городской пляж и заброшенная железнодорожная станция, здание бывшего завода, небольшой мини-отель, спортивная база скаутов. Особый интерес вызвало посещение «Универмага Эммы Джин» с огромным количеством старинных вещей. По ходу экскурсии студенты должны были заполнить анкеты о том, что понравилось, что не понравилось в поездке, а так же отметить сильные, слабые стороны и возможности, угрозы для развития туризма в округе Саммерс.

Следующий день стал новым этапом учебного проекта, Во время учебных занятий в «Конкорде» состоялось совместное обсуждение возможностей развития туризма в Хинтоне. При активном участии преподавателей, проводился анализ имеющейся инфраструктуры, особенностей восприятия туристических объектов, определялся круг возможных потребителей, экскурсантов. Для конкретизации пожеланий бизнеса состоялся специальный телефонный разговор с владельцем ряда недвижимых объектов города Хинтона, находящихся в частной собственности, в ходе которого владельцами объектов была высказана заинтересованность в их оживлении через туризм.

Результатом обсуждения стали публичные презентации, подготовленные для руководства и общественности округа Саммерс совместно преподавателями и студентами двух вузов. Одна из них была связана с оценкой и возможностями развития туризма в Хинтоне, а другая рассматривала возможности продвижения города в пространстве американского рынка как потенциального центра отдыха. В здании городской мэрии состоялась встреча с руководством города Хинтона, представителями бизнеса, которые выслушали представленные предложения по развитию туризма и обсудили возможные действия для их реализации.

Было отмечено, что развитие туризма в Хинтоне может стать важным составляющим для экономики региона в целом. Было обращено внимание на то, что туристический бизнес – интегративное явление. Масштабы финансовых поступлений в казну государства и региона от туризма зависят от многих составляющих и факторов, в том числе от имеющейся инфраструктуры, опыта местного менеджмента, отношения местного сообщества, экономического и социального положения потенциальных потребителей туристских услуг, их установок и ценностей, совокупности природных богатств региона, объектов культурно-исторического наследия, а также методов экономической деятельности, используемых для организации системы туризма.

В целом, разработанные студентами и преподавателями родственных факультетов двух вузов рекомендации развития туризма в регионе, стали лишь первым этапом внедрения настоящего бизнес проекта развития туризма. Ведь исследование проводилось в учебных целях и не носило практического экономического характера. Участниками учебного проекта местному сообществу и администрации была предложена дальнейшая разработка и оценка возможностей развития туризма в указанном регионе, на основе специального дополнительного исследования. Но и, то, что было сделано в ходе учебного мозгового штурма, дало значительную пищу для ума местному сообществу и администрации, по каким направлениям им идти, стремясь развить региональный туризм. Вместе с тем, опыт такого рода учебных проектов, безусловно, имеет большое значение для повышения информационной и методологической составляющей в обучении студентов, а также своеобразного роста квалификации преподавателей, участников проекта, как в Соединенных Штатах Америки, так и в России.

Литература

1. Вавилова Е.В. Основы международного туризма. – М.: Гардарики, 2005.
2. Мосолова Л.М. Введение // Регионы России: художественные процессы нового и новейшего времени: сб. научных статей. – СПб.: Изд-во РГПУ им. Л.И. Герцена, 2001. – С. 6-12.
3. Шалаев В.П. Индустрия сервиса и туризма – модус глобального общества потребления// Вестник МГУС. – №2. – 2008. – 70-76 с.

*Грунин Ю.Б., Грунина Т.Ю.,
МарГТУ, Йошкар-Ола. МГУ, Москва*

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИИ

*Grunin Y.B., Grunina T.Y.,
MarSTU, Yoshkar-Ola. Moscow State University*

PROBLEMS OF THE MODERN FUNDAMENTAL SCIENCE AND EDUCATION

Abstract. Basic principles of fundamental education in Russia are considered. It is shown the review of up-to-date achievements in natural sciences, with focus onto physics of micro- macro- and mega scales of the World. Issues of correlation of scientific knowledge with fundamental education both in Russia and over the World are discussed.

Высшее образование в России традиционно создавалось и развивалось на основе трех основных принципов: государственности, фундаментальности и всесловности. Государственность обусловлена необходимостью обеспечения страны нужными в количественном отношении и должными по качеству специалистами высокой квалификации. Этот очевидный тезис следует из аксиомы, что суверенная, экономически развитая страна должна быть самодостаточной в своем кадровом потенциале. Всесловность предполагает равные доступ и возможности получения образования любым гражданином страны, что характеризует нравственную норму любой формы учебного процесса. Фундаментальность высшего образования обеспечивается решением трех взаимосвязанных задач: образывающей, развивающей и воспитывающей в процессе обучения.

Исторически сложилось так, что Россия вступила на путь своего развития, когда в Европе уже сформировалась классическая механика Ньютона, высшая математика Лейбница, химия Ломоносова. Это привело к тому, что наши предки начали воспринимать науку целостными теориями и исповедовать ее, базируясь на фундаментальных принципах. Это обстоятельство и заложило традиционные основы нашего фундаментального образования. Во все времена эта фундаментальность обеспечивалась соединением современного (соответствующего времени) научного знания с образовательным процессом. За последнее время в науке, как и ожидалось, произошли серьезные перемены. Важнейшее

достижение последнего времени – запуск Большого адронного коллайдера и получение первых экспериментальных результатов: обнаружение кварк-глюонной плазмы на встречных пучках протонов и фиксация синхронного поведения фрагментов протонного расщепления. Достигнутая сегодня энергия коллайдера составляет 7 триллионов электронов-вольт. Мы ожидаем, что повышение энергии установки до запланированного значения 14 тэВ приведет к обнаружению бозона Хиггса – ключевой частицы в механизме формирования масс элементарных частиц. Следует ожидать открытия новых суперсимметричных партнеров известных элементарных частиц.

Ведутся поиски процессов связанных с существованием скрытых размерностей пространственно-временного континуума. Ведутся работы по обнаружению новых экзотических частиц и состояний типа «черных дыр», «Кротовых нор», темной материи и темной энергии. Будет уточняться хронологическая структурная модель образования Вселенной после «большого взрыва» $13,75 \cdot 10^9$ лет назад. За последнее время получена новая информация о причинах поразительного перепада температур поверхности Солнца и его короны на более, чем на 10^6 градусов, установлена роль его магнитного поля в этом процессе. Получены убедительные доказательства о существовании огромных запасов воды на Луне, Марсе, на спутниках Юпитера (Европе, Калисто, Ганимеде) и Сатурна (Титане и Энцеладе). В настоящее время открыто более 500 планет в нашей галактике, а одна – в другой, так называемой карликовой галактике. Большинство из них являются экзо-планетами типа нашего Юпитера. В текущем году открыта планета у Звезды «Глизе» (созвездие Весов), находящиеся на расстоянии в 20 световых лет от нас. На этой твердо-грунтовой планете есть атмосфера, кислород и близкие земным климатические условия.

Среди других научных достижений последнего времени можно отметить: создание новых специфических материалов типа высокотемпературных сверхпроводников, графена, из которого возможно получение фуллеренов, фуллеритов, нанотрубок, обладающих сверхпрочными и сверхпроводящими свойствами; создание магнитных монополей из, так называемого, спинового льда; разработку принципов создания квантовых компьютеров пентафлопного диапазона; создание новых приборов с современной элементной базой. Перемены такого же уровня произошли в химии, биологии и в других областях современной науки. Даже столь краткое перечисление достижений показывает, что новым научным знаниям должен соответствовать необходимый уровень образова-

тельного процесса, новое соответствующее кадровое сопровождение и новое техническое оснащение большинства сфер производства.

В развитых странах эта ситуация осознается и предпринимаются энергичные адекватные меры по усилению фундаментализации высшего образования. При этом, в США научная политика базируется на двух составляющих финансирования: с одной стороны государство финансирует напрямую НИР, а с другой стороны – с помощью налоговых мер государство стимулирует расходы на НИОКР со стороны частных компаний. В России, по данным директора института США и Канады члена-корреспондента РАН Сергея Рогова, практически исчезла конкурентоспособная наукоемкая промышленность. Значительное сокращение финансирования фундаментальных и прикладных исследований в России из-за непродуманных реформ 90-х годов, привело к тому, что отраслевая наука была приватизирована и бесследно исчезла. В этот же период происходит и дефундаментализация Российского образования. В школах и вузах резко сокращаются предметы естественнонаучного цикла и число часов, отводимых на их преподавание. В особенности это касается нынешней ситуации, связанной с переходом на бакалавриат. Процесс дефундаментализации сопровождается резким сокращением научных изданий, книг, журналов, усилением антинаучного синдрома в средствах массовой информации. Пышным цветом расцвела астрология, пропагандируется колдовство, шаманство, знахарство. Особо опасным является назойливое рекламирование в СМИ «препаратов» и «приборов» медицинского назначения, не прошедших необходимую процедуру проверки.

Столь удручающая картина, как представляется нам, является призывом к более энергичному противодействию центробежным силам, подрывающим основы фундаментальной науки и образования. В этой связи весьма положительными, на наш взгляд, являются меры, предпринимаемые высшим руководством страны, направленные на создание Центров коллективного пользования, на организацию грантов, ориентированных на поддержку научных школ, молодых ученых, на проведение представительных конференций, студенческих олимпиад разного уровня, а также на приобретение научного оборудования. К положительным явлениям следует отнести и процесс интеграции ученых в сообщества, укрупнение образовательных учреждений, организация научного центра в Сколково, призванного решать ключевые проблемы фундаментальной и прикладной науки и наукоемких производств в России. Этот центр, по нашему мнению, должен объединить многие творческие научные кол-

лективы страны. Хотелось бы, чтобы подобные центры были в каждом регионе России.

Что касается нашей республики Марий Эл то, на наш взгляд, усиление фундаментального образования и науки следует начинать еще со школьной скамьи, с увеличения числа часов, отводимых на естественнонаучные дисциплины и, прежде всего, на физику. Необходимо тщательный отбор учительских кадров, с достойной оплатой. Необходимо инициировать интерес школьников к естественным наукам, через средства массовой информации на встречах, экскурсиях, на школьных олимпиадах и конференциях. В условиях сокращения объема часов на естественнонаучную подготовку студентов в вузовских базовых программах бакалавриата существенно возрастает роль выпускающих кафедр и ректората вузов в формировании «вариативной» части образовательной программы. Полагаем, что для повышения качества вузовской научной работы и, соответственно, укрепления фундаментального высшего образования, целесообразно научную деятельность относить к 1 половине рабочего дня, наряду с учебной нагрузкой преподавателя.

В заключение хочется выразить уверенность, что недалеко то время, когда Российское фундаментальное образование и наука займут свое достойное место как в Отечестве, так и в мировом сообществе. Основанием для такой уверенности является наша талантливая молодежь, которой мы, преподаватели, должны помочь выбрать правильные ориентиры в нашем непрерывно меняющемся мире.

*Иванова Ц. С.,
Академия МВД, София, Республика Болгария
Илиева С.Е.,
Софийский университет, София*

**ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
НА ВЫБОР СТРАТЕГИЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА**

*Ivanova T. S.,
Police Academy, Sofia, Bulgaria
Ilieva S.E.,
Sofia University, Sofia*

**INFLUENCE OF PERSONAL CHARACTERISTICS ON SELECTION
OF STRATEGIES PROFESSIONAL STRESS**

Abstract. The increasing role of consequences of experiencing the personal and social aspects of the professional stress, lead to the conducting this science research. It is focused on clarifying the specific characteristics of the professional stress in the police work and the most common coping strategies, used by the civil servants from the Bulgarian Ministry of the Interior.

Проведение этого исследования вызвано исключительно большой популярностью проблемы стресса и данными о серьезности его последствий. Исследование сосредоточено в области профессионального стресса. Какими бы ни были причины этого явления, пришло время обществу задаться вопросом „Во что обходится стресс?“ Людям, чье здоровье и счастье опустошены эффектами стресса, цена ясна. Независимо от того, выражаются ли они в сравнительно легких заболеваниях, в серьезных недомоганиях или в таких социальных проблемах как алкоголизм или зависимость от наркотиков, связанные со стрессом симптомы стоят дорого. Когда у кого-то есть нерешенные проблемы со стрессом, косвенно страдает и его семья, что ведет к последствиям в виде нарушения брачных отношений, разводов, домашнего насилия. Динамичная экономическая и общественная обстановка и нестабильность в Республике Болгария являются основными макро-факторами, которые приводят к увеличению уровня стресса для болгарских граждан, что, в свою очередь, подтверждает мировые тенденции в этом отношении.

Настоящая работа направлена на выяснение специфики профессионального стресса в работе полицейских, т.к. здесь речь идет об одной из

профессий с самым высоким риском возникновения неожиданных стрессогенных ситуаций.

1. Цель исследования – Основной целью настоящего исследования является определение степени профессионального стресса и установление того, как личностные факторы предопределяют его возникновение и каковы предпочитаемые стратегии овладения профессиональным стрессом.

2. Объект исследования – Исследованы 68 служащих Министерства внутренних дел Республики Болгария.

3. Инструментарий (методы):

- Личностный опросник ММРІ – сокращенная версия, составленная В.М.Мельниковым и Л.Т.Ямпольским;

- Опросник J.Latack для определения стратегии овладения профессиональным стрессом и управления его симптомами.

4. Краткий анализ результатов – При обработке данных в соответствии с целями исследования были использованы следующие статистические методы: частотное распределение выборки по отдельным демографическим характеристикам (пол, возраст, служебный статус, стаж, образование); дисперсионный анализ, устанавливающий влияние демографических характеристик на показатели психологического состояния и стратегий овладения стрессом; вычисление средних стоимостей различных стратегий противодействия стрессу и установление наиболее часто используемых; установление через корреляционный анализ влияния факторов депрессии, невротизма, психотизма и психической неуравновешенности на выбор стратегии овладения стрессом; установление взаимных связей между факторами депрессии, невротизма и психотизма, с одной стороны, и общей психологической неуравновешенностью, с другой.

По отношению к различиям по признаку пола в противодействии профессиональному стрессу установлено, что женщины гораздо чаще прибегают к пассивной стратегии избегания ситуации, но в то же время больше используют конструктивный подход и управление временем, для выхода из проблемной ситуации. Они чаще пользуются своим правом на перерыв в работе с целью отдыха и релаксации, чаще ищут содействия специалистов или обращаются за поддержкой к религии. В мужской части выборки не установлено предпочтения определенной стратегии и способов управления симптомами стресса, но открыты значимые различия по отношению к личностным характеристикам – психотизму, депрессии, психической неуравновешенности.

По отношению к различным стратегиям, помогающим справиться со стрессом, картина такова. С увеличением возраста наблюдается сильная

тенденция роста желания управлять временем и приложения соответствующих усилий для этого, что же касается использования автотерапии, она с возрастом постепенно ограничивается, после чего резко повышается в последней возрастной группе. Сходная линия движения эмоциональных реакций и употребления лекарств. Наблюдаемое явление объясняется тем, что при поступлении на работу лица в возрасте до 25 лет более тревожны и неуверены, но с опытом тревожность уменьшается, что уменьшает и использование копинг-стратегии. В то же время, накопление кумулятивного стресса ближе к концу профессиональной карьеры приводит к учащению использования этой стратегии. Статистически значимые различия по отношению фактора возраста обнаружены в связи с некоторыми личностными факторами – психической неуравновешенностью, эстетической впечатлительностью и сенситивностью, но здесь с повышением возраста наблюдается все более слабое проявление соответствующих личностных черт. В подложенной анализу группе предпочитание определенной стратегии сильно зависит от служебного положения. У служащих, занимающих руководящие должности, сильнее выражена установка на эмоциональное реагирование, освобождение чувств, в качестве способа управления симптомами стресса, в то время как подчиненные чаще прибегают к употреблению алкоголя и никотина для уменьшения степени стресса, тревожности и напряжения в ежедневной профессиональной деятельности. Подчиненные проявляют гораздо большее чувство ответственности, добросовестность и устойчивость моральных принципов, а у руководящих служащих степень проявления этих характеристик ниже.

С возрастом и увеличением трудового стажа наблюдается все более частое использование таких мер противодействия стрессу, как отдых, релаксация и автотерапия, уменьшаются невротические и депрессивные проявления одновременно с ростом общительности и энергичности. Наиболее часто прилагаемыми стратегиями овладения стрессом в конкретной выборке являются увеличение усилий, уверенность в успехе, управление временем и изменение ситуации. Все это – активные копинг-стратегии, пассивные и эмоциональные стратегии используются сравнительно редко и не эффективны в борьбе с профессиональным стрессом у исследованных полицейских служащих. То же самое касается и методов управления симптомами стресса, чаще всего встречаются активные, такие, как развлечения, автотерапия и обращение к помощи специалиста, а не пассивные методы и эмоциональное реагирование, которые представлены слабо.

Из исследованных корреляционных связей самое большое взаимодействие наблюдается между невротическими проявлениями личности, депрессией и общей психической неуравновешенностью (прямо пропорциональная зависимость). Результаты показывают, что самая сильная взаимная связь существует между стратегией „избегание ситуации” и всеми личностными детерминантами, отражающими проявление профессионального стресса (обратно пропорциональная зависимость), т.е. в стрессовой ситуации испытуемые не будут пассивны и не будут уклоняться от фактора, создающего стресс.

„Управление временем”, как стратегия овладения стрессом, тоже коррелирует обратным образом со всеми личностными детерминантами профессионального стресса, чем выше эти показатели, тем более ограничены возможности управления временем. Стратегия „поиск помощи в социальном окружении” значимо коррелирует только с фактором невротизма, что подтверждает теорию о социальной поддержке как буфере перед профессиональным стрессом. Наблюдается полное отсутствие взаимной зависимости между личностными факторами, определяющими проявления профессионального стресса, и способами управления его симптомами. Это значит, что какими бы ни были действия в направлении отдыха, развлечения, автотерапии, эмоциональной разрядки, религии, помощи специалистов, употребления алкоголя, никотина и лекарств, они не привели бы к изменению степени проявления профессионального стресса.

Отмеченное использование активных и конструктивных стратегий в противодействии профессиональному стрессу в конкретной исследованной группе свидетельствует об эффективном управлении им и преодолении симптомов стресса. Эти оптимистические результаты доказывают, насколько важна профилактика стресса у служащих в полиции.

Литература

1. Кокошкарлова, А. Психологично изследване на личността в клиничната практика // Медицина и физкултура. – София. – 1995.
2. Мельников, В.М., Ямпольски, Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности. – Москва, 1985.
3. Folkman, S. and R.S. Lazarus. Coping as a mediator of emotion, Journal of personality and Social Psychology. 1988. Vol. 54, P. 466-475.
4. Latack, J.C. Coping with job stress: Measures and future directions for scale development // Journal of Applied Psychology, 1986. №3.

Ильин В.И.,
СПбГУ, Санкт-Петербург

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРАЦИЯ ОБЩЕСТВА ДЕФИЦИТА

Ilyin V.I.,
St.Petersburg State University

SOCIAL STRUCTURIZATION OF THE SOCIETY OF DEFICIENCY

Abstract. *The economy of state-monopoly socialism created deficiency of consumer goods as the system quality. The given way of manufacture generated also system of social relations adequate to it - a society of deficiency with specific social structure. These questions to some extent were already considered in previous works of the author (Ilyin 1996, 2000, 2006). In given article the analysis subject is concentrated for a way of consumption as the mechanism of social structurization of a society of the Soviet type. One of consumer society products can consider the Soviet way of consumption - one of cultural catalysts of the social processes which have led to self-liquidation it is state-monopolisticheskog socialism.*

Общество дефицита

Из Октябрьской революции 1917 г. выросло государство, которое, с одной стороны, было институтом нового типа (партийным государством), а с другой стороны – продолжало традиции российской государственности, вписывавшиеся в логику этатрагического типа цивилизации. Ключевая характеристика такой цивилизации – государство, являющееся собственником почти всех средств производства (государственный способ производства) и на этой основе формирующее по своему усмотрению структуры разделения труда, порождающие адекватные ему общественные отношения (см. подробнее Шкаратан и Ильин 2006, часть 1). Разумеется, государственное регулирование процессов социальной структуризации ни в коей мере не означало, что общество лепилось в более или менее строгом соответствии с планами партийного государства. Власть давала мощные импульсы, воздействовавшие на производство и распределение материальных благ и статусов, однако реальные социальные процессы выходили из-под ее контроля. В силу этого в реальном обществе советского типа лишь при наличии болезненного воображения можно было узнать планы партии и государства, т.е. коммунистический идеологический проект.

Я. Корнай (Kornai 1980) определял фундамент такого общества как «экономику дефицита». Однако, как мне представляется, категория «экономика» не подходит для данного анализа. Как отмечала Я. Штанискис, экономика – это категория, неразрывно связанная с рынком, а социализм обладает природой, принципиально отличной от капитализма. В силу этого категориальный аппарат, разработанной для одной системы, не может механически переноситься на другую (Staniszki 1989). Иначе говоря, экономика может быть только рыночной в отличие от хозяйства, которое может опираться и на тотальное огосударствление, и на исключительно административное регулирование, и принимать натуральные формы. Экономика западного типа и хозяйство советского типа – это две совершенно разные реальности, которые объединяются в одну категорию только иллюзией, порождаемой нестрогим словоупотреблением. Таким образом, базис общества советского типа – хозяйство дефицита.

Из этого базиса вырастает и адекватная ему социальная система. В большинстве случаев марксизм как теория, вырвавшаяся из попыток понять капитализм, является неадекватным инструментом объяснения государственного социализма, который по своей природе гораздо ближе «азиатскому способу производства» – концепции разивавшейся на очень дальней периферии марксистской мысли. Однако в данном случае мы имеем дело с логикой исторического материализма в чистом виде.

Если оставаться в рамках проблематики потребления, то из базиса хозяйственной системы дефицита выростала адекватная ему социальная структура как неравное распределение жизненно важных потребительских благ в соответствии с определенным сводом правил государственного регулирования и его непреднамеренных последствий. Иначе говоря, граждане такого общества выстраивались в иерархию, каждый этаж которой отличался набором и объемом доступных потребительских благ. Их распределение осуществлялось в соответствии с логикой бюрократической системы: чем выше пост, тем больше трудовой вклад, тем выше должно быть вознаграждение «по труду». Это адаптация классического марксистского принципа «от каждого по способностям, каждому по труду» к логике государственно-монополистического социализма: трудовой вклад измеряется размером кресла.

Дефицит всех продуктов – как средств производства, так и предметов потребления – это не издержки роста, следствие «временных трудностей» или внешних факторов, как утверждали лидеры и теоретики государств советского типа, а системное качество государственного способа производства (см. подробнее (Kornai 1980). Иначе говоря, государственный социализм не мог быть иным. Дефицит, с одной стороны,

был порождением господства бюрократии, а с другой выполнял функцию укрепления ее власти. На его основе вырастала ключевая иерархия: объем доступных потребительских благ был пропорционален статусной позиции в сконструированной партийным государством социальной системе, основанной на критерии функциональной важности группы для существования данного социального порядка. Однако способ распределения – это слишком гигантская система, чтобы кто-то был в состоянии строить его на сугубо рациональных основаниях. Бюрократическая рациональность на каждом шагу давала сбой, порождая стихийный процессы перераспределения дефицитных потребительских благ. Из этих процессов в способе распределения вырастала адекватная ему *социальная структура* как неравное распределение жизненно важных благ на основе механизма бюрократической рациональности, корректируемого разнообразными стихийными процессами. В качестве главного двигателя способа распределения выступало государство, прибегавшее, правда, к имитации рынка, официально называвшейся «социалистическим рынком».

Феномен советского консюмеризма (потребительства)

Консюмеризм – это, с одной стороны, феномен культуры, породаемый социально-экономической системой, а с другой – это культурный механизм воспроизводства этой системы. Иначе говоря, следствие превращается в предпосылку. Исторически способ производства и потребления предшествовал консюмеризму и породил его. Однако, сформировавшись, эта форма культуры превращается в предпосылку воспроизводства социально-экономической системы. Интериоризированная культурная программа консюмеризма формирует логику поведения индивидов в социально-экономической системе. А это поведение, приобретая устойчивые формы практик, превращается в процессы воспроизводства социальной структуры.

Консюмеризм (потребительство) – это многомерный культурный феномен. В американской традиции он обозначает в основном систему защиты прав потребителей, ядром которой является движение в защиту этих прав. В европейской традиции эта категория приобретает существенно иные акценты: консюмеризм – это система ценностей и норм, опирающаяся на приоритет потребления. При этом в анализе на основе этой категории фокус смещается в сторону поведения индивидов, для которых потребление выступает как путь к счастью и социальному самоутверждению. Поскольку счастья много не бывает, то естественным логическим следствием такой системы координат являются практики перепотребления. В капиталистической экономике общества потребе-

ния консюмеризм является необходимым культурным катализатором экономических процессов. Без него экономика, производящая гораздо больше, чем реально может потребляться, если и не остановилась бы, то точно столкнулась бы с большими кризисными проблемами. В силу этого товар производится в сопутствующей ему оболочке соблазна. Иначе говоря, параллельно производится и продукт, и желание его потреблять. Попутно действуют механизмы стимулирующие быстрое моральное устаревание вещей. В результате они превращаются в ненужный хлам задолго до своего физического износа. Таким образом, консюмеризм проявляется как совокупность массовых практик перепотребления: люди, у которых все есть, покупают под давлением самых разнообразных мотивов аналогичные вещи. Более того, они чувствуют себя обездоленными, если не могут перепотреблять так, как это делают люди в их среде. Иррациональное потребительское поведение, превращающее индивида в белку, мчащуюся в колесе к призрачной цели, оказывается на макроуровне вполне рациональным, обеспечивая экономическую динамику и воспроизводство синопичной удовлетворенности людей своей жизнью.

В какой мере этот феномен был присущ обществу советского типа? Очевидно, что общество потребления и общество дефицита – это совершенно разные цивилизационные реальности. В силу этого об общности этой категории не может быть и речи. Однако консюмеристская форма была характерна и для повседневной жизни СССР и других стран государственного социализма. Консюмеризм как форма системы ценностных ориентаций индивидов в обществах разных типов имел немало общего, однако за внешним сходством в сознании людей стояли совершенно разные механизмы, порождающие такие ценностные ориентации, и разная логика повседневного поведения, разные потребительские практики и стратегии. Поэтому уместнее говорить не о консюмеризме общества советского типа, а о советском консюмеризме, который имеет не больше общего с сходным по названию феноменом из реалий западной цивилизации, чем «социалистический рынок» и рынок, т.е. ничего, кроме иллюзорной формы: обладание вещами выступает как форма самореализации и самоутверждения.

Дефицит как фактор формирования советского потребительства

Если следовать логике западной литературы, посвященной потреблению, то сочетание в одной логически упорядоченной фразе слов «дефицит» и «консюмеризм» представляется абсурдом, т.к. в системе западного общества перепотребление является закономерным следствием перепроизводства, т.е. именно той предпосылки, которая отсутствовала

в СССР и т.п. обществах. Однако это абсурд на уровне видимости. Повседневная ситуация потребительского дефицита создавала объективную основу проблематизации повседневной жизни прежде всего в терминах потребления. Чтобы нормально жить, надо было «доставать», «крутиться». Заботы относительно того, что и где купить, нередко разрывали и ритм трудовых будней, вынуждая покидать рабочее место ради поиска дефицитных товаров. Тот, кто хотел «хорошо» жить, вынужден был думать постоянно об этих проблемах, его сознание фокусировалось на потреблении. Разумеется, далеко не все оказались одержимы потребительством, но оно сформировалось как массовая тенденция.

Дефицитный способ потребления порождал и адекватную ему культурную программу. Поскольку многие товары в свободной продаже нельзя было приобрести того, когда они были нужны, то здравый смысл формировал логику, прямо противоположную той, которая была заложена в основу т.н. «научного управления обществом»: качественный товар надо брать, если есть возможность. Личные потребности данного момента – совершенно второстепенный фактор. Когда потребность появится, товара уже не будет, поэтому надо брать в запас, «на черный день», «авось пригодится». Если удастся достать ценную вещь не своего размера – «ничего страшного», т.к. ее когда-нибудь удастся поменять на что-то подходящее. Поскольку такой бартер в условиях узкого круга повседневного взаимодействия был крайне неэффективным, то неизбежно создавались залежи ненужных товаров, ожидающих удачного обмена. Залежам в одном месте закономерно соответствовала нехватка этих же товаров (размеров) в другом. В потребительство втягивались люди с разными покупательскими возможностями и различной структурой потребностей. Просто одни копили спички, соль, сахар, мыло, другие – хрусталь, ювелирные украшения, третьи – книги, четвертые – импортную одежду, обувь и т.д. Копили то, что было доступно. И ассортимент предметов накопительства неравномерно распределялся между социальными группами и слоями советского общества, формируя потребительскую ресурсную основу его социальной структуры. Накопительство превращалось в социо-культурный механизм распределения ресурсов в социальном пространстве. Социальная его составляющая была представлена статусными возможностями, а культурная – потребительскими ценностными ориентациями и правилами здравого смысла.

Идеологический фактор формирования советского потребительства

Программа КПСС, принятая в 1961 г. была манифестом коммунистического потребительства. Партия торжественно обещала, что в скором времени уровень жизни в СССР будет выше, чем в Америке. С три-

буны съезда на просторы улиц в виде транспаранта вышел лозунг: «У партии нет иной цели, кроме блага народа». Народу в качестве реальной цели предложили коммунизм, где будет действовать принцип: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». В этом обществе будет обеспечено полное и всесторонне удовлетворение всех потребностей людей и при этом абсолютно бесплатно! И сроки начала рая были определены совершенно конкретные: 1980 г. С трибуны XXII съезда было заявлено: «Партия торжественно обещает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Это обещание украшало многие фасады домов, актовые залы и красные уголки. С этого времени потребление стало в массовом сознании главным и самым понятным критерием сравнения социализма и капитализма. И хотя коммунизм, как потребительский рай, исчез из речей советских лидеров с уходом в отставку Н.С. Хрущева (1964), эту программу изучали в обязательном порядке во всех учебных заведениях вплоть до второй половины 1980-х гг. Кремль спровоцировал революцию потребительских притязаний в контексте экономики дефицита.

В качестве мерила преимуществ социализма был выдвинут критерий соревнования с самой экономически развитой страной мира: США. Было обещано, что уже к 1980 г. уровень жизни в СССР превысит стандарты американского общества потребления. Иначе говоря, система координат «простого советского человека» была включена в глобальный контекст. И это была бомба, заложенная Кремлем под советскую систему, поскольку экономика дефицита даже при самом успешном развитии не могла конкурировать с рыночной экономикой в удовлетворении потребностей населения, часто приобретающих форму нелепых причуд. Включение СССР в потребительскую гонку с Америкой было началом его конца.

Одновременно начался процесс нарастания западного проникновения в СССР через «железный занавес», который становился все более дырявым. Мощные радиопередатчики забрасывали через него картинки идеализированного западного общества потребления, заботливо сравниваемые с советскими реалиями. Через границы разными путями проникали иностранные товары, выступавшие в качестве наиболее убедительных агитаторов против государственного социализма. Таким образом, логика закона возвышения потребностей переплелась с идеологическим просчетом Кремля. Возникший в результате этих процессов феномен советского потребительства) в конце концов погубил советскую систему. Большинство осознало, что лучше жить, как в «цивилизованном мире» (распространенное в годы перестройки обозначение Запада), чем бесконечно ждать земного потребительского рая под названием коммунизм.

Аппарат как носитель потребительской культуры

Механизм распределения в обществе советского типа лишь отчасти напоминал рыночный. Был т.н. «социалистический рынок», люди получали заработную плату и ходили в магазины покупать на заработанные деньги потребительские товары. Однако «социалистический рынок» был жестко привязан к логике административной иерархии. Это означало, что важен не столько размер заработной платы, сколько магазин, в который тебя допускают в соответствии со статусом, приписанным к твоему месту в административной иерархии. Покупательная способность рубля колебалась от слоя к слою. Иначе говоря, рубль в кармане сельскохозяйственного рабочего отличался от рубля в кармане секретаря обкома партии как доллар от советской валюты. Покупательная способность рубля была привязана к ассортименту товаров, доступных в магазине, где он отоваривался. Были магазины, в которых имелось все, что о чем мог мечтать тогдашний потребитель, и магазины, в которых имелся лишь минимум необходимый для физического выживания.

В обществе дефицита высокий статус в административной или теневой структурах включал права и возможности на повышенную долю потребительских благ. Логика повседневного дефицита неизбежно порождала и здесь набор адекватных ей правил, толкавших к максимально возможному потреблению («завтра может не быть», «не известно, что будет завтра» и т.д.). В силу этого локомотивами антисистемного потребления выступали в первую очередь те, кто занимал высокостатусные позиции (см. Пип 2009). Они не только оттягивали на себя существенную часть ресурсов, производимых в соответствии с ориентацией на «разумные потребности» и систематическую корректировку планов, но и задавали образцы жизненного успеха и нормы повседневного поведения для широких слоев населения, втягивая его и в культуру советского консюмеризма, и в практики стихийного перераспределения в пределах возможностей своей позиции (у директора мясокомбината были одни масштабы, у грузчика – другие).

Теневая социальная структура

Параллельно с административной структурой распределения общество советского типа включало официально не описываемую теневую экономику, опиравшуюся на не институционализированный рынок, порождавший адекватную ему теневую социальную структуру, т.е. применительно к данной ограниченной теме – неравное распределение дефицитных потребительских ресурсов на основе механизмов стихийного теневого рынка. Здесь шло формирование теневой буржуазии, концентрировавшей у себя дефицитные потребительские товары. Поскольку

эта социальная группа одновременно находилась и в рамках логики общества дефицита, то характерное для любой буржуазии тенденция к перепотреблению смещивалась с логикой совестского потребительства, порождая анахроническую гремучую смесь (например, огромные клады, состоящие из драгоценных украшений, залежи потребительских товаров, которые физически невозможно потребить и т.д.).

Этажом ниже в теневой социальной структуре располагалась теневая мелкая буржуазия – совокупность работников сферы услуг, явочным порядком приватизировавших свои рабочие места и действовавших в соответствии с простым принципом: кто, что производит и ли распределяет, тот то и имеет. Поскольку часто этот механизм обеспечивал существенно больше ресурсов, чем необходимо для личного потребления, то наиболее успешные обладатели избыточных товаров (продавцы, работники службы быта, рабочие пищевой промышленности и т.д.) частично включались в теневой рынок, предлагая на продажу одежду, мясо, запчасти и т.д. И внизу рыночной социальной иерархии находились потребители, которые не имели доступа к теневому перераспределению или в силу разных причин в нем не хотели участвовать. Они выступали объектами довольно интенсивной рыночной эксплуатации, т.к. покупали многие товары с большими наценками на дефицитность. Административная иерархия причудливым образом переплеталась с теневой, позиции в них коррелировались. С одной стороны, высокие позиции в административной иерархии создавали шансы для высокой позиции и в теневой классовой структуре, а с другой – теневой капитал давал возможности для оплаты карьеры в административной структуре (в ряде регионов была практика продажи постов в партийно-государственном аппарате и силовых ведомствах).

Деструктивная роль советского потребительства

Западный консюмеризм как культурный атрибут экономической системы функционален, он является предпосылкой ее нормального развития, ее катализатором, формирующим массу ненасытных потребителей, стремящихся постоянно обновлять предметы потребления, поглощать их во все больших количествах, создавая яэтим спрос, тлкающий вперед экономику. Кроме того, неспособность удовлетворить потребности и реализовать потребительские причуды выступает мощным фактором стимулирования трудовой активности: сколько бы индивид не зарабатывал, ему всегда мало. Советский консюмеризм имел характер контркультуры. Капиталистическая система тоже постоянно порождает контркультуру. Однако она порождает ее как маргинальную рыночную нишу, которая по своей сути в худшем случае не мешает системе, а в луч-

шем вписывается в нее. Нередко контр-культурные феномены получают широкое распространение, ставятся на поток и превращаются в составные части господствующей культуры (mainstream).

Советская потребительская контркультура играла исключительно анти-системную функцию. С одной стороны, она всегда в той или иной форме была замешана на потребительстве, которое объективно подрывало рационально-аскетические основы системы. С другой стороны, советский идеологический аппарат всегда отличался крайней негибкостью и склонностью к примитивизации мира. В данном контексте эти характеристики проявлялись в официальном навешивании на многие модные феномены, пришедшим с Запада, ярлыка «буржуазные». В результате ношение джинсов и слушание рока принимало форму инакомыслия. Таким образом, власть стигматизировала в политико-идеологических терминах совершенно естественное порождение собственной системы, опиравшееся к тому же на вполне естественные потребности людей. Это было совершенно иррациональное и искусственное формирование сверху консюмеристкой оппозиции. Советский консюмеризм можно сравнить с солью в механизме хозяйства дефицита, которое нуждалось в качестве культурного катализатора в совершенно противоположной программе аскетизма. Такое общество может нормально функционировать, если есть адекватный ему человеческий материал: советский человек, который прежде «думает о родине, а потом – о себе». Такая предпосылка реальна в короткие периоды борьбы за выживание как культурная программа героической, пассионарной части населения. Однако ориентация на перманентный героизм как предпосылку нормального функционирования системы – утопия. Героические порывы кратковременны. Их волна спадает, превращаясь в рябь бытовых тревог и устремлений.

Советский консюмеризм был культурной программой, которая разлагала логику общества дефицита. Здесь плановое производство опиралось на расчет потребления на основе принципа реализации «разумных потребностей». Иначе говоря, исходили из модели разумного советского человека, который потребляет, чтобы работать, который самореализуется через успехи в труде (особенно социалистическое соревнование), его потребности естественны (одежда защищает от холода и сырости, пища дает калории и витамины), ему чужды модные причуды, хвастовство, стремление выделиться через одежду, предметы быта и т.д. Как показала история, культурная программа, исходившая из модели разумного советского человека, была чистой утопией. А все утопии в силу диалектической логики порождают результат, противоположный тому,

который был заложен в них. В данном случае ориентация на аскетизм в массовом масштабе порождала потребительство.

Даже если представить нереальную ситуацию точного расчета этих потребностей всего населения, сверстывания под них производственных планов и полного их выполнения, то консюмеризм как практики перепотребления вносил в них сбой, поскольку те, кто мог, перепотребляли, обрекая стоявших в конце очереди на недопотребление. Поскольку же реальное общество советского типа опиралось на очень приблизительные представления о «разумных потребностях» двух с лишним сотен миллионов людей, на иллюзорно-научное планирование и на фальсификацию выполнения планов (их многократные корректировки были нормой), то не трудно представить катастрофическую роль потребительства в этой системе: он неизбежно вносил дисбаланс в систему, ориентировавшуюся на культ сбалансированности спроса и предложения.

Консюмеризм как фактор формирования сетевых отношений

В условиях дефицита потребительских товаров и услуг, распределявшихся по официальным каналам, особую роль приобрела система сетевых отношений (блата), через которую происходило распределение существенной части производимой и особенно импортируемой продукции. Очаги таких сетей четко указывали два центра концентрации дефицитных ресурсов: во-первых, партийно-государственный аппарат, во-вторых, организации, занимавшиеся распределением товаров (прежде всего, розничная торговля) и оказанием услуг.

Таким образом, советский консюмеризм (потребительство) – это один из ключевых механизмов, осуществлявших разложение системы государственного социализма. Хозяйство дефицита формировала общество дефицита, в котором воспроизводилась система социальных интересов, прямо противоположных логике породившей их системы. Диалектическое развитие государственного социализма неминуемо вело к его краху. Его никто не уничтожал, он просто самоликвидировался. И консюмеризм стал одним из катализаторов этого процесса.

Литература

1. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М., 1991.
2. Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917–1996 гг. Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. – Сыктывкар: Издательство СыктГУ, 1996.
3. Ильин В.И. Социальное неравенство. – М.: Центр социологического образования Института социологии РАН, 2000.
4. Ильин В.И. Зарождение отечественного консюмеризма //Социальная синергетика и актуальная наука. Национальные проекты как фактор ее безопасности в глобальном мире:

научная экспертиза на актуальность и адекватность. – Йошкар-Ола, 2009. (по материалам шестого всероссийского синергетического семинара). – С. 151 – 156.

5. Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. – М.: Издательство ГУ ВШЭ, 2006.

6. Kornai J. (1980), *Economy of Shortage*. Vol. A, B. Amsterdam et al.: North Holland Publishing Company.

7. Staniszkis J. *Ontologia socjalizmu*. Warszawa: Wydawnictwo In Plus, 1989.

8. Ilin V. The Soviet Ruling Stratum as an Agent of Social Transformation // H.Best, R/Gebauer, A. Salheiser (Eds). *Elites and Social Change. The Socialist and Post-Socialist Experience*. Hamburg: Krämer, 2009.

*Ковалева Мария,
Университет здравоохранения и социальной работы
г. Скалица, Словакия*

КАЧЕСТВО СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ В СЛОВАКИИ

*Maria Kovaleva,
University of public health services and social work as
Skaliza, Slovakia*

QUALITY OF SOCIAL SERVICES IN SLOVAK REPUBLIC

Abstract. The paper deals with the overview of the professional field, such as quality of service in the Slovak Republic. This article contains a description of the obligations for the institutions covered by the law. Also in the article emphasizes the importance of the ethical dimension in the activities of social services and quality management. The author describes the main features of the implementation of quality management system for ISO and EFQM, argues advantage of this activity.

Человек не товар, который мы можем изготовить. Человек рождается на Земле, и мы говорим, что совершилось чудо, которое называем рождение, рождение ребенка, создание... Человек не только существо, но и сам является создателем. Своей работой он сам создает ценности, которые нам нужны для жизни. Эти ценности, продукты полезные для жизни, качественные или нет, мы уже способны оценить. Для нашей жизни нам нужны не только продукты, технологии, но и услуги. Услуги, которые способны сделать нашу жизнь более красивой, способны облегчить нашу повседневную жизнь.

Человек – это не машина, которую можно починить, если она сломается, а если починить ее нельзя, то выбросить на свалку. Человек обладает ценностью и мы его не можем просто заменить другим человеком. Человек в культурном и гуманном обществе ценен и тогда, когда он уже болен, стар или по каким-то другим причинам (физическим или умственным) он нуждается в нашей помощи. Ему нужна помощь в виде обучения, консультации, медицинской или социальной помощи. Эти услуги он может получать амбулаторно или в стационарном учреждении, одновременно или постоянно. Но кто оценит качество этих услуг и каким способом или как мы можем оценить качество жизни людей нуждающихся в помощи? Как мы оцениваем степень удовлетворенности клиентов в учреждениях социальных услуг? Эти вопросы с 2009 года стал рассматривать Отдел надзора за предоставлением социальных услуг созданный при Министерстве труда, социальных дел и семьи Словацкой Республики. Отдел обсуждает жалобы, петиции, поданные предложения по совершенствованию методологии и законодательства. Условия повышения качества социальных услуг регулирует Закон N. 448/2008 Z.z. о социальных услугах.

Закон № 448/2008 предусматривает обязательство для всех учреждений социальных услуг определить: процессы, методы и условия для предоставления конкретных услуг клиенту; методы, техники и процессы социальной работы и принципы предоставления социальных услуг на конкретный вид услуг и требования клиента; методы и правила подготовки, оценки и пересмотра индивидуальных планов социальных услуг или планов работы с получателем социальных услуг; правила и методы превентивных мер по предотвращению нарушения основных прав и свобод человека получателей социальных услуг; правила для заключения контрактов на предоставление социальных услуг; способы администрирования и обсуждения жалоб, связанных с предоставлением социальных услуг; способы и правила для определения степени удовлетворенности получателей социальных услуг и их родственников; способы, правила и условия приема, обучения и развития системы повышения профессиональной подготовки персонала в соответствии с общеправовыми нормами; структуру и количество сотрудников и их специальность.

Хотя законы и нормы созданы, но до сих пор недостаточно разработана методика и система образования для того, чтобы реализовать повышение качества услуг. Потому каждое учреждение само решает, как будет поступать для обеспечения повышения качества услуг. В условиях Словацкой Республики в настоящее время возможна реализация

системы управления качеством и по системе ISO и по EFQM. Обе системы вводятся в Словакии в различных областях продуктов и услуг. Эти системы могут быть введены и в систему социальных услуг так, как и в других странах Европейского Союза. Таким образом, возможно создать условия совместимые с более старыми странами ЕС в социальной области и таким образом ускорить повышение качества и сопоставимости качества социальных услуг.

Перед тем как ввести любую систему менеджмента качества, каждая организация должна соблюсти все стандарты по предоставлению услуг. В социальном плане, однако, в Словакии не хватает профессиональных сотрудников (менеджеров качества, аудиторов), литературы по качеству социальных услуг, по внедрению систем качества. Стандарты размещены в различных существующих правовых документах и в настоящее время их общий объем и последовательность не ясны ни учреждениям, которые оказывают услугу клиентам, ни контрольным органам. Нужно решать и этические проблемы в сфере социальных услуг и управления качеством. Этой теме посвящена работа Иветы Пауловой «Применение этики в управлении качеством». Главным в области социальных услуг являются уход, восстановление трудоспособности, консультации, терапевтические процессы, которые не могут существовать без человеческого уважения, профессионализма персонала, последних научных знаний и профессиональной этики. Внедрение системы менеджмента качества поможет учреждениям социальных услуг систематически работать над: повышением удовлетворенности клиентов и выполнением их потребностей и ожиданий, обеспечением качества всех видов деятельности и внедрением их эффективности, повышением квалификации персонала, эффективным использованием финансовых, материальных и человеческих ресурсов, документальном подтверждении результатов (показателей) в удовлетворении потребностей клиентов, внутренней и внешней оценкой качества услуг и качества жизни клиентов и персонала учреждений.

В дополнение к защите клиента и более эффективного управления ресурсами мы можем определить и другие аргументы для необходимости повышения качества социальных услуг:

- Ожидания клиентов растут. Клиенты в учреждениях социальных услуг более требовательны при выборе услуг. Они более рационально оценивают предложение услуг;

- Конкурентное давление – отличаться от конкуренции во многих случаях возможно только качеством. В современности различные социальные услуги предоставляют клиентам и частные предприниматели, так конкуренция возрастает;

- Сектор социальных услуг интернационализуется, это значит, что на рынок приходят и зарубежные поставщики услуг, у которых многолетний опыт в вопросах управления качеством и тем они получают более выгодную позицию.

Прежде чем приступить к анализу социальных услуг с точки зрения управления качеством, нельзя забывать, что необходимо различать сферу услуг от производства. Услуги в отличие от производства имеют некоторые специфические особенности: нематериальность (неосвязаемость); невозможность хранения на складе; неотделимость; изменчивость (неоднородность, вариабельность, индивидуальность); комплексность; неповторимость (уникальность); коллективность; незаменимость.

В дополнение к этим конкретным различиям встречается и специфика среди услуг оказываемых здоровому человеку или больному, инвалиду, который часто не может сам выбрать тип, качество и даже место оказания услуги. Объектом социальных услуг: ухода за больным, образования, обучения и консультирования является не материальная вещь, а человек. Целью социальных услуг является изменение человека, на которого эти услуги влияют, но часто это изменение произойдет по истечении определенного времени (например, воспитанием, образованием, социальной и терапевтической работой...). Иногда даже меняются и некоторые внутренние и внешние характеристики человека, которому оказываем наши услуги. Некоторые из высших территориальных единиц и муниципальных образований решили сертифицировать свои учреждения в соответствии с нормами STN EN ISO 9001:2008. В Словакии в учреждениях социального обслуживания постепенно внедряется и модель CAF. Большую задачу мы видим в мотивации персонала, не только заведующих учреждениями, но особенно социальных работников, медсестер и всего медицинского персонала.

Мотивация необходима: в случаях чрезвычайной ситуации, нарушения правил труда, изменения стратегического плана, повышения качества. Уверены в том, что мотивация персонала в целях обеспечения и улучшения качества социальных услуг зависит не только от законодательного давления, но в основном от участия руководства и всего персонала. Оценить этот новый процесс повышения качества услуг мы сможем только через несколько лет.

Литература

1. Микулучкова, Д. Мотивация медицинского персонала // Сборник 7-ой научной конференции педагогических работников с международным участием. – Братислава, 2009.
2. Паулова, И. Применение этики в управлении качеством. Application of ethics in quality management // Research papers Faculty of Materials Science and Technology Slovak University of Technology in Trnava. ISSN 1336-1589. – № 22 (2007). – S. 117-122.

*Липатов А.Т.,
МарГУ, Йошкар-Ола*

**РЕЧЕТВОРЧЕСКИЕ И ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА
«ДУХОВНОСТЬ» В ПОВЕСТИ ИЛЫИ СУРГУЧЕВА «НОЧЬ»**

*Lipatov A.T.,
Margo, Yoshkar-Ola*

**RECHETVORCHESKIE AND TEXT-FEATURES OF
SPIRITUALITY IN THE STORY OF THE CONCEPT ILYA
SURGUCHEVA "NIGHT"**

Abstract. This article presents an analysis and text-rechetvorcheskih-ing features of formation of the concept of spirituality in the story of Elijah Surgucheva «Night».

Повесть «Ночь» – художественное произведение из особенных. Нелегкой оказалась ее судьба, повествующая о духовном выправлении личности. Да и создавалась повесть долго, причиной чего – тогдашняя растерзанная пора. Осенью 1912 года И.Сургучев сообщает М.Горькому, советовавшему молодому, но одаренному писателю обратиться к большому эпическому повествованию: «Сижу и пишу нечто длинное, почти похожее на роман. С непривычки к длинным вещам переживаю такое же ощущение...» [Новое о Сургучеве 2007, 60].

А три месяца спустя, в конце августа, – новое сообщение своему творческому наставнику: молодой писатель продолжает работу над новым романом и даже допускает возможность его публикации в петербургской «Русской молве» [Там же, 61]. Но разыгравшаяся Первая мировая война и грянувшие за нею в России революционные потрясения круто изменили весь жизненный уклад Сургучева: в условиях постылой и немилрой эмиграции написание «Ночи» затянулось на многие годы.

Однако ни разлад со временем, ни утрата отеческих корней с ее оторванностью от Родины не могли погасить творческой энергии писателя: запал дарования одержал верх, и в конце 40-х годов XX века работа над повестью возобновилась.

Выстраивает Сургучев свою «Ночь», как и все другие крупные произведения, подобно симфонии, тщательно прописывая все ее части. События в повести разворачиваются подобно драгоценному свитку – неспешно и величаво, а слово маститое, искристое: сдается, что сработана

повесть на волшебной наковальне. В центре повествования Расторопный – «крепкий, высокий и сухой старик, похожий на оперного Мельника. Волосы густые, белые и шапкой курчавившиеся на концах, расчесывал он истово, по-русски посередине, был неповоротлив в движениях, носил зипун и брюки заправлял в сапоги. Служил сторожем у ювелирных дел мастера Райцына, на Нижнем базаре, против аптеки. Жизнь Расторопного всегда текла однообразным порядком. Ночью он сторожил магазин, днем спал, просыпался перед вечером».

Ночной сторож, он влюблен в ночь; днем ему томно и скучно, как в склепе. И на вопрос Тихонова, старшего райцынского приказчика: «И не скучно тебе [ночью]?» – он отвечает: «А разве ночью может быть скучно? Ночью – самое веселье. Самое заманчивое дело. Как в театре. Очень приятно ночью. Я всю свою жизнь прожил ночью, вот уже старик-лесовик стал, а и вся моя крепость в ночи. Прохладна она, и ласкова, и свежа».

И превращается его монолог в гимн во славу ночи. Сетует он, что не знают люди, «как хороши и прозрачны звезды перед утром, как необычайна и таинственна ночь, как особенна и непохожа на обычную жизнь ночная»; по его представлениям, «у людей – две души и два ума: денные и ночные», а «ночью иначе смотрят и глаза, иначе бьется сердце, иначе звучит голос и совсем другими делаются походка и движения рук».

Этот монолог Расторопного созвучен другому монологу – настоятеля церкви: «Все – в ней, в ночи. День рождает дела человеческие, ночь – рождает мысли человеческие. Все – в ночи: и величайшие писания человеческие, величайшие планы человеческие; и Фауст, и творения святых отец, учителей и святителей Церкви, и Тертуллиан, и Василий Великий, и Григорий Богослов, и Иоанн Златоуст, и «Божественная комедия». И рифмы приходят на ум поэту, и аккорды приходят в ухо музыканта. И любовь пробирается в сердце девушки, и ревность к человеку, и казни совершаются на исходе ночи. Ночь – это величайший океан, и жизнь человека – дно его. О, ночь! Сколько земного пространства она охватывает в эту минуту! <...> И все, что сделано в мире великого, родилось в бессонные ночи. Хвала тебе, ночь!»

У обоих монологов есть одна особенность – широкое использование стилистических фигур, к которым писатель ранее прибегал редко: тут и риторические вопросы, и риторические восклицания, и риторические обращения, и многочисленные стилистические повторы, и кипень метафор при семантическом единстве простоты и изящности слога. Поистине каскад обильных изобразительных средств. Их тесное переплетение создает монологам особое, музыкальное, звучание, особую словесную

огранку. Бьются, звенят слова-колокольцы и ложатся в строку подобно волшебным кристаллам. Так маститый художник слова создает колоритный символ, ставший названием и самой повести.

Да и прозвище ее главного героя «говорящее». Посмотрите, сколь богато своими семантическими гранями прилагательное *расторопный*: проворный, прыткий, сметливый, активный и умелый в любом деле, делающий все ловко и скоро... А у самого прилагательного *расторопный* давние семантические гены: исследователи возводят его к славянскому пракорню **torp-* с изначальным значением «поворотливый, проворный» и находят прямое родство с греческим *τρέπω* («повортываю»), латинским *trepit* («вертит»), древнеиндийским *trápatē* («стыдится, приходит в смущение») [Štrekelj 1904, 503; Walde 1938, 702; Persson 1912, 934]. О древнем пракорне **torp-* и сегодня напоминают нам существительные *торопь* («поспешность») и *торопыга* («торопливый человек»), наречие *второпях* (образованное из **въ торопѣхъ*) [Соболевский 1907, 178]. Так, опираясь на художественную интуицию и семантическое чутье, автор «Ночи» наделяет ее главного героя столь точно найденным прозвищем.

Итак, *Расторопный* – это лишь прозвище, а как по-настоящему его звать-величать, читатель узнает лишь в самом конце повести: когда на суде по делу купца-грека в Мариуполе спрашивают Расторопного, как его имя и звание, он отвечает: «Крестьянин Калужской губернии, Тарусского уезда, Кареевской волости, сельца Ишутина Иван Васильевич Кузнецов».

А как личность и как художественный образ Расторопный подобен многогранному кристаллу: всякий раз светится по-особенному. За его летами – большая жизнь с ее авантурным прошлым. Из ретроспективно поданной пятой главы повести читатель узнает о разгульном воровском прошлом нынешнего старика-сторожа. Вот он, опытный неуловимый вор, заядлый игрок с самою судьбой, держит в страхе всех мариупольских богачей. «Днем он – молодой – обедает из трех блюд в трактире Трофима Карповича, а вечером – то старик с седой бородой, то в котелке, то с французской эспаньолкой. Каждый вечер он новый, сам себя не узнающий в зеркале, и все норовит тереться около полиции и на виду, на бульваре; перед вечером читает местную газету, выходящую на завтрашний день, где в хронике описываются его похождения». Но в его пальто постоянно, на всякий случай, лежат парик и борода. И никому невдомек, что этот «красивый, здоровый, укладывающийся в цирке на обе лопатки профессионалов французской борьбы <...>, на самом деле –

вор, тот самый дерзкий, неуловимый вор, перед которым трепещет весь город и зовет его почему-то Исайкой».

Основные герои сургучевской повести проходят духовное возрождение через трагическое горнило «очищения духа через “страх и сострадание” как цели трагедии»; по Аристотелю (384-322 гг. до н.э.), в условиях трагического человек, испытавший страдание, ощущает возвышенное удовлетворение и просветление, освобождая себя от страданий, – наступает *kátharsis* («очищение»). Душа Расторопного, прошедшая через великие муки нравственного очищения, обретает духовную высоту; старика будоражит чувство человеколюбия и сострадания, забота о падших и униженных, чего не знал он столько лет. И разве не выпрямил душу старый ночной сторож панельной девке, ставшей потом для него почти родной дочерью, которую ласково называет Лизоночкой? Как на исповеди, она признается ему, что полюбил ее молодой заезжий музыкант; дал ей много денег и просил, чтобы она «затяжелела и родила ему мальчишку». И этот светлый лучик любви во мраке панельной ночи осветил надломленную душу Лизоночки. «Я-то с ним и что такое любовь первый раз поняла», – признается она умудренному годами сторожу и спрашивает: «Дедусь! Скажи: это и есть любовь?»

Перед Расторопным – уже не отчаявшаяся в жизни панельная девка; любовь выпрямила ее душу, и он по-отцовски советует Лизоночке: «Только затяжелей и роди!» И не в те ли минуты «то серьезный, то ласково улыбающийся старик казался ей тем бугорком, на котором надо устоять против бурлящей воды»? А перед его глазами тем временем вставал, пожалуй, и другой щемящий до боли женский образ. Много лет назад, в Мариуполе, влюбился Расторопный в молодую белокурую Елену, жену богатого грека Георгиади. Все напоилось любовью, не стало ничего тайного – ни в душе, ни в сердце, ни в уме, ни в памяти. «Поменялись душами», – подумал тогда Расторопный, и оттого сладостно заняло внутри. Но, уступив коварному подельнику Веденяпину, согласился он обворовать Георгиадиев дом. Но душевное чувство встречи с любимой и тут одержало верх: «Расторопный подошел к кровати и поцеловал Лену в волосы. Она вострепнулась, узнав знакомое прикосновение, дико, с ужасом взглянула на маску, потом посмотрела на волосы, на руки и все поняла, ослабела и отвернулась, закрыв лицо руками.

- Не бойся. Хорошо будет. Лучше будет, – шепнул ей Расторопный».

И случилось так, что Елена, узнавшая Расторопного, выдала его полиции. Любовь же к Елене так и не остыла с годами: «остался верен одной женщине, скрыл и смял в себе всю тоску и нежность к ней». А за спиной его уже караулила старость: «в душе боли не было, но жила преж-

няя нежная любовь и отчаяние, что нельзя пойти и увидеть ту, которую любишь». Светлая, неизбывная тоска Расторопного по Елене пронизана негасимым светом любви; это она очистила его душу, придала новые силы и веру в жизнь. А разве легко было Расторопному круто «перевернуть» жизнь, порвать тугую вервь «веселого» ночного прошлого?

А теперь он – ночной сторож при храме. И когда затихает город и проходит дневной зной, когда с запада, как воздушный узенький ручеек, начинает струиться ветер, «радуясь одиночеству, Расторопный глядит ввысь и видит, что все знакомые звезды, как сторожа, на своих местах. И земля – звезда. И если звезда, то кому светит? И если сторож, то кого сторожит?» Так ночь для Расторопного становится еще и ощущением связи с самой Вселенной: «Он закрыл глаза и снова точно слышит заметный шорох и свист, как от пули, пролетающей шагах в десяти. И, прислушавшись к звукам, еле заметным и таинственным, он понял, что это – полет Земли».

Некоторые исследователи видят в Расторопном «русского Робин Гуда», «идеологизация которого дана Сургучевым в традициях русской классики» [Егорова 2010, 43]. Пожалуй, трудно согласиться с этим. Да, Расторопный – защитник униженных и оскорбленных, но защитник особой стати; своими заботами он выпрямляет их души, делает их чище: душа, прошедшая через муки очищения, обретает духовность. Это ощущают на себе все, кого жизнь сталкивает с Расторопным. Выпрямилась же душа Лизоночки. Нерастраченную любовь к Елене, призывную, словно звездочка в бездонном небе, ощутил старый ночной сторож в светлой любви одаренного художника иконостасной мастерской Алеши Сокольского, влюбленного в богомазку-послушницу Машеньку. Хочет Алеша написать Рай, звездами освещенный, и в нем – «невечерний свет», затмив самого итальянского художника монаха Беато Анжелико (ок. 1400-1455), написавшего картину «Рай». И когда Расторопный узнает, что Алеша «монашку из монастыря увез», а их ищут, он прячет их в своей церковной келье, только посмотрев вопросительно на Машеньку: «И этакую красавицу ты отнял у Бога?» Рядом с Расторопным духовно чище становится и аптекарь Хаим, тоже «ночной человек». Его, иудея по вере, Расторопный бережно и исподволь приобщает к православному веру. Обращает на себя внимание один из ключевых диалогов Расторопного с Хаимом:

- « - Что теперь делаешь?
- Читаю книгу, написанную четырьмя евреями о самом великом еврее, какой только был на земле.
- О ком это?

- О Боге вашем Иисусе Христе».

А потом случилось так, что Алеша «вдруг прикорнул Расторопному на колено и заснул». Заботясь о молодом друге, Расторопный, когда наступила пора идти на звонницу, не стал будить Алешу, и пришлось Хаиму идти и «бить часы»: так молодой иудей стал на путь Православия...

В сургучевской «Ночи» читатели не могут не обратить внимания на примечательную ночную сцену, в которой Расторопный беседует с Богом, явившемся ему во сне.

«- Ну, а скажи, – говорил все более и более осмеливаясь Расторопный, – как же Ты, наш Бог, истинный Бог, можешь терпеть около себя бога татарского, калмыцкого, индийского?»

- Ты истинный совопросник света сего, – ответил Бог и сказал что-то такое, что Расторопный разобрать не мог».

Обратили внимание, Бог не дает прямого ответа на прямой вопрос собеседника и «сказал что-то такое, что Расторопный разобрать не мог». В том то и дело, что за данной конкретной художественной деталью сокрыта важная мировоззренческая, духовная проблема с ее сомнениями и неразрешенностью. Да, ни христианская Библия, ни иудейские Талмуд и Тора, ни буддийско-индуистская Калачакра-тантра, ни исламский Коран, – да и никакие другие религии не дадут ответа на вопрос пытливого ночного сторожа, заданный самому Богу.

Большой знаток культуры Востока, Сургучев, оставаясь глубоко преданным Православию, столь же глубоко исследовал и изучил древние античные и нынешние религии Востока (буддизм, иудаизм, конфуцианство, индуизм, ислам и пр.). Для Сургучева «все религии мира едины, как едино само человечество – ибо нет народа, который был бы выше или лучше других; нет эпохи, которая была бы более значимой, чем вся остальная мировая история, и нет ни одной религии, которая содержит в себе Истину во всей ее полноте. Отблески ее рассыпаны во всех религиозных доктринах» [Нутрихин, Фокин 2010, 98].

Так для Сургучева оказался привлекательным девиз Теософского Общества, созданного Е.Блаватской: «Нет религии выше Истины». Не оттого ли тернии сомнения постоянно терзали писателя-человекознателя? Творя художественный текст, он полагался не только на зов рассудка, но часто и на волшебство интуиции. Случайно ли он, вслед за Е. Блаватской [1993, 73], рассудок называл «глазами ума», а интуицию – «глазами души»? Сургучев не стал поклонником неореализма – одного из модных веяний в литературном творчестве начала XX века, как полагают некоторые исследователи [Егорова 2010, 45]. Куда больше Сургучева волновали судьбы родного ему русского реализма.

Оставаясь художником-реалистом, он вобрал в свое художественное творчество все богатство речевой выразительности гоголевского *романтического реализма* [Липатов 2006, 107-108; Липатов 2009] и сгущенность чеховского *импрессионизма* [Мурина 1996]. Исследования языка и стиля художественных произведений Сургучева, в том числе и повести «Ночь», убедительно свидетельствуют об этом. Как известно, в XIX веке признанным мастером русского пейзажа был И.С.Тургенев (1817-1883). Обратимся к тургеневскому описанию грозы, сравним его с чеховским.

И.С.Тургенев:

«Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась из-за леса; надо мною и мне навстречу неслись длинные серые облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жар внезапно сменился влажным холодом; тени быстро густели <...>. Сильный ветер внезапно загудел в вышине, деревья забушевали, крупные капли дождя резко застучали, зашлепали по листьям, сверкнула молния, и гроза разразилась. Дождь полил ручьями» («Бирюк»).

А.П.Чехов:

«Между далью и правым горизонтом мигнула молния, и так ярко, что осветила часть степи и место, где ясное небо граничило с чернотой. Страшная туча надвигалась не спеша, сплошной массой; на ее краю висели большие, черные лохмотья; точно такие же лохмотья, давя друг друга, громоздились на правом и на левом горизонте <...>. Вдруг над самой головой его [Егорушки] со страшным, оглушительным треском разломилось небо <...>, внизу на земле вспыхнул и раз пять мигнул ослепительно едкий свет. Раздался новый удар, такой же сильный и ужасный. Небо уже не гремело, не грохотало и издавало сухие, трескучие, похожие на треск сухого дерева, звуки» («Степь»).

Легко заметить, сколь разительны здесь стилевые отличия: у Тургенева степенная размеренность описания грозы, а у Чехова в грозовой пейзаж ворвалась напряженная импрессионистская сгущенность слов-красок. Так импрессионизм с живописных полотен мастеров кисти шагнул на полотна мастеров слова. Причем он начинает проступать уже в тютчевских описаниях грозы, «что и резвяся и играя, грохочет в небе голубом». А вот гроза глазами Ильи Сургучева, основательно породнившего романтический реализм с бунтарским импрессионизмом: «И вот ночью, часов около четырех, трахнул гром. Бой начался. День, пьяный и буйный, не желавший знать никаких законов, старался выгнать с земли и неба ненавистную ночь и то разъяренно раскатывался по небу, всплескивая огромным серебряным крылом, то клевал ее стрелой – кле-

вал на мгновение, но так, что сразу пропадали все тени, померкал свет редких, не испугавшихся и не спрятавшихся звезд <...>. Ключет, а затем снова гигантским прыжком на небо, на поджидавших коней, и в пять секунд с мягким переливающимся грохотом обхватит по деревянному настилу верст тысячи две».

Перед нами живописная фреска с неповторимо образной радугой слов-красок и их волшебнo-пульсирующим свечением. Эта-то повышенная экспрессивность слога и придает сургучевскому тексту особую поэтичность. И еще об одной особой импрессионистской манере включения Сургучевым в текст метафорических определений-эпитетов, у коих особая интенсивность семантического свечения:

«*Город*, такой *спокойный* и *уютный* в свой предвечерний и предутренний час, теперь был совсем другим – *звонким, суетливым и неприютным*».

«И, как на царице, горели на ней [Елене] *таинственные, молчаливые и возбуждающие огни*».

Сургучевские метафорические эпитеты всюду неожиданны своей семантикой и звуками-звонами.

«У молодой женщины было *ласковое, думающее, озабоченное лицо*».

«Как-то так выходило, что *слова* выкатывались у Тихонова из рта *маленькие и кругленькие*».

В последнем случае импрессионистскую сочность метафорических эпитетов усиливает метонимия: у Тихонова из рта выкатываются маленькие и кругленькие слова.

А сургучевская метонимия щедро разбрасывает слова-искры:

«*Повеселел костер*, и стал огонь – как большое трепещущее крыло», «И только тогда [Тихонов] *смешки из своих глаз перелил в улыбку*...», «*Кругом*, в каменной ограде, *ползущий сверху вниз густой, старый сад*. Тишина». Неожиданны своей несовместимой совместимостью и сургучевские оксюмороны: «И [Машенька] совсем не будет думать о сущности предлагаемых вопросов: настоящие *вопросы* будут *молчаливые*, – те, которые таятся в улыбающихся глазах, в улыбке, в ласковых движениях рук». «Стояла *тишина* осенняя, *слышная*. Постепенно расходились тучи, и в прорыве стали отчетливо видны три звезды Медведицы, блестящие уж по-осеннему». Кажущаяся смысловая алогичность оксюморонов тут тоже от сургучевского импрессионизма. До конца своих дней писатель оставался русским реалистом. Психологическая обостренность реалистического, равнодушие к тому, что деется вокруг, – все это нашло отражение и в «Ночи». Но здесь, как нигде в других произведе-

ниях, обнажает себя романтизм с его необыкновенно яркими стилевыми приметами.

Обратите внимание, как щедр «романтический реалист» на словесную образность, что особенно зримо выражено в метафорическом полове с сургучевских пейзажных описаний, у которых своя душа, свой язык. К тому же, здесь на богатую метафористику глагольного перифраз щедро бросает отсвет метонимия, усиливая романтически-импрессионистскую сущность сургучевского текста. Смотрите, как у Сургучева по-человечьи неумно-шаловлив проказник-день: «И дождь уже перестал, и тучи по небу расплылись, и *день, образуившись, стал трезветь, понял свое бессилие и перестал грохотать и раскатываться*» и «Ночь кончилась. Через час во всех своих царских одеждах *придет день, юный и свежий, все осветит, все осмыслит...*». В «Ночи» намного экономней, нежели ранее, использует Сургучев метафорические именные перифразы. Но в каждом из них – нерастраченная, самобытная понятийная свежесть: «Во всем теле чувствовалась *усталость, предвестница сна*», «*Ночь* – это величайший океан, а *жизнь человека* – дно его».

Еще несколько колоритных именных перифраз из раздумий Расторопного: «*Вечер* – *женех разлучённый*, любивший одну только, закрывающий глаза на грешную ночь, *ночь* – *Настасья с монистами*» или «*Безлюдье, тишина* – разве это не *тот же монастырь?*» Порою именной перифраз создается как цепочка разнотипных сравнительных оборотов: «... уже не мертвым, а серебряным калачиком все яснее и четче обозначился *молодой месяц*, как *царевич, наследник солнца, принимавший правление над засыпающей землей*».

А то неожиданно именной перифраз превращается в развернутую характеристику: «Сегодня правил миром *Кириша* – *особенный, беззвучный, посылающий легкий ветерок с моря*. Словно по делу посланные, откуда-то бежали освещенные звездами, похожие на прозрачную ткань белые облака». Своеобразен, например, такой эвфемизированный разговор Расторопного с молодым вором:

«Расторопный достал из кармана револьвер, показал его парню и спросил: – А вот этого *Семена Ивановича* ты видывал?»

Nomina secunda *Семен Иванович* тут – из тюремного аргю, который Расторопному хорошо был знаком в пору его разгульного прошлого.

Еще один пример эвфемизации речи воровского мира. В ресторане вор Веденяпин дает команду половому: «*Бутылку дыма и две тарелки костей!*». И тот легко понимает его: *дым* – это «водка», а *кости* – «закуска».

Экономнее стали и метафорические сравнения-перифразы, однако способы их включения в текст и тут во многом разнятся:

«Протянулись сверху облака, **как** какие-то *сонные баржи*, а впереди их, **как** *путеводитель-пароход* – Луна».

«Иногда вдруг среди тишины, **словно** *осторожный разведчик*, появлялся *легкий ветер* – прилетит с верхних улиц, понюхает кругом, заглянет во все углы, толкнет в бок заснувшие деревья, заставит их спросононья шевельнуть листьями...». «... над всем возвышались жирные георгины, чем-то **похожие** на *индюков, когда они распускают хвост*. «Под лунным светом вода искрилась, и **казалось**: *водяной выставил ладонь наружу и пересыпает на ней червонцы*». В приведенных текстах – радуга необычно поданных метафорических сравнений с их бушующей цветностью слов-красок, и всякий раз – новый семантический разворот в сотворении текста. Вчитайтесь в следующий фрагмент повести. Расторопный спрашивает у Бога, пришедшего к нему во сне: «А умру я скоро?» И Бог отвечает: «Нет, ты еще поживешь <...>, но только теперь каждый твой день будет, **как** *птица, улетающая осенью, как лист, падающий с дерева, как капля, оторванная от тучи*». Неоднократный повтор сравнений, сцепленных общим местоимением *как*, создает тексту притчевую высоту звучания, семантическую сгущенность мысли.

В сургучевской «Ночи» читатель впервые встречается с лексическими новообразованиями. Но это не окказионализмы, созданные самим писателем, а, скорее, слова, подслушанные у народа в российской глубинке; это чаще всего, диалектизмы, - и не только те, что засвидетельствованы словарями народных говоров. Алеша Сокольский собирается ехать в Москву, учиться на художника, и Расторопный спрашивает его: «А на какого шиша ты *ехалу* [то есть «проездной билет»] купишь?»

В другом месте Расторопный говорит Алеше: «Тебе свет нужен. Без света ты – *калечь* [то есть «покалеченный, калека»]. Для тебя солнце – солнышко, солнце-батюшка. А для нас солнце – *солнщице*, отчим, свекор...». А вот диалог Расторопного с вором Георгием: «Что ж это? Вы, никак, Бога задумали обокрасть? – <...> Подожди до половины первого придет еще человек, мы тебе и объясним, такая *штуколясина*». Расторопный, хорошо знавший язык воровской малины, прекрасно понимал, о чем идет речь. А пришла *штуколясина* из польского арго; *cztukolasina* основой своей связана со средневерхненемецким *stücke* – «штука, кусок». В русском воровском арго *cztukolasina* (штуколясина) получила значения «штуковина», «фокус». Отсюда выражение *Вот такая штуколясина* надо понимать как «Вот такая *штуковина*», «Вот такой *фокус*».

В том же диалоге с вором Георгием Расторопный спрашивает его: «Это всё вам *кувыркала* рассказал?» И тот понимает, что речь тут о их ответом вожаке Веденяпине. Существительное *кувыркала* русскому литературному языку не знакомо: рядом с глаголом *кувыркаться* есть там его корреляты *кувыркание* и *кувырком*, а вот *кувыркалы* – нет; в воровском арго *кувыркала* – это «большой пройдоха, мастер на всякие выверты; проходимец». Среди слов-новообразований не только имена существительные, но и семантически емкие глаголы. Алеша Сокольский – Расторопному: «-Ну, а пока что не будем терять золотого времени. Ты, Расторопный, *расторопись*. Возьми-ка эту икону да благослови нас на счастливую жизнь».

Друг Лизоночки – Расторопному: «*Стариковать* вы, батюшка, начинаете, вот что...». Или еще: Расторопный спрашивает неожиданно появившегося давнего «собрата»-вора Веденяпина: «В каком же городе *купцуешь*?» А тот отказывается признаться, где он разбоем промышляет: «Этого, брат, ни-ни, *никаким каком*». Как видим, непривычное на слух словосочетание *никаким каком* («ни в какую», «ни в коем разе») соседит с воровским глаголом-эвфемизмом *купцевать* («грабить»).

У исследователей литературного творчества Ильи Сургучева нередко возникает вопрос: почему повесть «Ночь» так и не увидела свет при жизни писателя? И, в самом деле, «вряд ли можно назвать другое произведение, имеющее столь длительную – почти полвека – творческую историю, как “Ночь”» [Егорова 2010, 48]. Да, крутые развороты того времени столь же круто ломали творческие планы писателя, обрекая его на долгие перерывы в работе над повестью. А.А.Фокин, один из крупнейших знатоков литературного творчества Сургучева, замечает, что «начало роману [повести «Ночь». – А.Л.] было положено до эмиграции <...>. Реализовать же намеченное вчерне Сургучеву удалось только в 1930-е годы. В 1950-е годы структура романа дорабатывалась, но завершен он, по-видимому, так и не был» [Фокин 2006, 299]. Но, по мнению Л.П.Егоровой, «это произведение – законченное: характеры исчерпаны, главный герой проведен через самые разные обстоятельства в его жизни, выявляющие органичность развязки сюжета – последнего поступка главного героя в духе заветов классики золотого века: народ всегда прав» [Егорова 2010, 48].

Однако многосторонний текстуально-стилистический анализ сургучевских романов и повестей дает основания высказать иные мнения. Из-за сложных творческих перипетий «Ночь» долго ждала своего часа. Автор и сам понимал: «Ночь» – его любимое детище, и она должна быть завершена. Однако высокая требовательность к каждому своему

художественному творению, неудовлетворенность и суровая самооценка созданного постоянно отодвигали завершение работы над повестью. И не след забывать, что Сургучев каждое свое произведение (будь то роман или повесть) выстраивает как симфонию, хорошо прописывая все его части. А последние главы в каждом сургучевском творении – что кода в музыкальной пьесе, глубоко и емко завершающая само произведение. Но вот «Ночь», что называется, выламывается из творческой манеры сургучевского повествования. Понимая, как тают его творческие силы, Сургучев и решил завершить повесть «Ночь» столь коротким эпилогом чисто эскизного типа. Так и стала она для Сургучева воистину лебединой песней, прерванной в полете.

Литература

1. Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. Ключ к тайнам древней и современной науки и теологии. Т.1. Наука. – Донецк, 1999.
2. Егорова Л.П. Живые истоки прозы Ставрополя (Илья Сургучев: «Губернатор» - «Мельница» - «Ночь») // VII Сургучевские чтения: Культура провинции: локальный и глобальный контекст: сб. материалов междунар. науч.-практ. конференции / под ред. А.А.Фокина, О.И.Лепилкиной. – Ставрополь, 2010.
3. Липатов А.Т. Метафорическое кружево гоголевского слога: семантические характеристики и стилистические особенности гоголевского слова и текста // А.Т.Липатов. Семантическая радуга перифразы: от Пушкина до Шолохова. – Йошкар-Ола, 2006.
4. Липатов А.Т. Семантическая магия гоголевского перифразы // Studii de Slavistică. Editura. Universităţii Al.I. Cuza. Vol. XIX. Gogol. – Iaşi, 2009.
5. Мурия М.А. Чеховиана начала XX века: структура и особенности // Чехов и Серебряный век. – М., 1996.
6. Новое о писателе И.Д.Сургучеве по материалам ГАСК; публикация Е.Е.Громовой // IV Сургучевские чтения: Локальная литература и мировой литературный процесс: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – Ставрополь, 2007.
7. Нутрихин Р.В., Фокин А.А. Отражение теософской доктрины в литературном творчестве И.Д.Сургучева // VII Сургучевские чтения. Культура провинции: локальный и глобальный контекст: сб. материалов Междунар. научно-практ. конф. / под ред. А.А.Фокина, О.И.Липилкиной. Ставрополь, 2010.
8. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. – Изд.4. – М., 1907.
9. Фокин А.А. Илья Дмитриевич Сургучев: проблемы творчества. – Ставрополь, 2006.
10. Persson P. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Uppsala, 1912, Bd.10.
11. Štekelj K. Zur slavischen Lehwörterkunde. Wien, 1904 // Denkschriften der Wiener Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. 50. No 3.
12. Walde A. Latinisches etymologisches Wörterbuch. 3 Aufl. von J.B.Hoffmann. Heidelberg, 1938. T.2.

*Литвинский А.В.,
БГУ, Республика Беларусь*

ИСТОРИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ БЕЛОРУСОВ: ВАРИАНТЫ ЦЕННОСТНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

*Litvinskij A.V.
Baranovichsky state university,
Baranovichi, Byelorussia*

HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF MODERN BYELORUSSIANS: VARIANTS OF VALUABLE ORIENTATION

Abstract. The article deals with different variants of the value orientation of up-to-date Byelorussians. These variants are based on the specific understanding of Byelorussian historical experience. It gives the analyses of 3 types of historical self-consciousness: soviet, “zapadno-russist” (west-russian), “Lithuanian”.

Белорусское общество переживает очередной трансформационный период, для которого, помимо всего прочего, характерно соперничество различных систем идейных ценностей (впрочем, в определенной степени также возможен их симбиоз). Поскольку любая идеология опирается на специфическую интерпретацию исторического опыта, представляется уместным проанализировать различные варианты данной интерпретации и сформировавшиеся (или формирующиеся) на их основе образы исторического прошлого, оказывающие немалое влияние на представления о белорусском настоящем и будущем.

Стало общим местом утверждение о том, что белорусский народу выпала доля жить и самоутверждаться на цивилизационном разломе, пролегшем между православным Востоком и католическим (в меньшей мере – протестантским) Западом. Наиболее четко эту мысль сформировал белорусский философ И. Абдиралович [1]. Мысль по сути своей верная, однако необходимо дополнить, что не только противостояние двух вариантов христианской цивилизации, но и их взаимодействие имело место быть в белорусской истории. Уж во всяком случае, прошлое Белой Руси не сводится к данному противостоянию, иначе белорусский народ точно бы не стал этносоциальной и этнокультурной реальностью.

Кроме того, определяя цивилизационные предпочтения современного белорусского общества, следует учитывать не только фактор пространства, но и фактор времени. К примеру, если согласиться с тем, что в качестве локомотива цивилизационного развития выступает город, то следует отметить, что белорусский город XIX в. был таковым только по географическому положению, а по этническому составу населения его скорее уж можно было назвать еврейским. Во второй половине XX в. он приобрел черты унифицированного советского города, в котором господствовала уже сложившаяся к тому времени специфическая советская культура. Таким образом, урбанизационные процессы периода модернизации явно не содействовали приобретению городом этнического белорусского облика.

Иными словами, белорусское прошлое создало несколько вариантов возможного культурно-цивилизационного самоопределения как различных социальных групп (здесь дифференциация осуществляется, прежде всего, по религиозному и возрастному факторам), так и, в принципе, каждой отдельно взятой личности. Разумеется, сложившиеся типы национально-исторического самосознания нельзя представить и проанализировать без упрощающего куда более сложную реальность абстрагирования, характерного для процесса моделирования, типологизации и классификации. Ведь личность вполне может сочетать в структуре собственной ментальности черты различных типов. Это весьма присуще нашему времени, когда человек находится на перекрестке информационных потоков, иногда изнемогая и теряясь под их напором, попадая в ситуацию «информационного шока». Поэтому речь пойдет в первую очередь о представителях социально-гуманитарного сегмента духовной сферы жизни белорусского общества, для которых характерна большая, по сравнению с другими, определенность в выборе ценностных приоритетов.

Основывающаяся на специфическом восприятии исторической действительности ценностная ориентация может реализоваться как феномен, приобретающий форму некоей идеологической конструкции. Для данной конструкции характерны следующие черты:

1) наличие определенного представления об идеале, существовавшем в прошлом и имеющем шансы хотя бы в какой-то мере воплотиться в будущем (по сути своей, это секулярный вариант мифологического постулата о «золотом веке»);

2) осуществляющееся на основе данного представления разграничение исторических событий и процессов по признаку «плохое – хорошее»;

3) различная оценка степени важности тех или иных факторов общественного развития и осуществленных в ходе его достижений, как, впрочем, и степени невосполнимости понесенных потерь;

4) отношение к определенным историческим деятелям как к «героям» или «антигероям» (такой же подход может быть применим и к различным социальным группам, при этом очень уж нежелательно, чтобы образ «антигероя» становился образом врага, однако такое иногда, к сожалению, происходит);

5) различие в геополитических приоритетах (в белорусском случае данное различие зачастую проявляется в выборе по признаку комплементарности между Польшей и Россией, причем выбор этот вовсе не обязательно должен иметь альтернативный характер – ведь вполне допустим как вариант «и Польша, и Россия», так и вариант «ни Польша, ни Россия»);

6) взгляд на современные реалии сквозь призму собственной интерпретации исторического опыта;

7) моделирование и прогнозирование будущего, оптимистическая или пессимистическая оценка перспектив дальнейшего развития.

«Маятниковый» и синусоидальный характер исторического развития белорусских земель способствует тому, что приверженцы различных систем ценностей могут найти в белорусском прошлом достаточное количество фактов, из которых, как из кирпичиков, можно сложить приемлемую для себя идеологическую конструкцию. Разумеется, не следует думать, что белорусские гуманитарии только тем и занимаются, что на основе анализа исторического опыта вынашивают идею, воспринимаемую ими в качестве спасительной для нации. Однако достаточно внимательно ознакомиться с содержанием научных трудов обобщающего характера, чтобы убедиться в наличии в них аксиологического контекста [2 – 4; 6; 7; 9]. Как справедливо отметил автор одного из таких трудов, «сегодняшний историк понимает, что, сколько бы он ни подчинялся императиву объективности, быть полностью беспристрастным он не сможет» [7, с. 7] (здесь и дальше по тексту перевод с белорусского языка на русский язык осуществлен автором данной статьи – А.Л.). Впрочем, встречаются и проявления откровенной тенденциозности, особенно в работах научно-популярного характера, точнее говоря, в гораздо большей степени популярных, чем научных.

Исходя из сказанного выше, можно выделить несколько вариантов ценностной ориентации современных белорусов (в данном случае речь будет вестись только о взаимовлиянии исторического самосознания и предпочтений преимущественно идеологического характера). Пожалуй,

следует начать с советского типа исторического самосознания. При этом автор статьи понимает, что допускает хронологическую инверсию, поскольку данный тип сформировался позже других. Эта инверсия объясняется двумя факторами: во-первых, носители советского исторического самосознания всё еще количественно преобладают в белорусском обществе, составляя, кстати говоря, значительную часть его элиты; во-вторых, и в других постсоветских государствах, прежде всего, в России данный тип представлен достаточно широко.

Нет нужды подробно характеризовать советский тип исторического мышления, ибо это уже сделано до нас. Так же вряд ли стоит специально обращать пристальное внимание на то, что среднестатистический советский белорус в советской же школе худо-бедно усвоил азы марксистско-ленинского понимания истории. Можно предположить, что параметры личностного восприятия им прошлого заданы не столько знаниями теоретического характера, сколько индивидуальным жизненным опытом – ведь для многих последний период существования СССР был этапом их жизни. И если для историков (впрочем, далеко не для всех) эпоха Брежнева – это период застоя, то для среднестатистического белоруса из тех, «кому за сорок» – это время их детства, юности и молодости, когда перспективы казались весьма оптимистическими. Отсюда и тоска по советскому прошлому, которое в «брежневско-машеровском» варианте казалось идеалом (П.М. Машеров – Первый секретарь ЦК КПБ с 1965 по 1980 г.). Отсюда и проклятия в адрес тех, кто «развалил СССР» (вот они, исторические антигерои, в представлении советского человека).

При этом следует отметить, что как раз знания по белорусской истории, советская школа предоставляла в таком малом количестве и в такой интерпретации, которая вполне могла породить (и порождала!) комплекс национальной неполноценности. Как огня, советские идеологи боялись угрозы национализма и поэтому тщательно убирали из школьных учебников всё, что могло, на их взгляд, актуализировать эту угрозу. Поэтому подавляющее большинство белорусов, обучавшихся в 60-х – первой половине 80-х гг. XX в., попросту говоря, плохо знали историю своей республики – гораздо хуже, чем историю России.

Стало быть, не следует удивляться тому, что историческое самосознание советского белоруса в большей степени было сформировано восприятием российских исторических реалий, нежели белорусских. Например, он, будучи абсолютно уверенным в своей правоте, мог заявить, что летоисчисление «от Рождества Христова» ввел на белорусских землях Петр I, даже не догадываясь, что, вообще-то, на рубеже

XVII – XVIII вв. эти земли входили в состав Речи Посполитой, и Петр I не имел права и не должен был ничего вводить здесь.

Что же касается профессиональных историков, то в настоящее время верность советской мировоззренческой и методологической парадигме сохраняют представители старшего поколения (впрочем, не все из них). Если и вносятся ими изменения в сформированную еще во времена существования СССР концепцию, то дело ограничивается правками косметического характера. Примером такого научно-исторического консерватизма может служить учебное пособие, выпущенное под редакцией Е.К. Новика и Г.С. Марцуля [3]. Между прочим, оно активно используется в белорусских вузах, что является свидетельством того, сколь сильны советские историографические традиции в современной белорусской науке и образовательной практике.

История, как известно, полна парадоксов. Один из них заключается в том, что белорусские советские историки, в обязательном порядке «присягая на верность» марксистской методологии, обильно черпали аргументы из фондов западноруссистской историографии, православно-монархической по мировоззрению и славянофильской по методологии. А ведь можно довольно уверенно утверждать, что симпатии и К. Маркса и, в особенности, Ф. Энгельса принадлежали отнюдь не России, а Польше, которая в западноруссистской историографии приобрела устойчивые черты «образа врага».

Как направление общественно-политической и научно-исторической мысли, западноруссизм сформировался в ответ на польское национально-освободительное восстание 1863-1864 гг. [8]. Идейным лидером данного направления являлся известный историк М.О. Коялович, изложивший свою концепцию в ряде трудов, важнейшим из которых был курс лекций по истории «Западной России», т. е. земель, входивших когда-то в состав Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского [5]. Приверженцы западноруссизма исторический идеал видели в единении великорусского, украинского и белорусского народов. Всё православно-русское они оценивали положительно, всё польско-католическое – отрицательно трагическими событиями белорусской истории представляли в их интерпретации Люблинская межгосударственная уния 1569 г., приведшая к образованию Речи Посполитой, и, в особенности, Брестская церковная уния 1596 г., приведшая к образованию униатской церкви. Разумеется, вхождение белорусских земель в состав Российской империи, ставшее результатом разделов Речи Посполитой, вызывало у них восторженные оценки. Те, кто способствовал распространению здесь польско-католического влияния, например ини-

циаторы Брестской церковной унии, считались в рамках данной историографической традиции «антигероями», те, кто этому препятствовал, считались «героями».

В настоящее время западноруссистские идеи популярны в определенных кругах Русской православной церкви и поддерживаются группой воцерковленных православных интеллектуалов, последовательно отстаивающих тезис о противоборстве православия и католицизма как доминанте белорусской истории и современности [9, с. 8]. В 90-х гг. XX в. были даже попытки создать на основе неославянофильской идеологии политическую партию – Славянский Собор «Белая Русь», однако их нельзя назвать успешными, поскольку очевидный конфронтационный заряд, содержащийся в западноруссизме, не был востребован традиционно толерантным белорусским обществом. Наиболее убедительным доказательством данной толерантности является широкая практика заключения межконфессиональных, православно-католических браков. Последовательная же реализация программы Славянского Собора не могла бы привести ни к чему другому, кроме как к столь же последовательной дискриминации неправославных белорусов, которым, скорее всего, и в белорусскости было бы отказано. А это с неизбежностью привело бы к социальному взрыву, который мог принять форму межконфессионального и межэтнического конфликта. Поэтому и неудивительно, что на рубеже XX – XXI вв. часть белорусской политической элиты, ранее склонявшаяся к поддержке неославянофильских идей как альтернативы неприемлемому для ее представителей белорусскому национализму и даже видела в них духовную скрепу российско-белорусской интеграции, заметно охладела к неозападноруссистским идеологическим конструкциям.

Пожалуй, можно утверждать, что на историческое самосознание белорусского общества повлиял не столько западноруссизм в его классическом виде, сколько своеобразный гибрид марксизма в советском его понимании и реанимированной в сталинские времена идеи российской великодержавности, одним из локальных вариантов которой, по сути дела, и являлся западноруссизм с его неприятием католицизма и антиполонизмом, воспеванием единства русских, белорусов и украинцев. Излишне напоминать сведущему читателю, что практически все эти концептуальные положения были отражены в советских учебниках по истории СССР и БССР, хотя, конечно же, характерный для школы М.О. Кояловича православный монархизм там не был представлен.

Таким образом, если представить советскую и западноруссистскую систему ценностей в виде геометрических фигур, например, кругов, то

область их пересечения окажется немалой, но полностью эти круги совпадать не будут.

Следующий тип современного белорусского исторического самосознания, противоположный как советскому, так и западноруссистскому, может быть весьма условно назван «литвинским» (но не «литовским»!). Он представлен в нескольких вариациях [2; 4; 7]. Дело в том, что именно в Великом княжестве Литовском его представители видят прототип белорусской государственности, да и свою духовную опору. Во многом, на наш субъективный взгляд, это объясняется своеобразной тоской по проявлениям человеческого достоинства, которых было достаточно в истории ВКЛ, и которых современный «литвин» не наблюдает в сегодняшнем белорусском обществе. Встречаются даже случаи, когда «литвины» вполне сознательно меняют этническую самоидентификацию, становясь литвинами уже без всяких кавычек. «Отличительной чертой белорусов-литвинов был демократизм <...>. Демократизм формировал дух свободы, нравственные и правовые представления о независимости, понимание ценности человеческой личности», – утверждают представители данного типа мышления, объясняя этим притягательность для себя тогдашних норм и идеалов [2, с. 29].

Вольно или невольно, в большей или меньшей степени, сторонники анализируемой системы ценностей видят в истории ВКЛ идеал, иногда ее романтизируют [4]. При этом всячески подчеркивается соответствие ВКЛ, как и Речи Посполитой, стандартам европейской цивилизации [7, с. 7, 8, 350]. Также подчеркивается фактическая несовместимость духовно-ценностных систем, литвинов-белорусов и московитов-россиян. Как результат, многочисленные войны между Московским государством (позже – Россией) и Литвой (позже – Речью Посполитой) зачастую интерпретируются как столкновение двух воплощенных в государственной практике аксиологических систем, указывается на катастрофические последствия этих войн (прежде всего, войны 1654 – 1667 гг.) для белорусского населения, что, в принципе соответствует действительности.

Существует стереотип, согласно которому «литвины» практически без исключений демонстрируют приверженность католицизму либо, как варианту первого, униатству. Это не так. Среди них есть и православные, и протестанты, и атеисты, и даже неоязычники. При том, что в рамках этого типа восприятия исторической действительности наблюдается некоторая идеализация периода Первой Речи Посполитой, хватает и критических оценок данного периода, наблюдается негативное отношение к Польше [4, с. 360]. В чем они едины, так это в критическом отношении к Российской и советской действительности (имеется в виду период нахождения Беларуси в составе Российской империи и СССР).

При этом, хотя, как известно, история не терпит сослагательного наклонения, подразумевается, что белорусы достигли бы значительно большего, если бы их история пошла по другому пути, не российскому и не советскому. Разумеется, этот тезис в силу его виртуальности нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Впрочем, среди ученых, стремящихся излагать историю с национально-белорусских позиций, встречаются и те кто критически относится к идее «литвинства», считая, что она изжила себя уже в XIX в., когда под напором русификаторской политики произошла цивилизационная переориентация белорусских земель с Польши, как геополитического центра притяжения, на Россию [6]. Сторонники этого взгляда замечают: «Нужно ли для этого лучшее доказательство, чем поражение Белорусского Народного Фронта «Возрождение» который в свое время перепутал Беларусь с Великим княжеством Литовским?» [6, с. 14]. Действительно, с этим необходимо согласиться. Романтизированная «литвинская» идея, не найдя массового отклика в белорусском обществе, по-прежнему остается уделом национально ориентированной части белорусской социально-гуманитарной элиты.

Автор статьи посчитал необходимым воздержаться от прогнозов, касающихся дальнейшей эволюции исторического самосознания белорусов, и возникших на его основе различных вариантов ценностных ориентаций – ведь сколько раз верные, казалось бы, прогнозы, не выдерживали проверки жизнью. Хочется надеяться на то, что ситуация геополитического и культурно-цивилизационного перекрестка, не раз становившаяся в прошлом проклятием для белорусского народа, в сегодняшних реалиях станет если не благословением (такое, увы, вряд ли возможно), то хотя бы очевидным плюсом. Надежда эта зиждется на традиционной белорусской толерантности, которую никоим образом нельзя отождествлять, как это иногда случается, с беспринципностью и равнодушием к собственной судьбе, а также на вере в белорусский здравый смысл. К примеру, культурно-историческое наследие, созданное в рамках различных цивилизационных проектов, несмотря на это, должно работать (и уже работает!) на белорусскую экономику (имеется ввиду ее туристическая составляющая), на имидж Республики Беларусь в мировом сообществе, на патриотическое воспитание подрастающего поколения. А это возможно только на основе гражданской солидарности и взаимоуважения.

Литература

1. Абдиралович, И. Извечный путь: Опыты белорусского мировоззрения / И. Абдиралович // Неман. – 1990. – № 11. – С. 162 – 179.

2. Гістарычны шлях беларускай нацыі і дзяржавы = The History of the Belarusian Nation and State / М. Біч, Р. Гарэцкі, і інш. – Мінск, Медисонт, 2006. – 440 с.
3. Гісторыя Беларусі: Вучэб. дапам. У 2 ч. Ч. 2. Люты 1917 г. – 2000 г. / Я.К. Новік, Г.С. Марцуль, Э.А. Забродскі і інш.; пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. – 2-е выд., перапрац. і дап. Мінск: Універсітэцкае, 2001. – 464 с.
4. Ермаловіч, М. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М.Ермаловіч. – Мн.: Белліт-фонд, 2000. – 448 с.
5. Коялович, М. О. Лекции по истории Западной России / М. О. Коялович. – М., 1864. – 348 с.
6. Латышонак, А., Мірановіч, Я. Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. / А. Латышонак, Я. Мірановіч. – Вільня: Інстытут беларусістыкі – Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. – 368 с.
7. Сагановіч, Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. / Г. Сагановіч. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2001. – 412 с.
8. Цьвікевіч, А. “Западно-руссизм”: Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / А. Цьвікевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.
9. Черепица, В. Н. Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества / В. Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 1998. – 328 с.

*Низова Л.М.,
МарГТУ, Йошкар-Ола*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЫНКА ТРУДА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

*Nizova L.M.,
MarSTU, Yoshkar-Ola*

INSTITUTIONAL ASPECTS OF THE LABOR MARKET IN THE MODERN ECONOMY

Abstract. In this study the institutional aspects of the labor market in modern economies. The classical and nonclassical concept of the labor market, the current state of the labor market in Russia.

Рынок труда состоит из всех тех, кто покупает или продает труд.
Р. Дж. Эренберг и Р.С. Смит

1. Концептуальные подходы к функционированию рынка труда
Рынок труда является фундаментом рыночной экономики, выполняющей функции механизма распределения и перераспределения общественного труда по сферам и отраслям хозяйства, видам и формам дея-

тельности по критерию эффективности труда и производства в соответствии со структурой общественных потребностей и форм собственности. Рынок труда – наиболее сложный элемент рыночной экономики, являющийся важной сферой экономической и социально-политической жизни общества. Он отражает основные тенденции в динамике занятости, общественном разделении труда, влияет на масштабы безработицы. Важнейшим компонентом рынка труда является механизм его функционирования. В экономических теориях выделяется пять основных концептуальных подхода к анализу функционирования современного рынка труда.

Классическая концепция. Её представителями являются А. Смит, Д. Рикардо, Ж.-Б. Сей. Они особую значимость придавали рыночным регуляторам занятости: заработной плате, цене, прибыли, проценту и конкуренции[5]. Неоклассическая концепция. Представителями данной концепции являются неоклассики Дж. Перри, М. Фелдстейн, Р. Холл. В 80-е годы XX века ее поддерживали сторонники концепции экономики предложения Д. Гилдер, А. Лаффер.

Неоклассическая концепция сводится к следующему: рынок труда действует на основе ценового равновесия, то есть основным рыночным регулятором является цена рабочей силы; заработная плата регулирует спрос и предложение рабочей силы, то есть поддерживает их равновесие; цена на рабочую силу гибко реагирует на потребности рынка в зависимости от спроса и предложения; если на рынке труда существует равновесие, то безработица невозможна, она носит лишь добровольный характер.

Однако данная теория не соответствует действительности, так как заработная плата не может находиться в точном взаимодействии с колебаниями спроса и предложения; кроме того, в рыночных условиях нельзя говорить об отсутствии безработицы. При этом сторонники данной концепции ссылаются на несовершенство рынка: влияние профсоюзов, установление государством минимальных ставок заработной платы, отсутствие информации и т.д.

Марксистская концепция. Её представителями являются К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. Основные положения марксистской теории следующие: рынок труда определяется как рынок особого рода; товаром является рабочая сила, которая в процессе труда создает стоимость; рынок рабочей силы имеет особенности: рабочая сила, будучи товаром, активно влияет на соотношение спроса и предложения, на свою рыночную цену.

Рассматривая со стороны стоимости строение капитала, по мнению Маркса, определяется тем отношением, в котором он делится на постоянный капитал, или стоимость средств производства, и переменный капитал, или стоимость рабочей силы, т.е. общую сумму заработной платы[3].

Кейнсианская и монетаристская концепция. К ее представителям относятся Дж. М. Кейнс, Р. Гордон, М. Фридмен. Кейнсианская модель, в отличие от неоклассической, основывается на следующих положениях: рынок труда – явление постоянного и фундаментального равновесия; цена рабочей силы (зарплата) четко фиксирована и практически не меняется; спрос на рабочую силу регулируется не колебаниями рыночных цен на труд, а совокупным спросом или объемом производства, который устанавливается государством; в конечном итоге государству отводится роль регулятора рынка труда. По мнению Кейнса, «самая разумная политика заключается в поддержании стойкого общего уровня денежной заработной платы»[1]. Представители школы монетаристов исходят из жесткой структуры цен на рабочую силу, вводят понятие «естественного» уровня безработицы. Они предпочитают использовать инструменты денежно-кредитной политики (ставка центрального банка, размеры обязательных резервов коммерческих банков на счетах центрального банка).

Институционалистская концепция. К ней относятся представители школы институционалистов Дж. Данлон, Л. Ульман. Они уделяют внимание анализу профессиональных и отраслевых различий в структуре рабочей силы и соответствующих уровней заработной платы, отходят от макроэкономического анализа и пытаются объяснить характер рынка особенностями динамики отдельных отраслей, профессиональных демографических групп.

Вышеперечисленные концепции отражают лишь отдельные элементы рынка труда, они не дают полной и адекватной картины механизма функционирования рынка рабочей силы. Рынок труда, подчиняется, с одной стороны, законам спроса и предложения. С другой стороны, он имеет следующие особенности, связанные с характером и спецификой воспроизводства рабочей силы:

1) регуляторами рынка труда являются не только макро- и микроэкономические факторы, но и социальные, психологические, не всегда имеющие отношение к цене рабочей силы – заработной плате;

2) на динамику рынка труда действуют демографические факторы (уровень рождаемости, темп роста численности трудоспособного населения, его половозрастная структура), степень экономической активно-

сти различных демографических и этнических групп трудоспособного населения, процессы иммиграции и эмиграции;

3) на потребность в рабочей силе оказывают влияние научно-технический прогресс, экономическая конъюнктура и фаза экономического цикла;

4) неотделимость права собственности на товар – рабочую силу – от его владельца; покупатель не просто покупает рабочую силу, а имеет дело с человеком, имеющим определенные права, как свободная личность;

5) на рынке осуществляется длительное взаимодействие наемного работника и работодателя;

6) наличие большого числа институциональных структур особого рода (законодательство, программы содействия занятости, профсоюзы, объединения работодателей), что порождает своеобразие отношений между субъектами рынка труда;

7) своеобразие в обмене рабочей силой, проходящим три стадии: сфера обращения товара – сфера производства – сфера обращения жизненных благ;

8) для рабочей силы кроме денежных аспектов сделки большую роль имеют содержание и условия труда, гарантии сохранения рабочего места, перспективы профессионального и служебного роста, микроклимат и т.д., то есть действия неденежных факторов сделки.

2. Экономическая природа рынка труда

Механизм действия рынка труда основан на стоимостных принципах согласования социально различных интересов разнообразных групп работодателей и трудоспособного населения, нуждающегося в работе и желающего работать по найму. Функционирование рынка труда связано с его субъектами и элементами. Основными субъектами рынка труда являются работодатели и их представители, наемные работники и их представители, государство и его представители, посреднические организации. Рынок труда складывается из многих элементов. Основными составными частями рынка труда являются: спрос на рабочую силу, предложение рабочей силы, цена рабочей силы, конкуренция, инфраструктура, конъюнктура, резерв рабочей силы, емкость рынка труда.

Спрос и предложение формируются под влиянием конкретной социально-экономической и политической ситуации, движения цены рабочей силы (оплаты труда), уровня реальных доходов населения и прожиточного минимума каждого члена семьи. Спрос на труд со стороны работодателей и соответственно занятость растут по мере снижения ре-

альной заработной платы (цены труда), а предложение труда возрастает по мере роста реальной заработной платы.

Если в точке пересечения кривых на рис. 2 спрос и предложение труда совпадают, то на рынке труда возникает ситуация равновесия. При цене труда выше равновесной наблюдается безработица; если цена труда ниже равновесной, то существует дефицит рабочей силы. Эта схема составляет основу дискуссий между работодателями и профсоюзами по поводу повышения заработной платы. Работодатели утверждают, что любое повышение реальной заработной платы ведет к безработице, а профсоюзы добиваются повышения заработной платы и прожиточного минимума работников. Таким образом, *цена рабочей силы (заработная плата) является важнейшим фактором движения рынка труда.*

Существуют различные концептуальные подходы к оценке стоимости рабочей силы и труда. Марксистская концепция определяет стоимость рабочей силы стоимостью жизненных средств, необходимых для ее нормального воспроизводства, т.е. стоимостью средств для жизни работника и его семьи. Согласно этой теории заработная плата определяется величиной суммарного дохода, остающегося после оплаты всех других факторов производства – ренты, процента и прибыли. Сторонники *теории «сделки»* полагают, что уровень заработной платы устанавливается где-то между максимумом, который будет платить работодатель, и минимумом, на который согласится работник. Приверженцы *теории «предельной производительности»* утверждают, что заработная плата определяется стоимостью товаров, произведенных предельным (последним из занятых) рабочим, и что работодатель не будет нанимать другого рабочего, если стоимость дополнительных товаров, произведенных работником, меньше, чем заработная плата, которую необходимо уплатить.

В Российской Федерации наиболее точной оценкой стоимости рабочей силы могли бы служить рациональный потребительский бюджет и среднедушевой доход, однако из-за отсутствия достоверной экономической информации об их величине стоимость рабочей силы можно определить лишь приблизительно. Вместе с тем анализ отношений, связанных с использованием и оплатой наемного труда, показывает, что заработная плата в России в десятки раз ниже, чем в развитых рыночных странах, и не гарантирует ни обеспечение потребностей самого работника (при любых обстоятельствах), ни определенное качество рабочей силы.

Приближение цены рабочей силы к ее стоимости является важнейшей задачей экономики в ближайшей перспективе. Российские ученые в качестве синонимов понятия «рынок труда» используют термины: «рынок рабочей силы», «рынок трудовых ресурсов», «рынок ресурсов для труда». Однако до настоящего времени еще никто не оспорил положение Маркса о том, что труд не является объектом купли продажи, поскольку таковым может быть только рабочая сила. Труд – это процесс создания материальных и духовных благ и услуг. Этот процесс начинается с того момента, как на рынке труда заключена сделка. Рыночные отношения являются стимулом процесса производства. Чтобы стать товаром, предмет должен быть в наличии до продажи, что с трудом, как известно, не происходит. При продаже товар переходит от продавца к покупателю, чего в случае с трудом также не наблюдается. Поэтому позиция сторонников того, что на рынке продается труд, остается не обоснованной. Предметом купли-продажи на рынке труда является рабочая сила. Теоретически правильнее такой рынок назвать рынком рабочей силы. Однако на Западе и в России давно вошел в научный оборот термин «рынок труда», который является синонимом понятия «рынок рабочей силы». Таким образом, понятия «рынок труда» и «рынок рабочей силы» не однозначны. Рынок рабочей силы – это совокупность экономических отношений между собственниками рабочей силы (свободными гражданами) и покупателями этой рабочей силы (предпринимателями). Рынок труда – это система общественных отношений, отражающих баланс интересов между участвующими на рынке силами: предпринимателями, трудящимися и государством.

Рынок труда в узком смысле представляет собой место, где встречаются работник, ищущий работу, и работодатель, ищущий работника, с целью заключения договора о найме [7]. *Рынок труда в широком смысле* – это система экономических отношений, складывающихся на стоимостной основе между субъектами (работодателями), формирующими рабочие места и субъектами (наемными работниками), претендующими на них [2].

Формирование российского рынка труда осложняется в связи с действием отрицательных рыночных явлений, таких как: кризис экономической и политической системы, разрыв хозяйственных связей; рост скрытой безработицы; недостаточная взаимосвязь государственных и рыночных методов регулирования занятости – несовершенство законодательной базы; неконтролируемая миграция рабочей силы между странами СНГ; недостаточная информация о вакансиях за пределами места проживания.

То есть, в реальной экономической жизни на состояние и динамику рынка труда влияют целый комплекс причин. Рынок труда как составная часть рыночного механизма представляет собой сложное явление. На его формирование воздействуют различные факторы: *политические*: кризис политической системы, разрушение СССР, несовершенство законодательной базы, обострение межнациональных конфликтов, поток беженцев и переселенцев и т.д.; *экономические*: кризис социально-экономической системы общества, распад хозяйственных связей, разгосударствление и трансформация государственного сектора, конверсия военно-промышленного комплекса, процедуры банкротства и финансового оздоровления предприятий, рост или падение объемов производства, инвестиций, недостаточная взаимосвязь административных и рыночных методов регулирования занятости и т.д.; *социальные*: состояние жизненного уровня, размеры неполной занятости, психологическое и моральное состояние общества, объемы маргинальных групп населения, доля заработной платы в ВВП, скрытая безработица и занятость, сокращение вооруженных сил и т.д.; *демографические*: состояние естественного прироста (убыли) населения, показатели вступления граждан в трудоспособный возраст, средняя продолжительность жизни и т. д.

В условиях вышеперечисленных факторов необходимо государственное регулирование рынка труда. Механизм регулирования современного рынка труда – это совокупность нормативных актов, законодательных или коллективно-договорных, которыми руководствуются партнеры при реализации политики занятости. В широком смысле механизм регулирования включает экономические, юридические, социальные, психологические компоненты.

Литература

1. Кейнс, Дж.М. Избранные произведения / Дж.М. Кейнс; пер. с англ. М., 1993
2. Котляр, А. О понятии рынка труда / А. Котляр // Вопросы экономики. – 1998. – № 1. – С. 33-41.
3. Маркс, К. Капитал: соч. // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 46. – С. 626.
4. Саруханов, Э. Р. Рынок труда и рынок занятости: противоречия, определения, трактовки / Э. Р. Саруханов // Человек и труд. – 1995. – № 2. – 49 с.
5. Смит, А. Исследования о природе и причинах богатства народов: в 2-х т. / А. Смит. – И., 1993. – Т. 1., кн.1 – 3. С. 20.
6. Экономика труда и социально-трудовые отношения / под ред. Г. Г. Меликьяна, Р. П. Колосовой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 125-163.
7. Эренберг Р, Смит Р. Современная экономика труда. Теория и государственная политика.

*Павлович Е. С.,
СПбГУ, Санкт-Петербург*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ЗРЕЛИЩА

*Pavlovich P. E.,
St. Petersburg State University, St. Petersburg*

SOCIO-ECONOMIC NATURE SPECTACLES

Abstract. The subject of research supports a spectacle - an elementary existence society of the spectacle. The purpose of this paper is to reveal the essence of the phenomenon and, thus, to clarify one of the central concepts Situationist. To achieve this, apply the formal-logical method and the Situationist practices of liberation, or "detournement". The article contains various definitions of spectacle; emphasizes that society of the spectacle - a kind of bourgeois society, the economic cell of which is the spectacle, or sample the goods; advocated the need to consider the spectacle, not as a side product formation, as well as the shape of goods, existing alongside the real form, discusses the new, peculiar society of the spectacle, the type of commodity fetishism, possible ways to overcome it.

Ги Дебор, как и Маркс, занимался исследованием буржуазного общества, но буржуазное общество, при котором жил и которое описывал в своих работах Маркс, можно условно назвать «обществом товара». Для Дебора буржуазное общество также стало предметом исследования, но это было уже не «общество товара», а «общество зрелищ». Если Маркс начал изучение капиталистического способа производства с исследования природы товара, то Дебор в силу изменившихся условий взял в качестве экономической клеточки современного ему буржуазного общества такое явление как зрелище. Зрелище для «общества зрелищ», как и товар для «общества товара», является базовой клеточкой, из которой развивается вся система общественных отношений капитализма и в которой в зародышевой форме проявляются противоречия буржуазного общества. Если Маркс в «Капитале» писал, что «богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как "огромное скопление товаров", а отдельный товар — как элементарная форма этого богатства»⁸⁸, то Дебор, описывая ситуацию

⁸⁸ [4, с. 43] – Ср.: «На первый взгляд буржуазное богатство выступает как огромное скопление товаров, а отдельный товар – как его элементарное бытие» [5, с. 13].

своего времени, парафразом отмечал: «вся жизнь обществ, в которых господствуют современные условия производства, проявляется как необъятное нагромождение *зрелищ*. Все, что раньше переживалось непосредственно, теперь отстраняется в представление» [2; 23]. Как видим, анализ товара Дебор однозначно заменяет анализом зрелища, поскольку зрелищная товарная форма продуктов труда в обществе зрелищ играет особую роль: она является элементарным бытием, экономической клеточкой, общества зрелищ.

Согласно Ги Дебору, «зрелище есть *капитал* на той стадии накопления, когда он становится образом» [2; 31], или «общественное отношение между людьми, опосредованное образами» [2; 23]. Капитал – это экономическая категория, которая выражает, с одной стороны, экономическое отношение эксплуатации наёмных работников капиталистами, а с другой, – самовозрастающую стоимость, то есть стоимость⁸⁹, приносящую субъекту частной собственности прибавочную стоимость⁹⁰. Накопление капитала предполагает существование прибавочной стоимости, прибавочная стоимость – наличие капиталистического производства, а наличие капиталистического производства – собственников денег, средств производства и жизненных средств, огромную массу наёмных работников, лишённых средств производства, и сам процесс отделения производителей от средств производства. В обществе зрелищ отделение производителей от средств производства, с одной стороны, и рост разделения труда, с другой, приводят к тому, что товары в силу недостатка средств к существованию у огромных масс людей сначала больше созерцаются, чем потребляются, а потом их уже специально начинают производить такими, чтобы люди скорее их созерцали, нежели употребляли как-то ещё. Потребительная стоимость⁹¹ товаров, на которые можно только смотреть, снижается. Снижение потребительной стоимости товаров и развитие новой формы «нехватки внутри прибавочной стоимости выживания» [2; 36], с одной стороны, является дей-

⁸⁹ Стоимость – это воплощённый в товаре общественно необходимый труд товаропроизводителей.

⁹⁰ Прибавочная стоимость – это стоимость, которую капиталист присваивает без ведома трудящихся, или присвоенный им в продукте неоплаченный труд наёмных работников. Прибавочная стоимость есть «избыток стоимости продукта над суммой стоимости элементов его производства» – средств производства и рабочей силы. «Всякая прибавочная стоимость, в какой бы особенной форме она впоследствии ни кристаллизовалась, в виде ли прибыли, процента, ренты и т.п., по самой своей субстанции есть материализация неоплаченного рабочего времени. Тайна самовозрастания капитала сводится к тому, что капитал располагает определенным количеством неоплаченного чужого труда» [4, с. 544].

⁹¹ Потребительная стоимость – это полезность вещи, способность её благодаря своим свойствам удовлетворять ту или иную человеческую потребность [См.: 4, с. 43-44].

ствительным основанием включения иллюзии в товарное производство общества, с другой. Несмотря на то, что уровень производства и потребления товаров растёт, полезность товаров снижается и «реальный потребитель становится потребителем иллюзий. Товар есть эта иллюзия, по сути дела реальная, а зрелище - её всеобщее проявление» [2; 37]. Чем больше люди потребляют товары, включающие в себя иллюзии, товары, на которые можно только смотреть, тем больше они созерцают и тем меньше действуют, живут⁹². Жизнь людей становится всё более созерцательной. Производители всё более становятся зрителями, а товары, то есть в том числе и деньги⁹³, как предметы созерцания зрителей превращаются в зрелища. Таким образом, зрелище есть самовозрастающая стоимость на той стадии своего возрастания, когда она становится образом.

Если попытаться сформулировать более простое определение, то зрелище – это образ, ставший товаром, или образ-товар. Как и всякий товар, зрелище есть единство потребительной стоимости и стоимости. В зрелищной экономике потребительная стоимость в силу её снижения, или, как сказал бы Бодрийяр, в силу вычитания различных полезных свойств из реальности вещей, становится не столько вещественным носителем (как при незрелищной товарной экономике), сколько образом особого общественного свойства – стоимости. Стоимость создаётся в процессе производства, а обнаруживается, проявляется только в обмене одного товара на другой, в меновой стоимости⁹⁴, в процессе меновых отношений. То есть о наличии в товаре стоимости можно судить только на основе его меновой стоимости, его отношения к другим товарам. Стоимость и меновая стоимость внутренне связаны друг с другом. Стоимость и меновая стоимость соотносятся друг с другом так же, как сущность и явление. Стоимость – сущность меновой стоимости, а меновая стоимость – явление стоимости. Стоимость может обнаружить себя только в форме меновой стоимости и никакой иной. Меновая стоимость является единственно возможной и объективно необходимой формой выражения стоимости. Вне этой формы стоимость зрелища, как и любого другого товара, не может быть обнаружена.

⁹² «Всё, что раньше переживалось непосредственно, теперь отстраняется в представление» [2, с. 23].

⁹³ «Зрелище есть деньги, на которые мы *только смотрим*, ибо в нём тотальность потребления уже заместилась тотальностью абстрактного представления» [2, с. 37].

⁹⁴ «Меновая стоимость прежде всего представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода, — соотношения, постоянно изменяющегося в зависимости от времени и места» [4, с. 44].

Допустим, мы производим некоторый продукт, он обладает потребительной стоимостью, которую мы не хотим использовать непосредственно - употребить, но желаем реализовать стоимость продукта. В товарной экономике, чтобы стоимость реализовалась, потребительная стоимость, двигаясь по пути от производства к потреблению, должна задержаться в сфере обмена. Если продукт труда вступает в меновые отношения, то есть обменивается на другой продукт труда, то это свидетельствует о том, что он является не просто продуктом труда, но товаром, то есть обладает не только потребительной, но и меновой стоимостью, а меновая стоимость, в свою очередь, является лакмусовой бумажкой, в которой стоимость обнаруживает, проявляет, выражает себя. Далее, то, что данный товар представляется через лакмусовую бумажку меновой стоимости носителем стоимости, означает, что он является продуктом общественно необходимого труда, то есть удовлетворяет потребности не какого-то изолированного Робинзона, но общественного организма в целом. Другими словами, если, например, такой продукт труда, как образ, обменивается на другой продукт труда (образ или вещь), то это значит, что он является товаром (а именно – образ-товаром, или зрелищем), так как обладает меновой стоимостью, через которую проявляет себя свойство стоимости, то есть тот, факт, что данный товар является продуктом общественно необходимого труда, что он удовлетворяет потребности общественного организма.

Наш вопрос заключается в следующем: где, в какой сфере общества зрелищ, образ вступает в меновые отношения с вещами и другими образами, проявляет себя как товар, становится зрелищем? Где вообще сегодня проявляет себя стоимость? Где мы можем видеть явление стоимости – меновую стоимость? Вирильо ответил бы, что меновую стоимость сегодня мы можем видеть в реальности рынка, которая становится виртуальной, - в виртуальной реальности. Ситуационисты Ги Дебор и Рауль Ванейгем сказали бы, что её мы можем видеть в «зрелищном хронотопе» [1; 237], зрелищном пространстве-времени [1; 230-234]. Другими словами, меновую стоимость можно увидеть в сфере телекоммуникации и информации [2; 28, 87-98], там, где происходит обмен информацией, знаками, образами, там, где имеет место обмен символами и, может быть, «символический обмен». Поэтому Дебор и говорит, что «зрелище – это не совокупность образов, но общественное отношение между людьми, опосредованное образами» [2; 23]. В этом смысле даже слова Маршалла Маклюэна «Средство коммуникации есть сообщение» [3; 9] читаются как-то по-новому, почти по-марксистски: «Средство коммуникации есть сообщение потребительных стоимостей», или, если хоти-

те, «Средство коммуникации есть сообщение обмена потребительными стоимостями». Эти новообразованные тезисы вполне пересекаются с положением Ги Дебора, согласно которому «зрелище есть деньги, на которые мы *только смотрим*, ибо в нём тотальность потребления уже заместила тотальностью абстрактного представления» [2; 37]. В конце концов, за интернет, телевидение и мобильную связь до сих пор приходится платить.

Если, отвечая на вопрос «что такое зрелище?», проводить аналогии с Бодрийеровской концепцией прибавочной стоимости знака, имея в виду, что образ – это, по Бодрийяру, специфический вид знаков, то можно сказать, что зрелище – это прибавочная стоимость образа. Соответственно, прибавочная стоимость образа – это только одна из форм прибавочной стоимости знака. Таким образом, в семиотическом отношении концепция Бодрийяра гораздо шире. Что нового Ги Дебор вносит своим концептом зрелища в понимание стоимости, по сравнению с Марксом? Если Маркс считал, что стоимость – это производственное отношение, представленное в вещи, или овеществлённое производственное отношение, то Дебор добавил к этому то, что стоимость вполне может быть производственным отношением, представленным не столько в вещи, сколько в образе, то есть производственным отношением, которое представлено образом, или просто представленным производственным отношением.

Итак, зрелище – это самовозрастающая стоимость на той стадии своего возрастания, когда она становится образом; это образ, ставший товаром, или образ-товар. Тогда как соотносятся товар и зрелище? Является ли понятие товара родовым по отношению к понятию зрелища, и вбирает ли зрелище в себя товар? Когда Маркс в первом томе «Капитала» писал о товаре, под товаром он имел в виду вещь-товар. Дебор же под зрелищем подразумевает образ-товар. То есть в условиях общества зрелищ товар не следует сводить к вещи-товару, как это делал Маркс. Не только вещь, но и образ может обрести товарную форму, стать товаром. В этом смысле понятие товара является родовым по отношению к зрелищу. Однако оно является родовым понятием не только по отношению к зрелищу, или образу-товару, но и по отношению к вещи-товару, о которой говорил Маркс.

Тогда возникает другой вопрос: распространяется ли то, что Маркс писал о товаре на зрелище? Поскольку товарная форма продуктов труда распространяется не только на вещь, но и на образ, то да – то, что Маркс писал о товаре, распространяется и на зрелище. Однако нужно отдавать себе отчёт в том, что не только вещь, но и образ может быть товаром.

Из этого следует, что, когда мы говорим о зрелище и обществе зрелищ, в целом рассуждения Маркса о товаре и капиталистическом способе производства сохраняют свою силу, но в частности проблематика может видоизменяться, так как Маркс не ставил своей целью описать все *конкретные* формы проявления товара и стоимости в различных обществах на различных этапах исторического развития. Например, различие между вещь-товаром и образом-товаром вносит изменение в проблемы идеологии, товарного фетишизма, пролетариата и т.д. В сущности, идеология, товарный фетишизм, пролетариат и т.д. никуда не исчезают. В обществе зрелищ они лишь исторически видоизменяются.

Таким образом, с логической точки зрения, понятие товара является родовым как по отношению к понятию вещи-товара, так и по отношению к понятию образа-товара (зрелища). Если подойти к проблеме соотношения товара и зрелища исторически, то нужно добавить, что общество зрелищ – это вид буржуазного общества, то есть в его основе лежит всё тот же капиталистический способ производства. Чтобы отличать от «общества зрелищ» то общество, современником которого был Маркс, мы назвали последнее «обществом товара», хотя правильнее было бы назвать его «обществом вещей-товаров». В рамках капиталистического способа производства на смену «обществу вещей-товаров» пришло «общество образов-товаров» – общество зрелищ. Как и при Марксе, товарная форма продуктов труда осталась в обществе зрелищ экономической клеточкой капитализма. Однако, она мутировала в зрелищную товарную форму продуктов труда, в зрелищную форму товара. Экономическая клеточка общества зрелищ – это не просто товарная форма продуктов труда, но такая товарная форма продуктов труда, которая из вещественной формы товара превратилась в образную.

Зрелищная товарная форма продуктов труда – это такая же форма бытия капитала, как и товарная форма, но, если товарная форма продуктов труда является предпосылкой капитала, то зрелищная товарная форма является результатом развития как капитала, так и его товарной формы. Зрелищная товарная форма становится элементарной клеточкой такого экономического организма, как общество зрелищ, и начинает воспроизводиться всем ходом развития капиталистического способа производства. То есть в рамках капитализма зрелищная товарная форма становится не только предпосылкой возникновения общества зрелищ, но и постоянным результатом, следствием воспроизводства данного экономического организма. Поскольку капитал постоянно воспроизводит зрелищную товарную форму продуктов труда в расширяющихся масштабах, он тем самым воспроизводит и ту исходную основу, которая

требует сохранения и развития всех покоящихся на ней форм – товара, денег, капитала, прибавочной стоимости и т.д. Если перефразировать Бодрийяра, то коротко ситуацию в обществе зрелищ можно описать так: в обществе зрелищ образы-товары стали виртуальной подкладкой вещей-товаров.

Итак, если, с логической точки зрения, товар – родовое понятие по отношению к зрелищу и вещи-товару, то, с общественно-исторической точки зрения, не будет ошибкой сказать, что зрелище, или зрелищная форма товара, как результат мутации товарной формы продуктов труда целиком вбирает в себя товарную форму, а вместе с ней и вещественную форму товара: в обществе зрелищ без воспроизводства образов-товаров невозможно и воспроизводство вещей-товаров, да и что такое товар в своей вещественной форме, если не гиперобраз, который, оказывается, можно не только рассматривать? С превращением товарной формы продуктов труда в зрелищную товарную форму возникает новый вид товарного фетишизма – зрелищный фетишизм. Товарный фетишизм – специфическое для капиталистического способа производства явление господства товаров над людьми [См.: 2; 82]. Из того, что стоимость может проявляться через меновые отношения товаров, проистекает проблема товарной фетишизации производственных отношений, но это не только проблема их овеществления и господствующей роли вещей над людьми. Мы уже знаем, что стоимость может проявляться не только через меновые отношения вещей, но и через меновые отношения образов. В обществе зрелищ репрезентация приходит на смену реификации, происходит уже не овеществление, а представление производственных отношений, над людьми господствуют уже не другие люди, как при феодализме, и не вещи, как при незрелищном капитализме, а образы. Другими словами, товарный фетишизм в обществе зрелищ обнаруживает себя преимущественно как зрелищный фетишизм. Зрелищный фетишизм – это вид товарного фетишизма, специфическое для общества зрелищ явление господства образов-товаров над людьми. Существуют объективные и субъективные формы проявления зрелищного фетишизма. Мы начнём с рассмотрения объективных форм проявления зрелищного фетишизма, а затем перейдём к анализу субъективных форм.

Объективные формы проявления зрелищного фетишизма – это те формы зрелищного фетишизма, которые существуют независимо от воли, сознания и желания отдельных людей. К объективным формам проявления зрелищного фетишизма относятся персонификация образов и репрезентация лиц. Персонификация образов – это объективная форма зрелищного фетишизма, отличительным признаком которой является

превращение образов в самостоятельных субъектов общественных отношений. Образы, неодушевлённые изображения предметов и представлений, становятся самостоятельными действующими лицами, персонами, наделёнными своей собственной жизнью: они вступают в общественные отношения, взаимодействуют с людьми и друг другом, регулируют отношения между людьми, начинают выполнять человеческие, общественные функции в процессе общественного производства и т.д. Помимо персонификации вещей существует другая объективная форма проявления зрелищного фетишизма – репрезентация лиц. Для репрезентации лиц характерно превращение людей из самостоятельных субъектов общественных отношений в пассивных исполнителей воли образов.

Когда образ в обществе зрелищ становится самостоятельным действующим лицом, это значит, что он приобретает некоторую общественную силу. Поскольку образ передаёт своему владельцу свою общественную силу, собственник образа становится собственником той общественной силы, которая в этом образе заключена. Через свойства образа представленная в образе общественная сила подчиняет своей воле людей, и люди становятся придатками образов, а, в конечном счёте, – придатками той общественной силы, которая стоит за этими образами. Сам по себе человек в обществе зрелищ обладать общественной силой не может в том смысле, что общественная сила человека здесь всегда зависит от того, каким кругом образов он обладает, а точнее – от того, какому кругу образов он принадлежит, то есть от того, является ли этот круг образов представлением общественной силы.

Человек в обществе зрелищ значит столько, сколько значат принадлежащие ему образы. Сравним: при феодализме о власти человека и его силе в обществе судят по количеству подчинённых ему людей, то есть по количеству крепостных душ, которые находятся в распоряжении феодала; при незрелищном капитализме сила человека состоит в принадлежащих ему вещах, а в обществе зрелищ она заключается в принадлежащих ему образах. Обладая зрелищным капиталом, звезда может владеть вещами и эксплуатировать других лиц. Но сначала она должна обладать образами. Только сила образов позволяет ей стать собственником вещей и приобрести силу над людьми. Таким образом, при капитализме общества зрелищ действительное отношение оказывается объективно перевёрнутым: образы становятся в положение людей, а люди – в положение образов. Не люди командуют образами, а, наоборот, образы, став товарами, подчиняют себе своих создателей. Образы господствуют над людьми вместо того, чтобы люди господствовали над ними.

Субъективные формы проявления зрелищного фетишизма – это те формы зрелищного фетишизма, которые принимает объективное господство образов над людьми, отражаясь в сознании людей. К субъективным формам проявления зрелищного фетишизма относятся приписывание образам сверхъестественных свойств и натуралистическое отношение к образам. В случае приписывания образам сверхъестественных свойств имеет место обожествление образов, преклонение перед ними, как перед идолами или фетишами. Однако большинство людей в обществе зрелищ всё-таки не склонны приписывать образам сверхъестественные свойства. Они ясно осознают, что образы выполняют общественные, а не сверхъестественные функции, но при этом могут считать, что общественные свойства образов присущи им от природы. В этом случае общественные свойства образов либо рассматриваются как естественные, либо выводятся из естественных свойств. Согласно такого рода натурализму, различные естественные свойства образов - причина существования различных общественных свойств образов. Образам здесь приписывается то, что в действительности им от природы не присуще, а приобретается только при определённых производственных отношениях. Так, если выводить господство образов над людьми из естественных свойств образов, то получится, что власть образов над людьми существовала всегда. Однако, история обществ показывает обратное: хотя люди уже давно научились создавать образы, сами образы приобрели власть над людьми лишь при определённых исторических условиях, на определённом этапе развития капиталистического способа производства – в обществе зрелищ, и однажды образы утратят свою власть над людьми. Если зрелищный фетишизм и существовал до общества зрелищ, то в виде исключения (подобно тому, как при рабовладельческом строе, где центральное место занимало всё-таки натуральное хозяйство, в виде исключения существовало товарное производство и обращение). Итак, натуралистическое отношение к тем свойствам образов, которые в действительности имеют общественное происхождение, - это наиболее распространённая в современном буржуазном сознании субъективная форма проявления зрелищного фетишизма.

За редким исключением, господство образов над людьми не имело места в обществах, предшествующих обществу зрелищ. При феодализме, например, тоже производились продукты труда, тоже создавались образы, но экономически они не становились силой, господствующей над людьми, силой, определяющей все стороны их жизни. Все стороны жизни крестьянина при феодализме зависели не от образов, и даже не от вещей, а от личных отношений, которые складывались между ним и

помещиком. Феодал распоряжался деятельностью крестьянина, определял характер его занятий, уровень благосостояния и т.п. Здесь в процессе производства непосредственно относились друг к другу личности, а не вещи, и уж тем более не образы. В товарной экономике капитализма одно лицо не имеет права распоряжаться деятельностью другого, определять характер его занятий, уровень благосостояния и т.п. При капитализме, где отношения между людьми опосредованы отношениями между товарами, эти функции выполняются не людьми, а товарами: в незрелищном капитализме – вещами-товарами, а в обществе зрелищ – образами-товарами. Человек в обществе зрелищ непосредственно зависит не от другого человека, как в докапиталистических обществах, и не от вещи, как при незрелищном капитализме, а от образа.

Получается так, что люди вступают в отношения не только друг с другом, но и с произведёнными продуктами-товарами: в незрелищном капитализме – с вещами, в обществе зрелищ – с образами. В свою очередь, если в незрелищном капитализме в процессе меновых актов вступают в отношение друг с другом вещи, то в обществе зрелищ это происходит уже с образами. Подобно тому, как вещи-товары – это не совокупность вещей, но общественное отношение между людьми, опосредованное вещами, «зрелище – это не совокупность образов, но общественное отношение между людьми, опосредованное образами» [2; 23]. Однако, образы в обществе зрелищ вступают в отношения не только друг с другом, но так же с вещами и людьми. В исторической последовательности происходит своеобразное утроение отношений, в котором сначала вещи в незрелищном капитализме, а потом и образы в обществе зрелищ, становятся как бы самостоятельными действующими лицами, субъектами, медиумами, опосредующими отношения между людьми. В результате такого утроения отношения между людьми выступают преимущественно как отношения между образами. Итак, объективные и субъективные формы проявления зрелищного фетишизма – это две стороны выражения одного и того же господства образов над людьми, которое существует в обществе зрелищ. Объективные формы проявления зрелищного фетишизма не исчезнут, пока сохраняется свойственная капиталистическому способу производства система производственных отношений, поэтому объективные формы проявления зрелищного фетишизма можно преодолеть только практически – в процессе преобразования объективной действительности. Что касается субъективных форм проявления зрелищного фетишизма, то они могут быть устранены уже теоретической деятельностью, процессом познания объективной действительности.

Литература

1. Ванейгем Р. Революция повседневной жизни. Тракта́т об уме́нии жить для молодых поколений. – М.: Гилея, 2005. – 288 с.
2. Дебор Г. Общество спектакля. – М.: Логос, 2000. – 184 с.
3. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. – М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007. – 464 с.
4. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I: процесс производства капитала // Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч.: в 39 т. Т. 23. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 908 с.
5. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч.: в 39 т. Т. 13. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – 771 с.

*Паулова Ивета,
Словацкий технический университет, г. Трнава
Грнчар Мирослав
Жилинский университет, г. Жилина*

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ CAF В УНИВЕРСИТЕТАХ СЛОВАКИИ

*Paulova Iveta,
Slovak Technical University, Trnava
Grnchar Miroslav
Žilina University, Žilina*

EXPERIENCES FROM THE CAF MODEL IMPLEMENTATION AT UNIVERSITIES IN THE SLOVAK REPUBLIC

Abstract. The objective of the report is to familiarize with the experiences of the CAF model implementation at universities in the Slovak Republic, which was a part of the project solving of the Ministry of Education of the Slovak Republic „CAF Methodology and Preparation of Self-assessment – Trainings for the Ministry of Education of the Slovak Republic and Universities“, where the Slovak Society for Quality is a guarantor and a consultant. The objective of the project is the CAF model application across the board at all universities in the Slovak Republic as means of increasing a performance and management efficiency of the universities. A part of the project is also an identification of common indicators in resulting criteria of the CAF model, which will form an obligatory part of Annual University Reports. A consequent stage of the project solving included a training of the individual CAF model evaluators from a rank of university pedagogues and employees – selected processors of the self-assessment report and CAF team members from all universities.

Introduction

An approach pushed forward by the Accreditation Commission (advisory body of the government of the Slovak Republic) is the ground of a regular quality assessment of the universities, where the keystone for the assessment is represented mostly by the results in educational and research fields, formulated by means of criteria of the Accreditation Commission.

In Slovakia there are several universities whose faculties or all universities have used a standardized approach through the norms ISO 9001 to build a quality management system. This step was already taken at the beginning of the year 2000 mostly by the universities which have a broad base of specialists in the field of quality teaching the subjects from the field of the quality management. That is why several universities in the Slovak Republic already have a certificated system of the quality management on the level of the whole school, they have already even undertaken the process of a recertification. The experiences of schools from the implemented SMK in accordance with ISO 9001:2000 are – not fulfilling desired expectations, the process is financially demanding, prolonged, often non understandable for an academical ground, non effective and bureaucrat without any significant feedback.

The assessment of the Slovak universities through EUA confirmed a strategic orientation of the Ministry of Education of the Slovak Republic towards providing a successful implementation of the Bologna reforms mostly in the field of the quality management improvement and a governmental acknowledgement of the need to increase a transparency and attraction of the educational sphere for the public. Since 2006 the CAF Model 2006 has been a part of the National Award of the Slovak Republic for the quality in the category of institutions of the public services. In that time it was one of the stimuli which started the era that after 2006 some universities or faculties showed their interest in new methods of the quality assessment and decided to use the CAF Model 2006 for the self-assessment and a consequent evaluation by external national evaluators on the scene.

1. Objectives and expectations of the project „The CAF Model Implementation at Universities in the Slovak Republic“

Before 2007 the state of the quality management level at universities in the Slovak Republic was miscellaneous. The management of the majority of the universities in the Slovak Republic is still looking for a suitable management system, which could help with increasing the quality management and which could make the relation university management – faculty management and the relation university – Ministry of Education transparent. Impacts of improving the management system are focused on the prime involved parties

of the department of education – students and customers of university outputs – enterprises and institutions.

At present, among the used approaches for creating and improving the systems of the quality management in an organization such as the university, the CAF Model 2006 has got the best prospect considering the following facts:

1) the CAF Model 2006 is a modified EFQM model for the field of public administration and it retains the logic of the EFQM model – a bond between assuming and resulting criteria with an emphasis on learning through the feedback. This logic is transparent, comprehensible and it provides a sufficient opportunity to identify improvement possibilities;

2) the form of applying the CAF model by means of the self-assessment process of individual members of the CAF team creates the assumptions for strengthening a motivation of the participants even during the evaluation process and it is acceptable also from the level of the university management;

3) applying the CAF model also helps the university management to realize their strong points, to reveal an improvement potential and to identify priorities in the quality management improvement;

4) an output form provides a sufficient freedom to distil the important requirements for providing the information from a university to the Ministry of Education;

5) in the European Union as well as in the Slovak Republic itself there are already enough positive experiences from applying the CAF model in the field of public administration and also in the educational sphere.

One of the projects initiated at the Ministry of Education by the present management within the loan of the World bank was primary oriented on the field of the CAF model implementation at the universities in the Slovak Republic. The fact that the Slovak Republic is trying to implement the CAF model in the department of education emerges from the effort to push forward the principles of the quality management in such a way that is supposed to be acceptable for the nature and integrity of the institutions such as a high school/university. It concerns the field in which it is possible, only in a restricted extent, to look for the inspiring experiences in the states of the European Union.

2. Course of the project realization

The main motivation for the universities to join the project was different at different universities/faculties. Universities/faculties which were looking for the suitable quality management system were given throughout the project a helping hand and different tools for the management in the process of the CAF model implementation. The tools lay within the training, consulting

at the report preparation and an improvement action plan as well as the part of the project deals with the form of an external evaluation of the report.

The tasks which were necessary to be solved in the course of the project:

1) Selection of the level of the engagement of the organizational units of the universities in the process of the CAF model implementation.

2) Composition of a sufficiently respectable and at the same time action-able CAF team.

3) Unity of a report compilation mostly in the resulting part in such a way that the requirements for an expected application were fulfilled.

4) Project sustainability even after the end of a contractual relation with a consulting organization.

3. Experiences from the CAF model implementation at universities in the Slovak Republic

Organizations such as universities are for the CAF model a special target group of the public services because they are characterized by a high degree of an autonomy and their progress is traditionally marked with a creativity which is not in favour of the effort to adapt to conventions. Because of that it was also necessary, in this project, to define correctly the requirements of the participants and the preparation of such a procedure of applying the CAF model which would respect the individualities of the university sphere. Engaging the universities in the process of assessment through the CAF 2006 Model was preceded by an extensive explaining campaign, in which the decision of the Ministry about using the means of the loan from the World Bank for this purpose was very helpful.

Project implementation – procedure:

- Familiarizing the participants – university management with the CAF model – a decision to take part in the project (8 hours)

- Training of the potential members of the CAF teams from individual universities (a total number of trained participants: 105 from 18 universities (faculties) – theoretical knowledge and practical skills for compiling the self-assessment reports (24 hours)

- Training of the CAF model evaluators (24 hours)- 28 participant from 16 schools and 2 participants from the Ministry of Education of the Slovak Republic.

- Preparation of a self-assessment pattern included, apart from the redefined sub-criteria and examples, also the files of so-called compulsory indicators which were supposed to be stated by participating universities in the resulting part of the report.

- Consultancy about processing the self-assessment reports (13 subjects) 3 days/ university.

- Elaboration of the self-assessment report.
- External judgement – site visit.

in the year of 2008 – 5 subjects (2 universities and 2 faculties and the Ministry of Education of the Slovak Republic).

in the year of 2009 – another 5 subjects (5 universities and 2 faculties)

• A part of the project implementation was also **defining the compulsory indicators of the resulting criteria**, which were verified by the members of the Accreditation commission and approved by the Ministry of Education of the Slovak Republic.

- Indicators were distilled into the pattern of the self-assessment report

From our experiences as the CAF evaluators we judge that the potential of utilizing the results of the assessment process by means of the CAF model is great:

1) Participants of the self-assessment process (universities) can profit from the CAF model implementation the most, and it is in that way that the model application will make the relations between organizational levels of the university more transparent, they will realize their strong points, they will reveal the improvement potential and will identify the priorities in the management improvement of all processes (activities) and in such a way they will improve the quality of the whole organization (university/high school);

2) A motivation of the participants to achieve better results is increased through the assessment;

3) When achieving exceptionally good results in particular fields, it is possible to identify best practices in the field of assumptions for achieving these results through the self-assessment report. This information can be very important for benchmarking between the universities of a similar orientation.

A prospect of sustainability of the process of a regular assessment and consequent improvement by means of action plans depends, to a big extent, on the experiences from the first two years of the CAF 2006 Model application at the public universities in the Slovak Republic. So far it has been showed that almost all participating universities lack in the following fields:

- Determination and formulation of requirements of the involved parties;
- Specification of measurable indicators for efficiency evaluation of the key activities;
- Determination of target values for the selected indicators;
- Continuous monitoring of achieving the results;
- Preparation and realization of student and customer's surveys;
- Publishing the results of realized surveys and twinning the accepting measurements with the found out results;

- Performance management through the processes, that is applications of the process management, identifications and interactions of all the processes.

4. Project results

After the project realization, the SWOT analysis was processed by the evaluators and it had clearly identified the strong points, stimuli for improvement, threats and opportunities. The stated facts are an excellent base for leading the other activities for the CAF model implementation gradually at all universities (including the Ministry of Education of the Slovak Republic) and the continuous improvement.

Strong points

- After confusing beginnings the interest comes.
- Engaging the administration (orientation in evidence).
- Utilizing the consultants' functions.
- Accessibility and application of supporting materials.

Weak points, improvement suggestions

- Different willingness of high schools/universities participating in the CAF model implementation.
- Broad diversity of approaches at a report processing (engaging the capacities, support of the management).
- Low degree of engaging the teachers and the research employees in the CAF teams.
- Misunderstanding the consultants' functions (mistaking them with the function of creators of the self-assessment report).

Opportunities

- Applying the self-assessment report to make the requirements against the Ministry of Education of the Slovak Republic and Accreditation clearer.
- Exchange of experiences at an external evaluation via high school/university employees.
- Elaboration of standard tools used by the CAF model, e.g. questionnaires for employees together with an offer of their impartial evaluation and statistic processing of the results in a well arranged form.
- Participation in the competition NCSRK.

Threats

- Delaying the CAF model implementation.
- Applying the CAF model only for a self-judgement without planning and performing the Improvement Action Plan.
- Lack of the system of awarding the CAF team members.

5. Experiences and knowledge of the CAF model application

As methodics

- Inevitable support of the management and their personal engagement in processing the self-assessment report.

- Balance between the CAF team members (administration worker, pedagogue, scientific-research worker, enterprise field, university/faculty management).

- Creating time space.

- Awareness of all employees.

- Clarifying the meaningfulness and significance of the CAF model for an organization, employees.

As evaluators

- Absence of the process approach.

- Unsufficient system approach of the PDCA cycle in supposing criteria.

- Unclearness of an approach change in the process managing – unwillingness to change the used approaches.

- Focus only on pedagogical employees.

- Mesuring the employees' satisfaction is not systematic, complex, without a feedback.

- Measuring the students' satisfaction – is not compatible with completing the CAF model requirements.

- Stage D (do) dominates, P (plan) is not in accordance with the legislation requirements, there is a strong absency of C (check) and mostly A (act)

- Not demonstrating the objectives and a small range of results showing the system-set trends in resulting criteria.

- Non application of the evaluation perception by involved parties.

- Non realization of benchmarking/benchlearning.

- Lack of concrete examples and facts which worsens the outspoken level when reading the self-assessment report.

- Little pragmatic and concretized facts in individual criteria.

Potential of utilizing the CAF model implementation at universities:

- More transparent relations between the organizations (universities – faculties).

- Becoming aware of the strong points and improvement suggestions.

- Transparency of processes (of activities and their mutual bonds).

- Identification of best practices in the field of assumptions for achieving the results (benchmarking support).

Success after 2 years of the CAF model implementation at universities in the Slovak Republic:

Year 2008

- 6 high schools / universities engaged.

- 2 faculties – participants of NCSRK where one of the faculties was awarded in the final.

Year 2009

- Decision of one of the universities to implement the CAF model through individual faculties.

- Decision of other universities (totally 10) to start with the CAF model implementation.

Year 2010 (expectations):

- Submitted projects within the Operational programme Education aimed at increasing the quality management also by means of the CAF model.

- Effort of the Ministry of Education of the Slovak Republic to engage universities in the Slovak Republic in the CAF model implementation.

- Accordance of quality indicators presented at present in the form of annual university reports with the indicators in the CAF self-assessment report.

- Possible CAF model implementation in directly managed organizations of the Ministry of Education of the Slovak Republic.

- CAF model application at secondary schools with the support of a newly created version of the CAF model in the educational field.

6. Conclusion

At present EIPA (European Institute for Public Administration) is finishing the works on the CAF model application in the educational field. However, it mainly concerns the field of educational institutions such as primary and secondary schools or the field of lifelong education. University education, specific and aimed at a creation and realization of study programmes and research work of the basic and applied research also requires an individual approach. From the point of view of the implementation extent of this respected and used model in the field of university education, the Slovak republic is, without a doubt, a pioneer. Reactions of the participants of this „first wave“ of the CAF model application, which was initiated by the Ministry of Education of the Slovak Republic, confirm the purposefulness and meaningfulness of the use of principles of the self-assessment process even in the field of university education.

Bibliography

1. Paulová, I., Hrnčiar, M.: *Applying CAF model at universities in the Slovak Republic*, QUALITY Ostrava 2009.
2. Ministry of Education of the Slovak Republic: *Project of technical support of human capital* (World bank LA 7271-SK), Number of appeal: LA 7271-HCTA-C.1.3.1.; *CAF methodology and preparation of self-assessment – trainings for the Ministry of Education of the Slovak Republic, high schools and universities*, 2008.

3. Schlosser, F., Zamiška, L., Blaho, V. Bujňák, J.: *Utilization of CAF model in university managment*. In 4th international conference about quality „Quality management in public administration“, 5. - 6.12.2006, Bratislava.

4. Paulová, I: CAF model implementation at MTF STU. Conference Bratislava December 2009.

*Старыгина Н.Н.,
МарГТУ, Йошкар-Ола*

**«БОГАТЫРСКАЯ СИМФОНИЯ» РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
(Н.В. Гоголь – А.К. Толстой – Н.С. Лесков)**

*Starygina N.N.,
MarSTU, Yoshkar Ola*

**«THE POWERFUL SYMPHONY» RUSSIAN WRITERS
(N.V.Gogol – A.K.Tolstoy – N.S.Leskov)**

Abstract. In article the problem of spiritual heroism, in Russian classical spiritual literatures 19 – is investigated 20 centuries. On an example of literary works of outstanding (great) Russian writers N.V.Gogolja, A.K.Tolstogo, N.S.Leskova examples of heroism of Russian spirit in struggle against enemies of Russia, the Russian person and Russian culture are described.

Многозвучие и многоголосие "богатырской симфонии" русской литературы не позволяет исследователю в небольшой по объему работе быть предельно исчерпывающим в освещении темы. Поэтому обозначим несколько направлений в ее изучении: художественное ("Тарас Бульба") и публицистическое ("Выбранные места из переписки с друзьями") воплощение богатырской темы Гоголем было воспринято и продолжено Толстым ("Князь Серебряный", былины, баллады) и Лесковым ("Соборяне", цикл "Праведники").

Слово "симфония" в названии статьи имеет вполне определенную семантику: гармония множества разнообразных звуков, красок и тонов (в переводе с греческого "симфония" – созвучие). Согласие звуков и голосов в "богатырской симфонии" русских писателей обусловлено тем, что богатырство – одно из универсальных понятий, отражающих особенности мироощущения и характера русского человека. Поэтому богатырская тема – вечная в отечественной культуре. Ее начало – в доисторическом прошлом; продолжение – в современной культуре. Богатырская тема – своего рода "место встречи", где осуществляется непре-

рывающееся "духовное общение с веками и поколениями" (1); это "память прошлого", которое живет в настоящем. Литература XIX века усваивала "национальные смыслы" богатырства, закреплённые в героическом эпосе и древнерусской литературе, и, вместе с тем, обогащала содержание понятия новыми идеями, соответствующими традиционным представлениям о свойствах русского человека, но актуальными и значимыми для своего времени.

Богатырство прежде всего понимается как способность человека к подвигу: ратному, героическому, патриотическому. Представление о богатыре-герое-патриоте родилось вместе с былинным эпосом: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович служат князю Владимиру Красное Солнышко, обороняют стольный град Киев и русский народ от врагов: Идолища поганого, Змея Горыныча, Змея Тугарина, татарской "силы поганой". Защита Отечества, народа, князя, сородичей, дома всегда подразумевается, когда речь идет о подвиге богатыря.

Древнерусский период отечественной истории, культуры и литературы строго обозначил духовную основу богатырского патриотического подвига: богатырь участвует в битве за веру и Отечество. "Вспомните, что когда приходила беда ей (Руси. – *Н.С.*), тогда из монастырей выходили монахи и становились в ряды с другими спасать ее. Чернецы Ослябя и Пересвет, с благословенья самого настоятеля, взяли в руки меч, противный христианину, и легли на кровавом поле битвы <...>" (Н.В. Гоголь) (2). В русской литературе XIX века понимание *богатырского подвига как христианского и патриотического*, совершаемого в трудные для России времена, воплотилось в исторических произведениях об Отечественной войне 1812 года. Сразу вспоминается хрестоматийное:

- Да, были люди в наше время,

Не то, что нынешнее племя:

Богатыри – не вы! <...>

Да, были люди в наше время,

Могучее, лихое племя:

Богатыри – не вы. <...>

(М.Ю. Лермонтов. Бородино. 1837 г.).

Заметим, что объектом изображения русских писателей становится *народ-богатырь*, одержавший победу в Отечественной войне 1812 года таким он видится Л.Н.Толстому в романе-эпопее "Война и мир" (1863 - 1869), где утверждается мысль о том, что "сила войска зависит от его духа" (3). Война 1812 года, объединившая народ, всколыхнувшая чувство национального достоинства, в значительной мере обусловила инте-

рес к прошлому, проявившийся особенно ярко в повести **"Тарас Бульба"** Гоголя. Идея "небесного братства", восхищение героическим подвигом и богатырством народа, определившие содержание и пафос произведения несомненно были восприняты русскими писателями середины и второй половины XIX века.

Учитывал гоголевскую традицию в изображении богатырства русского народа А.К. Толстой, воссоздавая в историческом романе **"Князь Серебряный"** эпоху Ивана IV Грозного. Напомним, что произведение было опубликовано в 1862 году (Русский вестник. NN 8, 9, 10), но начало работы над ним относится, вероятно, ко второй половине 1840-х годов. Известно, что в 1850 году Толстой читал роман Гоголю (4). Толстовское понимание судьбы народа в переломную историческую эпоху несомненно близко гоголевскому: это время, когда формируется, проявляется, "оттачивается" национальный характер.

Гоголь, размышляя о возникновении казачества, повествуя о судьбе героев, пишет о "широкой, разгульной замашке русской природы" (Т. 2. С. 222), о "могучем, широко размахе, крепкой наружности" (Там же. С. 223) русского человека, о "русской силе" (Там же. С. 222), проявившихся "на войне за святое и христианское дело" (Там же. С. 285), в "русском чувстве" (Там же. С. 290) товарищества, "родства по душе, а не по крови" (Там же. С. 289), в богатырском подвиге.

В романе **"Князь Серебряный"** мысль о богатырстве русского человека выражена в полушутливом диалоге между царем Иоанном Грозным и разбойниками, притворившимися слепыми: " <...> А есть еще у вас богатыри в Муроме? - Как не быть, - отвечал слепой, не запинаясь, - *этот товар не переводится* <...>" (3, 301) (Выделено мною. – Н.С.). Богатырщина (богатырские времена и быт; предания о богатырях) присутствует в жизни героев романа как "память прошлого": в "сказках" о богатырях Алеше Поповиче (3, 217), Добрыне Никитиче (3, 310-311), "Акундине, молодом молодце" (3, 311-312), даже в "воспоминаниях" коня: "Теперь почуял он на себе седока могучего и вспомнил о прежних днях, когда носил богатырей в грозные сечи <...>" (3, 255) и др.

Богатырство (как состояние или свойство богатыря) присуще самим героям: князю Серебряному (это его "почуял" славный конь), боярину Дружине Морозову, опричнику Максиму Скуратову, разбойнику Ваньке Перстню. "Дивным богатырем" (3, 251) воспринимают разбойники Ермака Тимофеевича, о котором не раз рассказывает Ванька Перстень.

Автор подчеркивает богатырский дух в героях, создавая их портреты; характеризуя мирочувствование и нрав русского человека (религиозность, "грусть" и удалство, терпение и вольнолюбие; воссоздавая

образ жизни (пиры, охота, потехи, песни, сказания). Конечно, полнее всего богатырство героев романа проявляется в ратном подвиге. Одним из центральных эпизодов является битва с татарами (главы 24-26), в которой принимают участие Максим Скуратов, князь Серебряный, Ванька Перстень и разбойники. В ее изображении Толстой щедро использует эпические мотивы, образы, стилистику, что становится основанием очевидного для читателя сближения и с гоголевской повестью.

Оба писателя включают в сюжет традиционный былинный мотив сбирания богатыря на подвиг. В "Тарасе Бульбе" он несколько размыт, хотя и просматривается в описаниях событий до сражения под Дубно. В романе Толстого он конкретизирован в сюжетной линии Максима Скуратова. Герой, насытившись "духовной пищей" (3, 325) в монастыре, получив благословение игумена, ощущает "богатырский дух" в себе, готовность к подвигу: "Давно уже судьба зовет меня в дальнюю сторону. Давно слышу звон татарского лука, а иной раз как задумаюсь, то будто стрела просвистит над ушами. На этот звон, на этот свист меня тянет и тянет!" (3, 325). Так же ясно, как и Гоголь в "Тарасе Бульбе", Толстой обозначает "духовную мотивацию" предстоящего сражения с татарами. Казаки готовятся сражаться "за святую православную веру, чтобы пришло наконец такое время, чтоб по всему свету разошлась и везде была бы одна святая вера, и все, сколько ни есть бусурманов, все бы сделались христианами!" (Т. 2. С. 287), "за Сечь" и "за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тех внуков <...>" (Там же).

Герои романа Толстого испытывают негодование, возмущение и гнев, узнав, что татары надругались над священником, ограбили церковь, сожгли деревню (3, 338). Они готовы мстить, и это естественное и справедливое чувство становится источником истинного воодушевления, т. е. осознания своей духовной силы, основанной на любви к Богу и к святой Руси:

"Не дадим поганым ругаться над святою Русью!

- Ударим на нехристей!

- Веди нас на татарву!

- Веди нас, веди нас! Постоим за святую веру!" (3, 340).

Стремление защитить веру, церковь, родную землю, сородичей подвигло героев Толстого на героический – богатырский – подвиг. В общем патриотическом и христианском порыве сближаются русские люди: "Не в обиду тебе сказать, а схожи вы нравом. (Вспомнил Ванька Перстень Ермака Тимофеевича, обращаясь к князю Серебряному. – *Н.С.*) Как заговорил ты про святую Русь да загорелись твои очи, так я и вспомнил Ермака Тимофеевича. Любит он родину, крепко любит ее,

нужды нет, что станичник. <...> Он один целой сотни стоит. Как крикнет: за мной, ребята! так, кажется, сам станешь и выше и сильнее, и ничто тебя уже не остановит, и все вокруг тебя так и валится. Похож ты на него, ей-богу, похож, Никита Романыч, не в укор тебе сказать!" (3, 342). Присущее героям Толстого чувство духовного родства находит выражение в традиционном для былинного эпоса эпизоде побратимства Никиты Серебряного и Максима Скуратова: "Поверишь ли, князь, как увидел тебя, на сердце у меня повеселело, словно родного встретил! <...> Дозволь же мне, князь, теперь, перед битвой, по древнему христианскому обычаю, побрататься с тобой! <...> здесь, перед татарами, в чистом поле, мы равны, максим Григорыч, да везде равны, где стоим перед Богом, а не пред людьми. Побратаемся, Максим Григорыч!"

И князь снял с себя крест-тельник на узорной золотой цепи и подал Максиму. Максим тоже снял с шеи крест, простой, медный, на шелковом гайтане, поцеловал его и перекрестился. <...> Тогда оба еще раз перекрестились и, поменявшись крестами, обняли друг друга" (3, 346-347). Как и героев гоголевской повести, героев романа "Князь Серебряный" связывают "узы небесного братства". Как и в повести Гоголя, так и в романе Толстого, это художественно воплощается в эпизодах гибели героев-богатырей. Стилистика описаний в том и в другом случаях определяется ориентацией на героический эпос.

В сражении с татарами гибнет Максим Скуратов: "Закачался Максим на седле, ухватился за конскую гриву; не хочется пасть добру молодцу, но доспел ему час, на роду написанный, и свалился он на сыру землю, зацепя стремя ногою. Поволок его конь по чисту полю, и летит Максим, лежа навзничь, раскидав белые руки, и метут его кудри мать сыру-землю, и бежит за ним по полю кровавый след. Придет в Слободу весть недобрая, разрыдается мать Максимова, что не стало ей на помин души поминщика и некому ее старых очей закрыть. Разрыдается слезами горючими, не воротить своего детища! Придет в слободу весть недобрая, заскрежешет Малюта зубами, налетит на пленных татар, насечет в тюрьмах копны голов и упьется кровью до жадной души: не воротить своего детища!" (3, 351).

Умирает Максим с мыслью о Боге и Руси: " – Теперь как будто полегчало, – сказал умирающий, – приподыми меня, помоги перекреститься! <...> Я говорил, Никита Романыч, что Бог стоит за нас... смотри, как они рассыпались... а у меня уж и в глазах темнеет... ох, не хотелось бы умереть теперь!.. Кровь хлынула из уст его. – Господи, прими мою душу! – проговорил Максим и упал мертвый" (3, 352).

Вспомним, как умирают гоголевские казаки: "Пошатнулся Шило и почуял, что рана была смертельна. Упал он, наложил руку на свою рану и сказал, оборотившись к товарищам: "Прощайте, паны-братья, товарищи! пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!" И зажмурил ослабшие свои очи, и вынеслась казацкая душа из сурового тела" (Т. 2. С. 293). Произведения Гоголя и Алексея Толстого – "Тарас Бульба" и "Князь Серебряный" – близки не только тематически (историческое прошлое народа) и событийно-сюжетно. В них ярко выражено особенное авторское отношение к героям-богатырям, которое можно назвать любованием: автор восхищается – любит – могучим духом, силой и смелостью, отвагой героев и испытывает удовольствие и наслаждение от созерцания их ратного подвига во славу веры, Отечества, народа.

"Да разве найдутся на свете такие огни и муки и сила такая, которая бы пересилила русскую силу!" (Т. 2. С.320), – восклицает Гоголь, поведав о героическом подвиге Тараса Бульбы. А. Толстой выражает свое отношение к восхитившим его людям в заключительной фразе романа: "<...> вы шли прямою дорогой, не бояся ни опалы, ни смерти; и жизнь ваша не прошла даром <...>" (3, 445). Очевидно, что Толстой в романе "Князь Серебряный", создавая обобщенный образ народа-богатыря, изображая подвиг во имя Бога и святой Руси, в значительной степени ориентируется на гоголевскую художественную традицию в воплощении темы русского богатырства. Это подтверждается и другими произведениями писателя. В 1840-х годах он создает балладу "Ночь перед приступом", тема которой – противостояние "святой Руси" (1, 234) и католической Польши и Литвы; сюжетообразующий мотив – сбирание чернецов-богатырей на ратный подвиг: "Блаженные святители, // В окладах золотых, // Глядят на них с любовью, // Святых ликует хор: // Они своею кровию // Литве дадут отпор!" (1, 236).

В былинах "Курган" (1840-е), "Змей Тугарин" (1867), "Песня о походе Владимира на Корсунь" (1869), "Роман Галицкий" (1870), "Илья Муромец" (1871), "Алеша Попович" (1871), "Садко" (1871 - 1872) поэт воспекает богатырщину, "Дела стародавних, далеких времен, // Преданья невянущей славы!" (1, 287), формируя у читателя представление о народе-богатыре, о национальном характере с его терпением, "удалью богатырской" ("А и в сердце тая удаль-то не вместится, // А и сердце-то от удали разорвется!". Баллада "Ушкуйник", 1870), отвагой, решительностью, верностью, но и пассивностью, спесью, беспечностью ("Богатырь", 1849; "Ходит Спесь...", 1856; "Правда", 1858; "Чужое горе",

1866), подчеркивая, что радение о "святой, великой Руси" (1, 231), "русской Руси" (1, 260) составляет смысл жизни богатыря.

Новым осмыслением богатырской темы в творчестве Толстого становится сопоставление предков-богатырей и современников "не богатырей" в сатирических стилизациях былинного эпоса. Например, содержание и поэтика былины "Поток-богатырь" (1871) определяются противопоставлением богатырской ("доброе старое время") и современной эпох как идеальной (в которой мироустройство соответствует национальной ментальности) и безыдеальной (в которой разрушены национально-религиозные устои). В богатырской поэтической симфонии Толстого не случайно появляются мотивы сна и пробуждения. Для былинного эпоса характерен мотив зачарованного или бессильного богатыря, пробуждающегося к богатырскому подвигу. Соотнося этот мотив с героями-богатырями, с народом-богатырем, с современниками, Толстой акцентирует мысль о необходимости духовного пробуждения:

В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая бомба
Грянула; с треском кругом от нее разлетелись осколки;
Он же вздрогнул, и к народу могучие звуки
Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой созывая.
(5 декабря 1855 г.)

Невозможно не заметить, что, связывая тему богатырства и мотивы сна и пробуждения, Толстой вновь солидаризируется с Гоголем, писавшем в "Выбранных местах из переписки с друзьями": "Ублажи гимном того исполина, какой выходит только из Русской земли, который вдруг пробуждается от позорного сна, становится вдруг другим; плюнувши в виду всех на свою мерзость и гнуснейшие пороки, становится первым ратником добра. Покажи, как совершается это богатырское дело в истинно русской душе <...>" (Т. 6. С. 66).

Художественная задача – показать *пробуждение народа-исполина, народа-богатыря* - становится актуальной в творчестве писателей второй половины XIX столетия. Ее решали, во многом не совпадая концептуально-идеологически, проблемно-тематически и в выборе образно-изобразительных средств, Н.А. Некрасов ("Кому на Руси жить хорошо"), П.И. Мельников-Печерский ("В лесах" и "На горах"), И.А. Гончаров ("Обломов"), Н.Г. Чернышевский ("Что делать?") и др. В произведениях появляется (или предчувствуется) *герой, воодушевленный идеей пробуждения народа*. В это время в литературе получает точное словесное оформление главный мотив "богатырской симфонии" на этом этапе "звучания": " <...> мне за народ очень помереть хочется" (6). Это высказывание героя повести "Очарованный странник" (1873)

Н.С. Лескова, праведника, богатыря Ивана Северьяновича Флягина. Герой Лескова – богатырь обликом и духом. Описывая внешность Флягина, автор подчеркивает его сходство с былинными героями (IV, 386-387). Ему присущи жизнелюбие, молодечество, озорство. Но, как и для богатырей, поступки героя, в которых все это выплескивается (непреднамеренное убийство монашка, борьба с татаринном на перепор, усмирение коня), – лишь "проба сил" и преддверие главного дела жизни: патриотического подвига.

Флягин сначала смутно, а затем все более осознанно стремится к богатырскому служению Родине. "Дух одолевает" его и <<все свое внушает: "ополчайся" >> (IV, 513). Служение Отечеству становится душевной потребностью героя. В этом он видит смысл жизни. Постигание смысла жизни приходит к Флягину благодаря Божественному откровению: повествователь заключает историю героя словами: "провещения его остаются до времени в руке сокрывающего судьбы свои от умных и разумных и только иногда открывающего их младенцам" (IV, 513). Вместе с тем весь жизненный путь Флягина – путь познания Бога и осознания себя в Боге. Мотив странничества "вписывает" Флягина в русскую национальную традицию правдоискания и богопознания. За внешними событиями жизни персонажа повести – процесс его духовного взросления. Его результат заключается в том, что присущие Флягину изначально доброта, желание помочь страждущему становятся в итоге осознанной потребностью любить ближнего своего, как самого себя.

Герой "Очарованного странника" лишь тогда, когда отказывается от каких-либо эгоистических побуждений и полностью посвящает себя служению людям, становится праведником. "Мне за народ очень помереть хочется" (IV, 513), – этими словами Флягина автор зафиксировал момент, когда его герой прозрел и "дорос" до такого душевного состояния, которое характеризуется устремленностью к Богу, к Божественной истине, тем особым состоянием души, которое можно назвать **духовным богатырством**. Лесковские герои-праведники оказались, пожалуй, наиболее "соответствующими" гоголевскому пониманию богатырства: "Эта богатырская трезвенная сила, которая временами даже соединяется с каким-то невольным пророчеством о России, рождается от невольного прикосновения мысли к верховному Промыслу, который явно слышен в судьбе нашего отечества. Сверх любви участвует здесь сокровенный ужас при виде тех событий, которым повелел Бог совершиться в земле, назначенной быть нашим отечеством, прозрение прекрасного нового здания, которое покамест не для всех видимо зиждется и которое может слышать всеслышащим ухом поэзии поэт или же такой духовидец, ко-

торый уже может в *зерне* прозревать его *плод*" (Т. 6. С. 38. Выбранные места из переписки с друзьями). Можно предположить, что Лесков, создавая галерею праведников, воспринял размышления Гоголя о "богатырском деле в истинно русской душе" (Т. 6. С. 66) в "Выбранных местах из переписки с друзьями" (первое, неполное издание – 1847 г.; полное издание – 1867 г.).

Гоголь, во-первых, мыслит богатырство как духовный – христианский – подвиг. Конечно, это ратное дело защиты Отечества. Вместе с тем спасение Отечества предполагает спасение в вере. Поэтому битва за Русь может разворачиваться не на реальном поле брани, а в душе каждого человека. Сохраняя в себе образ Божий, человек совершает "богатырское дело": "Ублажи гимном того исполина, какой выходит только из Русской земли, который вдруг пробуждается от позорного сна, становится вдруг другим; плюнувши в виду всех на свою мерзость и гнуснейшие пороки, становится первым ратником добра. Покажи, как совершается это богатырское дело в истинно русской душе <...>" (Т. 6. С. 66). Богатырство – славное подвижничество на пути веры и праведничества, ведущем к духовному преображению каждого человека и всего общества.

В романе-хронике "Соборяне" (1872) Лесков создает образ героя, воплотивший идеи духовного богатырства (направленного на сохранение в себе образа Божия) и богатырского подвига (направленного на спасение России). "Сюжет романа, или, лучше сказать, "истории", – писал Лесков, – есть борьба лучшего из этих героев с вредителями русского развития. <...>" (XI, 279). "Лучший" из трех героев романа – Савелий Туберозов. (Цифра три символична в лесковском художественном мире и в романе: три богатыря, "без трех праведных несть граду стояния"). Он видит смысл жизни в духовном спасении: "усовершенствовав себя в земной юдоли, увидеть невечерний свет и возвратить с процентами врученный мне от Господа талант" (IV, 81). Но, вместе с тем, протопоп Туберозов – гражданин и патриот, ему безразлично, что происходит в России, обществе. Его беспокоит "нестроение" мира, растление умов и нравов, причину которого герой видит в отпадении от Бога, в нигилизме, в распространившейся мысли о том, что у человека "души нет" (IV, 72), что "никакой души нет, потому что нет ей в теле видимого гнездилища" (IV, 81).

Понимая, что здоровье народа – это "живой дух веры" (X, 329), Савелий Туберозов призывает непосредственно к человеку обратить проповедь евангельских заповедей, чтобы "возбудить упавший дух собратий!" (IV, 204). Его подвигом и становится проповедь, восполняющая, как полагает герой, "недостаточность и неточность сведений о душе"

(IV, 231). "Непонимание натуры человека, и проистекающее отсель бесстрастное равнодушие к добру и злу, и кривосудство о поступках: оправдание неоправдимо и порицание достойного. <...> Великая утрата заботы о благе родины и, как последний пример, небрежение о молитве <...>" (IV, 231-232), – таковы темы проповеди. Савелий Туберозов готовится к подвигу, собирается с духом, множит духовные и душевные силы, как богатырь: "Он действительно все *собирался* и жил усиленной и сосредоточенной жизнью самоверяющего себя духа" (IV, 274). В урочный час он совершает богатырский – подвижнический – подвиг, воззвав: "не положи ее (Русь. – *Н.С.*), Творче и Содетелю! в посмеяние народам чужим, ради лукавства слуг ее злосовестливых и недоброслужащих" (IV, 232). Духовное богатырство, о котором писали Гоголь и Лесков, конечно, не сводимо к богатырской физической силе (хотя лесковские богатыри-праведники и физически необыкновенно сильны: Иван Флягин, Несмертельный Голован, Ахилла Десницын и др.). Эта становится очевидным при сравнении лесковских праведников, которым "за народ очень помереть хочется", с героем романа Н.Г. Чернышевского "Что делать? Из рассказов о новых людях" (1863) Рахметовым – "особенным человеком".

Следует отметить, что он тоже из тех, кому "за народ очень помереть хочется". Этот мотив, поистине богатырский, организует в произведении сюжет Рахметова, ведь известна и понятна конечная цель той деятельности, к которой готовит себя герой. В "особенном человеке" автор не исключает духовности, но понимает ее гуманистически, как материалист и атеист, отдавая приоритет разуму, в сущности, сводя духовную жизнь человека к интеллектуальной деятельности. Герой Чернышевского, рационалистически формулирует (создает) идеал будущей жизни человечества и регулирует собственную социально-практическую деятельность, направленную на достижение этого идеала. Одним из пунктов программы Рахметова было "приобрести физическое богатырство" (7).

Автор, подчеркивая недюжинность героя, выражая восхищение его целеустремленностью и жизненной силой, благородством и волей, пользуется традиционным приемом: сравнением с народным богатырем – Никитушкой Ломовым. Однако, описывая бурлака-богатыря, автор также акцентирует внимание исключительно на его необыкновенной физической силе. Иными словами, возводя историю Рахметова к древней – архетипической – ситуации подготовки богатыря к подвигу, автор воспроизводит ее схематически или пунктирно, отбрасывая универсальные национальные смыслы, которые в общественном сознании неизменно соотносятся с понятием богатырство, и тем более оставляя

без всякого внимания представление о духовном богатырстве русского человека как христианина, издавна существующее в отечественной культуре и актуализированное в XIX веке Гоголем, Толстым, Лесковым и другими писателями.

Обратим внимание на еще один гоголевский "звук" в богатырской симфонии. Писатель убежден, что и *в малых делах*, на государственной или чиновничьей службе *человек может проявить себя богатырем*. "Встретятся тебе бесчисленные новые поражения, неожиданные вовсе. На твоём почти беззащитном поприще и незаметной должности все может случиться. <...> Но вспомни: призваны в мир мы вовсе не для праздников и пирований. На битву мы сюда призваны; праздновать же победу будем *там*. А потому ни на миг мы не должны позабывать, что вышли на битву, и нечего тут выбирать, где поменьше опасностей: как добрый воин, должен бросаться из нас всяк туда, где пожарче битва. Всех нас озирает свыше небесный Полководец, и ни малейшее наше дело не ускользает от его взора" (Т. 6. С. 147).

Еще более конкретно эта мысль прозвучала в связи с размышлениями Гоголя о поэме "Мертвые души": "От души было произнесено это обращение к России: "В тебе ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться ему?" <...> В России теперь на всяком шагу можно сделаться богатырем. Всякое званье и место требует богатырства. Каждый из нас опозорил до того святыню своего званья и места (все места святы), что нужно богатырских сил на то, чтобы вознести их на законную высоту" (Т. 9. С. 76). Вновь Лесков как будто откликнулся на страстные слова Гоголя о "богатырской силе" русского человека. Его рассказ "Однодум" воспринимается чуть ли не буквальным ответом на гоголевский призыв: "Возвеличь в торжественном гимне незаметного труженика, какие, к чести высокой породы русской, находятся посреди отважнейших взяточников, которые не берут даже и тогда, как все берет вокруг их. Возвеличь и его, и семью его, и благородную жену его, которая лучше захотела носить старомодный чепец и стать предметом насмешек других, чем допустить своего мужа сделать несправедливость и подлость. Выставь их прекрасную бедность так, чтобы, как святыня, она засияла у всех в глазах и каждому из них захотелось бы самому быть бедным. Ублажи гимном того исполина, какой выходит только из русской земли <...>" (Т. 6. С. 66).

Напомним, рассказом "Однодум" (1879) писатель начинал цикл "Праведники". Квартальный Рыжов, по прозвищу "Однодум", честно "делал свое маленькое дело" (VI, 225), исполнял гражданский долг: выполнял обязанности, не брал взятки... Совершенно "простой" человек,

"маленький" человек. Но Лесков показывает его богатырем и праведником. В небольшом рассказе – три портретных зарисовки: "Молодой Рыжов породю удаля в мать: он был рослый, плечистый, – почти атлет, необъятной силы и несокрушимого здоровья. В свои отроческие годы он был уже первый силач" (Там же, с. 212); "Городничий принял в соображение только его громадный рост, осанистую фигуру и пользовавшуюся большою известностью силу и неутомимость в ходьбе" (Там же, 218); "<...> показалась борзо скачущая тройкою почтовая телега, в которой с замечательным достоинством возвышалась гигантская фигура Рыжова. <...> он всем казался чем-то величественным <...> плыл точно на колеснице как триумфатор, сложив на груди свои богатырские руки" (там же, с.236).

Постоянными в описаниях героя являются указания на его богатырство. В первом портрете намек на богатырскую мощь героя содержится в гиперболе: "атлет, необъятной силы и несокрушимого здоровья", "первый силач". Важно также упоминание о его предводительстве на "кулачных боях". Во втором описании гипербола: "громадный рост", "неутомимость в ходьбе", – воспроизводится на фоне складывающейся в народе легенды о Рыжове ("пользовавшейся большою известностью"). В третьем портрете, апофеозном по тональности, важны прямое указание: "богатырские руки", – и еще более сильное преувеличение: "гигантская фигура". Определение "величественный" и сравнение с триумфатором как бы завершают создание портрета героя как необыкновенного человека, богатыря.

Но богатырство Однотума прежде всего в крепости его духа: он "дождался духа, давшего ему мысль самому сделаться крепким, дабы устыдить крепчайших. И он принял это посвящение и пронес его во весь почти столетний путь до могилы, ни разу не споткнувшись, никогда не захромав ни на правое колено, ни на левое" (Там же, с. 216). Поступки, совершаемые в "обычных условиях семейной и общественной жизни", "образ жизни" являются только подтверждением праведности героя, богатыря-подвижника, богатыря духа.

Завершая статью, отметим, что богатырство мыслилось Гоголем национальным свойством русского человека: "Я слышал то великое поприще, которое никому из других народов теперь невозможно и только одному русскому возможно, потому что перед ним только такой простор и только его душе знакомо богатырство <...>" (Т. 9. С. 76). Поэтому ***пробуждение "русской природы" в соотечественнике – богатырский подвиг***: "Страхни же сон с очей своих и порази сон других. На колени перед Богом, и проси у Него Гнева и Любви! Гнева – противу того, что

губит человека, любви – к бедной душе человека, которую губят со всех сторон и которую губит она сам. Найдешь слова, найдутся выраженья, огни, а не слова, излетят от тебя, как от древних пророков, если только, подобно им, сделаешь это дело родным и кровным своим делом, если только, подобно им, посыпав пеплом главу, раздравши ризы, рыданием вымолишь себе у Бога на то силу и так возлюбишь спасенье земли своей, как возлюбили они спасенье богоизбранного своего народа" (Т. 6. С. 66-67). Поэтому русские писатели, сотворившие "богатырскую симфонию", тоже великие подвижники, богатыри, поборники истины, добра, красоты.

Литература

1. Буслаев Ф.И. История русской литературы. Лекции // Буслаев Ф.И. О литературе: Исследования. Статьи / Сост., вступ. статья, примеч. Э.Афанасьева. – М., 1990. – С. 418.
2. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. – М., 1994. – Т. 6. Духовная проза. Критика. Публицистика. – С. 85-86. Цитирую по этому изданию, указывая том и страницу.
3. Толстой Л.Н. Война и мир: в 2 кн. – М., 1949. – Кн. 2. – Т. 3, 4. – С. 515.
4. См.: Толстой А.К. Собр. соч.: в 4 т. – М., 1964. – Т. 3. С. 569. Роман цитирую по этому изданию, указывая страницу.
5. Апресян Ю.Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – М.: Проспект 1995. – С. 185.
6. Лесков Н.С. Очарованный странник // Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. – М., 1956-1958. – Т. 4. – С. 513. Цитирую по этому изданию, указывая том и страницу.
7. Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях // Чернышевский Н.Г. Избранные произведения: в 3 т. – Л., 1978. – Т. 1. – С. 281.

*Тарбушкин А.Ю.,
МарГТУ, Йошкар-Ола*

ПОИСК ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

*Tarbushkin A.Y.,
MarSTU, Yoshkar-Ola*

SEARCH IDEOLOGICAL PARADIGM AS A PROBLEM OF MODERN RUSSIAN PUBLIC POLICY

Abstract. In the present study is an attempt analysis of the trends shaping the modern Russian public policy. We consider the specifics of Russian power in the modern era, the trends and contradictions of its development.

Девяностые годы XX века в России оказались периодом торжества социального дарвинизма. Реформы по разрушению «всего советского» во имя торжества демократии привели к тому, что большая часть граждан лишилась уверенности в собственной безопасности и веры в демократические институты. Проводя свои либеральные реформы, государство фактически отказывается от ответственности за текущую жизнь граждан. Странно после этого требовать от граждан лояльности к такому государству. В результате подобных реформ государство деморализуется, а гражданское общество разрушается. Приватизация большинства государственных услуг привело к тому, что государство перестало отвечать за реальное качество своей политики, а граждане постепенно перестают нуждаться в государстве и демократических института, так как теряется возможность влиять на качество этих услуг.

Ослабление государства в России шло параллельно с резким возрастанием социального неравенства, причем в формах более конфликтных, чем это характерно для развитых капиталистических демократий. Абсолютизация либеральных идей и их реализация в политике привело к тому, что государство утратило значительную часть навыков управления, без которых оно уже оказалось не способным разобраться в тех видах деятельности, которыми традиционно занималось: образование, здравоохранение, наука, безопасность. Это явление является общим для большинства либеральных государств на начальных стадиях своего развития, но на современном этапе преодолено в рамках неолиберализма.

Постельцинский режим, лидером которого стал В.В.Путин, решил важнейшую для большинства граждан задачу стабилизации общества и государственного управления, что в определенной степени определило популярность и лидера, и его режима. Парадоксом стало продолжение политики либеральных реформ в условиях роста социальных обязательств государства и заявлений о сохранении «бесплатности» государственных услуг. После пятнадцатилетия стабилизации и резкого роста влияния государственных институтов на политику и экономику встал вопрос о границах государственных полномочий, обеспечивающих эффективность рыночного хозяйства и заявленной социальной политики. Американский политолог Роберт Даль в своей работе «Полиархия: участие и оппозиция», написанной еще в 1971 году, анализировал возможные проблемы перехода от авторитаризма к современной форме демократии – полиархии – и возможные пути этого перехода. По Далю, возможны три пути: 1) либерализация режима предшествует его открытости; 2) открытость режима предшествует либерализации; 3) внезапный переход от гегемонии к полиархии. Первый вариант реализовался в странах, прошедших путь органической демократизации; второй, как считает Даль, характерен для стран, переходящих к полиархии в XX веке. Третий вариант – некий идеал. Именно второй путь представляется Далю полным рисков: «Процесс либерализации поджидает серьезная опасность провала, поскольку в условиях всеобщего избирательного права и массовой политики возникают трудности с функционированием системы взаимной безопасности» политических оппонентов в рамках политической системы. Согласно Р.Далю, «наиболее благоприятным способом установления полиархии является преобразование прежде легитимных структур гегемонии в формы и структуры, подходящие для политической состоятельности [2; 122]. Данный способ не создает глубоких расколов в обществе и сомнений в легитимности нового режима».

Но в современной России мы наблюдаем обратное: реформаторы считали, что в случае прихода к власти коммунистов страну ждет реванш, а их самих – расправа; коммунисты же постоянно ожидали расправы от реформаторов. Этот печальный для ранней российской демократии сценарий дополнялся радикальными настроениями российских реформаторов по отношению к советским институтам государственной власти. Кроме того, проявился сформулированный немецким политологом Робертом Михельсом так называемый «железный закон олигархии», согласно которому любая форма социальной организации, вне зависимости от ее первоначальной демократичности либо автократичности, неизбежно вырождается во власть немногих избранных – олигархию, потому что

такова природа человека и власти [2; 222]. В России возник симбиоз капиталистической элиты и высшей бюрократии, изолированный от остального населения и фактически представляющий собой замкнутую социальную сеть, контролирующую и экономические ресурсы, и большую часть публичной политики. Сочетание всех этих факторов не могло не привести к резкому ухудшению социального самочувствия граждан, которые, с одной стороны, начинают отворачиваться от политики, потому что увидели в ней инструмент разрушения социальных гарантий и стабильности, а с другой – стали требовать от политиков восстановления дееспособности государства и государственных обязательств. Осознавая всю глубину проблем современной российской демократии, важно отметить, что именно стабильность и эффективность государственных институтов – важнейшие условия развития демократии.

Сохранение социальной стабильности, достигнутой в России за последние десять лет, – важнейшее условие ее демократизации, угроза которой исходит как из лагеря радикальных либералов в правительстве, так и из лагеря радикальной оппозиции, и подрывает ее перспективы. Основная проблема переходного периода заключается в том, как сочетать стабильность и неизбежные конфликты, порождаемые характером современного общества. Тем более что, как показывает вся история человечества, именно конфликты лежат в основе его развития. Проблема и в том, как не допустить разрастания естественных конфликтов, возникающих между различными социальными (в широком смысле этого слова) группами, в антагонистическое социальное противостояние. Отличие современной ситуации от ситуации конца 1980-х, когда поднялось массовое демократическое движение, состоит в том, что тогда исходный конфликт возник в правящей элите и от нее распространился на все общество. Зачатки современной демократии кроются в низовых социальных движениях, в которых граждане отстаивают свои права перед лицом аморальности, отрицающей трудовую этику, и произвола, источником которого может быть чиновник, милиционер, предприниматель и даже сосед по дому.

То, что демократия в России, по меньшей мере несовершенна, признают все – и сторонники нынешней власти, и ее оппоненты; но если первые объясняют это молодостью российской демократии, то вторые – злым умыслом власти, не дающей ей развиваться. Одновременно и те и другие признают, что в современном мире партии и другие институты демократии меняют свое лицо. Причем первые пытаются увидеть в российских реалиях отражение общемировых тенденций, а вторые видят в этих тенденциях тот идеал, которого еще предстоит достичь или к кото-

рому надо вернуться, поскольку в 1990-е именно он был воплощен в жизнь. На самом деле главная проблема России в области демократии – распад традиционной социальной системы и потеря социальной базы у возникших на переломе эпох политических партий. Возникновение полноценных политических партий возможно только по мере созревания социальных условий. Вот почему обиды «либералов» на власть, которая будто бы оттесняет их, используя административный ресурс, бессмысленны. Это прямой результат либеральных реформ, разрушивших старое общество. Фактически заново возникшее общество оказалось социально аморфным. А все социальные группы претерпели катастрофический распад. Рабочие забыли о первых ростках солидарности и взаимоподдержки. Интеллигенция деморализована распадом и даже уничтожением советского научно-технического комплекса. Новый средний класс если и осознал свою особость, то только как класс – потребитель новых материальных, а не политических возможностей. Наконец, новая социальная группа – предприниматели – оказалась разрозненной и не способной даже под давлением государства объединиться, чтобы сформулировать свои интересы. Они их еще не осознали, а возникающие проблемы предпочитали решать простейшими способами – через личные контакты с представителями власти, через блат и подкуп. Российская политика в течение последнего двадцатилетия распадалась на три практически изолированные сферы – аппаратная борьба, политические технологии и идеологические споры. Здесь нет места для публичной политики. Участники аппаратной борьбы не терпят публичности; политехнологи умеют продать товар и создать под него рекламу, но сам товар не создают; а идеологи развращены тем, что им за свои слова не придется нести политическую ответственность. В результате политическая система живет своей отдельной жизнью, имеющей слабое отношение к российской реальности.

Идеологические манифесты строятся из тезиса о России как «кусоч мягкой глины», из которого можно и надо слепить нечто заранее придуманное. На данной почве в России не могло возникнуть ничего политического, кроме того, что возникло: сильный лидер, пытающийся сплотить аморфную нацию вокруг простых лозунгов стабильной и спокойной жизни, и его партия, обеспечивающая административный ресурс публичной политики лидера. И даже если представить себе какой-то новый катаклизм, в результате которого к власти придет другая партия, ситуация изменится ровно зеркально: другой вождь и другая партия чиновников. И так будет, пока не проявятся, не осознают своих интересов и политически не объединятся в общероссийском масштабе круп-

ные социальные группы. Не обязательно традиционные классы. Возможно, основой объединения станут не классовые интересы, а, скажем, противостояние жилищно-коммунальной, школьной реформам или реформе системы социальных и бюджетных учреждений. Новые реалии требуют не только восстановления публичной политики, но и обновления ее содержания.

Литература

1. Кувалдин С., Силаев Н. Поиски политического лица // Эксперт, 22-28 марта. № 11. (695). – С.15-23.
2. Мухаев, Р. Т. Политология / Р. Т. Мухаев. – М.: Проспект, 2010.
3. Павловский Г. Непопулярно о демократии // Эксперт. – 13-19 сентября. – № 36 (720). – С.54-57.
4. Силаев Н. Фальстарт предвыборной компании // Эксперт. – 8-14 ноября. – № 44 (728). – С.64-66.

*Тюленев А.И.,
МарГТУ, Йошкар-Ола*

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

(на материалах Республики Татарстан и Республики Марий Эл)

Abstract. In article some classical and modern approaches to judgement of a problem of a role of the state in development частнопредпринимательской initiatives of separate citizens, their communities and associations are presented. The special attention is given consideration of features of interactions of bureaucracy and private business in the conditions of originally federal, and also authoritative, but рыночно the focused state. Proceeding from the analysis of the data of the expert poll spent in РТ and РМЭ, the mark of a current state of the Russian statehood from the point of view of realisation degree in structure and practice of official bodies of democratic and federalistic principles as conditions of rationalisation of private business is given.

Исходя из веберовской теории социального развития, рационализация предпринимательства как условие прогресса общества происходит в рамках осмысленного, разумного обновления всех сфер, видов, аспектов и сторон человеческой деятельности. Будь то экономика, политика, наука, образование, культура, религия и прочие необходимые современному обществу формы жизнедеятельности. Каждая из этих форм, рационали-

зируясь самостоятельно как особая синергетическая социальная система, в то же время испытывает на себе воздействие извне и вместе с тем оказывает влияние на другие формы социального поведения. Вычленим из этого сложного комплекса социальных взаимодействий одно звено, связь между государственной властью и деловой активностью людей, с тем, чтобы отразить специфику данной связи, вписанной в наиболее близкий к ней контекст взаимодействия политики и экономики.

Направленность, интенсивность и масштаб влияния государства на хозяйственную деятельность граждан или подданных обуславливают, прежде всего, такие сущностные характеристики государства, как форма правления и административно-территориального устройства. Кроме того, если исходить из факта включенности государственных институтов в политическую систему общества, то следует принять в расчет, что государство как особый политический институт взаимодействует с партиями (если таковые есть), общественно-политическими организациями, политическими идеологиями, политической культурой общества. Взаимодействие государственных институтов с другими компонентами политической системы накладывает соответствующий отпечаток на содержание и форму взаимосвязи государственной власти и предпринимательской активности членов социума, на который эта власть распространяется. Роль государства в развитии хозяйственной деятельности людей и экономики в целом неоднократно становилась предметом философского и научного осмысления. Не будет преувеличением сказать, что взаимосвязь государственно-управленческой и хозяйственной практик человечества является одной из важнейших проблем, разрешение которой позволяет понять социальные причины, факторы, условия, пути и механизмы быстрого общественного прогресса одних стран и замедленной эволюции или стагнации других.

В последние годы среди политиков и в академических кругах получила достаточно широкое распространение точка зрения, что не только демократия, но и авторитарное государство в состоянии обеспечить высокие темпы социально-экономического развития страны и тем самым создать условия для «прорыва» в постиндустриальное общество. При этом особенно часто ссылаются на опыт модернизации Сингапура. Действительно, успехи этого карликового по размерам территории и небольшого по численности населения авторитарного государства с фактически однопартийной системой и практически полным отсутствием оппозиции впечатляют. Вместе с тем не следует забывать, что Сингапур целое столетие был британской колонией, в настоящее время является членом Британского Содружества, а управляет им бессменно с середи-

ны 60-х гг. XX в. «группа буржуазных, получивших английское образование лидеров» [7]. Осмысление и применение британского опыта с учетом специфики сингапурского общества позволили обуздать коррупцию чиновников и обеспечить колоссальный социально-экономический прогресс некогда слабо развитого государства, прежде всего, за счет вовлечения в активную хозяйственную деятельность практически всего взрослого населения страны. Среди направлений государственной политики, в наибольшей степени способствовавших реализации предпринимательского потенциала сингапурцев, следует выделить в первую очередь такие, как: 1) предоставление грантов и оплата труда по рыночным ценам, чтобы привлечь таланты; 2) серьезные инвестиции в образование; 3) предоставление «пособия работой», а не пособия по безработице.

С целью определения степени сформированности в РФ демократического или авторитарного, но ориентированного на проведение последовательной рыночной политики государства как условия развития частнопредпринимательской инициативы населения в РТ (июль 2009 г.) и РМЭ (декабрь 2009 г.) был проведен опрос специалистов, занимающихся изучением предпринимательства, и практикующих бизнесменов. В каждой республике для участия в опросе было отобрано по 50 человек: ученых, преподавателей, руководителей предприятий, менеджеров. Обращение к такому методу социологического исследования, как экспертный опрос объясняется простым соображением: специалисты в области предпринимательства располагают большей информацией о состоянии, перспективах, факторах и условиях развития регионального бизнеса, чем обычные граждане, не имеющие к нему прямого отношения.

Приведем мнения экспертов, касающиеся степени демократизации некоторых аспектов и сторон российской государственности как важного политического фактора, обуславливающего развитие рационального предпринимательства. Прежде всего, подавляющее большинство экспертов полагают, что наиболее благоприятным политическим режимом для развития частного предпринимательства является режим демократический. Так думают 71,0% опрошенных в РТ и 68,0% – в РМЭ. Чуть более одной десятой принявших участие в опросе специалистов по предпринимательству РТ (12,5%) и немногим более четверти экспертов по бизнесу РМЭ (26,0%) не видят никакой связи между типом политического режима и развитием частного предпринимательства.

Поясним, что понятие «частное предпринимательство» не рассматривается как синоним понятия «рациональный бизнес». Исходя из теории предпринимательства, первое может быть как рациональным, так и

иррациональным. Тем не менее, именно частный, формально не зависящий от государства бизнес исторически выступил колыбелью рационального предпринимательства. Замена в формулировке вопроса рационального предпринимательства на частное произведена сознательно, поскольку отнюдь не все респонденты, как выяснилось из предшествовавших опросу бесед с некоторыми из них, адекватно представляли суть феномена рационального предпринимательства.

Степень приватизации государственной собственности как условия подконтрольности чиновничества обществу и, следовательно, фактора, благоприятствующего складыванию государственных институтов, стимулирующих развитие частного бизнеса, оценена экспертами следующим образом. В Татарстане 42,5% экспертов сочли степень приватизации госсобственности к моменту проведения опроса «средней», 40,0% – «высокой», 7,5% – «низкой». Каждый десятый опрошенный (10,0%) затруднился с ответом на данный вопрос. В Республике Марий Эл также преобладают «средние» (32,0%) и «высокие» (22,0%) оценки степени приватизации государственной собственности, хотя их суммарная доля в общей массе оценок не столь значительная, как в Татарстане.

Степень подконтрольности государственных учреждений и чиновничества гражданам и организациям, представляющим их интересы (партиям, профсоюзам, неформальным движениям), в свою очередь, видна из ответов экспертов на вопрос, связанный с тем, насколько современное российское общество способно оказать эффективное воздействие на государственную власть. И в РТ, и в РМЭ центральной осью, вокруг которой расположился весь спектр предложенных экспертам вариантов ответа, оказалось одно и то же мнение – «такое воздействие станет возможным в очень отдаленной перспективе». Имелось в виду эффективное воздействие общества на государство. В РТ это мнение получило поддержку 60,0%, в РМЭ – 38,0% опрошенных специалистов по предпринимательству. При этом значительное число экспертов в РМЭ (10,0%) склонилось в пользу крайней по своей категоричности и бесперспективности с точки зрения усиления общественного контроля над государством как фактора развития частного бизнеса формулировке ответа – «общество никогда не сможет оказывать эффективного влияния на государственную власть». Вдобавок свыше четверти опрошенных в РМЭ (28,0%) констатировали факт неспособности нынешнего российского общества оказывать эффективное воздействие на государственные управленческие структуры. В РТ таких респондентов оказалось также достаточно много (17,5%).

Ситуация с разделением государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную представляется экспертам таковой. В обеих республиках среди специалистов по бизнесу преобладают мнения, высказываемые с различной степенью уверенности («скорее нет, чем да» и «нет»), что реального разделения государственных властей как фактора развития частнопредпринимательской деятельности не существует. При этом перевес таких мнений над суждениями противоположного характера в РМЭ значительно больший (54,0% против 22,0%), чем в РТ (52,5% против 45,0%). Не исключено, что различия во мнениях являются отражением неодинаковой реальности. Впрочем, прямых и бесспорных оснований для констатации того, что достигнутая в РТ степень разделения властей выше, чем в РМЭ, результаты проведенного опроса не дают.

В то же время полученные в ходе опроса данные не оставляют сомнений в том, что степень зависимости судебной власти от исполнительной велика, как в РТ, так и в РМЭ. Между тем независимость судопроизводства является важнейшим атрибутом демократической государственности, а независимый суд, соответственно, фактором, стимулирующим частнопредпринимательскую инициативу граждан. В РМЭ эксперты с заметно большим пессимизмом оценивают сложившуюся на сегодняшний день степень независимости российской судебной системы от исполнительной власти. Без малого две трети специалистов по предпринимательству (66,0%) полагают, что степень независимости судебных органов от правительственных учреждений «низка». В то время как в РТ баланс суждений респондентов более благоприятен для оценок, определяющих степень независимости судебной власти от исполнительной как «среднюю». Но преимущество, причем, весьма заметное (45,0% против 30,0%), как и в РМЭ, все же на стороне «низких» оценок.

Рассматривая мнения респондентов по поводу качества взаимодействий федеральных/региональных властно-государственных структур с органами местного самоуправления под углом зрения существа основных принципов концепции самоуправляющегося общества, трудно оторваться от мысли, что федерализм в современной России носит скорее формальный, показной, а не действительный, подлинный характер. Абсолютное большинство экспертов, опрошенных в РТ (70,0%), полагает, что органы местного самоуправления контролируются федеральной/региональной властью «в большой» (40,0%) или и вовсе «в очень большой» мере (30,0%). Основная масса экспертов из РМЭ (58,0%) придерживается аналогичного мнения: 38,0% опрошенных считают, что

федеральная/региональная государственная власть контролирует органы местного самоуправления в «большой» и 20,0% – «в очень большой» степени.

Абстрагируясь от дискуссии, в какой мере органы местного самоуправления являются учреждениями местных сообществ, а не органами государственной власти на местах, отметим одно обстоятельство, крайне важное с точки зрения развития предпринимательской инициативы отдельных граждан, их групп и объединений. Исторический опыт развития частного предпринимательства, равно как и его научное осмысление, свидетельствуют о том, что подконтрольность местных самоуправленческих органов государственным учреждениям исполнительной власти регионального и федерального уровней, как правило, препятствует массовому проявлению предпринимательской активности. Прежде всего, потому, что неконтролируемая обществом бюрократия, руководствуясь корыстными соображениями, создает множество искусственных препятствий на пути развития частнопредпринимательской практики граждан.

Известно, что правовое государство в значительной степени ограничивает произвол бюрократии и тем самым создает предпосылки для рационализации предпринимательства. Но результаты проведенного экспертного опроса не дают оснований квалифицировать современное российское государство как правовое. Четверо из каждых пяти респондентов в РМЭ (82,0%) в той или иной степени не согласны с оценкой современного российского государства как государства правового: 44,0% – «не согласны» и 38,0% – «скорее не согласны, чем согласны». В отличие от экспертов РМЭ, среди татарстанских специалистов по предпринимательству достаточно значителен удельный вес лиц, расценивающих нынешнее российское государство как правовое. Численность таких лиц в общей массе опрошенных составляет 37,5%. При этом 5,0% респондентов «согласны» с оценкой современного российского государства как правового и 32,5% – «скорее согласны, чем не согласны». Но большинство (60,0%) все-таки на стороне тех экспертов, которые либо «не согласны» (27,5%), либо «скорее не согласны, чем согласны» (32,5%) с оценкой нынешнего российского государства как государства правового.

Учитывая характер исследуемой проблемы, особый интерес представляют ответы респондентов на вопросы, касающиеся ряда важных аспектов и сторон взаимодействия государственной власти и частного бизнеса. Первый из этих аспектов связан с обеспечением правовых гарантий развития частнопредпринимательской инициативы людей. Известно, что в роли главного юридического и физического гаранта прав

граждан, в том числе и тех, которые санкционируют занятие предпринимательской деятельностью, в условиях современной демократии выступает государство. Именно оно в лице законодательных, исполнительных и судебных органов принимает законы, обеспечивает их исполнение и следит за тем, чтобы первое и второе происходило «в рамках правового поля».

На вопрос – созданы ли в РФ надежные правовые гарантии для развития бизнеса – представители обеих республик ответили практически одинаково. Свыше четырех пятых опрошенных экспертов и в РТ (83,0%), и в РМЭ (86,0%) из предложенных им вариантов ответа предпочли выбрать либо «скорее нет, чем да» (соответственно, 62,5% и 44,0%), либо «нет» (22,5% и 42,0%). Этот результат едва ли нуждается в пространных комментариях. Вывод напрашивается сам собой: почти за два десятилетия интенсивной работы Государственной Думы депутаты различных созывов и фракций так и не смогли создать надежную, с точки зрения экспертов по бизнесу, правовую базу для развития предпринимательской инициативы граждан, их объединений и организаций.

В контексте экспертных сомнений в отношении существования правовых гарантий развития бизнеса или прямого отрицания наличия таковых несколько странными представляются ответы респондентов на вопрос, поощряет ли исполнительная власть предпринимательскую деятельность граждан? Особое удивление вызывает позиция экспертов из Татарстана, большинство которых (60,0%) полагает, что эта самая власть либо «скорее поощряет, чем не поощряет» (50,0%), либо «поощряет» (10,0%) развитие предпринимательства в России. Эксперты из Марий Эл гораздо скромнее оценивают стимулирующую роль исполнительной власти. Большинство опрошенных специалистов по бизнесу (64,0%) считает, что эта власть либо «скорее не поощряет, чем поощряет» (56,0%), либо «не поощряет» (8,0%) развитие предпринимательской инициативы населения.

Не исключено, что разница в оценках экспертами двух республик стимулирующей роли структур исполнительной власти в развитии предпринимательства обусловлена конъюнктурными обстоятельствами, которые заставляют государственно-управленческие органы РТ в настоящий момент поддерживать бизнес в большей мере, чем он поощряется аналогичными учреждениями РМЭ. Не исключено и то, что разница в ответах респондентов связана с установками и деятельностью конкретных лиц, находящихся у власти. Не исключено также, что эта разница образовалась вследствие различий в мировоззренческих ориентациях, способах видения и оценки реальности самими экспертами. Как бы то

ни было, нельзя признать курс на поддержку российским государством предпринимательства целенаправленным, последовательным и устойчивым, если он варьирует в зависимости от региона, а бизнес не имеет надежных правовых гарантий для роста, укрепления и развития.

В целом, несмотря на отсутствие твердых правовых гарантий и противоречивость политики региональных властей, немалое число экспертов достаточно оптимистично представляют себе ближайшее будущее взаимоотношений государственных институтов и бизнеса. Так, в частности, из полученных в ходе опроса данных следует, что абсолютное большинство экспертов из РТ (52,5%) и относительное из РМЭ (44,0%) «удовлетворительно» оценивает перспективы конструктивного сотрудничества власти и бизнеса в период до 2015 г.

Таким образом, анализ и обобщение результатов проведенного в двух соседних республиках экспертного опроса позволили сформировать консолидированную позицию специалистов в области предпринимательства и практикующих бизнесменов в отношении степени осуществления в структурно-функциональных и управленческих аспектах современной российской государственности принципов демократии, федерализма и самоуправления. С минимальной разницей в оценках эксперты из РТ и РМЭ констатировали, что развитие ряда важных атрибутов современного демократического государства находится на достаточно низком уровне. К числу таких атрибутов они отнесли: отсутствие эффективного общественного контроля над властно-государственными структурами; фактическую концентрацию и централизацию государственных учреждений при формально зафиксированном разделении государственных властей; высокую степень зависимости судебной системы от исполнительно-распорядительной власти; мнимый характер федерации; несформированность правового государства; отсутствие надежных правовых гарантий; недостаток систематической, постоянной и последовательной государственной поддержки частного бизнеса. Все это, вместе взятое, создает в целом неблагоприятную политико-правовую среду для развития частнопредпринимательской, независимой от исполнительно-распорядительных органов государства инициативы граждан, их общностей, организаций и объединений. Вместе с тем представители обеих республик с известным оптимизмом смотрят в будущее, оценивая ближайшую перспективу развития отношений между государством и частным предпринимательством как «удовлетворительную». В этом видится залог успеха дальнейшей рационализации, как государства, так и частного бизнеса. Но при условии разумной модернизации государственных институтов, которая, как показывает опыт

западных и не только западных стран, может ускорить процесс рационализации частного предпринимательства и придать этому процессу комплексный, системный характер.

Литература

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М.Вебер // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 61 – 344.
2. Weber M. Economy and Society. G.Roth and C.Wittick (eds. and trans.) 2 vols. Berkeley: University of California Press. 1978.
3. Вебер М. «Объективность социально-научного и социально-политического познания» / М.Вебер // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 345 – 416.
4. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию / А.И.Солженицын // Комсомольская правда. Специальный выпуск. – 1990. – 18 сентября.
5. Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество: пер. с англ. А.Оболонского / В.Остром. – М.: Арена, 1993.
6. Элазар, Даниель Дж. Европейское сообщество: между государственным суверенитетом и субсидарностью или Иерархия против коллегиальности в управлении Европейским сообществом / Д.Элазар // Казанский федералист. – 2002. – № 4.
7. Ли Куан Ю. Сингапурская история: из третьего мира в первый / Ю Куан Ли. – М.: 2005 // www.ru.wikipedia.org.

*Хэни Ханна,
Каир, Египет.*

РОЛЬ И ОБЯЗАННОСТЬ УНИВЕРСИТЕТОВ И ОРГАНИЗАЦИЙ НАСЛЕДИЯ КУЛЬТУРЫ В ЗАЩИТЕ И СОХРАНЕНИИ ГЛОБАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

*Hany Hanna,
Cair, Egypt.*

THE ROLES AND RESPONSIBILITIES OF THE UNIVERSITIES AND CULTURE HERITAGE ORGANIZATIONS IN PROTECTING AND CONSERVING OF THE GLOBAL CULTURAL HERITAGE

Abstract. It is so clear that our global cultural heritage strengthens identities, well-being, and respect for other cultures and societies; it is a powerful tool to engage communities positively and, as such, is a driving force for human development and creativity.

Although we have made tremendous gains in the cultural heritage sector in education, facilities, new technologies, and partnerships, our global cultural heritage is threatened by continuing deterioration and loss resulting from a

shortage of trained conservation practitioners, natural and man-made emergencies and risks. As it is important to establish new collaborative platforms to more effectively protect and conserve the global cultural heritage and address global challenges especially by threats and disasters prevention and preventive conservation; the Universities should work together with the other organizations and stakeholders on the national, regional and global levels within their main roles and responsibilities to:

1. Strengthen the investment in research and educational opportunities, endeavor actively towards the training of human resources and the pursuit of research necessary for international cooperation on cultural heritage and its protection and conservation, as well as endeavor to ensure the appropriate treatment for researchers and professionals, and the provision of well-equipped education and research facilities.

2. Working in development, networking, exchange and the transfer of knowledge and resources globally and working on the development of new preservation approaches.

3. Define a comprehensive system of recognition of high-level professional qualifications, validated by the public authority and defined by professional organizations.

4. Encourage responsible stewardship and advance sustainable conservation policies and strategies. Universities also must obligate to widely involvement in risk and emergency preparedness, advocacy, response, assessment, recovery, reconstruction and restoration, commit to increased community engagement, and raise public awareness regarding at-risk cultural heritage.

5. Integrate cultural heritage issues and conservation projects with other sectors to provide a lever for social and economic development.

"What should be the new aims and responsibilities of universities within the framework of global issues?"; This is not only just a congress title or theme, it is a very big question. In one hand, it is well known that the main responsibilities of universities have traditionally been "Teaching, Research and Serving" which include mainly offering education and training leading to a profession, conducting scientific research, as well as providing several other services to the communities.

In the other hand, it is well known also that the Globalization (or Globalisation), have several meaning; It broadly refers to the expansion of global linkages, organization of social life on global scale, and growth of global consciousness, hence consolidation of world society. In other words, it describes an ongoing process by which regional economies, societies, and cultures have become integrated through a globe-spanning network of communication and trade. It is usually recognized that globalization is being driven

by a combination of economic, technological, socio-cultural, political, and biological factors. In such a context several problems have resulted because of the efforts have carried out to integrate national economies, the increase in international and intercultural relations, and the disappearance of national borders in the globe of communications. Hence, the global issues are increasingly and intensively affecting our life and create a very competitive environment among our communities in order to integrate to the global network. Therefore, it seems that the universities have a duty to suppose and take more responsibilities and tasks in comprehensive perspectives and concepts.

Back to the big question "What should be the new aims and responsibilities of universities within the framework of global issues?". As protecting and conserving the cultural heritage has come to be an effective approach to combat the negative impacts, which naturally arise in the age of globalization, and as conservators whom our main concern is cultural heritage, the question is to be modified to us to be more specific. It is to be "What should be the aims and responsibilities of universities in protecting and conserving of global cultural heritage within the framework of global issues?". Or in another detailed form "What universities should do to take more effective part in protecting and conserving of global cultural heritage which threatened by continuing deterioration and loss resulting from natural and man-made emergencies and environmental risks such as global climate change, environmental pollution, armed conflicts, rapid population growth with unplanned and uncontrolled construction, development, exploration and tourism, limited investment in conservation especially in the time of global poverty and a shortage of trained conservation practitioners with the inequality in educational opportunities...etc.?".

This is the big question to be discussed to re-delineate universities' objectives, roles and responsibilities and to make and share views, ideas and suggestions regarding protecting and conserving of the global cultural heritage on national, regional and global platforms. That is what this paper tries to take part to address. Heritage ("national heritage" or just "heritage") is the legacy of tangible "physical" artifacts and intangible attributes of a group or society that are inherited from past generations, maintained in the present and bestowed for the benefit of future generations.

In other term, heritage may be described as 'the actual use of the past'.

There are two types of heritage:

Tangible Heritage: It includes three types of heritage:

1. Cultural heritage: "Tangible cultural heritage" is man-made heritage; It includes 'immovable' monuments, groups of buildings and historic places and sites as well as artifacts and 'movable' objects...etc.; which are considered

worthy of preservation for the future. These include objects significant to the archaeology, architecture, science or technology of a specific culture.

2. Natural heritage: Heritage in general, can also include "natural heritage" that includes natural features consisting of physical and biological formations, geological and physiographical formations and precisely delineated areas, natural sites or precisely delineated natural areas that may have cultural attributes.

3. Cultural landscapes: Heritage also include "Cultural landscapes" or "mixed cultural and natural heritage", which are cultural properties represent the "combined works of nature and of man" as heritage practitioners have moved from classifying heritage as natural; as man has intervened in the shaping of nature in the past four million years (World Heritage Centre, 1972/Articles 1 - 2 & World Heritage Centre, 2008).

2. Intangible Cultural heritage: In the other hand we have "Intangible cultural heritage" which include the practices, representations, expressions, knowledge, skills – as well as the instruments, objects, artifacts and cultural spaces associated therewith – that communities, groups and -in some cases- individuals recognize as part of their cultural heritage. Also called living cultural heritage, it is usually expressed in one of the following forms: oral traditions; performing arts; social practices, rituals and festive events; knowledge and practices concerning nature and the universe; and traditional craftsmanship. This intangible cultural heritage, transmitted from generation to generation, is constantly recreated by communities and groups in response to their environment, their interaction with nature and their history, and provides them with a sense of identity and continuity, thus promoting respect for cultural diversity and human creativity (UNESCO, 2003/Article 2).

A broader definition includes intangible aspects of a particular culture, often maintained by social customs during a specific period in history as well as the ways and means of behavior in a society, and the often-formal rules for operating in a particular cultural climate. These include social values and traditions, customs and practices, aesthetic and spiritual beliefs, artistic expression, language and other aspects of human activity. Naturally, intangible cultural heritage is more difficult to preserve than tangible cultural.

Globally, tangible and intangible cultural heritage is among the priceless and irreplaceable assets, not only of each nation, but also of humanity as a whole. The World Heritage includes:

1. World Tangible (Cultural and Natural) Heritage: Accordant to UNESCO 1972 Convention Concerning the Protection of World Cultural and Natural Heritage that was adopted by the General Conference of UNESCO in 1972, items of the tangible heritage, because of their exceptional qualities,

can be considered to be of “outstanding universal value”. This means cultural and/or natural significance, which is so exceptional as to transcend national boundaries and to be of common importance for present and future generations of all humanity. As such, the permanent protection of this heritage against the dangers, which increasingly threaten them, is of the highest importance to the international community as a whole (World Heritage Centre, 2008).

As of March 2010, The World Heritage List includes 890 properties forming part of the cultural and natural heritage, which the World Heritage Committee considers as having outstanding universal value. These include 689 cultural, 176 natural and 25 mixed properties in 148 States Parties. Each of these properties is considered important to the international community (World Heritage Center, 2010).

2. World Intangible heritage: Accordant to UNESCO 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage that was adopted by the General Conference of UNESCO in 2003, several items of the intangible heritage considered important as a mainspring of cultural diversity and a guarantee of sustainable development can be considered to be of “Intangible Heritage of Humanity” and as such need to be safeguard.

As of March 2010, The Intangible Heritage Lists (The Representative List and The List of Intangible Heritage in Need of Urgent Safeguarding) include about 204 masterpieces and elements forming part of the Intangible Heritage of Humanity. These are in about 80 countries. Each of these masterpieces is considered important to the international community (UNESCO, 2010).

It is so clear that the global cultural heritage is very important in several aspects such as:

1. It display important and characteristic aspects of the history of humanity, in particular the history of art, science and technology.

2. It also strengthens identities, reinforces communities’ sense of cultural identity; heritage is central to the recognition and maintenance of human culture. It embodies former beliefs, knowledge and skills and secure individuals, groups and nations in time and place.

3. It strengthens respect for other cultures and societies; heritage plays a key role in reconciliation between citizens and non- citizens of a given country. It is a powerful tool to engage communities positively as an invaluable role of the cultural heritage as a factor in bringing human beings closer together and ensuring exchange and understanding among them.

4. It helps to improve the quality of life and strengthens well-being and increasing the income. (E.g., it often serves as an important component in a

country's tourist industry, attracting many visitors from abroad as well as locally).

The heritage is a driving force for human development and creativity, So that an appreciation of diverse cultural heritage and its continuity for future generations promote mutual understanding between people, communities, and nations has reaffirmed (Daniel et al., 2009).

Because of the importance of the cultural heritage, it became a part of the Human cultural rights, which encompass a wide range of protections, including the right to cultural participation; the right to enjoy the arts; conservation, development and diffusion of culture; protection of cultural heritage; freedom for creative activity. It include also protection of persons belonging to ethnic, religious or linguistic minorities; freedom of assembly and association; the right to education; freedom of thought, conscience or religion; freedom of opinion and expression; and the principle of non-discrimination. (Ayton-Shenker, 1995).

Our global cultural heritage is threatened by continuing deterioration and loss resulting from destruction and decay factors, disasters, risks and emergencies. *It is Noting* that the heritage are increasingly threatened with destruction not only by the traditional causes of decay, but also by changing social and economic conditions which aggravate the situation with even more formidable phenomena of damage or destruction (World Heritage Centre, 1972). It is true that the loss, through deterioration or disappearance, of any of heritage; these most prized assets constitutes an impoverishment of the heritage of all the peoples of the world. Threats to heritage include:

1. Man-made threats: Humans themselves are almost always the source of the dangers; Threats to cultural heritage come in many forms: armed conflicts and wars (e.g. Bosnia and Herzegovina in the 1990s and Iraq in 1990s and March 20th 2003 - Present), wanton destruction for religious reasons (e.g. Buddhas of Bamiyan, Afghanistan in 2001), poaching, stealing and contraband (e.g. Egyptian, Greek, Italian, Indian...etc. heritage, long time ago - Present), environmental pollution, unplanned construction with rapid population growth, unplanned development and exploration (e.g. Abu Mena, Egypt in 1990 -2005) (Hanna, 2009/164), uncontrolled access and recreational use of sensitive areas and uncontrolled tourism with the growing demand on the part of international tourism for places with a cultural heritage, as well as faulty restoration and Lack of maintenance (Hanna, 2003/108-110), shortage of trained conservation practitioners with the inequality in educational opportunities as well as limited investment in the field of conservation especially in the time of global poverty.

Again, The processes of globalization and social transformation, alongside the conditions they create for renewed dialogue among communities, also give rise, as does the phenomenon of intolerance, to grave threats of deterioration, disappearance and destruction of the intangible cultural heritage, in particular owing to a lack of resources for safeguarding such heritage (e.g. the traditional Egyptian storytellers' heritage) (Hanna, 2007).

2. Natural threats: these include several natural emergencies and environmental disasters and risks such as tsunamis (e.g. Banda Aceh, Indonesia on December 26, 2004), hurricanes and fierce storms (e.g. Old Havana, Cuba in 2008 and several times in the United States), flood (e.g. Florence, Italy in 1966, Luxor, Egypt in 1994 and Prague, Czech Republic in 2002), earthquakes (e.g. Bam, Iran on December 26, 2003) as well as the other dangers being raising because of climate change.

On this list, man is indeed a real enemy. However, just as we caused the damage in the first place, we have the power to repair it, by taking our responsibility as caretakers of the world's cultural heritage seriously. So today, we are sounding the alarm, using several tools (e.g. the World Monuments Watch List) to demonstrate, through the vivid examples of beloved places around the world, the importance of working together to meet these challenges and join forces to protect our world's shared heritage (World Monument Fund, 2010). Globally the world has made tremendous gains in the cultural heritage sector in education, facilities, new technologies, and partnerships. Several courses and education programs been established for cultural heritage, its studies, research and conservation...etc. The new technologies provide communities with fresh opportunities to document, digitalize, raise awareness, examine, treat, conserve and protect their cultural heritage, meeting the strong desire of communities to preserve, promote and pass on their cultural heritage to succeeding generations.

A key aspiration in international cultural policy, cooperation and partnerships, emerging because of growing globalization, is to safeguard cultural diversity and to promote sustainable development in cultural heritage preservation. This global issue is discussed within several Organizations (which are important vehicles for the world in cultural cooperation) such as UNESCO, WHC, ICCROM, ICOM, the EU, the Council of Europe and the World Trade Organization. The UNESCO Conventions (e.g. Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions 2005 and Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict with Regulations for the Execution of the Convention 1954), as well as regional Conventions (e.g. The Council of Europe has three conventions, which concern the cultural environment and heritage and certain special issues, such as

architectural and archaeological heritage and landscape) provide a basis for cultural cooperation.

Several organizations and groups have been successful at gaining support to preserve the heritage of many nations for the future. Again, in addition to hundreds of conservation projects, many organizations working to preserve global cultural heritage - both tangible and intangible - have been using online media to support their efforts. For example; On October 6, the World Monument Fund (WMF) published the 2010 World Monument Watch list plotting the dozens of villages, buildings, bridges and monuments at risk of destruction on an interactive Google map. The WMF in New York is one of many organizations, like Global Heritage Fund, World Heritage Center financing projects to preserve world cultural heritage sites (World Monument Fund, 2010). Another example is The Global Heritage Network (GHN) which is a collaborative online platform established by Global Heritage Fund and built around Google Earth that attempts to raise awareness of cultural heritage in the developing world and the threats and dangers that it frequently faces, and provides a space to network and discuss possible solutions.

Although it is not easy to make comprehensive statements for "The Universities' Roles and Responsibilities", but UNESCO points out that "Teaching and Research" are the "Intellectual Functions" of the university. They are related to the educational mission, or "Educational Function" consisting of the "Cultivation of the mind" and the "Transmission of basic ideas and concepts". Therefore, the university must be a source of imagination and innovation. In addition, "Service" is the "Social Function"; it is the Social role of the university that provides the link between the intellectual and educational role of universities on the one hand and the development of society on the other". However, carrying out these functions, no matter how they are expressed or put into practice ought to be interactive within the university and with society (Cabal, 1993/21).

It is important to establish new collaborative platforms to more effectively protect and conserve the global cultural heritage and address global challenges now and in the future especially by threats and disasters prevention and reduction as well as preventive conservation. The Universities should work together with the other governments, non-governmental organizations, the cultural heritage sector, communities, and other stakeholders on the national, regional and global levels within the main roles and responsibilities of universities to:

1. Strengthen the investment in research and educational opportunities; endeavor actively and independently towards the training of human resources and the pursuit of research necessary for international cooperation on cultural

heritage and its protection and conservation and making the results of this research widely available. Universities also should endeavor to ensure the appropriate treatment for researchers and other professionals and technicians, and the provision of well-equipped education and research facilities, so that the work and working environment of researchers and other professionals and technicians involved in international cooperation on cultural heritage shall appropriately reflect the importance of that work. In this regard, it is important to take into account respect for the independence of researchers, in addition to special features of research at educational and research institutions, when formulating and implementing matters related to educational and research institutions.

With respect to the role of education, education is the most powerful tool the world has in threats and disasters prevention. We should take a holistic view of education and emphasize learning at all levels of society from school-children to active professionals. We must address both formal education, through schools, and non-formal education, such as continuing education, community education...etc. Education also involves many stakeholders; governments, inter-governmental agencies, NGOs, civic society and the private sector and they all must also engage in threats and disasters reduction education (Rouhban, 2005/28).

2. Working in development, networking, exchange and the transfer of knowledge and resources globally for the intensive use them and working on the development of new preservation approaches and technological innovation in the field of conservation, threats and disasters prevention and preventive conservation.

For example some proposals for how universities can contribute to reduce damage, threats and disasters been suggested as:

1. Universities should not serve only as centers of knowledge development, but should also utilize that knowledge toward the mitigation and reduction of threats and disasters risk. It is often said that investing in disaster mitigation is much more economically efficient than spending the money once the disaster has happened. Policy makers must be taught about the need to invest in threats and disasters prevention and mitigation based on knowledge and scientific data in order to ensure that a budget will be allotted for disaster mitigation measures. Universities should play that part.

2. Universities and research organizations should exist as resources. The knowledge that universities possess related to disasters is critical to the recovery of a stricken area and heritage elements, and university campuses and buildings can be used as evacuation and restoration centers during a disaster. Effective threats and disasters prevention requires specialized knowledge

from a variety of fields. The university has the opportunity to demonstrate great leadership, both in threats and disasters prevention and during the disasters, through a system whereby we could strengthen and broaden the network of specialists involved in threats and disasters prevention, consolidate knowledge and resources, and return that back to society.

3. It is necessary to establish a coalition among organizations. Although each individual's activities are important, our threats and disasters relief efforts would be even more effective if based on cooperation among universities and researchers. Universities are presently places for the development of knowledge and knowledge transfer to students, but we also have to utilize this knowledge in threats and disasters prevention and recovery. A strong link to the local community is also necessary for effective threats and disasters prevention and relief. The cooperation with local communities should include the media, business, professional organizations, NGOs, and other civil society's organizations. By establishing coalitions, it becomes possible for the university to do research suited to the needs of a particular community (Bendimerad, 2005/21, 22).

3. Define a comprehensive system of recognition of high-level professional qualifications, validated by the public authority and defined by professional organizations of conservators-restorers, which are represented at the national, regional and global levels. This system must be based on the education level in conservation-restoration (university and recognized equivalent) and on the quality of the acquired professional experience and should make provisions in case of professional malpractice.

It is strongly suggested that a global cooperation of multinational enterprises and the world's leading universities and institutions to face the global challenges in conservation. For example, setting a global standard of excellence for pre-experience programs in conservation, restoration, management...etc, providing advanced education and research for professionals who aspire to play a leading role in the development and direction of enterprises in a global context.

These individuals will be –for example- outstanding in their:

1. High academic standards and professional skills.
2. Willingness to take responsibility within society.
3. Ability to perform effectively in a fast changing environment.
4. Knowledge of other world regions & cultures, empathy with different cultures, values and behaviors as well as dispositions towards respect and concern for other cultures and peoples.
5. Familiarity with international and global issues.

6. Skills in working effectively in global or cross-cultural environments, and using information from different sources around the world.

7. Ability to communicate in multiple languages.

4. Encourage responsible stewardship and advance sustainable national, regional and global conservation policies and strategies, including risk management and planning process (Aydan et al., 2006/7). Universities also must obligate to widely involvement in risk and emergency preparedness, advocacy, response, assessment, recovery, reconstruction and restoration (Miyahara, 2005/57), and commit to increased community engagement and raise public awareness regarding at-risk cultural heritage.

Cultural heritage preservation is carried out following international standards by organizations such as UNESCO, ICCROM, ICOM and ICOMOS, but it is also important to respect traditional indigenous principles and practices of building and conservation. It is very important to set more programs to increase awareness of the problems as well as interdisciplinary knowledge for effective conservation and management mechanisms. Universities can contribute in the following suggested ways:

1. Risk Analysis: risk analysis can predict damage to cultural heritage based on regional, environmental, and geographical data. For example, Cairo and some other important cultural heritage cities in Egypt are located near several fault lines, which puts all of their architectural structures in danger (e.g. earthquakes in October 1992 and November 1995) (Hanna, 2003/94). Research facilities concerned with preserving the whole structure and earthquake resistant reinforcement work established at universities are effective. In addition, it is necessary for universities to join forces with other organizations to preserve cultural heritage.

2. Analysis of Present Conditions Assessment and Damage Potential: this also an important role the university can play. In addition, at the university level, it is important to secure safe structures and construction and to make threats and disasters plan to minimize damages and to prepare for the reconstruction effort.

3. Framework for Regulation Management: Networks should be established to ensure that regulations are actually put into operation. It is important to create a threats and disasters prevention system with the cooperation of government agencies and NGOs to raise awareness and prepare for threats and disasters prevention training. We need to institutionalize disaster preparedness and response plans and practices through mock drills. In all the steps of planning and preparedness, e-governance can make a difference, with an integrated, efficient, and speedy approach to resource protection threats and disaster prevention (Ghosh, 2005/46).

4. Integrate cultural heritage issues and conservation projects with other sectors to provide a lever for social and economic development, such as playing a significant role in tourism development (Daniel et al., 2009 and Overton, 2000/1).

There is no doubt that Culture heritage and related projects are important factors in attracting businesses to locate to a particular area or region. There is evidence that businesses chose places for its skills, knowledge and creativity which is usually linked to a good sense of place as they want to situate themselves with other creative people. Nevertheless, in the other hand long counseled that the wider public benefits of heritage and related projects are difficult to present. It requires government to be engaged and for organizations interested in heritage to present evidence-based and well-structured arguments for its importance to society. For example, it is important to put values on tourism and culture. Rather, we need to demonstration participations: what do societies get in return? How do we take it beyond speechifying?

Discussion and Conclusion:

The global heritage that survives from the past is often unique and irreplaceable, which places the responsibility of preservation on the current generation. So that it is important to establish new collaborative platforms to more effectively, preserve this heritage and address global challenges now and in the future. Universities play vital roles and have great responsibilities towards this heritage and its protection and conservation. The role of universities may be characterized by the four notions of knowledge, innovation, capacity-building, and education or in other words “use knowledge, innovation and education to build a culture of safety and resilience at all levels. Universities should work in strengthen the investment in research and educational opportunities, endeavor actively towards the training of human resources and the pursuit of research necessary for international cooperation on cultural heritage and its protection and conservation, as well as endeavor to ensure the appropriate treatment for researchers and professionals, and the provision of well-equipped education and research facilities. Universities should also work in development, networking, exchange and the transfer of knowledge and resources globally and working on the development of new preservation approaches as well as defining a comprehensive system of recognition of high-level professional qualifications, validated by the public authority and defined by professional organizations.

Universities should be the leaders, should be the core to encourage responsible stewardship and advance sustainable national, regional and global conservation policies and strategies and to integrate cultural heritage issues

and conservation projects with other sectors to provide a lever for social and economic development. Again, universities should be the source of information dissemination taking into account that the adaptation of higher teaching to social needs is the main concern of institutions and individuals. Therefore there should be backing for the masses to have access to higher education giving them adapted scientific, cultural and civil training, and at the same time, linking higher education to society, the economy, and practical life.

In addition to its work on the development of new preservation approaches and technological innovation in the field of conservation and preventive conservation, the universities should consider several other roles and responsibilities at the national, regional and global levels. For example, universities should have widely involvement in risk and emergency preparedness and advocacy include:

Carrying out intensive threats and disasters prevention training with the community to increased community engagement and raise public awareness regarding at-risk cultural heritage, carrying out training and education based on everyday life and develop a volunteer training program for all universities' students, staff and faculty and volunteers groups. Universities' roles include also creating threats and disasters prevention plans for each type of possible threats and disasters for areas with specific problems such as coastal areas. This include emergency surveys with the goal of locating areas that are prone to threats and disasters, helping to create a plan to raise the capabilities of its people and create a map of evacuation routes, so that relief activities can quickly take place in threats and disasters cases for risk and emergency response, assessment, recovery, reconstruction and restoration.

As the multi-disciplinary approach to threats and disasters mitigation is essential, the universities must gain public trust in the knowledge and know-how it produces. They must instill self-reliance of governments, inter-governmental agencies and empower the members, NGOs and other civil society's organizations of the communities in which the culture heritage is at risk so that they can cooperate and deal with threats and disasters, and researchers must also demonstrate to officials and donor communities that threats and disasters prevention is cost effective. This includes supporting economic analysis that only researchers and universities are able to provide.

Further, we suggest that the world's universities - including universities in development countries (e.g. Egypt) - to work on establishment of some global courses in culture heritage and its protection and conservation to be considered internationally as a condition or provision for recognizing the university-level education. These courses may consists of a common global part regard-

ing the global culture heritage, threats it face and its protection and conservation as well as a local part regarding the local culture heritage in the given country which could be changeable from one country to the other.

Again, universities should work on establishment of more global exchange activities, which could include field visits and studies, training courses, workshops, websites and digital libraries in multi language...etc. It is important that universities develop a network of “universities without borders”, no borders with each other and no borders with the societies in the field of culture heritage and its protection and conservation issues.

Acknowledgements:

The author is very grateful to Ms. Saadet GUNER and Friends of Cultural Heritage (FOCUH), Associate Prof. Turan TAKAOĞLU and Çanakkale Onsekiz Mart University as well as the Organizing Committee of the World Universities Congress for their invitation and support to present and publish this paper. Thanks are also due to HH Pope Shenouda the Third; Higher Chair of Higher Institute for Coptic Studies and Prof. Dr Zahi Hawass Secretary General of Supreme Council of Antiquities, Egypt.

References

1. Aydan Sat, N., Gürer, N. and Gürel Üçer, A., 2006. Local Governments' Role in Conservation and Evaluation of Cultural and Historical Values: Beypazarı Case. *42nd ISOCaRP Congress*.
2. Ayton-Shenker, D., March 1995. The Challenge of Human Rights and Cultural Diversity, United Nations Department of Public Information, DPI/1627/HR, a digital copy at: <http://www.un.org/rights/dpi1627e.htm>
3. Bendimerad, F., 2005. Disaster Management and Restoration, In Cassim, M. (ed.), *What Must Universities Do in the Event of Disaster? Roles and Responsibilities*, International Symposium on Indian Ocean Tsunami Disaster Reconstruction Assistance, December 8-9, 2005 Ritsumeikan University, Kyoto, Japan, 21- 23.
4. Cabal, A., 1993. The University as an Institution Today, International Development Research Centre (IDRC), Ottawa.
5. Daniel, V., Hess Norris, D. and Assembly of The SGS Session 466; 2009. "Salzburg Declaration on the Conservation and Preservation of Cultural Heritage", The Salzburg Global Seminar (SGS) & the Institute of Museum and Library Services in Washington, D.C. (IMLS); 31 October 2009, Salzburg, Austria.
6. Ghosh, R., 2005. Protection Of Cultural Heritage From Natural Disasters, In Cassim, M. (ed.), *What Must Universities Do in the Event of Disaster? Roles and Responsibilities*, International Symposium on Indian Ocean Tsunami Disaster Reconstruction Assistance, December 8-9, 2005 Ritsumeikan University, Kyoto, Japan, 45 – 46.
7. Hanna, H., 2003 A Study in Treatment and Conservation of Turned Wood, with Practical Applications, Unpublished Ph.D. theses, Department of Restoration, Faculty of Archaeology, Cairo University (in Arabic).
8. Brochure of The International Project on Preservation of the Endangered Cultural Assets of the Traditional Egyptian Storytellers' Heritage and its Instruments and Tools-Phase one", UNESCO- ICOM-CC-Wood, Furniture and Lacquer, Cairo, Egypt, November 2007.

9. Abu Mena Archaeological Area, an Egyptian World Heritage in Danger, a Primary Investigation, in Hassan F., et al. (eds.), *Managing Egypt's Cultural Heritage* 'Proceedings of the First Egyptian Cultural Heritage Organization (ECHO) Conference on: Egyptian Cultural Heritage Management', Vol. 1, First edition, ECHO Discourses on Heritage Management Series No. 1, ECHO Publications & Golden House Publications, London, UK, p.p. 164 – 177 (in Arabic).
10. Miyahara K., 2005. Institutional Responsibility and Management, In Cassim, M. (ed.), *What Must Universities Do in the Event of Disaster? Roles and Responsibilities*, International Symposium on Indian Ocean Tsunami Disaster Reconstruction Assistance, December 8-9, 2005 Ritsumeikan University, Kyoto, Japan, 11-13.
11. Overton, J., 2000. Findings: Government's Role in Protecting our Cultural Landscapes. *Newfoundland Archaeological Heritage Outreach Program, 2000-2005*.
12. Rouhban, B., 2005. The role of research and educational institutions in natural disaster mitigation, with an emphasis on socio-economic issues, In Cassim, M. (ed.), *What Must Universities Do in the Event of Disaster? Roles and Responsibilities*, International Symposium on Indian Ocean Tsunami Disaster Reconstruction Assistance, December 8-9, 2005 Ritsumeikan University, Kyoto, Japan, 27- 29.
13. UNESCO, 1954-1999. Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict with Regulations for the Execution of the Convention 1954, The Hague.
14., 2003. Convention for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage, UNESCO, Paris.
15., 2005. Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions 2005, Paris.
16. The Intangible Heritage Lists, a March 25, 2010 digital copy at:
<http://www.unesco.org/culture/ich/en/lists/>
17. World Heritage Centre, 1972. Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage, UNESCO, WHC, Paris.
18. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention, UNESCO, WHC, Paris.
19. World Heritage List, v3.0, a March 30, 2010 digital copy at:
<http://whc.unesco.org/en/list>
20. World Monument Fund, 2010. World Monuments Watch list, a March 1, 2010 digital copy at: <http://www.wmf.org/watch/project-map>

*Шалаева А.В.,
СПбГУ, Санкт-Петербург*

БЕЗЛИКИЙ ЛИК МЕДИА КАК ТРИКСТЕРА. К ПОНЯТИЮ МИФА В МЕДИАФИЛОСОФИИ

Когда вверху не названо небо,
А суша внизу была безымянна...
(Аккадская поэма о сотворении мира)

*Shalaeva A.V.,
St.Petersburg State University, St.-Petersburg*

FACELESS FACE OF MEDIA AS TRIKSTERA. TO CONCEPT OF A MYTH OF MEDIA PHILOSOPHY

Abstract. In a myth of media the medium of a myth fills. Those structures which we call such concepts as "media" and "myth" are in many respects similar – they everywhere and anywhere, all and anybody, always and never. Not too simply to be risen to a reflection over them. However, such reflection is necessary, as we, making a media reality, understanding it we can understand is better, a society which surrounds us – having understood that left at us as though involuntarily, naturally.

Возьмем на себя смелость продолжить цитату из аккадской поэмы о сотворении мира, вынесенную в предисловие, таким образом: «...В пространстве между ними говорили медиа, и своим разговором объединяли эти фундаментальные оппозиции». Таким представляется образ медиа – безликий и вселикий, всегда и везде говорящий. Медиа действуют так, словно условия и действительно всегда таковы, они играют роль единственного посредника и даже самого коммуниканта. При этом люди неосознанно делегируют медиа право всегда и везде говорить другими, людьми говорят и видят, даже живут медиа. Всякое сообщение (живое, непосредственное, вовлекающее) проходит через некоего посредника, становится коммуникацией (она не вовлекает нас в общение непосредственно, органами чувств, но – дистанционно, изолированно) мы уже зачастую не видим как действительно говорящего (да и есть ли он вообще в бескрайнем потоке сменяющих друг друга медиа), так и посредника. Каково это самое медиапространство, в котором благодаря развитию информационных технологий мы сейчас живем?

Обратимся здесь к интересному примеру: ситуация теледискуссии представителей власти, насколько бы влиятельными они ни были, полностью регламентируется телевизионной программой – какими бы высокопоставленными ни были чиновники, когда в свое право вступает реклама на телеканале (или что бы то ни было вступает во владение своими законными местом-временем в телепрограмме), все остальные источники замолкают и нивелируются, хотя в данном случае политическая власть формально стоит выше СМИ, регламентируя (как оказывается – условно) все сферы жизни общества. Мы здесь не видим самих медиа, но они показывают нам то, что хотят показать, и видим мы лишь только это, тем самым медиа видят нами.

Таковыми предстают время и пространство медиа – время и пространство практически тотального господства, диктата посредника, которому по умолчанию делегированы полномочия высказывать мир (а иногда и просто выражать его шаржами печатных слов, других знаков и образов). Однако, продолжая эту мысль, отметим, что «медиа оказываются не столько посредником, сколько средой, включающей в себя то, что прежде противостояло друг другу: мир небесный и земной, субъективную и объективную реальность, индивида и общество»⁹⁵. За средой многочисленных медиа становится невозможно различить их как посредника. Каковы эти безликие, или ставшие для нас безликими, медиа, что имеют такую власть над человеком? Для ответа на этот вопрос включим в нашу рабочую область миф, при помощи категорий которого мы сможем дать по крайней мере одно из описаний медиа, неопределенность семантических границ которого говорит о сложности медиа как объекта рефлексии. Власть медиа может быть определена, например, властью некоего медиума в безликом лике вездесущих масс-медиа. «В мифопоэтической традиции медиум (жрец, колдун, шаман, трикстер) соединял основные семантические оппозиции: землю и небо, дух и тело и тем удостоверял их существование»⁹⁶.

Медиа как феномен современности все чаще фигурирует в языке (медиаиндустрия, медиареальность, медиапространство, медиаобразование и др), названиях сервисов и организаций («Газпром-Медиа», «Медиаактивист» и др.), а также в работах исследователей разных областей. Потому мы можем говорить о медиапространстве, или медиареальности. При этом, миф как, казалось бы, уже устаревший феномен

⁹⁵ Савчук В.В. Медиафилософия: формирование дисциплины / Медиафилософия. Основные проблемы и понятия / под редакцией В. В. Савчука. – СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2008. – С. 10.

⁹⁶ Там же. С. 8.

архаики также распространен в современной медиареальности. ««Сильные» жанры – триллер, фантастика, вестерн – всегда опираются на «сильные» мифы»⁹⁷. Безусловно, миф разворачивается не единственно в кинематографе, но и в окружающей нас реальности целом, которая с развитием информационных технологий стала медиареальностью. Именно поэтому возможно связанное рассмотрение медиа и мифа.

В общем контексте рассмотрения медиа и мифа, как проявляющихся друг друга явлений, интересно было бы обратиться к статье Э. Канетти «Превращение». Название говорит само за себя, речь в ней идет о превращении, подражании, притворстве, фигуре, маске, что может пролить свет на предмет нашего рассмотрения, тем более, что все эти структуры рассматриваются автором во времена царствования мифа и мифологического сознания. «Способность человека к превращениям, давшая ему столько власти над другими существами едва ли в достаточной мере замечена и понята. Здесь – одна из величайших загадок: каждый обладает этой способностью, каждый ее применяет, каждый считает это совершенно естественным, но лишь немногие отдают себе отчет в том, что ей они обязаны лучшей частью своего существа. Определить сущность превращения необычайно трудно, и подходить к нему нужно с разных сторон»⁹⁸. Сказанное имеет непосредственное отношение к особенности сущности мифа (как и медиа в некотором отношении), которая, хотя и поддавалась внешним изменениям с течением времени и переменой общественных устройств, все же продолжала выполнять свои функции по объединению коллектива, которое требует от человека именно превращения, а за ним – и подражания другим. Если взглянуть на современного человека в современном обществе, мы увидим их в таком же непрерывном потоке превращений, вызываемом множеством сменяющихся друг друга образов, транслируемых медиа и подгоняемых идеями моды, престижа, власти. Именно медиа теперь дают возможность человеку реализовать его способность к превращению, подгоняя непрерывной сменой транслируемых образов, распространяемых на всех видах медиа-носителей: СМИ, Интернет, реклама, и др. В этой гонке человек как коммуникант зачастую утрачивает непосредственные связи (сообщение) с другими и самим собой, но тем самым как раз включается в общество таких же коммуникантов, образующих вместе некое единство.

⁹⁷ Ямпольский М.В. Полемиические заметки об эстетике массового фильма: стенограмма заседания «круглого стола» киноведов и кинокритиков 12-13 октября 1987. М.: Союз кинематографистов, 1987. С. 31-44. С. 41.

⁹⁸ Канетти Э. Превращение // Проблемы человека в западной философии. М., 1988. С. 483.

Обратимся теперь к тому, как Э. Канетти описывает превращение. Первый шаг – предчувствия бушменов, знаменующие зачаточную форму превращения. «Бушмены издали чувствуют приближение человека, которого не могут еще ни слышать, ни видеть. Они чувствуют также приближение животного и могут показать на своем теле знаки, благодаря которым об этом узнают»⁹⁹. Сущностью данных явлений представляется то, что свое тело приравнивается к другому, хорошо знакомому, при этом собственная самотождественность сохраняется в превращениях. Следующие шаги – подражание и притворство. Подражание – это нечто внешнее, копирование движений того, что находится перед глазами, ничего еще не говорящее о внутреннем состоянии. Притворство – например, выказывать себя другом, имея враждебные намерения, при этом внутреннее хорошо спрятано за внешним. «Конечный продукт превращения – фигура. Дальнейшее превращение не допускается. Фигура ограничена и ясна во всех своих чертах. Она не природна, а является созданием человека. Это спасение из бесконечного потока превращений»¹⁰⁰. В качестве примера здесь можно рассмотреть некоторых причудливых египетских богов, в образах которых смешиваются человеческое и животное начала, а также тотемы – животные с человеческими душами. Далее следует маска – выступающая на место никогда не успокаивающейся, вечно подвижной мимической игры – неподвижность и застылость. Маска ясна, определена, конечна, неподвижна и может быть на одном лице не одна. Маска воздействует вовне, создает фигуру, она неприкосновенна и устанавливает дистанцию между собой и зрителем. Застылость формы и постоянство дистанции маски определяют ее завораживающий характер. Маску невозможно прочесть, она угрожает тайной, сгущающейся за нею. Власть маски заключается в том, что она в точности известна, но непонятно, что она в себе таит (то же можно сказать и о медиа). Она – своего рода медиатор между скрывающейся за ней тайной и зрителем. Необходимо помнить, что маску носят люди, прячущиеся за ней. Эти люди хорошо знают, что они такое, но их задача – разыгрывать маску и при этом оставаться в определенных, соответствующих маске границах, они в свою очередь боятся разоблачения, зная, что внушают страх, не имея на то оснований.

В данном контексте необходимо отметить непрерывность осуществления превращений в мире, где господствует мифологическое сознание. «Человек мог превращаться во что угодно; он умел также превращать других. Из этого общего потока выделились отдельные фигуры, пред-

⁹⁹ Канетти Э. Указ. соч. С. 483.

¹⁰⁰ Канетти Э. Указ. соч. С. 490.

ставляющие собой не что иное, как закрепление определенных превращений. Процесс превращения оказывается, таким образом, древнейшей фигурой»¹⁰¹. Этот принцип как нельзя верно отображает современное медиапространство, в котором бесчисленные образы, поставляемые вездесущими медиа, служат прототипами для потока единичных превращений, в котором живет современный человек. Его неостановимо влекут все новые и новые фигуры, штампуемые медиа, как возможные образы его самого. В этой ситуации человеком словно движет чувство голода по все новым и новым образам. Существенно отметить, что в новой виртуальной реальности субъект оказывается децентрированным, выступает под все новыми масками в одном и том же пространстве, как замечает Славой Жижек о виртуальной реальности и киберпространстве¹⁰².

Мир мифа активен по отношению к тем, кто в нем живет, он с ними взаимодействует, общается, что указывает на развитый навык превращения у мифологического субъекта. Здесь мы еще раз отметим сходство мира мифа и мира медиа в данном аспекте. При том, фигура эта используется не только по отношению к вещам непосредственно им наблюдаемым, но и к продуктам воображения. Это происходит оттого, что воображение, правящее в составлении представления о мире древними обществами, «не отделяет от своих образов и понятий их содержания, поэтому в мифе нет терминов»¹⁰³. Воображение мифологического субъекта накидывает на свои образы своеобразную деятельностную сетку (здесь и мифический символ «золотой цепи», которой Зевс самодержжно сковал целый космос), обуславливающую их взаимодействие самым близким и характерным для себя способом, а именно, способом поведения человека. Таким образом, мир приобретает человекообразный характер, становится живым и активным по отношению к людям, действующим и самостоятельным. При этом мифологический субъект не отслеживает свои превращения, формирующие его картину миропорядка. Они происходят произвольно и независимо от его воли. Кроме того, у каждой мифологической вещи, каждого явления есть имя подобное человеческим, а не название. В именовании мифологическим сознанием творится мир, имя отражает одухотворенность и самостоятельность окружающей действительности, к которой обращается человек. Все это рисует перед нами картину мира непостоянного, меняющегося под влиянием свободных действий своего воображающего «населения».

¹⁰¹ Канетти Э. Указ. соч. С. 491.

¹⁰² Жижек С. Киберпространство, или невыносимая замкнутость бытия // Искусство и кино. 1998. № 1.

¹⁰³ Голосовкер Я. Э. Логика мифа. – М.: Наук», 1987. С. 74.

Изменчивость и непостоянство облика мифа (как и облика медиа) дает нам возможность назвать его «мастером превращений» - так Э. Канетти именует трикстера (любимую фигуру мифов североамериканских индейцев), который может принять любой образ, какой только ему захочется, будь то образ зверя, духа животного или духа умершего. «Его власть основана на бесчисленных, доступных ему превращениях. Он поражает исчезновениями, нападает неожиданно, позволяет схватить себя, но так, что исчезает снова. Важнейшее средство исполнения им его удивительных деяний – все то же превращение»¹⁰⁴. Не напоминает ли нам это описание трудноуловимый образ мифологии наряду с превращающейся сущностью мифологического сознания, первая из которых всякий раз, подобно платоновскому софисту, ускользает от преследователей, неустанно следующих за ней? И не только лишь миф напоминает нам этот замечательный образ мастера превращений (или трикстера), но и современные медиа. Как ни странно, каждое слово, произнесенное нами ранее справедливо как для мифа, так и для медиа, поскольку последние так же тесно причастны подражанию и превращению, тем, что они видят, говорят и живут нами, превращают нас в среду медиа, таким образом и мы образуем медиареальность. Образ превращения часто встречается в самих мифах, например, морской старец Протей с множеством образов, в которые он воплощался, стремясь ускользнуть от крепко державшего его Менелая, пока Протей не обрел свой подлинный облик. Здесь, при разоблачении, точно известен результат и необходимо лишь терпение для того, чтобы спала последняя пелена мрака, отделяющая маски от подлинного лица. Однако, такое положение дел возможно только лишь при условии предварительного разоблачения (обладания знанием о действительной сущности вещи), усмотрения за множественностью масок и быстротой превращения некой единой, неизменной сущности. Так и медиа становятся предметом медиафилософии потому, что мы теперь не только онтологически причастны медиареальности, но и способны рефлексивно подходить к ней. Не единственно медиа видят нами, но и мы как исследователи способны увидеть медиа. Кроме того, фигура превращения является центральной и определяющей по отношению к статусу мифологии в сознании людей, а так же к реализации мифологии в обществе. Подлинность мифа – замечательный оксюморон, осуществление которого в смысле достоверности недостижимо вследствие кажущихся произвольности, рецептурности, одномоментности и непоследовательности мифологических

¹⁰⁴ Канетти Э. Указ. соч. С. 500.

установлений. Представления мифа и мифологии обществом всякий раз различны и переменчивы: это и истина в высшей инстанции, и религиозная система, и система миропорядка, и свод бесчисленных правил, и массив сказаний о древних богах, героях и сотворении мира, и недействительная фантазия, получившая распространение в обществе, и многое другое. Неизменной остается лишь коллективная направленность мифологии, ее тесное родство с обществом, давшим ей жизнь, поле для реализации и подпитывающим ее новыми силами. Реализация мифологии в обществе происходит именно благодаря ее способности к мимикрии, постоянной изменчивости, иллюзорной смерти и иллюзорному возрождению уже в новом облике, однако на старом основании для решения реальных, достойных уважения и изучения вопросов и проблем общества. В каком бы облике ни представляли перед нами миф и медиа: выдумки, фантазии, сказки, подлого обмана, средства управления, объекта веры – всякий раз это именно они, наделенные бесконечной способностью к коварному превращению в современных условиях медиа-реальности.

Множественность масок в превращении мифа в медиа и медиа в мифе указывает на их живость, существование не в качестве застывших конструктов, но изменчивых форм реализации человеческих отношений с миром. Так же как и все вышеперечисленное, человек обречен на превращения того или иного рода, на смену социальных ролей, выражающуюся в перемене стратегий общения с окружающими и поведения. Такие превращения не фиксируются в момент непосредственного протекания, но лишь «до» (как некий образ будущего), или «после» (как воспоминание и сопоставление точек-моментов прошлого с настоящим состоянием).

Значимой при рассмотрении превращения представляется фигура ритуала. Через нее возможен выход на связь фигур превращения времен древнего общества и настоящего. Характерной чертой ритуала является миропереживание в его перерождении, повторении сотворения мира. Повторяющаяся ситуация рождения мира есть условие его существования в форме близкой или равной моменту первичного рождения. Историческая связь с «детством» мира всякий раз удостоверяет в устойчивости и истинности мира. Несмотря на то, что эпоха повсеместного господства ритуалов миновала, эта фигура продолжает реализовываться и по настоящий день. Однако этому существенно препятствуют медиа. Увеличивая скорость передачи информации, принятия решений, перемещения, медиа делают крайне проблематичной возможность сохранения ритуалов как таковых в мире текучем, быстро меняющемся мире

децентрированного субъекта. В мифе медиа заправляет медиум мифа. Те структуры, которые мы именуем такими понятиями, как «медиа» и «миф» во многом схожи – они везде и нигде, все и никто, всегда и никогда. Не так уж просто подступиться к рефлексии над ними. Однако, такая рефлексия необходима, поскольку мы, составляя медиареальность, понимая ее можем лучше понять себя, общество, которое нас окружает – отрефлесировав то, что выходило у нас как бы произвольно, естественно.

*Шалаева С.Л.,
МарГУ, Йошкар-Ола*

СУБКУЛЬТУРА ДЕТСТВА В ЗЕРКАЛЕ МЕЖПОКОЛЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: СОВРЕМЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

*Shalaeva S.L.,
MarGU, Ioshkar Ola*

METAMORPHOSES OF THE RELATION OF GENERATIONS AND SUBCULTURE OF THE CHILDHOOD IN THE GLOBALIZED WORLD

Abstract. In article it is investigated problems of metamorphoses of relations of generations a little studied in socially-humanitarian knowledge in a modern globalized society. In particular, the problem of change of a direction of translation of experience of generations – from younger, more dynamical generations, to the senior generations is analyzed. Also growth of value of children's subculture in socialisation of rising generations and increase of influence of subculture of the childhood on culture of the adult world is analyzed.

В современном обществе можно констатировать возникновение и стремительное нарастание исключительно острых проблемных ситуаций в социальной, экономической, культурной, демографической и других сферах. Эти общественные изменения в науке именуются цивилизационным сломом. Человек живет сегодня в качественно ином пространстве открытых границ, находится под воздействием огромного прессинга информации, что определяет глубинные изменения его восприятия, сознания и мышления, потребностно-мотивационной и эмоционально-волевой сфер, пространства деятельности, ценностных аспектов бытия,

появление новых потребностей и новых возможностей их реализации. Особенности и характер всех этих процессов наиболее ярко проявляются в Детстве, когда формируются социально-психологические особенности человека и происходит формирование личности, происходят процессы социализации и индивидуализации, осваиваются нормы общества. Причем Детство мы понимаем в широком смысле – как период от рождения до становления полной социальной зрелости. Но Детство – это не только «невзрослое» состояние людей, не только определенная совокупность множества детей – объект воздействия мира Взрослых, но и особое целостно представленное социальное явление, имеющее определенное временное протяжение [7].

Необходимость междисциплинарного изучения детства в широком смысле как особой психосоциокультурной реальности, создание целостной картины представлений о специфике становления личности ребенка в обществе подчеркивалась многими учеными – Р. Заззо, Э. Эриксоном, Д.И.Фельдштейном, В.В. Абраменковой, В.Т. Кудрявцевым и др. Сегодня эта задача становится особенно острой.

Особую актуальность для сферы образования приобретает изучение феноменов субкультуры детства, которые позволяют понять традиционные формы и способы регуляции отношений в детских группах, содержательные трансформации их в детской среде в последние десятилетия, влияние их на специфику межпоколенных взаимодействий, а также влияние на мир Взрослых в целом.

Детская субкультура [лат. sub – под + cultūra – возделывание, воспитание, развитие] – в широком смысле – все, что создано человеческим обществом для детей и детьми, в более узком – смысловое пространство ценностей, установок, способов деятельности и форм общения, осуществляемых в детских сообществах в той или иной конкретно-исторической социальной ситуации развития [1]. Детская субкультура – вариант широко распространенного социального процесса трансляции культуры и социального опыта через соответствующие традиции, обычаи, ритуалы, а также посредством ритуалов. Носителем детской субкультуры является детское сообщество, формирующееся в силу половозрастной стратификации общества уже на ранних ступенях социогенеза и выполняющее важнейшие функции социализации ребенка.

Несмотря на то, что по отношению к общечеловеческой культуре детская субкультура занимает подчиненное место, можно говорить о ее относительной автономии. Канал передачи культурных ценностей в детской субкультуре – устный, из "поколения в поколение" сверстников. Посредством детской субкультуры удовлетворяются важнейшие

потребности ребенка: в изоляции от взрослых, в близости с другими людьми за пределами семьи, в самостоятельности, отстранении от групп сверстников, чуждых по духу, интересам и участию в социальных изменениях [3]. Действительно, обычно взрослые мало обращают внимания на долетающие до них отголоски жизни детского мира. Да и дети для своих игр и развлечений часто стремятся выбрать периферийные и достаточно закрытые территории, где они будут меньше подконтрольны: задний двор, пустырь, стройку. В деятельности детской игровой компании тоже есть много потаенных от взрослых сторон: это и традиционные шалости, и испытания храбрости, и посещение «страшных» мест, равно как и рассказывание страшных историй, строительство «штабов», изготовление «секретов» и тайников и многое другое.

Детская субкультура выполняет ряд других социальных функций, не осуществляемых или осуществляемых в недостаточной мере формальными социальными институтами. Это функции: 1) интеграции в детское сообщество путем предоставления неформальных правил поведения, 2) регуляции взаимодействий между детьми разного возраста, между полами, 3) адаптации в случае дополнения формальной организации детей, 4) удержания образца через трансляцию норм и собственное воспроизводство, 5) целедостижения, когда с помощью ее удовлетворяются потребности в признании, завоевании статуса, отличного от обязательных, формальных обязанностей ученика, ребенка в семье, 6) социального контроля самого детского сообщества над сохранением детства через средства ожидания, признания, отчуждения, остракизма, и т.п., но не через прямое принуждение [3].

Детская субкультура – это полиструктурное образование, которое включает в себя:

1) традиционные народные игры (хороводы, подвижные игры, военно-спортивные состязания и пр.);

2) детский фольклор (считалки, дразнилки, заклички, сказки, страшилки, загадки);

3) детский правовой кодекс (знаки собственности, взыскание долгов, мены, право старшинства и опекуинства в разновозрастных группах, право на использование выгодного в деятельности места);

4) детский юмор (потешки, анекдоты, розыгрыши, поддевки);

5) детская магия и мифотворчество ("колдовство" против везучего, призывание сил природы для исполнения желания, фантастические истории-небылицы);

6) детское философствование (вопросы типа "почему", рассуждения о жизни и смерти и пр.);

7) детское словотворчество (этимология, языковые перевертыши, неологизмы);

8) эстетические представления детей (составление веночков и букетов, рисунки и лепка, "секреты");

9) наделение прозвищами сверстников и взрослых

10) религиозные представления (детские молитвы, обряды);

11) детское коллекционирование- собирательство различных предметов, порой самых неожиданных;

12) так называемые «приколы», шалости по телефону [2; 1].

Анализ детской субкультуры как социокультурной системы позволяет нам выделить следующие ее специфические особенности:

1. Зависимость от культуры и относительная автономия.

Детская субкультура является частью, или подсистемой культуры общества, в целом придерживаясь ценностных установок мира взрослых, но всегда сохраняет относительную автономию и самостоятельность, которая проявляется прежде всего во внешней атрибутике и предпочтительных формах досуга.

2. Способность к сохранению и изменению.

Детская субкультура отличается консерватизмом (игры, шалости, фольклорные тексты сохраняются в детской среде иногда на протяжении столетий (!), несмотря на то, что смена поколений у детей происходит через каждые 5 лет), обладает своеобразными «цензурными фильтрами», не позволяющими расшатывать ее устои. Но при этом она гибко реагирует на события окружающего мира и ассимилирует новую информацию, вводит ее в традиционно-детские культуральные структуры. (Пример- считалки):

Классическая считалка: На золотом крыльце сидели

Царь, царевич, король, королевич,

Сапожник, портной – кто ты будешь такой

Отвечай поскорей, не задерживай добрый и верных друзей...

Современная считалка (навечно просмотром фильма ужасов о Фредди Крюгере):

Раз, два, три, четыре, пять,

Вышел мальчик погулять.

К дяде Фредди он пришёл,

Ноготок его нашёл.

Дядя Крюгер разозлился,

В руку мальчику вцепился.

Утром мальчик не пришёл -

Брат его искать пошёл...

3. Способность проявляться в общем и особенном.

Субкультуры детей разных стран обладают поразжающим исследователей сходством. Причиной этого сходства является общность природы детской психики, потребностей формирующейся личности ребенка, характера решаемых детьми возрастных и социально-психологических проблем. Однако они обладают и своими особенностями.

Пример: Детская игра с куклами во всем мире – проявление общего.

Особенное – особое место куклы в Японии. Кукла здесь – атрибут семейных ритуалов. Есть два праздника, специально посвященные куклам. В третий день третьего месяца японцы издревле – с XVII века – отмечают День девочек. Как и во время любого другого праздника следуют определенные церемонии, подбор нарядов с последующим выходом в свет, обмен визитами, вручение подарков, но главным событием праздника является организация в каждом доме, где есть девочки, своеобразной выставки кукол. В комнате устанавливают ступенчатую подставку, которую накрывают красной тканью. Эта подставка становится символической картиной императорского двора. На верхней ступеньке располагают две куклы, изображающие принца и принцессу в торжественном одеянии. Ступенькой ниже – три кукольных фрейлины (придворные дамы). Еще ниже – место для защитников двора, молодого и пожилого воинов-самураев. На четвертой ступеньке сверху располагаются музыканты: три барабанщика, флейтист и певец с веером в руках. Наконец, пятая ступенька отдана слугам. Один из них держит в руках туфли, второй – зонтик, третий – сосуд с освежающим напитком. Обычно этим выставка и ограничивается. Итого – 15 кукол на пяти ступеньках. Куклы для такого случая не покупают, хотя в магазинах можно отыскать великолепные их образцы. Обычно любимые куклы передают в семье по женской линии.

Второй праздник, связанный с экспозицией кукол, проводится в пятый день пятого месяца. Это – День мальчиков (ныне переименованный в День детей). Подарки и внимание оказывают всем детям без исключения, но истинными героями праздника становятся будущие мужчины. Соответственно, на обозрение на покрытом зеленой тканью стенде выставляются куклы, изображающие самураев в полном боевом облачении, фигурки боевых коней, миниатюрные изображения оружия, мечей, луков, копий

4. Способность быть продуктом идемиургом социального взаимодействия.

Детская субкультура является продуктом социального взаимодействия и коллективного творчества детей в свободном общении, играх,

познавательной деятельности в неформальных группах. При этом одна из важнейших функций детской субкультуры состоит в регуляции взаимоотношений между членами детского игрового сообщества и отношений с окружающим миром природы и миром взрослых.

5. Трансляция традиции по вертикали и по горизонтали.

Психологические предпосылки для передачи (трансляции) детской традиции создаются на основе возникающих на определенных возрастных этапах социальных и личностных потребностей детей, но обеспечивается трансляция традиции у детей по вертикали: от старших к младшим. Этому способствует обычный для спонтанно складывающихся детских игровых групп небольшой (в 2–3 года) возрастной разрыв в составе участников.

Сегодня представитель подрастающего поколения, особенно на верхних крайних рубежах эпохи детства - в период старшего или зрелого детства, по своей физиологии и объему знаний, которыми владеет, рано перестает быть ребенком. Но к миру взрослых он не будет принадлежать еще продолжительное время, так как не обладает необходимым уровнем самостоятельности и экономической активности. Он хочет принадлежать к миру взрослых, но не может этого сделать в полной мере. Он уже отошел от семьи, но в общество еще не вошел и вот как раз здесь и возникает необходимость использования высокого потенциала субкультуры детства как в определенном смысле доступной социальной площадки для поиска своего статуса, упражнения в исполнении разных ролей, накопления необходимых навыков. В онтогенетическом аспекте субкультура детства представляется как фаза развития, через которую должен пройти каждый. Ее сущность – поиск социального статуса. Здесь самые доступные социальные площадки для конкретных дел – сфера досуга, где можно проявить собственную самостоятельность: умение принимать решение и руководить, организовывать и организовываться. Досуг – это не только общение, но и своего рода социальная игра, отсутствие навыков таких игр в детстве приводит к тому, что человек и в зрелом возрасте считает себя свободным от обязательств.

В этом смысле субкультура детства обладает явно выраженной и все растущей в своей значимости социализирующей функцией, что уже подмечено учеными в таких терминах как «субкультура как стилизованный механизм социализации» [5], «неинституционализирующая социализация в субкультуре» [1], «детская субкультура как неинституционализирующий сектор детства» [3].

Динамичные изменения современного общества, к сожалению, сопровождаются негативными чертами. Демографический кризис в Рос-

сии уже несколько десятилетий проявляет себя в низкой рождаемости, высокой смертности, росте разводов, снижении числа браков и неотвратимо усиливает кризис современной семьи как основного социального института воспитания личности. Все более распространяющиеся идеи детоцентризма, усиленные демографическими проблемами, в данных условиях ведут к существенным деформациям внутрисемейных отношений, которые проявляются во взаимоотношении детей и родителей. Исследование детских рисунков семьи, проведенное В.В. Абраменковой, отмечает отсутствие в этих рисунках самих членов семьи, засилье телевизора и техники в домашней обстановке, изображения животных вместо людей, напряженные тона и невротическую заштриховку, что свидетельствует об ослаблении позитивных семейных связей, об одиночестве ребенка в семье, его эмоционально-психологическом дискомфорте [1].

В немалой степени это взаимоотношение объясняется резким сокращением объема общения родителей и детей. Результаты репрезентативного исследования, проведенного в ФРГ в 1986 году (Г.Крюсселберг, М.Ауге, М.Хильценбехер), позволяют в количественном отношении выразить дефицит времени родителей: в среднем в семьях с одним ребенком матери проводят со своими детьми 41 минуту в день, с двумя детьми – 59 минут, с тремя детьми и более – 129 минут. Приведенные данные варьируются в зависимости от возраста ребенка – единственному ребенку до трех лет в семье «посвящается» 189 минут, от трех до шести лет – 129 минут в день. Отцы в среднем общаются со своими детьми не более 20 минут в день [9]. Детское сообщество, которое было самым первым и наиболее древним институтом социализации ребенка, поскольку возникло еще в эпоху первобытности, - распадается. Совместная игра со сверстником перестает быть ведущим видом деятельности в детском возрасте. Нарастает кризис игровой культуры, что проявляется в ее значительном упрощении, вестернизации содержания и меркантилизации ее мотивов. Уходит правилосообразность игры и ее соотносимость с образом идеального взрослого.

Эти негативные изменения заметно усиливаются, накладываясь на феномен киберсоциализации человека (виртуальную компьютерную социализацию личности), под чем подразумевается локальный процесс качественных изменений структуры личности, происходящий в результате социализации человека в киберпространстве Internet-среды, т.е. в процессе использования его ресурсов и коммуникации с «виртуальными агентами социализации», встречающимися человеку в глобальной сети Internet (в первую очередь, в процессе переписки по e-mail, на форумах,

в чатах (имеется в виду IRC (Internet Relay Chat), блогах, интернет-пейджерах, телеконференциях и online-играх) [6].

На фоне масштабной телеэкранной и виртуальной социализации интенсивно идет разрыв между поколениями, когда передача социокультурного опыта идет не «из рук в руки», от старших (взрослых и детей) к младшим, а дистанционно, происходит глобальное отчуждение от живых носителей культуры в пользу «совокупного взрослого» и «совокупного сверстника» [1; 176-177]. Экран, внедряясь в детское сознание посредством особых эффектов, образов и технологий трансформирует ценностные ориентации и базовые потребности ребенка.

Сравнение социальной ситуации в России 70-80-х годов XX века с сегодняшней позволяет с полной очевидностью констатировать это возникающее и все более явно проявляющееся межпоколенное взаимотчуждение. Если советские дети были четко ориентированы на взрослых, их нормы и оценки, то сегодня дети (дети тех детей) ориентированы в большей степени на ценности и нормы сверстников. И это явление все нарастает- уже не только подростки, но и младшие школьники и даже дошкольники все чаще предпочитают ценности равных себе по возрасту. Происходит четкое разделение пространства взрослых и детей.

В 1988 году, когда впервые была переведена и издана на русском языке работа «Культура и преемственность» Маргарет Мид – американского антрополога, ученицы Франца Боаса. Она была первым этнографом, для которого мир детства стал основным и главным предметом исследования. Проводя полевые исследования на островах Океании, она собрала огромный материал о социализации детей в примитивных культурах. Проанализировав особенности социализации подрастающего поколения в примитивных культурах и в цивилизованном обществе, она создала теорию о специфике межпоколенного взаимодействия и выделила в человеческой истории три типа культур с точки зрения характера трансляции опыта между поколениями:

1) Постфигуративная культура – дети учатся у своих предков. Так, в патриархальном обществе, опирающемся на традицию и ее живых носителей, стариков, отношения возрастных групп жестко регламентированы, нововведения не одобряются, каждый знает свое место, господствуют чувства преемственности и верности традициям.

Постфигуративные культуры ориентированы на прошлое.

2) Кофигуративная культура – дети и взрослые учатся у равных, т.е. у своих сверстников. Влияние старших падает, а сверстников растет. Расширенная семья заменяется нуклеарной, поколеблена неизбежность традиций. Повышается значение юношеских групп, возникает особая

молодежная субкультура. Термин «кофигуративный» (приставка «ко» обозначает вместе, сообща) отражает факт сотворчества учителя и учеников.

Кофигуративные культуры ориентированы на настоящее и умеренный темп прогресса.

3) Префигуративная культура – взрослые учатся у своих детей. Такие культуры возникли с середины XX столетия и объединены электронной коммуникативной сетью. Они определяют новый тип социальной связи между поколениями, когда образ жизни старшего поколения не тяготеет над младшим. Темп обновления знаний настолько высок, что молодежь оказывается более сведущей, чем старики. Обостряются межпоколенные конфликты, молодежная культура перерастает в контркультуру.

Префигуративные культуры ориентированы на будущее и ускоренное движение. Жизнь в условиях префигуративной культуры поощряется человек с развитой индивидуальностью, творчески активный, способный, ориентируясь на будущее, прогнозировать, фантазировать, гибко переходить на новые виды деятельности даже в ситуациях неопределенности.

В середине XX века с трудом верилось в возможность прихода префигуративной культуры взаимоотношений взрослых и детей. Сейчас слова, написанные М. Мид еще в 60-х годах XX века, поражают гениальностью предвидения: «Сегодня же вдруг во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ.

Сегодняшние дети вырастают в мире, которого не знали старшие, но некоторые из взрослых предвидели, что так и будет. Те, кто предвидел, оказались предвестниками префигуративной культуры будущего, в которой предстоящее неизвестно» [4; 361].

Сегодня мы не только явно наблюдаем многочисленные проявления кофигуративной культуры передачи социокультурного опыта, но и констатируем стремительное распространение префигуративной культуры трансляции межпоколенного опыта. Сегодня можно говорить о наступлении *новой неклассической эпохи детства*, которой свойственны свои особенные черты. К числу позитивных изменений мира детства можно отнести: быстроту адаптации к динамичным изменениям общества, лег-

кость освоения технических средств, расширение материального мира ребенка, сближение позиции Взрослый-ребенок. Негативными изменениями можно считать: нестабильность и повышенную восприимчивость сознания и поведения ребенка, повышенную конфликтность в отношениях ребенка с миром взрослых, угасание традиций сюжетно-ролевой игры, утрату значительной части наследия детского фольклора, чрезмерную погруженность в виртуальный мир.

Вслед за российским психологом Б.Д. Элькониным, мы считаем состояние детской субкультуры, игры и детского сообщества важными индикаторами положения детства. Анализ детской субкультуры позволяет выявить ее главные трансформации – сужение игрового пространства детства, увеличение различий между субкультурными проявлениями на разных подпериодах Детства, о влиянии криминальной субкультуры на подростковую среду. В современном обществе возникает своеобразная оппозиция между культурой для детей и собственно культурой детей. Первая все больше пытается зафиксировать для детей определенное место, своеобразную «детскую площадку» под контролем взрослых. А между тем сегодня явно происходит перемещение локуса ориентации – личностной значимости для ребенка социальных групп принадлежности, специфического социального пространства, в котором осуществляется его развитие, – со взрослых на сверстников, начиная со старшего дошкольного возраста.

Постепенно взрослость перестает быть ценностью – мало того, детские психологические характеристики, образы, формы поведения и творчества (непосредственность, эмоциональность, «детскость» в творчестве и т.д.) все более проникают в мир взрослых. Игра как атрибутивная характеристика ребенка становится значимым занятием в мире взрослых, способствуя возникновению и быстрому распространению играизации, выполняющей роль самостоятельного социального и культурного воспроизводства [8]. Мы видим все больше примеров возведения Детства и его черт на пьедестал референтности. Психологи заговорили о синдроме Питера Пена у взрослых людей, а в Мире Взрослых распространяется Джейнизм как социальная установка на высокую оценку молодости, моду «быть молодым» и дискриминацию пожилых людей. Начинает распространяться модная техника движений – метод Фельденкрайза (фельденкрайз), предназначенная для восстановления взрослым человеком естественной грации и свободы движений, которой обладают все маленькие дети, чтобы двигаться с минимумом усилий и максимумом эффективности.

Можно констатировать растущее влияние видов досуга и отдыха в молодежной среде на мир взрослых. Растет интерес к экстремальным видам спорта. Среди них можно назвать – паркур (бег с преодолением препятствий), BMX (трюки на велосипеде), юнисайкл (катание на одноколесном велосипеде), бейсджампинг (прыжки с неподвижных объектов высотой от 40 м до километра), скейтбординг (катание на доске), сэндбординг (катание на доске по песку), вейкбординг (катание на доске за водно-моторным судном), сноубординг (катание на доске по снегу), серфинг (катание на доске по воде), кайтсерфинг (движение по поверхности воды на доске под действием силы тяги, развиваемой воздушным змеем) и др. Нарастает интерес и к экстремальным видам отдыха. Это, к примеру, – дайвинг, рафтинг (сплав по трудным водным участкам), геокэшинг (поиски кладов), параглайдинг (полеты на парашлане-крыле), парасалинг (полеты на парашлане за водно-моторным судном), руфинг (экскурсии по крышам), уличные или ночные гонки и др.? Очевидно именно поэтому линейка туристических предложений включает в себя услугу «Активный, экстремальный отдых», пользующуюся сегодня немалой популярностью.

В современном социально-гуманитарном знании набирает силу осознание того, что детство является реальностью, имеющей свою собственную субстанциональную природу, законы и логику развития, что это особая самоорганизующаяся реальность, которую необходимо изучать глубоко и целостно. Эта особенная природа детства с наибольшей силой начинает проявлять себя в ситуации глобализационной «смены времен», которой свойственна смена прежних онтологических статусов социальных институтов. Движимое этими процессами, детство из объекта воспитательного и образовательного воздействия взрослого мира, во все большей степени проявляет черты субъекта социальных отношений.

Детство не просто воспринимает мир взрослых и воспроизводит его модели мышления и поведения, но активно реагирует на мир взрослых, ставит перед ним все новые и новые задачи, прежде всего через своего рода «диктат развивающихся потребностей» [7; 213], заставляя считаться с собой и как с генеральным потребителем и как все более влиятельным проектировщиком развития общества и его институтов. Тем самым детство во все большей степени определяет задачи и цели взаимодействия со взрослыми, определяет направления их деятельности с ним. Развивая свой общественно значимый мир и расширяя субкультурное пространство своего мира в мире взрослых и их большом совместном мире, оно постепенно и все более решительно становится субъектом современной общественной жизни и его проекций в будущее. Все это

является показателем стремительно приближающегося глубинного конфликта смены онтологических статусов базовых социальных институтов общества, который придется решать уже нынешним поколениям

Литература

1. Абраменкова, В.В. Подростковая субкультура как пространство самореализации/ В.В. Абраменкова // Мир психологии. – 2008. – №1. – С.175-189.
2. Виноградов, Г.С. Русский детский фольклор/ Г.С. Виноградов. – Иркутск, 1990. – 195 с.
3. Майорова-Щеглова, С.Н. Детская субкультура – неинституционализированный сектор детства/ С.Н.Щеглова [Электронный ресурс].- Режим доступа:http://childos.ru/doc/child_sub_kult.pdf
4. Мид, М. Культура и мир детства. Избранные произведения/ М.Мид. – М.: Наука, 1989. – 429 с.
5. Мудрик, А.В. Социальная педагогика / А.В. Мудрик – М.: Академия, 2007. – 224 с.
6. Плешаков, В.А. Киберсоциализация человека в информационном пространстве/ В.А. Плешаков [Электронный ресурс].- Режим доступа :[http:// info-alt.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=85:2009-08-05-15-13-38&catid=4:2009-07-15-17-32-29&Itemid=5](http://info-alt.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=85:2009-08-05-15-13-38&catid=4:2009-07-15-17-32-29&Itemid=5)
7. Фельдштейн, Д.И. Сущностные особенности современного Детства и задачи теоретико-методологического обеспечения процесса образования / Д.И. Фельдштейн // Мир психологии. – 2009. – № 1 (57). – С.211-218.
8. Шалаева, С.Л. От игры к игризации: на путях к общественной деструкции/ С.Л. Шалаева// Человеческий капитал. – 2010. – № 7(19). – Часть 2. – С. 147-150.
9. Эверс, Х.-Д. Теневая экономика, нетоварное производство и неформальный сектор: Экономическое действие по ту сторону рынка и государства / Х.-Д. Эверс // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – Т.IV. –№ 4. – С. 135-149.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ЧАСТЬ 1. АКТУАЛЬНАЯ СИНЕРГЕТИКА

Бабосов Евгений Михайлович, доктор философских наук, академик, национальная академия наук Беларуси (НАН Беларуси), г. Минск.

Бранский Владимир Павлович, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург.

Бурак Петр Михайлович, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии и права, Белорусский государственный технологический университет (БГТУ), г. Минск.

Бурнашев Константин Эдуардович, кандидат философских наук, доцент, Марийский государственный технический университет (МарГТУ), г. Йошкар-Ола.

Войцехович Вячеслав Эмерикович, доктор философских наук, профессор, Тверской государственный университет (ТГУ), г. Тверь.

Горина Елена Валерьевна, ассистент, Марийский государственный технический университет (МарГТУ), г. Йошкар-Ола.

Дахин Андрей Васильевич, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и социологии, Волго-Вятская академия государственной службы (ВВАГС), г. Нижний Новгород.

Крысова Елена Витальевна, аспирант, Марийский государственный технический университет (МарГТУ), г. Йошкар-Ола.

Липатов Александр Тихонович, доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет (МарГУ), г. Йошкар-Ола.

Полищук Ростислав Феофанович, доктор физико-математических наук, профессор, Физический институт Российской академии наук (ФИАН), г. Москва.

Пожарский Святослав Дмитриевич, кандидат психологических наук, профессор, Санкт-Петербургская академия акмеологии (СПбАА), г. Санкт-Петербург.

Степанов Евгений Иванович, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра конфликтологии Института социологии Российской академии наук (ИС РАН), г. Москва.

Шалаев Владимир Павлович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социальных наук и технологий, декан факультета социальных технологий, Марийский государственный технический университет (МарГТУ), г. Йошкар-Ола – научный руководитель чтений и семинара.

ЧАСТЬ 2. ГЛОБАЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Бекарев Адриан Михайлович, доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет (ННГУ), г. Нижний Новгород.

Галискан Федат, доктор, доцент, Университет имени 18 марта г. Чанаккале, Турция.

Героева Ирина Петровна, аспирант, Марийский государственный технический университет (МарГТУ), г. Йошкар-Ола.

Мана Джорж Мел, доктор, профессор, г. Карела, Индия

Маслов Владимир Николаевич, кандидат технических наук, доцент, Волго-Вятская академия государственной службы (ВВАГС), Нижний Новгород

Мехмет Перинчек, научный сотрудник Института принципов Ататюрка и истории турецкой революции, г. Стамбул, Турция.

Пак Галина Станиславовна, доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет (ННГУ), г. Нижний Новгород.

Петрушков Михаил Георгиевич, исследователь, г. Душанбе, Таджикистан.

Фокин Владимир Андреевич, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой социально-педагогических наук, социологии и поли-

тологии, Тульский государственный педагогический университет (ТГПУ), г. Тула.

Фокин Игорь Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-педагогических наук, социологии и политологии, Тульский государственный педагогический университет (ТГПУ), г. Тула

Шалаева Анастасия Владимировна, студентка философского факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург.

Шалаев Владимир Павлович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социальных наук и технологий, декан факультета социальных технологий, Марийский государственный технический университет (МарГТУ), г. Йошкар-Ола – научный руководитель чтений и семинара.

ЧАСТЬ 3. АКТУАЛЬНАЯ НАУКА

Абдуллах Ал Мами, исследователь, Университет г. Плимут, Великобритания, Саудовская Аравия.

Акопян Карен Завенович, доктор философских наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), г. Москва.

Аннамайай Энди, исследователь, Университет г. Плимут, Великобритания.

Белов Евгений Александрович, кандидат социологических наук, доцент, Казанский юридический институт МВД России, г. Казань.

Васина Светлана Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, Марийский государственный технический университет (МарГТУ), г. Йошкар-Ола.

Гусева Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Марийский государственный технический университет (МарГТУ), г. Йошкар-Ола.

Грунин Юрий Борисович, доктор химических наук, профессор, Марийский государственный технический университет (МарГТУ), г. Йошкар-Ола.

Грунина Татьяна Юрьевна, кандидат биологических наук, научный сотрудник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ), г. Москва

Иванова Цветелина Стецкова, докторант Академии МВД, г.София, Республика Болгария.

Илиева Снежана Евлогиева, доктор психологических наук, профессор, Софийский университет, Республика Болгария.

Крысова Елена Витальевна, аспирант, Марийский государственный технический университет (МарГТУ), г. Йошкар-Ола.

Липатов Александр Тихонович, доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет (МарГУ), г. Йошкар-Ола.

Низова Людмила Михайловна, кандидат экономических наук, доцент, Марийский государственный технический университет (МарГТУ), г. Йошкар-Ола.

Павлович Е. С., преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург.

Ивета Паулова, Словацкий технический университет, г. Трнава, Словакия.

Мирослав Грнчар, Жилинский университет, г. Жилина, Словакия.

Ковалева Мария, магистр, кандидат наук, аудитор качества в социальной службе, Высшее учебное заведение здравоохранения и социальной работы им. св. Альжбеты, г. Скалица, Словакия.

Старыгина Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по учебно-методической работе, Марийский государственный технический университет (МарГТУ), г. Йошкар-Ола.

Тарбушкин Андрей Юрьевич, доцент, Марийский государственный технический университет (МарГТУ), г. Йошкар-Ола.

Тюленев Александр Иванович, кандидат социологических наук, доцент, Марийский государственный технический университет (МарГТУ), г. Йошкар-Ола.

Хэни Ханна, профессор, Международный Эксперт в области сохранения глобального культурного наследия, г. Каир, Египет.

Шалаева Анастасия Владимировна, студентка, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ) философский факультет, г. Санкт-Петербург,

Шалаева Светлана Леонидовна, кандидат философских наук, доцент, Марийский государственный университет (МарГУ), г. Йошкар-Ола.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо введения	5
------------------------------	---

Приветственное слово Председателя Государственного Собрания Республики Марий Эл, профессора Ю. А. Минакова	9
---	---

ЧАСТЬ 1. АКТУАЛЬНАЯ СИНЕРГЕТИКА

Бабосов Е.М. Создание новой архитектуры мироустройства на путях преодоления глобального кризиса: синергетический аспект.....	10
---	----

Бранский В.П., Пожарский С.Д. Роль самоорганизации социума и проблема глобализации	21
--	----

Бурак П.М. Ноосферное ожидание мировоззренческой безопасности постиндустриального общества	36
---	----

Бурнашев К.Э. Синергетическое прочтение социальных технологий.....	45
--	----

Войцехович В.Э. Современная научная картина мира: парадигмы и принципы	51
--	----

Горинова Е. В. Социальная интеграция мигрантов как фактор поддержания национальной безопасности страны приема: социально-синергетический подход	72
---	----

Дахин А.В., Данилова О.С., Денисов В.Н., Гусева В.А. Синергетическая основа когнитивной модели региональной динамики изменения состояния малого и среднего бизнеса	78
---	----

Крысова Е.В. Мироощущение глобальности: синергетический аспект	89
--	----

Липатов А.Т. «Тектология» А.А.Богданова как выдающийся вклад в создание научных основ социальной синергетики	95
---	----

Полищук Р. Ф., Чернавский Д.С., Старков Н.И. Борьба валют и синергетика	102
---	-----

Степанов Е.И.

Конфликтологический мониторинг и менеджмент
как необходимые синергетические компоненты современных
обществоведческих исследований 109

Шалаев В.П.

Синергетика как поле парадигмальных поисков современного
научного знания и практики: факторы актуализации..... 118

**ЧАСТЬ 2. ГЛОБАЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
СОВРЕМЕННОСТИ**

Бекарев А.М., Пак Г.С.

Еще раз о развитии капитализма в России: эффект глокализации..... 131

Галискан Ф.

Воздействие процесса глобализации и урбанизации
на традиционные коммерческие места в Турции..... 140

Героева И.П., Шалаев В.П.

Феномен потребительства в эпоху глобализации как предмет
социально-гуманитарного знания: синергетический аспект 152

Мана Джорж Мел

Корпоративная социальная ответственность: новые измерения
гарантии устойчивого развития в соответствии с целями ООН 158

Маслов В. Н.

Модели развития планетарного общества..... 167

Мехмет Перинчек

Турецко-армянский протокол: мир на Кавказе
или инициатива США? 175

Петрушков М.Г.

Сепаратизм, национализм, терроризм и экстремизм как пагубные
социальные последствия глобализации в XXI веке..... 182

Фокин В.А., Фокин И.В.

Социальная работа в условиях глобализации: сравнительные
аспекты (Россия и США) 192

Шалаева А.В

Университеты перед вызовами глобальных проблем
современности. Заметки о Первом всемирном университетском
конгрессе (Чанаккале, Турция, октябрь 2010)..... 200

Шалаев В.П.

Культурная идентификация и глобализация: на путях
к манипулятивному обществу 210

ЧАСТЬ 3. АКТУАЛЬНАЯ НАУКА

Абдуллах Ал Мами

Воздействие обучения служащих на производительность труда:
эмпирическое исследование строительного частного сектора
Саудовской Аравии 220

Акопян К.З.

Политическая власть как художественное произведение 226

Аннамайай Энди

Сделка знания через сети в SME's 244

Белов Е. А.

Научный дискурс по вопросам теневой занятости населения
как способ формирования понятийного аппарата 248

Васина С.М., Гусева С.В., Шалаев В.П., Вилиамс С., Рамтун Р.

Международные учебные проекты развития регионального
туризма (по итогам стажировки в США)..... 258

Грунин Ю.Б., Грунина Т.Ю.

Проблемы современного фундаментального образования
и науки России 264

Иванова Ц. С., Илиева С. Е.

Влияние личностных характеристик на выбор стратегий
преодоления профессионального стресса..... 268

Ильин В.И.

Социальная структуризация общества дефицита 272

Ковалева М.

Качество социальных услуг в Словакии..... 282

Липатов А.Т.

Речетворческие и текстообразующие особенности формирования
концепта «духовность» в повести Ильи Сургучева «Ночь» 286

Литвинский А.В.

Историческое самосознание современных белорусов:
варианты ценностной ориентации 298

Низова Л.М.

Институциональные аспекты рынка труда
в современной экономике 306

Павлович Е. С.

Социально-экономическая сущность зрелища 313

Паулова И., Гринчар М.

Опыт реализации модели САФ в университетах Словакии 323

Старыгина Н.Н.

«Богатырская симфония» русских писателей
(Н.В. Гоголь – А.К. Толстой – Н.С. Лесков) 331

Тарбушкин А.Ю.

Поиск идеологической парадигмы как проблема современной
российской публичной политики 344

Тюленев А.И.

Демократизация государственных институтов как фактор развития
рационального предпринимательства (на материалах
Республики Татарстан и Республики Марий Эл)..... 348

Хэни Ханна

Роль и обязанность университетов и организаций
наследия культуры в защите и сохранении
глобального культурного наследия 356

Шалаева А.В.

Безликий лик медиа как трикстера. К понятию мифа
в медиафилософии 371

Шалаева С.Л.

Субкультура детства в зеркале межпоколенных отношений:
современное измерение 378

Сведения об авторах 390